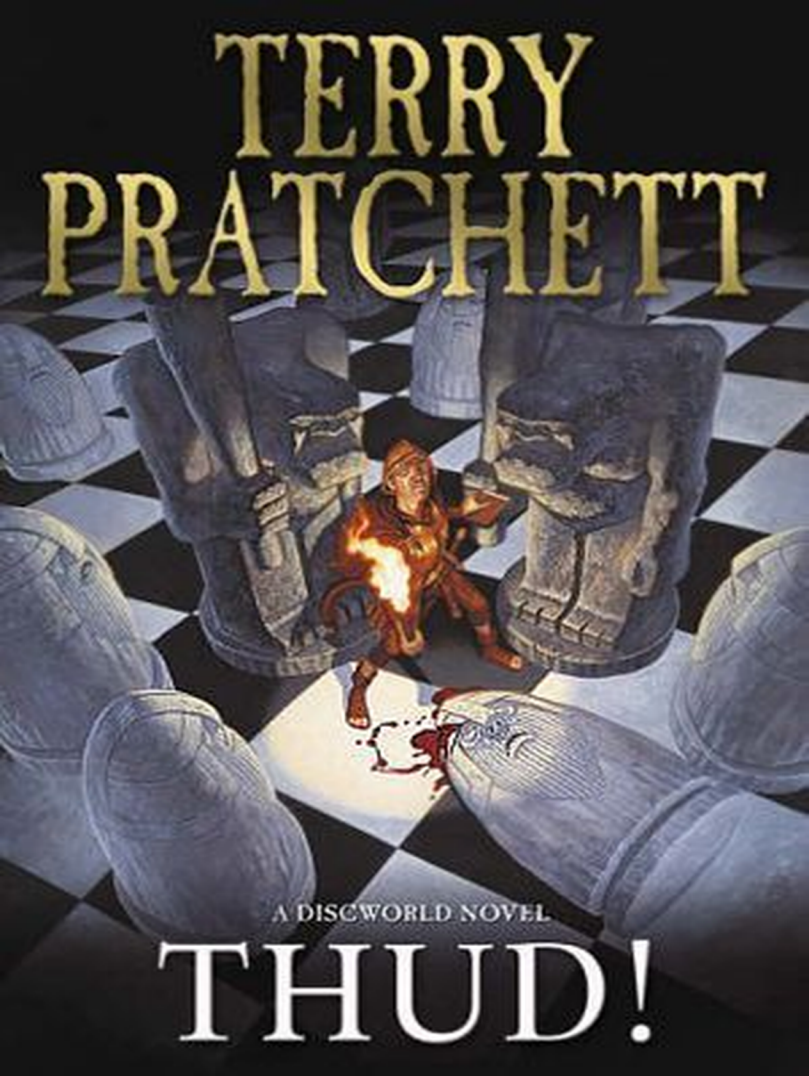
TERRY PRATCHETT



A DISCWORLD NOVEL

THUD!

Бац!
Терри Пратчетт

Аннотация

Аннотация

Странные события происходят в Анк-Морпорке в предверии дня Кумской Долины. Этот день — знаменательная историческая дата, которую отмечают два самых крупных расовых сообществ города — тролли и дварфы (гномы). Кумская Долина — узкая и каменистая долина в Овцепикских горах, по которой протекает своенравная река Кум.

Давным-давно, тысячу лет назад в этой долине дварфы устроили засаду на троллей, или же тролли устроили засаду на дварфов. Нет, конечно, они сражались друг с другом со дня сотворения, но именно после Битвы при Кумской Долине их взаимная ненависть приобрела официальный статус и привела к развитию разновидности мобильной географии. Любая схватка дварфа с троллем становилось «Битвой при Кумской Долине». Даже простая потасовка в пивнушке становилась продолжением Кумской Долины.

«Первое, что сотворил Так, написал он себя.
Второе, что сотворил Так, написал он Законы.
Третье, что сотворил Так, написал он Мир.
Четвертое, что сотворил Так, написал он пещеру.
Пятое, что сотворил Так, написал он жеод, каменное яйцо.
И в сумерках пещеры яйцо проклюнулось и родились Братья.
Первый Брат пошел на свет и стоял под открытым небом.
Так он стал слишком рослым. Это был первый Человек. Он не нашел Законов и стал просветлевшим.
Второй Брат пошел в темноту и стоял под каменными сводами. Так он достиг правильных размеров. Это был первый Дварф. Он нашел Законы, что начертал Так, и стал протемневшим.
Но в разбитом каменном яйце еще оставалась частичка живого духа Така и она стала первым троллем, который явился в мир незваным и непрошеным, без

души и целей, без познания и понимания. Убоявшись и света и тьмы, ковыляет он вечно в сумерках, ничего не знающий, ничему не научившийся, ничего не создавший, ничем не являющийся...»

— из ‘Тд Так ‘Тар (То, что начертано Таком) пер. Проф. В.В.В Дикокровный, издательство Пресс Незримый университет, Анк-Морпорк. В оригинале, последний параграф процитированного текста выглядит добавленным значительно позже.

[1] *Тот, кого горы не сокрушат*
Тот, кого солнце не остановит
Тот, кого молот не разобьет
Тот, кого пламя не устрашит
Тот, кто вознес голову выше сердца своего — Он есть Алмаз.

Бац…

…с этим звуком тяжелая дубинка соприкоснулась с чьей то головой. Тело дернулось и завалилось назад. Дело было сделано, никем неуслышанное, неувиденное: идеальный конец, идеальное решение, идеальная история. Но, как говорят гномы, за любой бедой стоит тролль.

Так что тролль увидел.

Начало дня было замечательным. Он знал, что очень скоро все станет по другому, но хотя бы в течении этих нескольких минут можно было делать вид, что этого не произойдет.

Сэм Ваймс брился сам. Это был его ежедневный бунт, подтверждение того, что он оставался… скажем… просто Сэмом Ваймсом.

По правде сказать, он брился в огромном особ-

---

[1] Примечания: 1

Перевод троллийских пиктограмм, вырезанных на базальтовой плите, найденной в глубочайшей анк-морпорской паточной шахте. Возраст надписи — 500 тысяч лет, был установлен свино-паточным методом.

няке, в то время, как его дворецкий зачитывал выдержки из Таймс, но это была всего лишь… обстановка. Из зеркала на него по прежнему глядел Сэм Ваймс. Плох же будет тот день, когда он увидит в зеркале герцога Анк-Морпоркского. «Герцог», это всего лишь название должности, ничего больше.

— Большинство новостей посвященно текущей… дварфийской ситуации, сэр — произнес Вилкинс, в то время как Ваймс преодолевал сложную область под носом. Он до сих пор брился прадедушкиной бритвой, которой можно было перерезать глотку. Это была еще одна зацепка с действительностью. Кроме того, в те времена сталь была намного лучше. Сибил, которая проявляла странный энтузиазм к современным приспособлениям, постоянно предлагала ему приобрести одну из тех новейших бритв с маленьким демоном внутри, который очень быстро стриг своими маленькими ножницами, но Ваймс продолжал упорствовать. Если кто-либо и будет водить лезвием перед его лицом, то это будет он сам.

— Кумская долина, Кумская долина — пробормотал он своему отражению — что нового?

— Ничего существенного, сэр — сказал Вилкинс,

переворачивая первую страницу. — Вот статья о том выступлении Скальта Мясодробилки. Пишут, что впоследствии происходили беспорядки. Несколько дварфов и троллей получили ранения. Общественные деятели призвали население к спокойствию.

Ваймс стряхнул немного пены с лезвия. — Ха! Бьюсь об заклад, они призвали. Скажи, Вилкинс, когда ты был мальчишкой, много приходилось драться? Состоял в какой-нибудь уличной банде или вроде того?

— Я имел честь принадлежать к Грубым Парням с Поддельно-Самогонной улицы, сэр — ответил дворецкий.

— Правда? — сказал Ваймс, по настоящему впечатленный — Они были довольно крепкие орешки, как мне помнится.

— Благодарю вас, сэр — спокойно ответил Вилкинс. — Я горжусь, тем, что всегда давал больше сдачи, чем получал, при обсуждении спорных вопросах о территориях с парнями с Канатной улицы. Я помню, что их любимым оружием были портовые крюки.

— А вашим? — спросил Ваймс, с искренним любопытством.

— Шляпы, с зашитыми в их поля заточенными

пенни, сэр. Повседневная вещь, отлично помогающая справиться с неприятностями.

— Ничего себе, приятель! Да такой штукой можно и глаза лишить!

— Если постараться, сэр. — спокойно ответил Вилкинс, тщательно складывая полотенце.

И сейчас ты стоишь здесь в своих полосатых брюках и сюртуке дворецкого, лоснящийся как сало и жирный как кусок масла, подумал Ваймс, вычищая под ушами. А я — герцог. Как все меняется в мире.

— Слышал ли ты когда-нибудь, как кто-нибудь говорил — давайте устроим беспорядки?

— Никогда, сэр.

— Я тоже. Такое только в газетах случается. — Ваймс взглянул на перевязанную руку. Несмотря на перевязку, она беспокоила.

— Там упоминается, что я лично принимал участие в арестах?

— Нет, сэр, Но там говорится, что противоборствующие стороны были разделены отважными действиями стражи, сэр.

— Они так и написали — «отважными»? — спросил Ваймс, все еще вычищающий под ушами.

— Именнно так, сэр.

— Что ж, отлично — угрюмо согласился

Ваймс. — А они написали, что два офицера были доставлены в Независимый Госпиталь и один из них был довольно серьезно ранен?

— Как это ни странно, нет, сэр. — ответил дворецкий.

— Хех, как всегда. Ну что же, продолжай.

Вилкинс кашлянул особым дворецким кашлем. — Вам стоило бы опустить бритву, сэр, перед следующим сообщением. У меня были проблемы с ее Светлостью из-за того пореза на прошлой неделе.

Ваймс со вздохом осмотрел свое отражение и убрал бритву. — Хорошо, Вилкинс, давай самое плохое.

Позади него послышалось шуршание газеты. — Заголовок на третьей странице гласит: «Офицер-вампир в Страже?», сэр. — произнес дворецкий и осторожно отступил назад.

— Черт! Откуда они узнали?

— Не могу знать, сэр. Там написано, что хотя вы и не поощряете вампиров в Страже, но тем не менее проведете собеседование с рекрутами сегодня. Там написано, что этот вопрос бурно обсуждается.

— Не перейти ли нам сразу к восьмой странице? — мрачно предложил Ваймс. За его спиной

газета снова зашелестела.

— Ну? — сказал он — Это там они обычно печатают глупые политические карикатуры, так ведь?

— Вы положили бритву, сэр? — спросил Вилкинс.

— Да!

— Возможно, было бы неплохо, если бы вы также отошли от умывальника, сэр.

— Там карикатура на меня, не так ли… — угрюмо сказал Ваймс.

— Действительно, сэр. Она изображает маленького нервничающего вампира и вас довольно, если можно так сказать, большого, большего, чем в жизни, сэр, нависающего над столом и сжимающего деревянный кол в правой руке. Карикатура озаглавлена — «Как насчет того, чтобы вести слежку, сидя на жердочке?» Сэр, это юмористическая игра слов — с одной стороны речь идет об обычной полицейской работе…

— Думаю, что я уловил смысл. — устало ответил Ваймс. — Как насчет того, чтобы сгонять в редакцию и выкупить оригинал карикатуры прежде, чем это сделает Сибил? Каждый раз, когда газеты помещают карикатуру на меня, она приобретает ее оригинал и вешает в бибилотеке!

— Мистеру, эээ… Физзу удалось поймать портретное сходство с вами, сэр. — признал дворецкий. — К сожалению, ее Светлость уже проинструктировала меня посетить редакцию Таймс с тем же поручением.

Ваймс застонал.

— Более того, сэр, — продолжил Виликинс — ее Светлость выразила пожелание, чтобы я напомнил вам, что Юный Сэм и она встречаются с вами в студии Сэра Джошуа, ровно в одиннадцать. Картина находится на очень важном этапе, как я понимаю.

— Но, я…

— Она выразилась очень определенно, сэр. Она сказала, что если коммандер полиции не может себе позволить тратить время на себя, то кто может?

* * *

В тот день в 1802 году, художник Методия Плут был разбужен посреди ночи звуками борьбы, идущими из ящика его прикроватного столика.

* * *

И вот опять…

Подвал освещался единственным тусклым светильником, который придавал темноте разные структуры и отделял тени от еще более темных теней.

Фигуры были еле заметны. Нормальный глаз не смог бы определить, кто из них говорит.

— Об этом лучше молчать, понятно?

— Молчать? Он мертв!

— Это касается только дварфов! И не предназначено для ушей Городской Стражи! Стражникам здесь места нет! Хочет ли кто-нибудь из нас видеть их здесь?

— Но в страже есть дварфы — офицеры…

— Ха! Д'ркзза. Они слишком долго были на солнце. Солнце превратило их в низкорослых людей. Разве они еще думают по дварфийски? И Ваймс будет все время докапываться и размахивать глупым старьем, который они называют законами. Почему мы должны попускать такое насилие? К тому же, это никакая не загадка. Только тролль мог сделать такое, согласны? Я сказал, мы согласны?

— Это то, что произошло. — сказала фигура, голос был высокий и старческий и, по правде сказать, неуверенный.

— Конечно это был тролль. — ответил другой

голос, точно такой же как и предыдущий, но обладающий большей уверенностью.

Последующая пауза была подчеркнута вездесущим звуком насосов.

— Это мог быть только тролль. — повторил первый голос. — Разве не говорят, что за каждым преступлением стоит тролль?

Когда Коммандер Сэм Ваймз прибыл на работу, перед Домом Стражи в Псевдополис Ярде собралась небольшая толпа. Вплоть до сих пор утро было солнечным и прекрасным. Оно все еще оставалось таким же солнечным, но было уже далеко не прекрасным. В толпе виднелись плакаты. «Кровососы — вон!» — прочел Ваймз и — «Нет клыкам!» Лица обратились к нему со зловещим и полу-испуганным вызовом.

Он выругался сквозь зубы, но и только. Рядом с ним стоял Отто Шрик, иконографер Таймс, с унылым видом держащий в руках зонтик.

— Тебе то что здесь надо, Отто, — спросил Ваймс — пришел заснять первоклассные беспорядки?

— Это новости, коммандер — ответил Отто, разглядывая свои ослепительно сияющие ботинки.

— И кто же предупредил тебя?

— Я фсего лишь делаю снимки, коммандер — сказал Отто, подняв голову и глядя с обиженным

выражением лица — Ф любом случае, я не сказал бы, даже если бы знал, поскольку у нас «Сфоботта Слоффа».

— Свобода подливать масла в огонь, ты имеешь в виду — настойчиво продолжал Ваймс.

— Да, для фас сфоботта повернулась таким боком — ответил Отто — никто не гофорил, что она хороша для фсех.

— Но… Ты же сам вампир! — сказал Ваймс, указывая на плакаты — тебе нравится, что из этого раздули?

— И тем не менее, это тоже нофости… — кротко ответил Отто.

Ваймс снова взглянул на толпу. Она в основном состояла из людей. Среди них был один тролль, хотя он, скорее всего, присоединился из общих соображений, просто поучаствовать в событиях. Вампиру понадобится дрель и очень много терпения, прежде чем он сможет причинить троллю хоть какой-нибудь вред. И все же было кое-что хорошее во всем происходящем, если можно так говорить — это маленькое шоу отвлекло внимание народа от Кумской Долины.

— Странно, что они ничего не имеют против тебя, Отто — сказал он немного успокаиваясь.

— Я не официальное лицо, — ответил Отто — у

меня нет меча, нет значка. Я никому не угрожаю. Я фсего лишь делаю свою работу. И еще, я фызываю у них смех.

Ваймс уставился на Отто. Он никогда раньше не думал об этом, но — да, это так… Маленький суетливый Отто, в своей театральной черной, подбитой алым шелком накидке со множеством карманов, в которых он держит все принадлежности, в сияющих черных ботинках, с тщательно подстриженными волосами на лбу и, не в последнюю очередь, со своим забавным акцентом, который проявляется сильнее или слабее в зависимости от того, с кем он говорит, он совсем не выглядит угрожающим. Он выглядит забавно — шуточный, оперетточный вампир. Ваймсу никогда раньше не приходило в голову, что шутку сыграли со всеми остальными. Будь смешным и тебя перестанут бояться.

Он кивнул Отто и вошел внутрь здания, где около слишком высокой конторки дежурного офицера на ящике стояла сержант Шельма Малопопка, на ее рукавах сияли новенькие нашивки. Ваймс сделал себе мысленную заметку сделать что-то с этим ящиком. Некоторые полицейские — дварфы принимали его слишком близко к сердцу.

— Я думаю, что пара ребят снаружи была бы кстати, Шельма. Ничего провоцирующего, всего лишь маленькое напоминание народу, что мы следим за порядком.

— Не думаю, что нам это понадобится, мистер Ваймс — ответила дварфка.

— Я не желаю видеть в Таймс картинки, изображающие толпу, протестующую против первого рекрута вампира в Страже, сержант — жестко сказал Ваймс.

— Я так и подумала, что вы не захотите, сэр — ответила Шельма — поэтому я попросила Ангуа присмотреть за ней. Полчаса назад они прошли через черный ход. Ангуа показывает ей задние. Думаю, что они сейчас внизу в раздевалке. — Ты попросила Ангуа? — сказал Ваймс с замирающим сердцем.

— Да сэр? — Шельма сразу насторожилась. — Что-то не так, сэр?

Ваймс уставился на нее. Она замечтальный и аккуратный офицер, размышлял Ваймс, хотел бы я иметь двух таких, как она. И она заслуживает повышения, еще как заслуживает! Но она ведь из Юбервальда, напомнил себе Ваймс. Она должна помнить об… отношениях между вампирами и оборотнями! Возможно, что все это моя вина. Это

я говорю им, что независимо от расы, полицейский, прежде всего полицейский.

— Что? Все так. Скорее всего, что так.

Вампир и оборотень в одной комнате, думал Ваймс, поднимаясь по лестнице в свой кабинет. Что же, им придется договориться. И это только первая из наших будущих проблем.

— И я отвела мистера Пессимального[2] наверх в комнату для собеседования. — сказала ему вслед Шельма.

Ваймс остановился на полпути.

— Пессимального?

— Государственный инспектор, сэр? — сказала Шельма — тот, о котором вы мне говорили?

О, да, подумал Ваймс. Вот и вторая наша проблема.

Политика! Она всегда полна ловушек для любого честного человека, и Ваймс так и не смог к этому приноровиться. В одну из таких ловушек он попал на прошлой неделе в кабинете лорда Ветинари, во время обычной дневной встречи.

---

[2] Примечания: 2

pessimal (пессимальный) [антоним «оптимальный», образованный сходным образом от латинского корня] — прил. Максимально скверный. "Пессимальная ситуация." Глагольная форма «пессимизировать» означает делать самым плохим способом из всех возможных. Оба эти слова являются очевидными антонимами слов «оптимальный» и «оптимизировать». (прим. переводчика)

— Ах, Ваймс — обратился Его Светлость к входящему Ваймсу — Как любезно, что вы пришли. Не правда ли, сегодня великолепный день?

Был, подумал Ваймс, пока я не заметил в комнате тех двоих.

— Вы звали меня, сэр? — он снова повернулся к Ветинари — на Водной улице проходит демонстрация Силиконовой Анти-Клеветнической Лиги и уличное движение до самых Малейших Ворот застопорилось… -

— Я уверен, что движение может подождать, коммандер.

— Да, сэр, в этом то и проблема, они как раз заставляют ждать…

Ветинари вяло отмахнулся и заявил:

— нагруженные повозки, запрудившие улицу, являются признаком прогресса.

— Только символически, сэр — парировал Ваймс.

— Что ж, во всяком случае, я уверен, что ваши сотрудники справятся сами. — ответил Ветинари, кивком показывая на пустое кресло. — У вас их так много нынче. Столько расходов… Прошу вас, садитесь, коммандер. Вы знакомы с мистером Джоном Смитом?

Один из людей на противоположной стороне

стола вынул трубку изо рта и одарил Ваймса маниакально дружелюбной улыбкой.

— Боюсь все жжжжже, что мы не имели удовольствия познакомиться — сказал он, протягивая руку. Невозможно преодолеть расстояние в два раза превышающее, ваш рост, но Джон Смит умудрился это сделать.

Пожать руку вампиру? Да ни за что на свете, подумал Ваймс, даже если этот вампир одет в грубый пуловер ручной вязки. И вместо рукопожатия он отдал честь.

— Рад встрече, сэр — сказал он твердо и выпрямился. Пуловер выглядел ужасно. Он был украшен тошнотворным зигзагообразным узором, выполненным в странных, неуместных тонах. Пуловер был похож на подарок, связанный тетушкой — дальтоником, вещь, которую вы не решились бы выбросить, опасаясь, что мусорщики поднимут вас на смех и запинают ваш мусорный бак.

— Ваймс, мистер Смит является… — начал Ветинари.

— Президентом Анк-Морпоркского отделения Юбервальдской Лиги Воздержания — продолжил Ваймс. — И, я уверен, что леди рядом с ним — это миссис Дорин Подмиггинс, казначей общества.

Они здесь по поводу принятия вампиров в Стражу? Опять?

— Да, Ваймс, по этому поводу — сказал Ветинари — и да, опять. Может нам всем лучше присесть? Ваймс?

Спасения не было, Ваймс сознавал это, возмущенно опускаясь в кресло. Сегодня он проиграет. Ветинари загнал его в угол.

Ваймс знал все доводы за то, чтобы в Страже принимали представителей различных рас. Это были хорошие доводы. Немногочисленные доводы против приема, были плохими. Среди стражников были тролли, предостаточно дварфов, один оборотень, три голема, Игорь и, не в последнюю очередь, Шнобби,[3] так почему не взять вампиров? Лига Воздержания была настоящей. И вампиры, носящие Черную Ленточку Лиги (Ни Одной Капли!) были настоящими тоже. Вполне вероятно, что вампиры, отрекшиеся от крови, могли быть слегка странными, но они были сообразительны и умны и потому представляли потенциальную ценность для общества.

---

[3] Примечания: 3

Ваймс должен был признать, что по отношению к Шнобби это было несколько неуважительным. Шнобби был человеком, как и многие другие офицеры. Но он был единственным из них, кто был вынужден носить сертификат, подтверждающий это.

И Стража была наиболее заметным правительственным органом в городе. Так почему бы не подать пример? Потому, ответила израненная, но все еще сопротивляющаяся душа Ваймса, что ты, черт побери, ненавидишь вампиров! Не надо уклончивости, не надо всяких экивоков вроде: «общество этого не примет» или «еще не время». Ты, черт побери, ненавидишь вампиров, а в Страже, черт побери, хозяин ты!

Все трое продолжали пристально смотреть на него. — Мистер Ваймс, — сказала миссис Подмиггинс — мы не могли не заметить, что фы все еще не наняли никого из наших членов в Страшшу…

Почему бы тебе не сказать Стража? — подумал Ваймс. Я знаю, что ты можешь. Пусти эту букву алфавита в свою жизнь. Попроси у мистера Смита лишние буквы, у него их больше, чем нужно. В любом случае, у меня есть новый повод для отказа. Это условия полицейской работы.

— Миссис Подмиггинс — громко произнес Ваймс — ни один вампир и не пытался вступить в Стражу. Они просто психически не подходят для полицейского стиля жизни. И я — коммандер Ваймс, с вашего позволения.

Маленькие глазки миссис Подмиггинс заблестели в праведном гневе. — О, так вы заяфляете,

что вампиры… глупы?

— Нет, миссис Подмиггинс, я заявляю, что они умны. И именно в этом заключаются ваши проблемы. С чего бы такие умники захотели ежедневно рисковать своими яй… головой всего за 38 долларов в месяц, плюс довольствие? У вампиров есть блеск, они образованны, у них есть приставка фон перед фамилией. Существуют сотни занятий для вампиров, намного лучших, чем патрулирование улиц. Что вы хотите от меня, чтобы я силой тащил их в Стражу?

— А разве нельзя сразу предложжжить им офицерское звание? — спросил Джон Смит. Его лоб покрылся потом, а с лица не сходила маниакальная улыбка. Ходили слухи, что Обет давался ему нелегко.

— Нет. Все начинают с уличного патрулирования — ответил Ваймс. Это не совсем соответствовало истине, но вопрос задел его за живое. — А также с ночных дежурств. Это хорошая школа, лучшая, что мы можем предложить. Для начала пусть новобранец проведет неделю дождливых ночей на улицах, когда с земли поднимаются испарения и вода стекает тебе за шиворот, а из темноты доносятся странные звуки… И вот тогда то мы и увидим, настоящий ли он полицейский…

-

Не успел он произнести эти слова, как ему все стало ясно. Он попался. У них уже есть кандидат!

— Что ше, это хорошая нофость — сказала мисис Подмиггинс, откидываясь на спинку кресла.

Ваймс захотелось встряхнуть ее и закричать: Дорин, да ты то не вампир! Да, ты вышла замуж за одного из них, но он стал вампиром уже в те времена, когда стало невозможным даже представить себе, что он мог бы захотеть укусить тебя! Все вампиры, следующие обету и носящие Черную Ленту стараются вести себя нормально и ненавязчиво! Никаких развевающихся плащей, никакого кровопускания и уж конечно, никаких срываний ночных сорочек с юных девиц! Все знают, что Джон Совсем-Не-Вампир Смит был когда-то графом Варго Сен Грюет фон Вилинус! А теперь он курит трубку, носит отвратительные свитера, коллекционирует странности и собирает модели человеческих органов из спичек, потому, что по его мнению, хобби придают ему человечности. Но ты, Дорин? Ты же родилась на улице Кокбиль! А твоя матушка была прачкой. И никто не смог бы сорвать с тебя ночнушку без помощи подъемного крана! Ты так увлеклась, что даже стараешься выглядеть в большей степени

вампиром, чем они сами. А когда ты разговариваешь, твои фальшивые клыки клацают.

— Ваймс?

— Ммм? — Ваймс осознал, что разовор продолжается.

— У мистера Смита есть хорошие новости — сказал Ветинари.

— Да, это так. — сказал Джон Смит маниакально улыбаясь — У нас есть кандидат для вас, коммандер. Вампир, который хочет вступить в Стражжжу!

— К тому ше ночь не будет яфляться проблемой — торжествующее заявила Дорин — мы и ест ночь!

— Вы хотите сказать, что я должен… — начал было Ваймс, но Ветинари быстро прервал его.

— О нет, коммандер. Мы полностью уважаем вашу независимость на посту главы Стражи. Несомненно, вы должны принимать только тех, кто по вашему мнению удовлетворяет всем требованиям. Все, что я прошу, это побеседовать с кандидатом, во имя законности.

Да, верно, думал Ваймс. И тогда вести политические дела с Юбервальдом станет проще, если можно будет сказать, что у нас даже в Страже служат вампиры с Черной Лентой. А если я отправлю

этого типа восвояси, мне придется объяснять причину. И объяснение — я просто не люблю вампиров, вот и все — не пройдет.

— Конечно — ответил Ваймс вслух — пришлите его ко мне.

— На самом деле «он» это «она» — сказал Ветинари и кинул взгляд на свои бумаги — Салация Делоресиста Аманция Тригестара Зельдана Малифи… — Он остановился, перевернул несколько страниц и продолжил — я думаю, что мы можем перескочить через часть имен, но последним идет фон Хампединг. Ей пятьдесят один, однако — добавил он быстро, прежде чем Ваймс успел ухватиться за это открытие — для вампира это не возраст. И она предпочитает, чтобы ее называли Салли.

* * *

Раздевалка казалось слишком маленькой, несмотря на ее размеры. Сержант Ангуа старалась не дышать. Просторный зал, вот что ей сейчас нужно, а еще лучше открытый воздух. Ей необходимо было пространство, чтобы дышать, вернее, чтобы не дышать этим вампиром.

Черт бы побрал эту Шельму! Ангуа было неудобно отказаться и все, что она могла теперь делать

— это фальшиво улыбаться, терпеть и бороться с непреодолимым желанием вцепиться в горло девушки зубами.

Она наверняка осознает, что делает, думала Ангуа. Вампиры прекрасно знают, что излучают эту естественную непринужденность, они так уверенны в себе в любой компании, они везде как дома, а все остальные чувствуют себя в их присутствии неловкими и второсортными. Боже ж ты мой, зовите меня Салли, как же!

— К сожалению — громко сказала Ангуа, борясь с встающими дыбом на затылке волосами — здесь несколько тесновато — Она закашлялась — ну, вот и все. Не волнуйся, здесь всегда так пахнет. Да, можешь не закрывать шкафчик на замок, все ключи одинаковые, а если постучать по дверке в нужном месте, то она сама откроется. Не стоит хранить в шкафчике ценности, здесь слишком много полицейских. И не особо расстраивайся, если кто-нибудь положит туда святую воду или осиновый кол.

— А это может произойти? — спросила Салли.

— Не может — ответила Ангуа — а точно произойдет. Я, например, привыкла находить ошейники и собачьи бисквиты в своем шакфчике.

— И ты подавала жалобы?

— Что? Нет! Мы никогда не жалуемся — резко сказала Ангуа, мечтая только о том, чтобы остановить вдох прямо сейчас. Она была уверена, что ее волосы уже все перепутались.

— Но я думала, что Стража…

— Послушай, это не имеет никакого отношения к тому, кто ты… то есть, кто мы — ответила Ангуа — если ты дварф, то в твоем шкафчике может оказаться пара ботинок на высоких платформах или складная лесенка, или что-нибудь еще, хотя в последнее время такие вещи случаются значительно реже. Каждый через это проходит. Это полицейские штучки. А затем они будут следить, что ты станешь делать, ясно? Никому нет никакого дела до того, кто ты — тролль, дварф или гном, или зомби, или вампир — почти никакого, добавила она про себя — но нельзя позволять им решить, что ты нытик или ябеда. А печенье, по правде говоря, было действительно вкусным… Да, ты уже встречала Игоря?

— Встречала и не раз — ответила Салли.

Ангуа выдавила из себя улыбку. В Юбервальде Игори встречались на каждом шагу. А уж, если ты был вампиром… — А как насчет нашего Игоря?

— Не думаю, что встречала.

Вот как. Отлично. Обычно Ангуа избегала лабо-

раторию Игоря, потому что лабораторные запахи были либо болезненно химическими, либо слишком вызывающе органическими, но сейчас она вздохнула с облегчением. Ангуа направилась к двери в лабораторию с несколько невежливой поспешностью и постучала.

Дверь, скрипя, открылась. Какую бы дверь не открывал Игорь, она всегда скрипела. Это был их профессиональный прием.

— Привет, Игорь — весело поздоровалась Салли — давай шесть!

Ангуа оставила их за дружеской беседой. Игори всегда были естественно услужливыми, а вампиры естественно властвующими. Поэтому, они идеально подходили друг к другу. А она наконец-то сможет уйти и подышать свежим воздухом.

* * *

Дверь открылась.

— Мистер Пессимальный, сэр — сказала Шельма, пропуская в кабинет Ваймса мужчину чуть выше себя ростом. — и вот ваш экземпляр Таймс.

Мистер Пессимальный выглядел чистюлей. В сущности, он был больше, чем просто чистюля. Казалось, что он весь состоит из отглаженных складочек. Костюм у него был дешевым, но очень

чистым, а его маленькие ботиночки блестели. Волосы у него блестели тоже и даже сильнее, чем ботинки. Они были разделены по середине пробором и были так прилизаны, что казались нарисованными на голове.

Ветинари сказал, что все городские службы необходимо регулярно проверять. И нет никаких причин, по которым Стража должна быть исключением. В конце концов, именно она съедает большую часть городских денег.

Ваймс возразил, что о съеденных деньгах говорят тогда, когда они уходят в канализацию. «Тем не менее», ответил Ветинари, и ничего больше. Невозможно спорить с «тем не менее». Итогом этого разговора стал мистер Пессимальный, идущий навстречу Ваймсу.

Он приближался, сверкая. Ваймс не мог подобрать другое слово для описания. Каждое его движение было таким… отточенным. Могу поспорить, что у него квадратный бумажник и очки на шнурке, подумал Ваймс.

Мистер Пессимальный усадил себя в кресло, стоящее перед столом Ваймса и открыл портфель. Замки на портфеле щелкнули, как два выстрела судьбы. С некоторой церемонностью он надел пару очков на черном шнурке.

— Вот письмо от лорда Ветинари с моими полномочиями, Ваша Милость — сказал он, передавая Ваймсу листок бумаги.

— Благодарю, мистер… А. И. Пессимальный — сказал Ваймс, кидая взгляд на листок и откладывая его в сторону. — Чем могу быть полезен? И, между прочим, на работе ко мне обращаются Коммандер Ваймс.

— Мне понадобится кабинет, Ваша Милость. И доступ ко всем документам. Как вы знаете, мне было поручено предоставить Его Светлости полный обзор и анализ всех расходов и доходов Стражи, а также внести предложения об улучшениях каждого аспекта вашей деятельности. Ваше сотрудничество было бы весьма желательным, но не является необходимым.

— Ах, предложения по улучшению? — жизнерадостно сказал Ваймс, в то время, как стоящая креслом инспектора сержант Малопопка, в ужасе зажмурилась. — Это просто великолепно! К тому же я всегда славился своей способностью к сотрудничеству! Кстати, я упоминал вам о своем отношении к титулам или нет?

— Да, Ваша Милость — чопорно произнес А.И.Пессимальный — и тем не менее, вы — Герцог Анкский и обращаться к вам по другому было бы

неуместным. Я чувствовал бы себя невежливым.

— Понятно. И как же мне следует обращаться к вам, мистер Пессимальный? — спросил Ваймс. Уголком глаза он заметил, как на другой стороне комнаты почти незаметно приподнялась половица.

— А.И. Пессимальный будет звучать приемлимо, Ваша Милость — сказал инспектор.

— И что означает А? — спросил Ваймс и быстро отвел взгляд от половицы.

— Это только А, Ваша Милость — терпеливо сказал А.И.Пессимальный.

— То есть вам при рождении дали не имя, а только инициалы?

— Да, это так — ответил человечек.

— Как же тогда вас зовут друзья?

А.И.Пессимальный посмотрел так, как будто в этом предложении было слово, которое он не понимал. Ваймсу даже стало его немного жаль.

— Итак, в вашем распоряжении будет сержант Малопопка — сказал он с фальшивой жизнерадостностью. — Сержант, подыщите мистеру А.И. Пессимальному какую-нибудь комнату и предоставьте ему любые документы, какие потребуются.

И чем больше бумаг, тем лучше, думал Ваймс.

Можете похоронить его в бумагах, лишь бы это помогло держать его подальше от меня.

— Благодарю вас, Ваша Милость, мне также необходимо опросить несколько полицейских.

— Для чего? — спросил Ваймс.

— Чтобы быть уверенным во всеобъемлемости моего отчета — спокойно ответил А.И.Пессимальный.

— Я и сам могу рассказать все, что вам нужно. — сказал Ваймс.

— Конечно, Ваша Милость, но так расследование не ведется. Я должен работать совершенно самостоятельно. Quis custodiet ipsos custodes, Ваша Милость?

— А, это я уже слышал — отозвался Ваймс — кто будет проверять проверяющего? Я буду, мистер Пессимальный.

— А кто будет проверять вас, Ваша Милость? — спросил инспектор с легкой улыбкой.

— Тоже я. Я и так этим все время занимаюсь — ответил Ваймс — уж поверьте.

— Разумеется, Ваша Милость, однако, именно меня направили сюда, чтобы представлять общественные интересы. Я постараюсь не мешать вам.

— Очень хорошо с вашей стороны. — сдался

Ваймс. Он и не представлял, что так сильно раздражал Ветинари в последнее время. Похоже, что тот решил сыграть в одну из своих игр. — Чувствуйте себя как дома, правда ненадолго, надеюсь. А сейчас прошу меня простить, очень занятое утро, со всеми этими кумскими долинами и прочим. Заходи, Фред!

Этому трюку он научился у Ветинари. Посетителю было трудно настаивать на своем, когда в комнату входил следующий проситель. К тому же Фред ужасно потел в жаркую погоду, он был настоящим чемпионом по потению. Удивительно, за все эти годы Фред так и не догадался, что если встать прямо за дверью кабинета, то одна из половиц в комнате Ваймса слегка приподнимется.

Половица опустилась и дверь распахнулась.

— Как вам это удается! — бодро проговорил сержант Колон — я как раз собирался постучаться.

Ну да, после того, как подслушал все, что смог, подумал Ваймс. Но все же, ему было приятно заметить, как мистер А.И.Пессимальный покрутил носом.

— Что ты хотел, Фред? Нет, не беспокойся, мистер Пессимальный уже уходит. Можете идти, сержант Малопопка. Доброго утра вам, мистер Пессимальный.

Как только инспектор, сопровождаемый Шельмой, вышел из комнаты, Фред Колон снял шлем и вытер лоб.

— Опять жара — сказал Фред — кажись, гроза собирается.

— Да, Фред. И что конкретно тебе нужно? — сказал Ваймс, раздумывая, как дать понять Фреду, что несмотря на то, что обычно ему всегда рады, но именно сейчас Ваймсу не до него.

— Э… Что то эдакое мутится в городе — убедительно и четко произнес Колон, как будто он заучил эту фразу наизусть.

Ваймс вздохнул — Фред, ты имеешь в виду, что происходит что-то странное?

— Это все дварфы, сэр. Я имею в виду наших парней, сэр. Они что-то замышляют. Куда ни глянь, повсюду сбиваются в кучки и о чем то шепчутся. А как подойдешь к ним, так сразу прекращают шептаться и смотрят на тебя эдак. Даже сержанты, сэр. Ну а троллей, как и следовало ожидать, это все раздражает.

— Мы не допустим повторения Кумской Долины в этот ответственный момент, Фред — сказал Ваймс — я знаю, что город бурлит в связи с годовщиной битвы, но я обрушусь как тонна кирпичей на любого полицейского, кто попытается про-

вести историческую реконструкцию у нас в раздевалке. Он и мигнуть не успеет, как окажется сидящим на своей заднице прямо посреди улицы. Постарайся донести до всех мою позицию.

— Слушаюссэр! Да ведь я не о том, сэр. Мы все и сами это знаем — ответил Фред Колон — тут что-то другое, чего еще ни разу не было! Это все плохо пахнет, я носом чую. Дварфы что-то скрывают и они не хотят об этом говорить.

Ваймс засомневался. Фред Колон не имел особых полицейских талантов. Он был слишком медлительным, флегматичным и не обладал хорошим воображением. Но он так долго патрулировал улицы города, что проложил на них колею и внутри этого жирного и глуповатого полицейского был спрятан еще один, очень смышленный, который держал нос по ветру, подхватывал все слухи и замечал надписи на стенах, хоть и читать их ему приходилось по складам.

— Возможно все дело в том чертовом Мясодробилке, из-за него ребята взбаламутились, Фред. — сказал Ваймс.

— Я слышал, как они произносили это имя на своем языке, да, сэр, но там есть что то еще, клянусь. Очень серьезное, я нутром чую.

Ваймс задумался, насколько можно считать

нутро Фреда вещественным доказательством. Вряд ли вы сможете использовать его в суде, но для любого полицейского, шестое чувство такого проженного уличного ветерана как Фред, имело очень большое значение.

Он спросил — Где Моркоу?

— Его нет, сэр. Ему достались вторая и утренняя смены на Паточношахтной дороге. Все сейчас работают по две смены, сэр — с укоризной добавил Фред.

— Увы, Фред, ты же знаешь, это необходимо. Слушай, я поручу ему это дело, когда он появится. Он дварф, ему то они все расскажут.

— Боюсь, что он может оказаться чуток высоковат, чтобы расслышать шепот, сэр — ответил Колон странным голосом.

Ваймс склонил голову набок — С чего ты это взял, Фред?

Фред покачал головой — просто чувствую, сэр — в его голосе зазвучали оттолоски воспоминаний о былых днях и нотки безнадежности — Как было хорошо, когда в страже были только вы, я, Шнобби и малыш Моркоу, эх... В те дни мы все знали кто есть кто. И мы знали, что думает каждый из нас.

— Да Фред, все, о чем мы тогда думали, это

«лишь бы нам повезло, хоть разочек»- сказал Ваймс — Слушай, я знаю, что у нас у всех нервы на пределе, но вам, старшим офицерам, нужно держаться. Как тебе твой новый кабинет?

Колон оживился — Очень нравится, только за дверь стыдно.

Поиск производственной ниши для Фреда Колона был проблемой. Он производил впечатление человека, который, падая со скалы, мог зависнуть в воздухе, чтобы уточнить направление. Для того, чтобы оценить его, нужно было знать настоящего Фреда Колона. Молодые полицейские его не знали. Все, что они видели, это трусливого, глуповатого толстяка, которым, честно говоря, он в большей степени и являлся. Но это было далеко не все, чем он являлся. Фред стоял на пороге пенсии, но не хотел этого. Ваймс смог обойти эту проблему, назначив его, ко всеобщему изумлению, на пост Офицера-Опекуна[4] и дав ему кабинет в здании Полицейской Школы через дорогу, которое было и возможно всегда будет известно, как бывшая лимонадная фабрика. Ваймс подбросил ему работу офицера по связи с общественностью

---

[4] Примечания: 4

"Старина Фред подумал, что Ваймс сказал Офицер-Выпекун и попросился добровольцем!" — шутили сослуживцы. Вот образец канцелярского юмора, который и не должен быть по настоящему смешным.

потому, что это хорошо звучало и никто не знал, что это такое. Он также дал ему в помощники Шнобби, который был еще одним неуместным ископаемым в современной полиции.

И это работало. Шнобби и Колон знали каждую улицу в городе и могли посоперничать в этом с самим Ваймсом. Они прогуливались по городу, как будто без особой цели и не представляя из себя никакой опасности, они наблюдали, они прислушивались к городским эквивалентам дикарских тамтамов. И, случалось, что тамтамы сами приходили к ним. А однажды, уютный маленький кабинет Фреда превратился в пивоварню, где дамы, засучив рукава, замешивали бочки Сарсапарели, «Малиновой лавы» и имбирного эля. С тех пор на огне всегда кипел чайник и кабинет Фреда стал домом для всех его старых приятелей — отставных полицейских и старых пер… некоторые из них были и теми и другими одновременно — куда они с удовольствием заглядывали, выбираясь из под каблуков своих жен, и Ваймс радостно подписывал счета за съеденные пончики. Оно того стоило, старые полицейские все замечали и сплетничали, как прачки.

Теоретически, в настоящее время единственной проблемой в жизни Фреда, была дверь в его

кабинет.

— Гильдия Историков требует, чтобы мы сохранили столько подлинного материала, сколько возможно, Фред — сказал Ваймс.

— Я знаю, сэр, но… «Комната Чепухи», сэр? Ну в самом то деле?

— Зато латунная табличка красивая, — ответил Ваймс — и мне сказали, что так называется смесь, из которой делается безалкогольный сироп. Это важный исторический факт. А табличку можно прикрыть сверху бумагой.

— Мы так и сделали, но ребята отворачивают бумагу и посмеиваются.

Ваймс вздохнул. — Разберись с этим Фред. Если уж старый сержант не может с этим разобраться, то мир поистине стал странным местом. На этом все?

— Хм, да, сэр. Почти… -

— Давай уж, Фред. День обещает быть тяжелым.

— Вы слышали когда-нибудь о Мистере Сияющем, сэр?

— Это средство, которым ты чистишь особо грязные поверхности? — спросил Ваймс.

— Э… Что, сэр? — спросил Колон. Никого другого нельзя было поставить в тупик с такой легко-

стью, как Фреда Колона. Ваймс устыдился.

— Извини, Фред. Нет, я не слышал о мистере Сияющем. И что?

— Ммм… да ничего особенного. «Мистер Сияющий, Он есть Алмаз!» В последнее время я часто вижу эту надпись на стенах. Тролльское граффити, глубоко высеченное в камне. Похоже, что тролли его вовсю обсуждают. Может быть это что то важное?

Ваймс кивнул. Рискованно игнорировать надписи на стенах. Иногда, таким образом город пытается сообщить вам если не о том, что кипит в его уме, то, по меньшей мере, о том, что разбивает ему сердце.

— Ну что же, продолжай собирать слухи, Фред. Я надеюсь, что ты не дашь обсуждениям превратиться в перебранку. — с удвоенной жизнерадостностью сказал Ваймс, пытаясь прибодрить сержанта. — А теперь я должен встретиться с нашим вампиром.

— Удачи, Сэм. Я думаю, денек будет долгим.

Сэм, подумал Ваймс, когда старый сержант вышел. Ради всех богов, он имеет на это полное право. Однако, он называет меня Сэмом только тогда, когда по настоящему встревожен. Также как и мы все сейчас. И нам ничего не остается,

как ждать, когда кот в мешке зашевелится.

Ваймс раскрыл экземпляр Таймс, оставленный Шельмой на его столе. Он всегда просматривал газету на работе, чтобы выцепить новости, которые Вилкинс посчитал небезопасными для прослушивания во время бритья. Кумская Долина, Кумская Долина… Ваймс развернул газету — Кумская Долина выглядывала из каждого абзаца. Проклятая Кумская Долина. Черт бы побрал это несчастное место, хотя похоже, что он уже давно это сделал. При ближайшем рассмотрении, это была всего лишь каменистая пустошь между горами, одна из многих. Теоретически, она находилась очень далеко, но в последнее время казалось, что она переместилась значительно ближе. Кумская Долина теперь была не географическим местом, а состоянием ума.

Если обратиться к голым фактам, то это была местность, где в один печально знаменитый день под несчастливыми звездами дварфы устроили засаду троллям или тролли устроили засаду дварфам. Насколько Ваймс понимал, они сражались друг с другом со дня сотворения, но именно после Битвы при Кумской Долине эта взаимная ненависть приобрела официальный статус и привела к развитию разновидности мобильной

географии. Любая схватка дварфа с троллем становилось Битвой при Кумской Долине. Даже простая потасовка в пивнушке была продолжением Кумской Долины. Она стала частью мифологии обеих рас, боевым кличем, передающейся по наследству, причиной, почему нельзя доверять представителям другого сорта, этим низеньким бородатым здоровенным каменным ублюдкам. После той первой Кумской Долины были и другие сражения. Война между дварфами и троллями стала противостоянием естественных сил, как противостояние ветра и волн. Она приобрела собственную движущую силу.

В субботу был День Кумской Долины и Анк-Морпорк заполнили толпы дварфов и троллей. И что интересно, чем дальше тролли и дварфы удалялись от своих гор, тем большее значение они придавали Кумской Долине. Парады не доставляли особых хлопот, стражники наловчились направлять колонны шествующих в разные стороны. К тому же парады проводились по утрам, когда все еще были практически трезвыми. Но вечером, когда дварфийские и трольские бары опустевали, на улицах воцарялся ад.

В недобрые старые времена Стража всегда могла найти срочное дело в другом конце города и

вернуться назад, когда пар уже был выпущен. Тогда они привозили тюремный фургон и арестовывали каждого, дварфа или тролля, кто был слишком пьян, оглушен или мертв, чтобы двигаться. В те времена все было проще.

А теперь в городе живет слишком много дварфов и троллей — нет, мысленно поправил себя Ваймс, город просто насыщен бурлящими, растущими дварфийскими и троллиными сообществами, и не только ими, кое-чем еще… назовем это отравой, разлитой в воздухе. Слишком много всего было в прошлом, слишком много древней вражды, переданной по наследству. А также, слишком много попоек.

И когда уже казалось, что хуже и быть не может, неожиданно появился Скальт Мясодробилка со своими приятелями. «Забурившиеся», как их называли, — костяк, основа дварфийской породы. Они объявились месяц назад, поселились в одном из старых домов на Паточной улице и наняли местных парней, чтобы раскопать фундамент. Еще их называли Скальтами. Ваймс был достаточно знаком с дварфийским, чтобы понимать значение слова Скальт — прославленный знаток дварфийский обычаев. Но Мясодробилка толковал обычаи на свой собственный лад. Он

проповедовал превосходство дварфов над троллями и учил, что долг каждого дварфа — следовать образу жизни их предков и очищать поверхность Диска от расы троллей. Так было написано в одной священной книге, что само по себе не только оправдывало такое поведение, но и, вероятно, обязывало так поступать.

Юные дварфы прислушивались к нему потому, что он говорил им об истории и предназначении, и о многих других вещах, к которым всегда прибегают, чтобы оправдать резню. Все это входило им в головы и там переваривалось, правда мозги при этом не участвовали. И опасные идиоты, вроде Мясодробилки послужили причиной появления в городе дварфов, разгуливающих не только с декоративными боевыми топорами, но также в тяжелых доспехах, кольчугах, с булавами и двуручными мечами… со всей своей тупой и вызывающей демонстративностью, со всеми этими бряцающими железяками.

Тролли тоже прислушивались. И в эти дни их тела украсились дополнительными лишайниками, клановой символикой и нательными насечками, и они волочили за собой более крупные дубинки.

Так было не всегда. Тучи сгущались в течении

последних десяти лет. Хотя дварфы и тролли как расы никогда не были в дружеских отношениях, но город свел их вместе и Ваймсу казалось, что после небольшой притирки они вполне могли сосуществовать.

Но сейчас плавильный чан снова кипел и брызгался. Черт бы побрал этого Мясодробилку. У Ваймса просто руки чесались арестовать его. С юридической точки зрения, Мясодробилка не сделал ничего неправомочного, но для полицейского, знающего свою работу, это не являлось препятствием. Его вполне можно было привлечь по статье «опасное поведение, ведущее к нарушению порядка». Однако, Ветинари был против. По его словам, арест только накалит атмосферу, но насколько хуже она могла бы стать?

Ваймс закрыл глаза и вызвал в памяти маленькую фигуру, одетую в тяжелую кожаную робу черного цвета и тщательно прячущую под капюшоном лицо, чтобы не нарушить закон лицезрением дневного света. Маленькая фигура с большими словами. Ваймс повторил их про себя:

«Опасайтесь троллей. Не доверяйте им. Захлопывайте перед ними дверь. Они ничто, всего лишь следствие несчастного случая, пустые, нечистые, отходы минерального мира, ревнивое

подражание живым и мыслящим существам. В голове и сердце тролля камень. Он не строит, не копает, никогда не сажает и не собирает урожай. Он появился на свет украв, и с тех пор крадет повсюду, где протаптывает свой путь. Когда же он не ворует, то замышляет кражу. Он живет только для того, чтобы умереть, освободиться от непосильного бремени мыслей. Я говорю об этом со скорбью. Лишение тролля жизни — не убийство. И даже самое жестокое будет всего лишь проявлением милосердия.»

Вот теперь он реально увидел, насколько хуже все могло быть. Ваймс сщурился, изучая газету, ему нужно было хоть какое то подтверждение того, что население Анк-Морпорка еще не сошло с ума окончательно.

— Проклятье! — он вскочил и с грохотом ринулся вниз по ступеням к Шельме, чуть ли не съежившийся при его появлении.

— Кто-нибудь знал об этом? — грозно вопросил он, хлопнув газетой о Книгу Записи Происшествий.

— Знал о чем? — спросила Шельма.

Ваймс ткнул пальцем в небольшую иллюстрированную заметку на четвертой странице, проткнув при этом газету насквозь. — Видишь? —

зарычал он. — Этот безмозглый идиот с Почты напечатал марку, посвященную Кумской Долине!

Дварфка кинула нервный взгляд на статью. — Э… два вида марок, сэр. — сказала она.

Ваймс вгляделся. Ему не удалось сразу заметить все детали из-за охватившей его ярости. Действительно, две марки. Они были практически одинаковыми. На обеих была изображена Кумская Долина — каменистая пустошь, окруженная горами. На обеих была изображена битва. Но на одной из них маленькие фигурки троллей преследовали дварфов справа налево, а на другой, дварфы гнали троллей слева направо. Кумская Долина, место где тролли подстерегли дварфов и дварфы подстерегли троллей. Ваймс застонал. «Выбери дурацкую историю по своему собственному вкусу, десять центов за марку, идеал коллекционера.»

— Мемориальный выпуск в честь Битвы при Кумской Долине. — прочитал Ваймс — Но мы не хотим ее увековечивать, мы хотим, чтобы о ней забыли!

— Это всего лишь марки — сказала Шельма. — я имею в виду, что марки не запрещены законом…

— Должен быть закон, запрещающий дураков!

— Если бы такой был, сэр, нам бы пришлось все время работать сверхурочно. — ухмыльнулась Шельма.

Ваймс немного успокоился. — Это точно, столько тюрем сразу и не построишь. Помнишь те марки с капустным запахом, выпущенные в прошлом месяце? «Пошлите вашим детишкам глоток родного запаха»? Если слишком много таких марок сложить в одном месте, они самовозгорятся.

— Этот запах до сих пор не выветрился с моей одежды, сэр.

— Он не выветривается у многих людей и за сотни миль отсюда, насколько я понимаю. Что мы сделали с этой дрянью в конце концов?

— Я убрала их в ящик для вещественных доказательств № 4 и оставила ключ в замке — ответила Шельма.

— Но Шнобби обычно тащит все, что плохо лежит… — начал Ваймс.

— Это точно, сэр! — со счастливым видом ответила Шельма — я их с тех пор и не видела.

Из столовой раздался грохот и вопли. Какая то часть Ваймса, может та самая, что ожидала взрыва, заставила его пронестись через весь кабинет и вниз по коридору в столовую с такой скоростью,

что пыль на полу завихрилась.

Перед его глазами предстала картина, живописующая разные оттенки виновности на лицах ее участников. Один из столов на подмостках был опрокинут. Еда и дешевая жестяная посуда были разбросаны по полу. По одну сторону от этого беспорядка тролльские констебли Шпат и Сланец стиснули с боков тролля констебля Слюду, по другую — капрал Шнобби, вероятно человек, и констебль Пикша, определенно человек, удерживали в воздухе дварфийского констебля Разбищита. Сидящие за другими столами стражники, начали приподниматься со своих мест. И в возникшей тишине раздался звук, который могли услышать только подготовленные уши человека, знающего к чему прислушиваться, звук того, как замирают, а затем расслабляются руки, занесенные над рукоятками оружия.

— Так — произнес Ваймс в звенящей пустоте — чья небылица будет первой? Капрал Шноббс?

— Видите ли, мистер Ваймс — сказал Шнобби Шнобс, опуская безмолвного Разбищита на пол — эээ… Разбищит… он взял эээ… да, он взял кружку Слюды по ошибке и эээ…

… и мы все заметили его оплошность и вскочили, ага.. — Шнобби, успешно преодолев начало,

стал торопливо развивать идею — и стол опрокинулся… потому что… — тут лицо Шнобби приобрело выражение непроходимой тупости, что выглядело довольно устрашающе — ему бы стало по настоящему плохо, если бы он хватанул тролльского кофе, сэр.

Ваймс вздохнул про себя. Когда Шнобби закончил свое глупое и неубедительное вранье, оно казалось уже не таким и неудачным. Оно было совершенно неправдоподобным и это было его единственным достоинством. Все знали, что ни один дварф даже близко не подошел бы к кружке тролльского кофе-эспрессо — расплавленной смеси химикатов, посыпанной сверху тертой ржавчиной. Также все понимали, что Ваймс не мог не видить, занесенный вверх топор Разбищита и застывшего констебля Лазурита, выкручивающего дубинку из рук Слюды. И еще все понимали, что Ваймс был готов вышвырнуть на улицу первого же идиота, сделавшего неверное движение и, возможно, также любого, оказавшегося слишком близко к нему.

— Значит так все и было? — спросил Ваймс — и это не могло быть отпущенным ненароком грязным замечанием о своем коллеге и о представителях его расы? Дополнительным идиотизмом

в копилку всей дряни, что заполнила улицы города?

— О, ничего подобного, сэр — ответил Шнобби — всего лишь одно их этих… недоразумений.

— Тут чуть не произошел несчастный случай, так? — повторил Ваймс.

— Дассэр!

— Но мы не хотим больше никаких несчастных случаев, так Шнобби?

— Нетссэр!

— Никто из нас не хочет никаких несчастных случаев, я полагаю — сказал Ваймс, оглядывая комнату. С несколько мрачным удовлетворением он заметил, что некторые констебли вспотели от усилий, стараясь не шевелиться. — А они очень легко случаются, если ваши головы не поглощены работой полностью. Это всем понятно?

В ответ послышалось бормотание.

— Я не слышу!

На этот раз хор на тему «Есть, сэр!» был исполнен более внятно.

— Отлично — отрезал Ваймс — а теперь все валите отсюда и поддерживайте порядок в городе, потому, что я дьявольски уверен, это должно делаться не здесь! — Он со значением поглядел на констеблей Разбищита и Слюду и поспешил на-

зад в главный офис, где почти врезался в Ангуа.

— Простите, сэр. Меня привлек шум… — начала она.

— Не беспокойся, я уже разобрался, — ответил Ваймс — но мы были на грани.

— Некоторые дварфы уже находятся на самом пределе, сэр. Я по запаху чувствую — сказала Ангуа.

— Ты и еще Фред Колон… — произнес Ваймс.

— Я не думаю, что все дело только в Мясорубке. Это что то… чисто дварфийское.

— Ну этого мне из них не выбить. И как раз тогда, когда все идет из рук вон плохо, я должен интервьюировать этого чертового вампира.

Слишком поздно Ваймс заметил предостережение в глазах Ангуа.

— Эм… Я думаю, что вы имеете в виду меня. — сказал тихий голос позади него.

Фред Колон и Шнобби Шноббс, оторванные от продолжительного кофейного перерыва, лениво брели по Бродвею, проветривая униформу. С какой стороны не посмотри, но идея отложить на какое то время возвращение в полицейский участок была очень недурна.

Они брели с таким видом, как будто у них впереди была целая вечность. Так оно и было

на самом деле — они патрулировали улицы. Бродвей был выбран ими потому, что он был загруженным и широким, и потому, что в этой части города дварфы и тролли попадались редко. Выбор был безупречным, в последнее время во многих районах города дварфы и тролли либо праздно шатались по окрестностям группами, либо стояли на месте группами, на случай, если другие праздно шатающиеся засранцы попытаются набедокурить в их округе. Подобные стычки постоянно происходили в течении нескольких последних недель. По мнению Фреда и Шнобби, порядка в таких районах не хватало и поэтому глупо было тратить свои силы, чтобы сохранить то, чего и так практически нет. Никто не пойдет пасти овец туда, где всех овец давно съели волки, так ведь? Это и ежу понятно. В то время как на больших улицах вроде Бродвея, было что охранять, так как там еще оставался порядок. Здравый смысл говорил им, что это верно. Все было настолько очевидно, насколько очевиден нос на лице, особенно, если глядеть на лицо Шнобби.

— Плохо дело, — заговорил Колон, в то время, как они неторопливо брели по улице — я никогда не видел дварфов такими.

— Они всегда не в себе накануне дня Кумской

Долины. — заметил Шнобби.

— Ага, но Мясодробилка тоже подлил масла в огонь, это уж как пить дать. — Колон снял шлем и вытер пот с бровей. — Я сказал Сэму о своем нутре и он впечатлился.

— Еще бы он не впечатлился, — согласился Шнобби — оно любого впечатлит.

Колон многозначительно постучал себя по кончику носа — Гроза собирается, Шнобби.

— А на небе ни облачка, сержант. — заметил Шнобби.

— Образно выражаясь, Шнобби. — Колон вздохнул и искоса глянул на своего приятеля. Затем он нерешительно продолжил, с видом человека, у которого что-то на уме — На самом деле, Шнобби, я бы хотел поговорить с тобой о другом деле, как мужчина с… — Колон на мгновение заколебался — с другим мужчиной.

— Ага?

— Ты знаешь, Шнобби, что я всегда был лично озабочен твоим моральным обликом, чтобы ты, будучи безотцовщиной, не сбился с верного пути. — с некоторым трудом выдал Колон.

— Это точно, сержант. Неизвестно куда бы меня занесло, если б не ты. — с добродетельным видом сказал Шнобби.

— Помнишь, ты рассказывал о той девушке, которая тебе понравилась, как там ее… -

— Смуглянка, сержант? -

— Ну та самая… кошечка. Это о ней ты говорил, что она работает в ночном клубе?

— Да, это она. А в чем дело, сержант? — с беспокойством спросил Шнобби.

— Да ни в чем. Только как то раз, когда ты брал выходной, мы с констеблем Джолсоном получили вызов в ночной клуб «Розовая Кошечка». Там еще танцуют на столах, вокруг шеста и всякое прочее, знаешь? И знаешь такую миссис Бурилку, она еще живет в Новых Халтурках?

— Миссис Бурилку с деревяными зубами, сержант?

— Ее самую, Шнобби — авторитетно подтвердил Колон — Она там убирается. Оказывается, она приходит на работу в восемь часов утра, пока никого нет. Представляешь, Шнобби, мне даже говорить об этом трудно, но ей втемяшилось в голову обкрутиться вокруг шеста.

Последовала пауза, за время которой Шнобби попытался прокрутить в голове эту сцену и тут же поспешно оставил многие ее части за кадром.

— Ей должно быть уже 75, сержант. — сказал он, с благоговейным ужасом глядя куда то в про-

странство.

— Девичьи мечты, Шнобби, девичьи мечты… Конечно она подзабыла, что уж не так гибка, как прежде, к тому же ее ноги запутались в длинных рейтузах и она запаниковала, когда подол платья завесил ей лицо. К приходу управляющего, она была уже совсем плоха, проведя три часа вверх тормашками с вывалившейся на пол вставной челюстью. Не могла сама отпустить шест. Можешь мне поверить, картинка была еще та. В конце концов, Милашке Джолсону пришлось выташить шест из гнезд и мы стянули ее с него. У этой девицы мускулы как у тролля, Шнобби, клянусь. И вот когда мы переносили Бурилку за сцену, к нам подошла юная леди, одетая всего в две блесточки и шнурки от ботинок, и сказала нам, что она твоя подружка! Я просто не знал куда спрятаться от стыда!

— Не нужно никуда прятаться, сержант. Тебя вышвырнут из клуба за такое поведение — сказал Шнобби.

— Ты никогда не говорил мне, что она стриптизерша в клубе, Шнобби! — застонал Фред.

— Не называй ее так, сержант, — Шнобби почувствовал себя задетым — мы живем в современном мире. У Смуглянки есть шик. Она даже

свой собственный шест приносит. Это тебе не какое-нибудь надувательство.

— Но, я имею в виду… Показывать свое тело непристойным образом, Шнобби! Танцевать перед всеми без лифа и практически без штанов! Разве можно так себя вести?

Шнобби обдумал этот глубоко метафизический вопрос со всех сторон. — Ээээ и почему нет? — отважился он.

— Во всяком случае, я думал, что ты еще встречаешься с Веринити Пушпрам? Какой полезный ларек с морепродуктами она держит — Колон говорил так, как будто он был адвокатом девушки.

— Ну, Молотоголовая отличная девушка, если встала с той ноги, сержант. — пошел на уступки Шнобби.

— Какая нога у нее та? Это когда она не гонит тебя прочь и не швыряется крабами?

— Она самая, сержант. Но та нога или эта, рыбой от нее пахнет всегда. И ее глаза слишком сильно косят в разные стороны. Я хочу сказать, что трудно встречаться с девушкой, которая не видит тебя, если ты стоишь прямо перед ней.

— Я бы не стал надеяться, что Смуглянка сможет заметить тебя, если ты придвинишься вплотную! — воскликнул Колон — она почти шести

футов ростом и у нее такая грудь… в общем, она крупная девушка, Шнобби. — Фред Колон был в затруднении. Шнобби Шноббс и танцовщица с пышными волосами, широкой улыбкой и… с общей пышностью? Да вы только поглядите на них и у вас от этой картины мозги набекрень съедут.

Колон решил не уступать. — Она сказала мне, Шнобби, что была выбрана Мисс Май на разворот журнала «Девчонки, Подсмешки и Подвязки»! То есть, я хочу сказать, что… -

— Что ты хочешь этим сказать, сержант? Во всяком случае, ее портрет был на развороте не только в майском номере, но и всю первую неделю июня, — указал Шнобби. — иначе в такой журнал и не попадешь.

— Ээээ, я спрашиваю тебя, — Фред запнулся — может ли девушка, показывающая свое тело за деньги, быть подходящей женой для стражника? Спроси у себя сам! -

Второй раз за последние пять минут на лице Шнобби отразилась глубокая работа мысли.

— Ты меня чтобы поддразнить спрашиваешь, сержант? — спросил он наконец — потому что я знаю совершенно точно, что Пикша прикрепил ее портрет внутри своего шкафчика и каждый раз, когда он открывает дверцу, он говорит «Фью,

ты только погляди на эти...»

— Ладно, лучше расскажи, как вы встретились? — быстро прервал его Колон.

— Чего? О, наши глаза встретились, когда я просунул долговую расписку под ее подвязку, сержант — с готовностью ответил Шнобби.

— И... она головой перед этим не ударялась или что то в этом роде?

— Не думаю, сержант.

— А она... здорова? — спросил Колон, изыскивая возможное объяснение.

— Вполне, сержант!

— Ты уверен?

— Она говорит, что мы половинки одной души, сержант — мечтательно произнес Шнобби.

Колон замер с одной ногой занесенной над тротуаром. Он уставился прямо перед собой, беззвучно шевеля губами.

— Сержант? — спросил Шнобби, озадаченный происходящим.

— Ага... ага... — сказал Колон, скорее самому себе — могу представить... Очевидно, что в каждую половинку попали разные кусочки. Как будто через сито просеяли.

И он опустил ногу.

— Эй, вы!

Это было скорее блеяние, чем крик и прозвучало оно из двери Королевского Музея Искусств. Высокая, худая фигура махала проходящим мимо стражникам.

— Дассэр? — сказал Колон, салютуя.

— Поулицейский, нас огрбли!

— Огребли? — переспросил Шнобби.

— Неужели? — спросил Колон, предупреждающе кладя руку на плечо Шнобби. — Что нибудь украли?

— Да, потомоу я и думаю, что это огрблние, поунятно? — сказал человек. Хотя он и стоял с видом озабоченного цыпленка, Фред Колон все равно был впечатлен. У человека был такой шикарный наряд и его речь было так трудно понимать. Он не столько говорил, сколько зевал с модуляциями:

— я Сэр Рейнольд Строчетт, попечитель Изоубразительных Искусств, сегодня я проугуливался по Длинной Глрее и… оу боже, они украли Плута!

Человек поглядел на две озадаченные физиономии.

— Методия Плут? — снова попытался он — Битва при Кумской Долине? Бесценное произведение искусства!

Колон подтянул живот. — Ого, — сказал он —

это серьезно. Нам лучше пойти и глянуть на это дело. Э… то есть осмотреть место происшествия.

— Да, да, конечно — ответил Сэр Рейнольд — Прошу. Насколько я поунимаю, современная Стража может многое узнать лишь взгляунув на место, где находилась вещь, это в самом деле так?

— Узнать что она пропала? — спросил Шнобби — О, это точно. Это мы умеем.

— Э… несоумненно, — сказал Сэр Рейнольд — прошу сюдау.

Стражники последовали за ним. Конечно, они уже бывали в музее. Большинство горожан посещало музей в дни, когда не было лучшего развлечения. В нынешние времена в музее размещалось несколько современных выставок, поскольку Лорд Ветинари придерживался Взглядов, но и неспешная прогулка среди старинных гобеленов и довольно темных и пыльных картин, сама по себе была приятным послеобеденным времяпровождением. А в качестве дополнительного удовольствия можно было полюбоваться на розовых обнаженных толстушек.

Но Шнобби был в затруднении. — Эй, сержант, о чем это он? — зашептал Шнобби Колону — он говорит так, как будто зевает все время. Что еще

за глрея?

— Галлерея, Шнобби. Это так высший класс разговаривает.

— Да я его еле-еле понимаю!

— Демонстрирует свой высший класс, Шнобби. Что хорошего было бы, если бы люди вроде тебя запросто могли его понимать?

— Верно замечено, сержант — признал Шнобби — я об этом не подумал.

— Вы обнаружили пропажу картины сегодня утром, сэр? — спросил Колон, входя вслед за попечителем в галлерею, все еще захламленную лестницами и пыльными покрывалами.

— Да, это так.

— Значит она была украдена прошлой ночью?

Сэр Рейнольд засомневался. — Эээ, боюсь, что неоубязательноу. Мы перестраиваем Длинную Гллереу. Конечноу, картина слишком велика, чтобы ее выносить, поэтому месяц назад мы поукрыли ее чехлом. Но когда мы сняли егоу сегодня утром, под ним была только рама! Смотрите!

Творение Плута занимало, вернее когда-то занимало, раму десяти футов высотой и пятидесяти футов длиной, которая, как таковая, сама могла сойти за произведение искусств. Рама все еще висела на месте, обрамляя собой шероховатую

пыльную штукатурку.

— Полагаю, что она сейчас в частной коллекции у какого-нибудь богача — застонал Сэр Рейнольд — но как ему удастся сохранить ее в тайне? Этот холст одно из наиболее узнаваемых художственных произведений в мире! Любая цивилизованная личность ее сразу узнает!

— Как она выглядела? — спросил Фред Колон.

Сэр Рейнольд был грубо сброшен с небес на землю, что было обычным явлением при любом разговоре со сливками Анк-Морпоркского полиции.

— Воузможноу я смогу найти вам копию — слабо произнес он — но оригинал был почти пятьдесят футов длиной! Неужели вы никоугда ее не видели?

— Ну, я помню, что в детстве меня приводили посмотреть на картину, но это было так давно. Во всяком случае, целиком ее все равно не увидишь. То есть к тому времени, как дойдешь до ее другого конца, ты забудешь что там было в начале.

— Увы, это прискорбная истина, сержант — сказал Сэр Рейнольд — и чтоу самое досадное, этот ремоунт был затеян только для того, чтобы построить специальную круглую коумнату для картины Плута. У него была идея, знаете, что

зритель доулжен быть полностью окружен настенной живописью и чувствовать себя прямо в гуще событий! Вы ощущали бы себя посреди Кумской Долины! Он называл это паноскопическим искусством. Говорите, что хоутите о текущих процентных ставках, но дополнительные посетители могли бы дать возможность выставить картину так, как по нашему мнению, он намеревался ее выставлять. И вот такая неприятность!

— Если вы собирались пермещать ее, почему вы просто не сняли ее и не убрали в безопасное место, сэр?

— Вы имеете в виду, почему не свернули ее? — Сэр Рейнольд был шокирован, — Это могло бы сильно ее повредить. Какой ужас! Нет, у нас была детально разработана операция перемещения, мы запланировали провести ее на следующей неделе. — Он вздрогнул — Только я поудумаю о том, как кто то вырезает ее из рамы, я чуть в оубморок не падаю…

— Эй, это должно быть улика, сержант! — сказал Шнобби, возвращаясь к своей обычной деятельности — бездельничанию и копошению среди вещей в поисках чего-нибудь ценного — Глядите, кто-то навалил здесь гору старого вонючего мусора! Он направился через комнату

к постаменту, заваленному тряпьем.

— Не трогайте это, поужалуйста! — воскликнул сэр Рейнольд, кидаясь вперед. — Это наиболее споурная работа Даниелларины Надутс «Не говори мне О Понедельниках»! Вы там ничего не сдвинули? — добавил он нервно — это произведение в буквальном смысле бесценно, а автор очень остра на язык!

— Это всего лишь старое тряпье! — запротестовал Шнобби, пятясь назад.

— Искусство представляет собой нечто большее, чем просто сумма составляющих его компонентов, капрал — ответил попечитель. — несомненно, вы ведь не будете говорить, что «Три Большие Розовые Женщины и Немножко Марли» Карватти всего лишь, кхм, набор старых красок?

— Тогда, что насчет этого? — сказал Шнобби, указывая на соседний постамент — Всего лишь здоровенный столб с вбитым в него гвоздем! Это тоже искусство?

— «Свобода»? Если ее когда-нибудь выставят на продажу, она вероятно потянет тысяч на тридцать доулларов. — ответил Сэр Рейнольд.

— Этот кусок дерева с гвоздем? — спросил Колон — И чья это работа?

— После того, как Лорд Ветинари увидел «Не

Говори Мне о Понедельниках», он люубезно приказал пригвоздить Мисс Надутс к стоулбу за ухо — сказал Сэр Рейнольд — однако, к полудню ей уже удалось освободиться.

— Готов побиться, она была взбешена! — сказал Шнобби.

— Нет, после того, как она получила несколько наград за этот столб. Я поулагаю, что она планирует пригвоздить себя к другим разным вещам. Может получиться совершенно потрясающая выставка.

— Знаете, что я вам скажу, сэр — услужливо предложил Шнобби — Почему бы вам не оставить старую раму так, как есть и не дать ей новое название, например, «Искусство Воровства»?

— Нет — холодно ответил Сэр Рейнольд — это было бы глупым.

Сокрушенно покачав головой о том, как устроен мир, Фред Колон подошел прямо к стене, которая была так жестоко, вернее жеустоуко, лишена своего покрытия. Холст был грубо вырезан из рамы. Сержант Колон соображал не очень быстро, но этот факт просто бросился ему в глаза. Так напортачить, имея целый месяц на то, чтобы украсть картину? У Фреда был полицейский взгляд на природу людей, который в некоторых отноше-

ниях отличался от взглядов попечителя. Никогда не говори, что существует то, что люди не смогли бы сделать, каким бы странным это не было. Вероятно, найдутся и такие сумасшедшие богачи, которые купят картину, даже если любоваться ею они смогут только в уединенности своих особняков. От людей можно всего ожидать. Возможно, их приводит в дивный душевный трепет простое осознание того, что они владеют такой страшной тайной. Но воры выдрали холст из рамы, так, как будто они не заботились о его дальнейшей продаже. Вдоль рамы тянулись несколько дюймов оборванного полотна… — минуточку…

Сержант отступил от стены. Улика. Вот она, прямо перед ним! И в этот момент Фред ощутил дивный душевный трепет.

— Эта картина — заявил он — эта картина… картина, которой здесь нет, по моему, совершенно очевидно, украдена… троллем.

— Боже мой, откуда вы знаете? — изумился Сэр Рейнольд.

— Я очень рад, что вы задали мне этот вопрос. — сказал Фред Колон, который действительно был рад. — Я обнаружил, что верх картины срезан очень близко к раме. — он показал на раму. — Тролль мог бы с легкостью достать ножом до

верха и срезать полотно вдоль верхнего края рамы и по бокам с обеих сторон, видите? Но обычно тролли с трудом наклоняются и когда он стал срезать снизу, он снебрежничал и неровно оборвал край. К тому же, только тролль мог унести картину. Лестничный ковер и то не поднимешь, а свернутое полотно будет намного тяжелее!

Колон ослепительно улыбнулся.

— Молодец, сержант! — сказал попечитель.

— Хорошо придумано, Фред — заметил Шнобби.

— Спасибо, капрал — величественно ответил Фред Колон.

— Или это могла быть пара дварфов с лестницей — жизнерадостно продолжил Шнобби. — Оформители забыли несколько штук. Они тут повсюду стоят.

Фред Колон вздохнул.

— Видишь ли, Шнобби — сказал он — вот такие публичные заявления и являются причиной того почему я сержант, а ты нет. Совершенно ясно, что если бы это были дварфы, то все края были бы ровно срезаны. Мистер Сэр Рейнольд, музей запирают на ночь?

— Конечно! Не только запирают, но и перегораживают решетками! Старина Джон очень

щепетитлен в этом отношении. Он сам живет при музее на чердаке, так что ему ничего не стоит превратить свой дом в крепость..

— Это смотритель? — спросил Фред — Нам нужно будет побеседовать с ним.

— Разумеется побеседуйте. — нервно сказал Сэр Рейнольд — Но я думаю, что в нашем хранилище могут оказаться какие-нибудь описания картины. Я пойду и ээээ… поищу их…

Он заторопился к маленькому дверному проему.

— Интересно, как они выбрались отсюда? — сказал Шнобби, когда они остались одни.

— А кто сказал, что они выбрались? — спросил Колон — это очень большой дом, с чердаками и подвалами и разными закоулками, так почему бы не припрятать ее подальше и не подождать чуток? Приходишь как обычный посетитель, залезаешь под чехол, ночью снимаешь карину со стены и прячешь ее, а утром уходишь вместе со всеми посетителями. Как просто, а?

Он довольно улыбнулся Шнобби. — Все, что нам нужно — опережать преступника хоть на один шаг.

— Или они могли просто выбить дверь и удрать с полотном среди ночи, — сказал Шнобби — за-

чем заморачиваться хитроумным планом, если и простой сработает?

Фред вздохнул — Я вижу, что задачка будет не из легких, Шнобби.

— Тогда тебе стоит спросить Ваймса, можем ли мы сами провести расследование, — сказал Шнобби — поскольку мы уже ознакомились с фактами, правильно?

В воздухе повисли невысказанные слова — где бы ты хотел провести следующие несколько дней? Среди топоров и дубинок, уже приготовленных к бою, или здесь, в музее, неторопливо, с особой тщательностью обыскивая подвалы и чердаки? Это и трусостью нельзя будет назвать потому, что такое знаменитое произведение искусства просто обязано быть частью нашего национального наследия, верно? Даже если это всего лишь картина, изображающая толпу дварфов и троллей, колошматящих друг друга.

— Я думаю, что мне надо составить подробное донесение и спросить мистера Ваймса, не стоит ли поручить это расследование нам. — медленно произнес Фред Колон. — Такое дело требует внимания старших офицеров. Вот ты, Шнобби, много ли ты знаешь об искусстве?

— Знаю, что нужно знать, сержант.

— Да брось, Шнобби.

— А что? Смуглянка говорит, что ее занятие тоже Искусство, сержант. И на на ней больше одежды, чем на большинстве женщин на этих музейных стенах, так что нечего насмехаться.

— Да, но… — тут Фред Колон заколебался. В глубине своего сердца он знал, что кувыркание верх тормашками на шесте в костюме, который можно продеть в иголку, Искусством не является. С другой стороны, изображение фигуры, лежащей на кровати в одной улыбке и кисточке винограда было настоящим серьезным Искусством, но ответить, в чем собственно заключается разница, было довольно затруднительно.

— Ваз нет. — наконец сказал он.

— Каких ваз? — спросил Шнобби.

— Обнаженные женщины являтся Искусством, только если рядом с ними стоит ваза. — сказал Фред Колон. Даже для него это прозвучало неубедительно и поэтому он добавил — или пьедестал. И то и другое еще лучше. Это такой секретный знак, поставленный художниками, он показывает, что это настоящее Искусство, на которое прилично смотреть.

— А что насчет цветочных горшков?

— Цветы подходят, если они стоят в вазе.

— А как насчет тех картин, на которых нет ваз, пьедестала или цветочных горшков? — спросил Шнобби.

— Вспомнил какую-то картину? — с подозрением спросил Колон.

— Да, «Богиня Анойя,[5] Восстающая из Посудомойки» — сказал Шнобби — У них в музее она есть. Ее нарисовал один малый с тремя — ий в имени, по мне, звучит вполне артистично.

— Количество — ий имеет значение, Шнобби — сказал сержант Колон рассудительно — но в таком случае, ты должен спрашивать себя: где херувим? Если там есть толстый розовый ребенок, держащий зеркало или веер или что-нибудь в таком роде, то все в порядке. Даже если этот ребенок нагло ухмыляется. Ясно, что вазы не везде можно расставить.

— Хорошо, но предположим... — начал Шнобби.

Дальняя дверь открылась и Сэр Рейнольд с книгой под мышкой поспешил к ним по мраморному полу.

— Увы, боюсь, что копии картины не существует, — сказал он — трудно сделать копию, по

---

[5] Примечания: 5

Анойя — Анк-Морпоркская Богиня Вещей, Застрявших в Комоде.

которой можно было бы в полной мере судить об оригинале. Тем не менее, этот ээээ... довольно сенсуальный трактат содержит много подробных зарисовок. В последнее время казалось, что каждый посетитель имеет у себя ее копию. А вы знаете, что на оригинальной картине можно распознать более чем две тысячи четыреста девяносто дварфов и троллей по доспехам и нательным знакам? Эта работа свела Методию Плута с ума. Чтобы закончить картину ему потребовалось шестнадцать лет!

— Да разве это много? — бодро сказал Шнобби — вот Фред так и не закончил красить кухню, а начал он аж двадцать лет назад!

— Спасибо за напоминание, Шнобби — холодно ответил Колон. Он взял книгу у попечителя. Ее название гласило «Кодекс Кумской Долины».

— До какой степени свела с ума? — спросил он.

— Видите ли, он пренебрегал остальной работой, постоянно менял место жительства потому, что ему было нечем заплатить за комнату и каждый раз он должен был перетаскивать за собой этот огромный холст. И еще, представьте себе, ему приходилось выпрашивать краски на улице, что занимало очень много времени, так как не многие прохожие носят с собой тюбик жженой

умбры. Также он говорил, что картина разговаривает с ним. Это все написано в книге, довольно трагичная история.

— Картина разговаривала с ним?

Сэр Рейнольд сделал гримасу. — Мы полагаем, что именно это он имел в виду, но что там было на самом деле, мы не знаем. У него не было друзей. И он верил, что если заснет ночью, то превратится в цыпленка. Он оставлял самому себе многочисленные записки «Ты не цыпленок», хотя иногда ему казалось, что он обманывает себя. По общему мнению, Плут слишком сильно сконцентрировался на картине и это вызвало у него разновидность мозговой лихорадки. Ближе к конце работу над картиной, он уверился, что сошел с ума. Он говорил, что слышит звуки битвы.

— Откуда вы это знаете, сэр? — спросил Фред Колон — Вы же сказали, что у него не было друзей.

— Ох уж эта полицейская проницательность! — улыбнулся Сэр Рейнольд. — Он оставлял себе записки, сержант, все время. Коугда его последняя квартирная хоузяйка попала в его комнату, она обнаружила сотни записок, запихнутых в старый мешок из под куриного корма. К счастью, она не умела читать и поскольку в ее голове засела идея, что ее жилец был в своем роде гением и

мог иметь что-то, что она могла бы продать, она позвала его соседку, Мисс Аделину Счастлливо, коуторая рисовала акварели и Мисс Счастлливо позвала своего друга, коуторый вставлял картины в рамки, а он тут же вызвал Эфарима Доустера, известного автоура ландшафтов. Эти записки поставили молодых художужников в тупик, когда те попытались разгадать тайну несчастного умалишенного. Записки расположены в книге в произвольном порядке. Некоторые из них очень… странные.

— Более странные, чем «Ты не цыпленок»? — спросил Фред.

— Да, — сказал Сэр Рейнольд — ох, все эти слухи насчет голосов, предзнаменований, призраков… Он также вел дневник на случайных клочках бумаги, и никогда не оставлял никаких пометок вроде даты или места своего проживания, чтобы цыпленок не смог его найти. И он многого не договаривал потому, что не хотел, чтобы цыпленок обнаружил его.

— Извините, я думал, вы сказали, что это он считал себя цып… — начал Колон.

— Кто может постичь мысли скорбных душою, сержант? — устало произнес Сэр Рейнольд.

— Э… А картина в самом деле говорит? —

спросил Шнобби Шноббс — И странные вещи происходят, да?

— Охохох, нет. — сказал Сэр Рейнольд. — По крайней мере не при мне. Охранник, работающий в зале в дневное время говорит, что она ни разу не вымолвила ни словечка, даже после издания книги. Естественно, что она очаровывает людей и всегда были истории о спрятаннных в ней сокровищах. Поуэтому книгу и переиздавали еще несколько раз. Люди любят мистерриу, не так ли?

— Мы не любим. — ответил Фред Колон.

— Я вообще не знаю, кто такой этот мистер Риу — сказал Шнобби, пролистывая кодекс. — Кстати, я слышал об этой книге. Мой приятель Дейв, который продает марки, говорит в ней есть история про дварфа, который появился в одном городе рядом с Кумской Долиной через две недели после битвы, и он был весь изранен потому, что на него напали тролли и он изнемогал от голода, вот, и никто не знал толком дварфийский, но было похоже, что он хотел, чтобы они последовали за ним и он повторял все время одно и то же слово, и, как оказалось, оно означало на дварфийском «сокровища». Вот, но когда они пошли за ним в долину, по дороге он умер и они не смогли ничего

найти и потом, этот самый художник нашел… что-то в Кумской Долине и зашифровал место, где он ее нашел на картине, но сошел с ума. Дейв говорил, что будто бы там обитали призраки. Еще он говорил, что правительство замолчало эту историю.

— Да, но твой приятель Дейв говорит, что правительство всегда все замалчивает. — сказал Фред.

— Да так оно и есть.

— Только он всегда узнает обо всем и он никогда ничего не замалчивает — добавил Фред.

— Я знаю, тебе нравится иронизировать, сержант, но в мире происходит много того, о чем мы не знаем.

— Что, например? — парировал Колон — Назови мне хоть что-нибудь, что происходит в мире и о чем мы не знаем? Не можешь, а?

Сэр Рейнольд откашлялся. — Есть одна теорриау, — проговорил он тщательно подбирая слова, как обычно говорят люди, ставшие свидетелями работы Шнобби-Колновского мозгового треста. — но к соужалению, под записки Методии Плута можно подвести почти любую теорриу. Я подозреваю, что своей нынешней популярностью картина обязана тому, что книга возродила

старую сказку о том, что в картине скрыта какая то тайна.

— Да? — оживился Колон — и что за тайна?

— Не имею ни малейшего представления. Ландшафт был нарисован со всеми подробностями. Может быть на нем изображен замаскированный вход в скрытую пещеру? Зашифрование послание в распложении сражающихся? Существуют самые разнообразные теорриуи. К нам в музей приходят довольно странные люди с рулетками и мучительно-сосредоточенными лицами, но я не думаю, что им удалось хоть что-то найти.

— Может кто-то из них и стащил картину? — предположил Шнобби.

— Соумневаюсь. Они стараются не привлекать к себе внимания, приносят с собой еду и проводят в музее целые дни напролет. Такие люди обожают анаграммы и тайнопись, и у них полным-полно своих маленьких теоуррий и прыщей. Если они для кого и опасны, так только для таких же, как они сами. К тому же, зачем воровать картину? Мы всегда рады посетителям, проявляющих к ней интерес. Еще одна причина, из-за которой им вряд ли бы захотелось забрать картину домой, это то, что что она просто не поместится на стенке над кроватью. А вы знаете, Плут гово-

рил, что по ночам он иногда слышал вопли? Как принято считать, это были звуки битвы. Все так печально…

— Да уж, это не то, что захочешь повесить над камином. — сказал Фред Колон.

— Совершенно точно, сержант. Даже если бы существовал камин длиной в пятьдесят футов.

— Благодарю, сэр. Еще один вопрос, сколько дверей ведет в музей?

— Три, — с готовностью ответил Сэр Рейнольд — но две из них всегда закрыты.

— Но если тролль…

— Или дварфы… — вставил Шнобби.

— Или дварфы, как подсказывает мой младший коллега, попытались бы вынести ее…

— Горгульи — гордо заявил Сэр Рейнольд — две поустоянно наблюдают за главным вхоудом с крыши противоположного здания, над другими дверями тоже есть свои горгульи. А днем в музее полным-полно служащих.

— Как бы глупо это ни прозвучало, но вы везде поглядели?

— Весь персоунал был занят поисками все утро, сержант. Рулон должен быть очень большим и тяжелым. Коунечно, в музее полно закоулков, но его было бы трудно не заметить.

Колон коснулся рукой шлема. — Благодарю, сэр! Теперь мы бы хотели осмотреть здание, если вы не против.

— Да, пойдем поищем вазы… — добавил Шнобби Шноббс.

Ваймс поудобнее распложился в кресле и оглядел вампиршу. Ей можно было дать лет шестнадцать, не больше. Даже не верилось, что она ничуть не моложе Ваймса. У нее была короткая стрижка, что Ваймс никогда раньше не встречал у вампиров и она выглядела если не как мальчишка, то как девушка, не возражающая сойти за такового.

— Прошу извинить мое… замечание. — сказал Ваймс. — Неделя выдалась кошмарная и час от часу становится все хуже.

— Не надо меня бояться. — заметила Салли. — Если вам станет от этого легче, признаюсь, что мне это нравится не больше, чем вам.

— Я не боюсь! — резко ответил Ваймс.

— Простите, мистер Ваймс, от вас пахнет страхом. Не очень сильно, — добавила Салли. — так, совсем чуть-чуть. И ваше сердце бьется учащенно. Сожалею, если задела вас. Я всего лишь попыталась вас успокоить.

Ваймс откинулся на спинку кресла. — Не надо

меня успокаивать, мисс Фон Хампединг. Я нервничаю, когда люди пытаются сделать это. И уж что, что, а покоя мне все равно не найти. И не надо обсуждений, как я пахну, благодарю. О, и еще, обращайтесь ко мне коммандер Ваймс или сэр, понятно? Только не мистер Ваймс.

— А я предпочитаю, чтобы ко мне обращались Салли — сказала вампирша.

Они уставились друг на друга, сознавая, что все пошло не так, как надо, испытывая сомнения в том, что ситуацию еще можно исправить.

— Итак… Салли… Вы хотите стать копом? — спросил Ваймс.

— Полицейским? Да.

— В вашей семье были полицейские? — продолжил Ваймс. Это был обычный вопрос для затравки, который помогал начать разговор, если идея о работе в полиции исходила из семьи.

— Нет, только кровопийцы. — ответила Салли.

Последовала еще одна пауза.

Ваймс вздохнул.

— Вот что, я хочу знать, это Джон-Вовсе-Не-Вампир-Смит и Дорин Подмигинс выбрали вас?

— Нет! — ответила Салли, — Я сама обратилась к ним. И если хотите знать, я совершенно не желала этой шумихи.

Ваймс удивленно посмотрел.

— Однако, вы подали заявление о приеме на работу. — сказал он.

— Да, но я не вижу повода для всего этого… внимания!

— Не надо меня упрекать. Это все ваша Лига Воздержания.

— В самом деле? Газета цитировала Лорда Ветинари. — ответила Салли. — Все эти разглагольствования о том, что отсутствие расовой дискриминации одна из лучших традиций Городской Стражи.

— Ха! — сказал Ваймс. — Да это правда, для меня они прежде всего полицейские, но лучшими традициями Стражи, мисс Фон Хампединг, являются поиски теплого местечка, выклянчивание пива на задворках пивнушки и ведение двойной отчетности.

— Вы не хотите брать меня, так? — спросила Салли. — Я думала, вам будут полезны все добровольцы. Послушайте, я вероятно сильнее любого вашего сотрудника, кроме тролля, я умна, я не чураюсь тяжелой работы и я хорошо вижу в темноте. Я могу быть полезной, я хочу быть полезной!

— Можете ли вы превращаться в летучую

мышь?

Салли выглядела шокированной. — Что? Что это за вопрос вы мне задаете?

— Вероятно, один из самых простых, — ответил Ваймс. — к тому же, это может оказаться полезным. Так как, можете?

— Нет.

— Хм. Ну, не будем говорить об этом…

— Я могу превратиться в стаю летучих мышей. — ответила Салли. — В одну мышь превращаться труднее, для этого нужно изменить массу телу, а если вы хоть ненадолго Изменялись, то у вас будут проблемы с управлением. И к тому же, у меня от этого голова начинает болеть.

— Какова была ваша последняя работа?

— Ничего определенного, я музицировала.

Вамйс оживился — В самом деле? Ребята подумывают о создании собственной музыкальной группы.

— Они умеют играть на виолончели?

— Скорее всего нет.

Ваймс побарабанил пальцами по столу. Что же, она еще не вцепилась ему в глотку, так ведь? В этом и была проблема. Вампиры были такими милыми, вплоть до того момента, когда они неожиданно переставали быть таковыми. По

правде говоря, он был вынужден признать: он готов взять любого, кто был способен твердо стоять на земле и вразумительно объясняться. Бизнес диктовал свои правила. Ему нужны были люди на улицах, чтобы сдерживать беспорядки. И хотя, пока что все ограничивалось стычками на улицах, швырянием камней и битьем окон с последующим убеганием, но все вместе это было снегом, скапливающимся на опасном склоне горы. В такие времена, как сейчас, полицейские должны быть все время на виду. Они создают иллюзию, что мир еще не сошел с ума окончательно.

Да и Лига Воздержания хорошо работала и оказывала действенную поддержку своим членам. Все они были заинтересованы в том, чтобы никто из них не обнаружил себя в незнакомой спальне со стыдливым ощущением сытости. Они будут наблюдать за ней…

— Мы не можем позволить себе дополнительную нагрузку, — сказал Ваймс — мы слишком нагружены работой, чтобы дать вам что то большее, чем то, что смехотворно называется рабочей практикой, однако вам будет предоставлена возможность патрулировать улицы с самого первого дня… Эээ… Как вы переносите дневной свет?

— Нормально, в широкополой шляпе и одежде с длинными рукавами. И я ношу с собой аптечку.

Ваймс понимающе кивнул головой. В набор входили небольшая чашка с кисточкой, флакон с кровью животного и записка, гласящая:

«Помогите, я расыпался в прах и не могу восстать.

Пожалуйста, сметите меня в чашку и разбейте флакон.

Я ношу Черную Ленточку и не причиню вам вреда.

Заранее благодарю.»

Ваймс снова забарабанил по столешнице. Салли не отводила взгляда.

— Хорошо, вы приняты. — сказал Ваймс наконец. — Для начала на испытательный срок. Все так начинают. Бумаги вам выправит сержант Малопопка, затем обратитесь к сержанту Детриту насчет обмундирования и вводной лекции и постарайтесь не смеяться. А теперь, после того как вы достигли желаемого и мы можем закончить официальную часть, ответьте — почему?

— Простите? — сказала Салли.

— Вампир, стремящийся вступить в стражу? — Ваймс откинулся на спинку кресла. — Я не могу до конца объяснить себе это желание, «Салли».

— Это интересная работа на свежем воздухе, предоставляющая широкие возможности для оказания помощи населению, коммандер Ваймс.

— Хмм… — ответил Ваймс — Если вы способны говорить об этом без улыбки, то из вас может получиться полицейский. Добро пожаловать на службу, младший констебль. Надеюсь, у вас есть…

Дверь хлопнула. Капитан Моркоу сделал два шага в комнату и остановился в нерешительности, заметив Салли.

— Младший констебль Фон Хампединг приступила к службе, капитан. — сказал Ваймс.

— Э… Замечательно… Здравствуйте, мисс, — бросил Моркоу и повернулся к Ваймсу. — Сэр, Скальт Мясодробилка убит!

* * *

Сливки Анк-Морпоркской полиции медленно брели по направлению к Псевдополис Ярду. — Знаешь, что бы я сделал? — сказал Шнобби — Я бы разрезал картину на очень мелкие кусочки, размером с ладонь.

— Это бриллианты, Шнобби. Так сбывают украденные бриллианты.

— Ладно, тогда как насчет такого способа — раз-

резаешь полотно на куски размером с обычную картину. Затем рисуешь что-нибудь на обратной стороне каждого куска, вставляешь в рамку и оставляешь где-нибудь в музее. Никто и не заметит лишние картины, так? А когда шум утихнет, можно будет прийти за ними.

— И как ты вынесешь их из музея, Шнобби?

— Ну во-первых, мне понадобится немного клея и очень длинная палка, затем…

Фред Колон покачал головой. — Не могу представить, как тебе это удастся проделать, Шнобби.

— Ладно, тогда надо взять такую же краску, что на стенах и приклеить картину прямо к стене, там где найдется достаточно места для нее, затем закрасить ее этой краской, так чтобы она выглядела как часть стены.

— Ну и где по твоему есть подходящая для этого стена?

— Например стена внутри рамы, которая там висит, сержант?

— Черт побери, Шнобби, это очень умно придумано. — сказал Фред, резко остановившись.

— Спасибо сержант, твоя похвала многого значит.

— Но тебе все равно надо как то ее вынести, Шнобби.

— Помнишь все эти чехлы и занавески, сержант? Бьюсь об заклад, что через несколько недель пара работяг в комбинезонах спокойно выйдет из музея со здоровенным белым рулоном в руках и никто даже не посмотрит в их сторону потому, что все будут уверены, что картину давным-давно вынесли.

Последовала пауза прежде чем сержант Колон смог тихо сказать: — Ну ты и пройдоха, Шнобби. Настоящий пройдоха… А как ты удалишь новую краску с холста?

— Да там ничего сложного нет. — ответил Шнобби. — Слушай, я знаю, где можно взять фартуки для рисования.

— Шнобби! — сказал потрясенный Фред.

— Да ладно тебе, сержант, уж и помечтать нельзя…

— Наши шлемы могли бы украситься новыми перьями, Шнобби, а нам бы они не помешали.

— Твое нутро опять что-то чует, сержант?

— Можешь смеяться сколько вздумается, Шнобби, но достаточно просто оглянуться вокруг. — мрачно сказал Фред. — Пока что это только уличные разборки, но будет хуже, помяни мои слова. И все из-за какой-то тысчелетней рухляди! Не понимаю, почему бы им не вернуть-

ся туда, откуда они вышли, если им так дороги родные места!

— Большинство их них давно уже местные выходцы. — заметил Шнобби.

Фред презрительно фыркнул по поводу этого простого географического факта.

— Война, Шнобби. Хех! Что может быть в ней хорошего?

— Не знаю, сержант. Освобождение рабов, может быть?

— Абсол-… Ну, допустим.

— Самозащита от тоталитарного агрессора?

— Замечание, достойное награды, но…

— Спасение цивилизации от орд…

— Я бы сказал, что ничего хорошего она не дает в результате, Шнобби, если ты хотя бы пять секунд помолчал. — резко сказал Фред Колон.

— Но есть ли вообще то, в результате чего, может быть что-то хорошее, сержант?

* * *

— Повтори еще раз, уделяя внимание каждому слово? — попросил Ваймс.

— Он мертв, сэр. Мясодробилка мертв. Дварфы совершенно уверенны в этом.

Ваймс уставился на капитана. Затем он кинул

взгляд на Салли и сказал — Я дал вам приказание, младший констебль Хампединг. Идите и выполняйте.

Когда девушка выскочила из комнаты, он сказал — Надеюсь, что ты тоже совершенно в этом уверен, капитан.

— Новость передается от дварфа к дварфу как, как… — запнулся Моркоу.

— Алкоголь? — предложил Ваймс.

— В общем, очень быстро, — согласился Моркоу. — Они говорят, что его убили прошлой ночью. Какой-то тролль проник в их дом на Паточной улице и пробил Мясодробилке голову. Я слышал, как наши парни обсуждали это между собой.

— Капитан, но разве, случись нечто подобное, мы не были бы поставлены в известность? — спросил Ваймс, однако перед его мысленным взором предстали Ангуа и Фред Колон, пророчествующие с видом Кассандры. Дварфы что-то знали. Они были встревожены.

— Мы поставлены, сэр. — ответил Моркоу. — Я вам только что об этом сказал.

— Нет, я говорю о том, что на улицах нет толп, кричащих о кровавом убийстве. А ведь это своего рода политическое убийство. От кого ты узнал

о нем?

— Мне сказали Констебль Железноклещ и Капрал Кольцеплавит, сэр. Это надежные ребята, Кольцеплавита скоро должны произвести в сержанты. Эхм… Есть кое-что еще, сэр. Я спросил их, почему не было сделано официального заявления и Железноклещ сказал, что… Боюсь, вам это не понравится, сэр… Он сказал, что не нужно сообщать Страже.

Моркоу внимательно следил за Ваймсом. Выражение лица коммандера почти не изменилось, но маленькие мускулы около рта затвердели.

— Кто отдал такой приказ? — спросил Ваймс.

— Судя по всему, некий Ардент. Он… переводчик Мясодробилки, как бы вы его назвали. Ардент говорит, что это дело касается только дварфов.

— Мы в Анк-Морпорке, капитан. И убийство есть убийство.

— Так точно, сэр.

— И мы Городская Стража, — продолжал Ваймс. — у нас так даже на дверях написано.

— На самом деле, сейчас там написано «Копы — ублюдки», но я уже дал распоряжение оттереть надпись. — сказал Моркоу.

— Это означает, что если кого-нибудь убьют, то ответственность за убийство лежит на нас. —

продолжал гнуть свою линию Ваймс.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, сэр. — осторожно ответил Моркоу. — Ветинари уже в курсе? Я не могу себе представить, что нет.

— Я тоже. — Ваймс задумался на минутку. — Что насчет Таймс? Там работает довольно много дварфов.

— Я бы удивился, если бы они захотели рассказать об этом людям, сэр. Я сам-то узнал только потому, что я дварф и Кольцеплавит очень хочет стать сержантом, ну и откровенно говоря, я подслушал их, так что сомневаюсь, что дварфы печатники поставят в известность редактора.

— Ты пытаешься мне сказать, что стражники-дварфы станут покрывать убийство?

Моркоу был шокирован. — Ни в коем случае, сэр! Боги, они просто хотят сохранить убийство в секрете от людей! Простите, сэр.

Очень важно не раскричаться прямо на месте, сказал себе Ваймс. Не позволяй себе… Как это называется? Психануть? Воспринимай все происходящее, с познавательной точки зрения. Разберись, почему мир не таков, каким он тебе казался, собери факты, разложи по полочкам сведения, обдумай последствия. И только после этого можешь психануть, но очень, очень аккуратно.

— Дварфы всегда были законопослушными гражданами, капитан. — проговорил Ваймс. — Они даже налоги платят. С чего бы это они вдруг начали считать нормальным укрывание убийства?

Моркоу заметил, что в глазах Ваймса появился стальной блеск. — Дело в том… — начал он.

— Да?

— Видите ли, Мясодробилка из тех, кого называют «забурившийся», сэр. И это не метафора, он в самом деле забурился глубоко под землю. «Забурившиеся» ненавидят появляться на поверхности. Говорят, что он жил на под-под-подвальном уровне…

— Мне это известно, И что с того?

— Вопрос в том, насколько глубоко распространяются наши полномочия?

— Что? Настолько глубоко, насколько мы этого пожелаем!

— Кхм, это означает, что практически повсюду? Большинство наших дварфов выходцы из Медной Головы, Лламедоса и Убервальда, — сказал Мороку. — В этих местах свои законы для поверхности и свои законы для подземного мира. Я знаю, что у нас все по другому, но… это то, как они представляют мир, сэр. И все дварфы из

окружения Мясодробилки «забурившиеся», а вы знаете, как к ним относятся обычные дварфы.

Да они скоро начнут им поклоняться, подумал Ваймс, сжимая пальцами переносицу и закрывая глаза. Дело становится все хуже.

— Ну ладно. — сказал он. — Но мы в Анк-Морпорке и у нас здесь свои законы. Ничего предосудительного нет в том, чтобы просто пойти и проведать здоровье Брата Мясодробилки, так ведь? Мы просто постучимся в дверь, почему бы нам не постучаться? У нас ведь есть серьезный повод для беспокойства. Да, я знаю, это пока еще только слухи, но если в слухи подобного рода начнет верить слишком много народу, мы потеряем над ними контроль.

— Хорошая идея, сэр.

— Иди и скажи Ангуа, что она пойдет со мной. И… Еще я возьму Пикшу. И Кольцеплавита, скорее всего. Ну и конечно, ты тоже пойдешь с нами.

— Кхм, это не очень хорошая идея, сэр. Мне посчастливилось узнать, что я раздражаю «забурившихся». Они полагают, что во мне слишком много от человека, чтобы считать меня дварфом.

— Неужели?

Да разве много — каких-то шесть футов и три дюйма, подумал Ваймс. Усыновлен и воспи-

тан дварфами в маленькой шахте в горах. По дварфийски его зовут Кзад-баат, что означает Скрепляющий.

Ваймс кашлянул. — Почему, во имя всего святого, они так считают, хотел бы я знать?

— Да, с формальной точки зрения я человек, но для самих дварфов рост никогда не являлся главным признаком дварфа. Однако, соратники Мясодробилки все равно не признают меня.

— Грустно это слышать. В таком случае, я возьму с собой Шельму.

— Вы с ума сошли, сэр? Вы же знаете, как они относятся к дварфкам, которые открыто признают свой пол!

— Верно, тогда я возьму сержанта Детрита. Уж он то у них сомнений не вызовет, так?

— Ну они могут посчитать это провокацией, сэр… — с сомнением начал Моркоу.

— Детрит такой же анк-морпоркский полицейский, капитан, как и мы с тобой. — сказал Ваймс. — Я полагаю, что они не будут возражать против моей кандидатуры?

— Конечно нет, сэр. Но все, же, я думаю, вы будете действовать им на нервы.

— Думаешь, буду? — засомневался Ваймс. — Ну, это даже хорошо. А Детрит — представитель

закона. У нас здесь все еще существуют какие-никакие законы. И насколько я могу судить, законы распространяются и вглубь. До самого конца.

Кой черт дернул меня за язык, думал Ваймс пятью минутами позже, возглавляя небольшой отряд, идущий по улицам. Он проклинал себя за сказанные слова. Жизнь полицейского во многом зависит от простого надувательства. Вот как это работает — у тебя есть полицейские участки с большими синими фонарями у дверей, ты выставляешь крепких парней в форме на оживленных улицах, а сам ходишь по городу с таким видом, как будто ты здесь хозяин. Но на самом деле город тебе не принадлежит. Это просто обман, морок. Ты одурачиваешь людей, помещая им в головы воображаемого полицейского, и уповаешь на то, что им известны правила и они будут их соблюдать. Но в действительности, даже сотня хорошо вооруженных парней, действующих с умом, смогут снести всю Стражу. Как только какой-нибудь псих обнаружит, что застигнутый врасплох стражник смертен как и все остальные, обман развеется. Дварфы Мясодробилки не верят в Городскую Стражу? В этом то и проблема. И присутствие Детрита может показаться им вызывающим, но черт побери, он ведь такой же

гражданин Анк-Морпорка, как и все остальные. Если ты…

— Динь-дили-динь-динь-динь!

Ну разумеется, даже если вам кажется, что хуже уже некуда, всегда случается что-то, показывающее, как вы ошибались… Он достал из кармана изящную коричневую коробочку и щелкнул крышкой. Остроухое лицо маленького зеленого беса уставилось на него с той знакомой ему по предыдущим реинкарнациям и вызывающей у него душевный трепет безнадежной улыбкой.

— Доброе утро мистер «Вставьте Имя»! С вами говорит Дис-Организатор пятого поколения «Gooseberry» ТМ. Чем я могу вам… — Дис-Организатор затараторил, спеша сказать как можно больше, прежде чем его безжалостно оборвут.

— Могу поклясться, что отключил тебя. — сказал Ваймс.

— Вы угрожали мне молотком, — осуждающе сказал бес и с загремел крошечными засовами.

— Нет, вы подумайте только, он угрожает молотком чуду техномагической мысли! — завопил бесенок, обращаясь ко всем присутвующим. — Он все еще не заполнил регистрационную карточку! Поэтому мне приходится обращаться к нему мистер «Вставьте Свое Имя…»

— Я думала, что вы избавились от этой штуки. — сказала Ангуа, после того, как Ваймс с треском захлопнул крышку. — Кажется, он у вас нечаяно сломался.

— Ха! — послышался сдавленный голос из под крышки.

— Сибил каждый раз покупает мне новый, — с гримасой ответил Ваймс. — более продвинутый вариант. Но я точно знаю, что выключал этот.

Крышка опять открылась.

— Внимание! — завизжал бесенок. — Десять двоеточие сорок пять, позирование для Чертового Портрета!

Ваймс застонал. Портрет, который рисует Сэр Джошуа. Если он не пойдет, то у него будут крупные неприятности, он и так уже пропустил две назначенные встречи. Но эти дварфийские дела были… слишком важными.

— Я не смогу придти. — пробурчал он.

— Почему бы вам не воспользоваться услугами простой и удобной, встроеной службой отправки сообщений «Bluenouse»?

— Что она делает? — подозрительно поинтересовался Ваймс. Все поколения Дис-Организаторов, которые у него были, доказали, что прекрасно способны справиться со всеми проблемами, ими

же самими и вызываемыми.

— Э… Это означает, что я очень быстро побегу с сообщением к ближайшей семафорной башне. — с надеждой предложил бес.

— И ты потом вернешься? — встрепенулся Ваймс.

— Обязательно вернусь!

— Спасибо, тогда не нужно. — ответил Ваймс.

— Как насчет игры Шлемп™, специально разработанной для пятого поколения? — не унимался бесенок — или Летучие мыши? Нет? Или вы предпочитаете более популярную игру Отгадай, Сколько Во Мне Чушек? Может насвистать вашу любимую мелодию? Моя iHUM функция позволяет мне запомнить полторы тысячи ваших….

— Вы могли бы научиться пользоваться им, сэр. — предложила Ангуа, когда Ваймс снова захлопнул крышку над протестующим голосом.

— Я уже пользовался одним. — ответил Ваймс.

— Ага, в качестве дверного упора. — прогрохотал Детрит, идущий сзади.

— Я не в ладах с чудесами техномагии, понятно? — сказал Ваймс. — Разговор окончен. Пикша, быстро отправляйся в переулок Лунного Пруда в студию Сэра Джошуа. Передай мои извинения леди Сибил. Скажи ей, что я ужасно сожалею,

но появилась проблема, которую я обязательно должен уладить.

Да, это необходимо уладить, думал Ваймс по дороге к дварфам. Возможно, улаживать ее надо более осмотрительно, чем я собираюсь. Ну и черт с ним. Вот уж до чего дошло, вы должны осторожничать, даже чтобы просто установить, было ли совершенно убийство.

Паточная улица находилась в типичном городском районе, излюбленном дварфами — на границе с менее приятными областями, но не проникая в них слишком глубоко. Повсюду можно было заметить признаки дварфийского присутствия — мозаику окон, свидетельствующую, что двухэтажный дом был превращен в трехэтажный без надстраивания; многочисленные пони, тянущих маленькие тележки; кроме того, коротыши с бородами и в шлемах, служили верным ориентиром.

Дварфы вкапывались в землю, то есть занимались исконно дварфийским делом. Здесь, на возвышеном месте вдали от реки, они могли закопаться до подподвального уровня, не оказавшись по шею в воде. Сегодня утром они заполонили улицы. Они не выглядели угрожающе, насколько мог судить Ваймс по доступной для выражения

эмоций части лица между бровями и усами площадью в несколько квадратных дюймов. Но все же было довольно необычно видеть их всех, просто стоящими на улице. Обычно дварфы были заняты работой, причем преимущественно на других дварфов. Сейчас же они просто стояли, не разгневанные, но встревоженные. Для того, чтобы понять это, необязательно было видеть их лица. Дварфы в целом не долюбливают газеты, полагая, что новости, прочитанные в газете, и переданные из уст в уста, похожи, как изюм и виноград. Они предпочитают обмениваться новостями между собой, гарантируя этим их свежесть и индивидуальность, обогащая ее подробностями при каждом пересказе. Эта толпа неуверенно стояла, ожидая друг от друга известий о начале беспорядков.

Тем не менее, дварфы расступились, чтобы дать им дорогу. Присутствие Детрита вызвало волну глухих боромотаний, которые тролль благоразумно предпочел не замечать.

— Чувствуете? — спросила Ангуа Ваймса, идя рядом с ним по улице. — сквозь ваши подошвы?

— У меня не такой чувствительности, сержант. — ответил Ваймс.

— Это постояное бум-бум-бум под землей, я

чувствую, как улица сотрясается. По моему, это работающий насос.

— Выкачивает воду из подвалов, может быть? — сказал Ваймс. Звучит, как серьезное строительство. Как глубоко они могут зарыться? — гадал он. Как-никак, Анк-Морпорк в основном построен на Анк-Морпорке. Город был здесь всегда.

Если приглядеться, то это не было случайное скопление народа. Это была очередь, вытянувшаяся вдоль тротуара и медленно продвигающаяся к боковой двери. Они стояли в ожидании увидеть скальтов. — Прошу вас, проводите моего отца в последний путь… Пожалуйста, дайте совет как продать мой магазин… Мне нужны наставления для успешного предпринимательства… Я так далеко от костей моих предков, помогите мне остаться дварфом… -

Да, в такие времена как сейчас никому нельзя быть «д'ркза». Строго говоря, большинство анкморпоркских дварфов были д'ркза, что можно перевести, как «ненастоящий дварф». В самом деле, они не прячутся глубоко под землей, выходя наружу только ночью, они не добывают металл, они позволяют своим дочерям демонстрировать кое-какую женственность, они небрежны при исполнении ряда ритуалов. Но дух Кумской Долины

витал в воздухе и сейчас было не то время, чтобы оставаться «ненастоящим дварфом». Поэтому так необходимо слушать скальтов. Они укажут вам верный путь.

До сих пор Ваймса все устраивало. Устраивало, хотя бы потому, что скальты в этом городе еще не дошли до того, чтобы поощрять убийство.

Ему всегда нравились дварфы. Из них получались надежные офицеры и у них была врожденная законнопослушность, по крайней мере, в трезвом виде. Но сейчас они все пристально смотрели на него. Он кожей чувствовал их взгляды. Конечно, стоять и пялиться на прохожих, было излюбленным занятием анк-морпокцев. Город мог бы стать крупнейшим поставщиком пронзительных взглядов. Но эти взгляды были другого сорта. Улица не ощущалась полностью враждебной, но была чуждой. И тем не менее она все еще оставалась улицей Анк-Морпорка. Как он может быть здесь чужаком?

Наверное мне не стоило приводить с собой тролля, подумал Ваймс. Но к чему могут привести такие уступки? К тому, что они будут сами выбирать себе полицейских из списка?

На страже перед домом Мясодробилки стояли два дварфа. Они были одеты в более тяжелые

доспехи, чем обычные дварфы, насколько такое вообще было возможно, и производили гнетущее впечатление. Однако, оно, вероятно, создавалось черными кожанными кушаками, подпоясывающими стражников. Для тех, кто в этом разбирался, кушаки означали, что их владельцы служат забурившимся дварфам и потому на них также распространялась аура благоговения и страха, которые скальты вызывали у городских дварфов, отошедших от традиций.

Они уставились на Ваймса тем особым взглядом, характерным для стражников всех стран мира, говорящим: ты практически мертвец, только моему терпению ты обязан тем, что еще жив. Но Ваймс был готов к этому. Каждая собака знает, как часто он сам принимал такой вид. И он парировал его ответным равнодушным взглядом человека, ничего не замечющего.

— Коммандер Ваймс, Городская Стража. — сказал Ваймс, показывая свой значок. Мне нужно немедленно встретиться со Скальтом Мясодробилкой.

— Он никого не принимает. — ответил один из стражников.

— О, так значит он мертв? — спросил Ваймс.

Он почувствовал, что попал в точку. Для под-

тверждения этого, ему даже не понадобился легкий кивок Ангуа. Дварфов вопрос напугал, они покрылись испариной.

К их потрясению и ужасу и, в какой-то степени и к его собственному удивлению, Ваймс уселся на ступеньки между ними и вытащил пачку дешевых сигар из кармана.

— Я не предлагаю вам закурить, парни, потому, что знаю, вам не позволено курить на службе. — дружелюбно заговорил он. — Я своим ребятам тоже не разрешаю. Сам я курю только потому, что мне самому никто не может запретить, хаха.

Он выпустил струйку синеватого дыма. — Итак, я, как вам известно, являюсь главой Городской Стражи. Верно?

Оба дварфа, уставившиеся в пространство прямо перед собой, еле заметно кивнули головами.

— Отлично, — сказал Ваймс. — и это означает, что вы оба препятствуете мне исполнять мои служебные обязанности. Это дает мне возможность… ого, у меня большой выбор возможностей. Одна из них, о которой я как раз подумал, это вызов констебля Дорфла. Он голем. Ничто не сможет воспрепятствовать ему при выполнении его служебных обязанностей, уж поверьте. Вы потом целую неделю будете выметать щепки, оставши-

еся от двери. И я бы не становился на его пути, будь я на вашем месте. И все будет исполнено на законных основаниях, так что если кто-нибудь решит поднять бучу, то может случиться кое-что и поинтереснее. Послушайте, я говорю вам все это только потому, что сам прослужил в страже много лет и знаю, что бывает время, когда нужно выглядеть крутым и бывает время — я полагаю, что сейчас как раз такое — когда пойти и спросить тех, кто внутри, что делать дальше, будет очень полезно для вашей карьеры.

— Нам нельзя покидать пост. — ответил дварф.

— Об этом можете не беспокоиться, — сказал Ваймс, вставая. — я постою на посту вместо вас.

— Вы не имеете права!

Ваймс наклонился к уху дварфа.

— Я — коммандер стражи, — прошептал он тоном, в котором ничего не осталось от дружелюбия. Он показал на булыжную мостовую — Это моя улица, я могу стоять там, где захочу. Вы стоите на общественной улице, которая принадлежит всем. И потому существует десяток причин, по которым я могу арестовать вас прямо сейчас. Да, могут начаться беспорядки, но вы окажетесь в самой гуще событий. Я советую вам, как стражник стражнику, быстро пойти и поговорить с

вышестоящим начальством. Согласны?

Он посмотрел в озабоченные глаза, устремленные на него из щелки между густыми бровями и пышными усами, приметил кое-какие мелкие детали, служащие подсказкой, и добавил: — Можете идти, мэм.

Стражник постучался в дверь. Засов отодвинулся. Дварфы пошептались. Дверь открылась. Стражник поспешно вошел. Дверь захлопнулась. Ваймс повернулся, занял позицию перед дверью и замер по стойке смирно с несколько более театральным видом, чем требовалось.

В толпе послышались смешки. Может они и были дварфами, но как жители Анк-Морпорка, они всегда горели желанием понаблюдать за развитием событий.

Оставшийся стражник шепнул. — Нам не позволяется курить на дежурстве!

— Упс, простите. — сказал Ваймс, вытащил сигарету изо рта и сунул ее за ухо, приберегая напоследок. Раздалось еще больше хихиканий. Пусть смеются, сказал сам себе Ваймс. Зато, они ничем не швыряются в тебя.

Солнце ослепительно сияло. Толпа стояла неподвижно. Сержант Ангуа уставилась в небо со старательно бесстрастным лицом. Детрит

замер в особой, абсолютной каменоподобной неподвижности, свойственной троллю, которому совсем нечего делать. Только Кольцеплавит выглядел напряженным. Возможно потому, что в такое время, как сейчас, дварф с полицейским значком не самый желанный гость здесь, думал Ваймс. Но почему? Ведь все, чем мы были заняты последние две недели, это пытались помещать двум группам идиотов взаимно истреблять друг друга. И вот награда.

Это утро будет стоить ему разноса, думал он, хотя на самом деле, Сибил никогда не повышала голос, отчитывая его. Она только становилась грустной и это было намного хуже. Все дело в этом треклятом семейном портрете. Оказалось, что для него необходимо позировать часами. Но таковы были традиции в семье Сибил и с этим нужно было считаться. В каждом поколении портрет был примерно одинаковым: счастливое семейство на фоне холмистых земельных владений. У Вайса не было никаких земельных владений, кроме его ноющих ступней, но в качестве наследника состояния семьи Овнец, он был также владельцем Кранделла, огромного поместья в сельской местности. Он так там и не побывал. Ваймс не имел ничего против сельской

местности, если она не двигалась и не атаковала, но он любил чувствовать под ногами тротуары и не заботился о том, чтобы быть запечатленным в образе помещика. Пока что его уклонение от нескончаемых позирований имело разумные объяснения, но он был на грани…

Прошло еще немного времени. Несколько дварфов покинуло толпу. Ваймс стоял не шевелясь. Не шевелился он даже когда слышал звуки открываемого и тут же закрываемого дверного засова. Они пытались взять его измором.

— Та-та-та-тирилили-тирилили-та-та!

Уставившись прямо перед собой в необозримые дали профессиональным взглядом стражника, Ваймс вытащил Дис-Организатор из кармана и поднес его ко рту.

— Я знаю, что выключил тебя. — пробормотал он.

— Включение сигнализации по тревоге, помните? — спросил бес.

— Как мне заставить тебя перестать это делать?

— Правильное сочетание слов приведено в инструкции, мистер «Вставьте здесь Имя». - сказал бес и поджал губы.

— Где инструкция?

— Вы выбросили ее, — ответил бесенок с упреком. — Вы всегда так поступаете. Вот почему вы никогда не применяете правильные команды и вот почему я не «убрался и не засунул свой нос под утиный хвост» вчера! У вас встреча с Лордом Ветинари через полчаса.

— Я занят. — пробурчал Ваймс.

— Желаете ли вы, чтобы я напомнил вам о встрече через десять минут?

— Скажи мне, какую часть в предложении «засунь свой нос под утиный хвост» ты не понял? — спросил Ваймс и убрал коробочку обратно в карман.

Итак, у него было полчаса. Полчаса должно было хватить на все. То, что он собирался сделать, было слишком радикальным, но он видел взгляды, который дварфы кидали на Детрита. Слухи были подобны яду.

И только он шагнул вперед, готовый вызвать Дорфла и все возможные проблемы, которые неминуемо последуют за вторжением, дверь позади него открылась.

— Коммандер Ваймс? Вы можете войти.

В дверях стоял дварф. В полумраке можно было разглядеть только его силуэт. Тут Ваймсу бросился в глаза знак, нарисованный мелом на стене

над дверью: круг, перечеркнутый горизонтальной линией.

— Со мной пойдет сержант Ангуа. — сказал он. Знак вызвал в нем чувство неясной тревоги, он казался печатью владельца, намного более выразительной, чем доска с надписью «Мое Отдохновение».

— Тролль останется снаружи. — решительно сказала фигура.

— Сержант Детрит останется сторожить вместе с капралом Кольцеплавитом. — сказал Ваймс.

Это заявление было принято, как должное, предполагая, что дварф ничего не знал об иронии. Дверь приоткрылась шире и Ваймс шагнул внутрь.

В холле было пусто, за исключением нескольких поставленных друг на друга ящиков и в воздухе пахло — чем? Несвежей пищей. Старыми заброшенными помещениями. Запечатанными комнатами. Чердаками. Весь дом для них — чердак, подумал Ваймс. Внутри, глухой подземный стук стал более заметным. Он был как сердцебиение.

— Сюда, будьте так любезны. — сказал дварф и проводил Ваймса и Ангуа в боковую комнату. Вся обстановка комнаты состояла из нескольких

деревянных ящиков и истертых лопат, валяющихся тут и там.

— Мы не часто принимаем гостей. Пожалуйста, будьте терпеливыми. — сказал дварф и вышел из комнаты. Ключ щелкнул в замке. Ваймс сел на ящик.

— Вежливо. — заметила Ангуа. Ваймс приложил одну руку к уху, указав большим пальцем на сырую перепачканную штукатурку. Она кивнула и одними губами выговорила слово «труп», показывая на пол.

— Уверена? — спросил Ваймс.

Ангуа постучала по кончику своего носа. Что же, с носом оборотня не поспоришь. Ваймс привалился к самому большому ящику. Для того, кто научился спать, прислонясь к любой доступной стене, это было даже удобно. Штукатурка на противоположной стене полуразрушилась, позеленела от сырости и была покрыта пыльной старой паутиной. Тем не менее, кто-то так глубоко вырезал на ней знак, что куски штукатурки отвалились. Это тоже был круг, но на этот раз он был перечеркнут крест накрест двумя линиями по диагонали. В этом была какая-то страстность, не свойственная дварфам.

— Вы неплохо справляетесь, сэр. — сказала

Ангуа. — Вы ведь знаете, что они специально так невежливы.

— Против грубости нет закона, сержант. — Ваймс надвинул шлем на глаза и устроился поудобнее.

Маленькие дьяволы! Изображают передо мной дурачков? Стараются взвинтить меня? Значит, не надо сообщать Страже? В этом городе нет закрытых зон. Я прослежу, чтобы они об этом узнали, о да.

В последнее время, в городе появлялось все больше и больше забурившихся, хотя они редко появлялись за пределами дварфийских районов. Но даже в этих районах вы не смогли бы увидеть их самих, а только лишь пыльные, черные, наглухо закрытые паланкины, несомые другими дварфами. В паланкинах не было окон, да и зачем они были нужны — на поверхности не было ничего, что могло бы заинтересовать забурившегося.

Городские дварфы относились к ним с благоговением, уважением и, нужно сказать, с определенной долей смущения, как к благородным, но слегка чудаковатым родственникам. Потому что в глубине души, каждый городской дварф слышал тихий голос, твердящий — твое место в горах, ты не должен жить под открытым

небом, ты должен быть настоящим дварфом. Другими словами, не следует тебе работать на фабрике красителей у своего дяди. Но если уж так получилось, то постарайся хотя бы мыслить, как настоящий дварф. Среди всего прочего, это также означает, что ты должен слушаться забурившихся, дварфов из дварфов, живущих в пещерах глубоко под землей и никогда не видящих солнца. Именно там в темноте скрывается настоящая дварфийскость. Скальты познали ее и теперь могут наставлять вас.

Ваймсу до этого не было никакого дела. Во всем этом было столько же смысла, сколько в том, во что верит большинство людей, а дварфы могли служить показательным образцом горожанина, за исключением их размеров. Но предоставить им самим разбираться с убийством? — подумал Ваймс. — Никогда, пока глава Стражи — я!

Через десять минут замок открылся и в комнату вошел другой дварф. На взгляд Ваймса, он был одет, как типичный городской дварф, то есть на нем была кольчуга, шлем и кожаные штаны, но только вместо боевого топорика или кирки, он держал дубинку с шипами. Дварф заметно нервничал.

— Коммандер Ваймс! Ну что я могу сказать....

Приношу свои глубочайшие извинения за оказанный прием.

Ага, очень глубокие, глубже и некуда. Вслух же Ваймс сказал — Кто вы?

— Ах, простите! Я Умноруль, и я… наиболее подходящим словом будет, пожалуй, «Лицо, обращенное к свету»? Я занимаюсь всеми делами, которые необходимо сделать на поверхности. Пожалуйста, пройдемте в мой кабинет! — он торопливо вышел, им ничего не оставалось, как последовать за ним.

Кабинет был под лестницей, в каменном фундаменте. Он выглядел довольно уютно. Одна стена была заставлена ящиками и мешками. Как-никак, глубоко под землей было не так уж много пищи; неприхотливая жизнь глубинных дварфов была обеспечена довольно сложной работой дварфов на верхних уровнях. Похоже, что Умноруль был немногим больше, чем слуга, следящий за питанием хозяев, хотя сам он, вероятно, считал свою работу более благородной. За занавеской в углу вполне могла скрываться кровать, дварфы обычно не гоняются за роскошью.

Стол был завален бумажными листами. На стоящем рядом с ним маленьком столике лежала восьмиугольная доска, заставленная фигурками.

Ваймс вздохнул. Он ненавидел игры. Они слишком упрощали мир.

— О, вы играете, коммандер? — спросил Умноруль с голодным видом истинного энтузиаста. Ваймс знал это тип. Стоит проявить из вежливости интерес и ты застрянешь тут на всю ночь.

— Лорд Ветинари играет. А меня они никогда не интересовали. — ответил Ваймс.[6]

— Умноруль это необычное имя для дварфа. Вы случайно не родственник Умнорулей из Сального Переулка?

Все, что он хотел, это чуть-чуть разрядить обстановку, но с таким же успехом он мог бы и выругаться. Умноруль уставился вниз и забормотал: — Э… Ага, но… для скальта, даже для ученика, все дварфы одна семья… Нет. В самом деле нет.

Он запнулся и замолчал, и тут какая то часть его мозга взяла верх. Дварф оживился: — Хотите кофе? Я сейчас принесу.

Ваймс открыл было рот, чтобы отказаться, но не стал этого делать. Дварфы варили отличный

---

[6] Примечания: 6

Ваймс никогда не преуспевал в любых играх, более сложных, чем дротики. В особенности его раздражали шахматы. Его всегда задевала эта тупая резня между пешками, в то время как короли прохлаждались, ничего не делая; если бы только пешки смогли объединиться и может даже убедить ладей последовать за ними, вся доска могла бы стать республикой через десяток ходов.

кофе и из соседней комнаты доносился его запах. Кроме того, нервозность, излучаемая Умнорулем, наводила на мысль, что он целый день сидит на кофе. Никакого вреда не будет, если поощрить его выпить еще немного. Именно об этом он всегда говорил своим офицерам: полицейские всегда вызывают беспокойство у людей, особенно, если офицер знает свое дело, а нервные люди легко проговариваются.

Пока дварф отсутствовал, Ваймс осмотрел комнату и заметил надпись «Кодекс Кумской Долины» на корешке книги, наполовину зарытой в бумагах.

Опять эта проклятая долина, только на этот раз с примесью сверхъестественности. Вот и Сибил присоединилась к большинству читающего населения города и купила книгу, а затем потащила его в Королевский Музей Искусств посмотреть на кошмарную картину того бедолаги. Картина с секретом? Неужели? Ну и каким образом этот безумный молодой художник, живущий какую-то сотню лет назад, смог узнать секрет битвы, произошедшей тысячи лет назад? Сибил сказала, что в книге утверждается, будто художник нашел что-то на поле битвы. Но оно было населено призраками и голоса свели его с ума, заставив

поверить, что он стал цыпленком. Что-то в таком духе.

После того, как Умноруль принес и поставил кружки, пролив при этом немного кофе на стол, потому, что его руки дрожали, Ваймс сказал: — Я должен увидеть Скальта Мясодробилку, сэр.

— Сожалею, но это невозможно.

Дварф ответил спокойным и уравновешенным тоном, как будто заранее практиковался, как он это скажет. Но в его глазах что-то промелькнуло и Ваймс покосился на большую решетку вделанную в стену. В это момент Ангуа легонько кашлянула. Ясно, подумал Ваймс, нас кто-то подслушивает.

— Мистер Умно… руль, — сказал он, — у меня есть все основания считать, что на территории Анк-Морпорка произошло серьезное преступление. — Он добавил — Или, лучше сказать под ней, но так или иначе, это тоже Анк-Морпорк.

И снова странное спокойствие Умноруля выдало его. Как и какая-то затравленность в его глазах: — Прискорбно это слышать. Чем же я могу помочь в вашем расследовании?

Ах вот как, подумал Ваймс, я предупреждал, что не играю в игры.

— Тем, что покажете мне мертвое тело, нахо-

дящееся у вас там внизу. — ответил Ваймс. И он с каким-то неприличным удовлетворением увидел, как Умноруль весь сжался. Что ж, пришло время завинтить гайки… Он достал свой значок.

— Вот мои полномочия, мистер Умноруль. Я обыщу это место. Я предпочел бы сделать это с вашего разрешения.

Дварф затрясся то ли от страха, то ли от гнева, а может и от того и другого одновременно: — Вы вторгнетесь в наши владения? Вы не имеете права! Дварфийские законы…

— Это Анк-Морпорк, — сказал Ваймс. — всю дорогу вверх и весь путь вниз. Поэтому вопрос о вторжении вообще не стоит. Значит вы действительно говорите, что я не имею права обыскать подвал? Немедленно отведите меня к Скальту Мясодробилке или к любому другому, заменяющему его! Сейчас же!

— Я… — Я отказываю вам в вашей просьбе!

— Это не просьба!

Вот мы и добрались до нашей собственной Кумской Долины, думал Ваймс, глядя в глаза Умноруля. Теперь отступать некуда. Каждый из нас уверен в своей правоте. Но он неправ! Его внимание привлекло какое-то движение. Умноруль водил дрожащим пальцем по разлитому

кофе, придавая ему форму круга. И пока Ваймс смотрел, он добавил две линии, крест накрест перечеркивающие круг по диагонали. Ваймс снова поглядел в глаза дварфа, полные гнева, страха и… еще чего-то еле уловимого…

— Коммнадер Ваймс, не так ли? — сказала фигура, появившаяся в дверном проеме.

Так мог бы сказать лорд Ветинари. Это была именно его манера говорить, дающая понять, что тебя заметили и с немного унизительным оттенком объясняющая, что ты не больше, чем его рутинная обязаность. Но эти слова произнес дварф, а не человек, несмотря на то, что он был одет в высокий остроконечный капюшон, увеличивающий его рост до человеческого. Он был плотно упакован, и это было очень подходящее слово, в заходящие друг на друга кожанные пластинки, оставляющие только узкую прорезь для глаз. Если бы не тихая властность в голосе, фигуру, стоящую перед Ваймсом, можно было принять за очень мрачное страшдественское украшение.

— И кто вы? — спросил Ваймс.

— Меня зовут Ардент, коммандер. Умноруль, вы можете идти.

Как только «Лицо, обращенное к свету» по-

спешно вышел, Ваймс повернулся на стуле, как бы случайно коснувшись рукой кофейного знака, и вытер его.

— И вы тоже желаете быть полезным? — спросил он.

— Если у меня получится. — ответил дварф. — Прошу вас, следуйте за мной. Было бы предпочтительно, чтобы сержант не сопровождала вас.

— Почему?

— Это вполне понятной причине. — сказал Ардент. — Слишком заметно, что она женщина.

— Ну и что? Слишком заметно, что сержант Ангуа не дварф, — сказал Ваймс. — не надо ждать, что все будут подстраиваться под ваши правила!

— Почему бы и нет? — спросил дварф. — Вы ведь подстраиваетесь. Но не могли бы мы вдвоем, всего на минутку, пройти в мой оффис и обсудить дела?

— Со мной все будет хорошо, сэр. — сказала Ангуа. — может так будет лучше всего.

Ваймс попытался успокоиться. Он чувствовал, что начинает закипать. Эти безмолвные наблюдатели на улице взяли его за живое, и ему нужно было поразмышлять на взглядом, кинутым на него Умнорулем. Но он ответил: — Нет.

— Вы не согласитесь на такую маленькую

уступку? — спросил Ардент.

— Поверьте, я и так уже сделал несколько больших. — ответил Ваймс.

Дварф несколько секунд буравил его взглядом из под остроконечного капюшона.

— Очень хорошо. — сказал Ардент. — Прошу за мной.

Дварф повернулся и, открыв дверь позади себя, вошел в маленькую квадратную комнатку. Он поманил их за собой и, когда они вошли, дернул за рычаг. Комната легонько вздрогнула и стены стали подниматься.

— Это… — Начал говорить Ардент.

— Лифт. — закончил Ваймс. — Я знаю. Я уже видел их, когда встречался с Низким Королем в Юбервальде.

Но упоминание этого имени не сработало.

— Низкий Король здесь у нас… не в почете. — сказал Ардент.

— Я думал, что он правит всеми дварфами? — спросил Ваймс.

— Распространенное заблуждение. Ага, вот мы и на месте. — Лифт остановился с легким толчком.

Ваймс уставился на открывшуюся картину. Анк-Морпорк строился на Анк-Морпорке, как бы-

ло всем известно. Его начали строить из камней еще десять тысяч лет назад. Ежегодный разлив Анка приносил ил, так, что городу приходилось достраивать стены, пока чердаки не становились подвалами. Говорили, что человек с киркой и хорошим чувством ориентации смог бы пересечь город даже на современном подвальном уровне, прорубая путь через подземные стены, при условии, что он способен дышать грязью.

Что здесь раньше было? Дворец? Храм бога, постепенно исчезнувшего из памяти людей? Перед ним открылось большое пространство, темное, как ночь, в котором что-то мерцало, давая достаточно света, чтобы разглядеть красивые своды над головой. Это было странное мерцание.

— Вирви, — сказал Ардент. — существа из глубоких пещер под горами Лламедоса. Мы принесли их с собой и они быстро размножаются здесь. Они нашли ваш ил очень питательным. И я уверен, что они стали ярче светиться.

Мерцание перемещалось. Оно давало неяркий свет, достаточный, чтобы проявить очертания предметов, и направлялось к лифту, медленно перетекая под потолком изумительной красоты.

— Даже в таких хороших условиях, их влечет к теплу и движению. — сказала фигура в надвину-

том капюшоне.

— Ээээ… Почему?

Ардент издал короткий смешок. — На случай, если вы умрете, коммандер. Они думают, что вы крыса или олененок, попавший в их пещеру. Пища редко встречается на Глубине. Даже каждый ваш выдох может служить едой для них. И когда, в конце концов, вы скончаетесь, они… нападут. Они очень терпеливы. Они не оставляют ничего, кроме костей.

— Я не собираюсь здесь умирать. — сказал Ваймс.

— Конечно же нет. Пожалуйста, следуйте за мной. — сказал Ардент, проходя мимо большой круглой двери. На другой стороне зала были еще такие же двери и насколько широко раскрытых пастей прорубленных туннелей.

— Насколько глубоко мы спустились?

— Не очень глубоко. Где-то футов сорок. Копать мы умеем.

— В этом городе? — спросил Ваймс. — Почему же мы еще не пытаемся дышать под водой? Впрочем, называть эту жидкость водой, делает ей слишком много чести.

— Нам хорошо удается предотвращять проникновение воды в шахту. Увы, оказывается, что

предотвращать проникновение Самюэля Ваймса, у нас получается хуже.

Дварф шагнул в маленькую комнату с потолком, густо покрытым светящимися вирвями, и подошел к паре кресел, рассчитанных на дварфов:
— Прошу вас, садитесь. Не желаете освежиться?

— Нет, спасибо. — сказал Ваймс. Он осторожно сел в кресло, так, что его колени почти уперлись ему в подбородок. Ардент уселся за маленькую конторку, сделанную из каменной плиты, и, к изумлению Ваймса, снял свой головной убор. Он выглядел довольно молодо, и что удивительно, его борода была аккуратно подстрижена.

— Как далеко простираются эти тунели? — спросил Ваймс.

— Я не собираюсь вам этого говорить. — сказал Ардент невозмутимо.

— Значит, вы подкапываетесь под мой город?

— Ох, коммандер. Вы же были в юбервальдских пещерах. Вы видели как дварфы умеют строить. Мы мастера. Не стоит беспокоиться, что ваш дом вот вот провалится.

— Но вы же не только роете подвалы, вы копаете шахты! — сказал Ваймс.

— В известном смысле. Мы предпочли бы сказать, что роем ямы. Пространство, коммандер,

вот что нам нужно. Да, мы роем ямы. Хотя, наши скважины обнаружили глубинные залежи патоки, вам будет интересно услышать, что… -

— Вы не имеете права делать это!

— Не имеем? Тем не менее, мы это делаем. — спокойно сказал Ардент.

— Вы копаетесь под землей, принадлежащей другим!

— Кролики копаются, коммандер. Мы копаем. И, да, мы это делаем. Насколько глубоко простирается право на землю? И насколько высоко?

Ваймс посмотрел на дварфа. Успокойся, сказал он себе. Ты не можешь решать такие вопросы. Все это слишком серьезно. Это то, чем должен заниматься Ветинари. А ты занимайся тем, что в твоей компетенции. Продолжай работать над тем, в чем разбираешься.

— Я расследую дело об убийстве.

— Да. Скальт Мясодробилка. Ужасное несчастье. — сказал Ардент со спокойствием, которое просто бесило.

— Я слышал, что это было жестокое убийство.

— Это будет совершенно точное описание.

— И вы соглашаетесь с этим? — спросил Ваймс.

— Я буду считать, что вы хотели сказать: «Допускаю ли я, что это убийство?», коммандер. Да.

Это убийство. И мы этим занимаемся.

— Каким образом?

— Мы обсуждаем назначение «Задкргдга». - сказал Ардент, складывая руки. — Это означает «Тот, кто плавит». Тот, кто выплавит чистый металл истины из руды запутанных фактов.

— Обсуждаете? Вы уже опечатали место происшествия?

— Плавильщик может отдать такой приказ, коммандер, но мы и так знаем, что преступление было совершено троллем. — на лице Ардента проявилось выражение презрительного недоумения, которое Ваймсу страстно захотелось стереть.

— Откуда вы знаете? Были свидетели?

— Нет, их, как таковых не было. Но рядом с телом была обнаружена тролльская дубинка. — ответил дварф.

— И это все, на чем вы основываетесь? — Ваймс встал. — Ну с меня хватит. Сержант Ангуа?

— Сэр? — сказала Ануга, стоящая позади него.

— Идем. Нам нужно осмотреть место, где произошло убийство, пока там еще остались хоть какие-нибудь улики!

— Вам нечего делать в нижних уровнях! — резко сказал Ардент, вставая.

— Как вы собираетесь остановить меня?

— Как вы собираетесь пройти через запертые двери?

— Как вы собираетесь найти убийцу Мясодробилки?

— Я же сказал вам, что мы нашли тролльскую дубинку!

— И это все? «Мы нашли дубинку, значит это сделал тролль?» Да кто в это поверит? Вы готовы начать войну в моем городе из-за подобной чепухи? Можете мне поверить, войну, вот что вызовет вся эта история, как только она будет обнародована. Только попробуйте и я арестую вас!

— И развяжите войну в вашем городе? — сказал Ардент.

Дварф и человек уставились друг на друга, переводя дыхание. На потолке над ними вирви сбились в кучу, пожирая летящую слюну и ярость.

— Зачем кому-нибудь, кроме, тролля понадобилось убивать скальта? — спросил Ардент.

— Отлично! Вы уже задаете вопросы! — Ваймс перегнулся через конторку. — Если вы действительно хотите узнать ответы, откройте эти замки!

— Нет! Вам нельзя идти вниз, Дежурный по Доскам Ваймс!

Дварф не смог бы вложить больше яда, даже в слово «детоубийца». Ваймс уставился на него. Дежурный по доскам. Да, он выполнял эти обязанности в той маленькой уличной школе более, чем сорок пять лет назад. На учебе настаивала его матушка. Боги знают, где она доставала пенни для ежедневной оплаты занятий, хотя мадам Слегкая зачастую была рада и старой одежде и дровам, да и, возможно, бутылке джина. Числа, буквы, единицы измерения; вряд ли это можно считать углубленной школьной программой. Ваймс ходил в школу где-то около девяти месяцев, пока улица не заставила его пройти более тяжелый и жестокий курс обучения. Но в течении этого времени он был ответственным за раздачу грифельных дощечек и за чистоту классной доски. Какая же это была пьянящая, придающая силы власть, в его шесть лет.

— Вы отрицаете это? — сказал Ардент. — Что вы разрушали написанные слова? Вы сами признались в этом Низкому королю в Юбервальде!

— Это была шутка! — сказал Ваймс.

— Так вы отрицаете это?

— Что? Нет! Он был так впечатлен моими титулами, что я подбросил еще один… просто для забавы.

— То есть вы отрицаете свое преступление? — настаивал Ардент.

— Преступление? Я вытирал доску, чтобы на ней можно было написать новые слова! Что в этом преступного?

— И вас не заботило, куда исчезали эти слова? — спросил Ардент.

— Заботило? Это всего лишь след от мелка!

Ардент вздохнул и потер глаза.

— Трудная ночь? — поинтересовался Ваймс.

— Коммандер, я понимаю, вы тогда были молоды и не осознавали, что творили, но сейчас вы должны понимать, что продемонстрировали нам свою гордость соучастием в отвратительнейшем преступлении: в разрушении слов.

— Простите? Стирать с доски «Мама мыла раму» это тяжкое преступление?

— Такое, о котором истинный дварф даже подумать не смеет! — ответил Ардент.

— Неужели? Но сам Низкий Король оказал мне доверие. — сказал Ваймс.

— Я понимаю. Но там внизу находятся шесть высокочтимых скальтов, коммандер, в чьих глазах Низкий Король и ему подобные всего лишь порода, отслоившаяся от основного пласта. Он… — следующее предложение Ардент протре-

щал на дварфийском стаккато так быстро, что Ваймс не успел уловить смысл, и тут же перевел его: — Хиляки. Опасные либералы. Поверхностные. Те, кто видели свет.

Ардент пристально смотрел на него. Подумай хорошенько. Судя по тому, что Ваймс мог вспомнить, Низкий Король и его окружение были довольно жесткие ребята. Эти же дварфы сичтают их сентиментальными либералами.

— Хиляки? — переспросил он.

— Именно. Я предлагаю вам сделать из этого заявления выводы о характере тех, кому я служу.

Ага, подумал Ваймс. В этом что-то есть. Не больше, чем намек. Дружище Ардент у нас мыслитель.

— Когда вы сказали, что он видел свет, это прозвучало так, как будто вы имели в виду — он порченный. — сказал Ваймс.

— Что-то вроде этого. Мы живем в разных мирах, коммандер. Здесь внизу было бы опрометчивым доверять метафорам. Смотреть на свет значит быть слепым. Знаете ли вы, что в темноте глаза открываются шире?

— Отведите меня вниз к этим дварфам. — сказал Ваймс.

— Они не станут вас слушать. Они на вас даже

не взглянут. У них нет никаких дел с Верхним Миром. Они верят, что это вроде неприятного наваждения. Я не осмелился рассказать им о ваших «газетах», печатающихся каждый день и выбрасываемых, как мусор. Потрясение убило бы их.

Но дварфы изобрели печатный станок, подумал Ваймс. Не иначе, это были неправильные дварфы. И я видел, как Шельма выбрасывала старые бумаги в мусорную корзинку. Похоже, что большинство дварфов неправильные, а?

— В чем конкретно заключается ваша работа, мистер Ардент? — спросил Ваймс.

— Я их главный посредник с Верхним Миром. Управляющий, как вы могли бы сказать.

— Я думал, что это работа Умноруля?

— Умноруль? Он заказывает продукты, в соответствии с моими приказаниями, расплачивается с шахтерами и тому подобное. Выполняет различную работу по дому. — сказал Ардент презрительно. — Он новичок и его обязанности — делать то, что я ему скажу. Это я, тот, кто говорит от имени скальтов.

— Вы разговариваете с неприятным наваждением от имени скальтов?

— Можно и так сказать. Скальты не позволили бы словоубийце стать Плавильщиком. Для них

эта идея была бы посто омерзительна. — они пристально смотрели друг на друга.

Вот опять мы оказались в Кумской Долине, сказал себе Ваймс. — Они не будут…

— Разрешите предложить? — тихо сказала Ангуа.

Две головы повернулись, два голоса сказали — Да?

— Этот… Плавильщик. Искатель правды. Он должен быть дварфом?

— Разумеется! — ответил Ардент.

— Тогда как насчет капитана Моркоу? Он дварф.

— Мы знаем о нем. Он… аномалия. — сказал Ардент. — И его претензии на принадлежность к дварфйской расе, сомнительны.

— Но большинство дварфов в городе считают его дварфом, — сказала Ангуа. — и к тому же, он полицейский.

Ардент плюхнулся назад в кресло. — Для ваших местных дварфов он дварф, да. Но для скальтов он неприемлим.

— У дварфов нет закона, гласящего, что дварфы не могут быть выше ростом, чем шесть футов, сэр.

— Скальты и есть закон, женщина, — отрезал

Ардент. — они истолковывают законы, пришедшие к нам из глубины сотен веков.

— Ну, к нашим законам это не относится. — сказал Ваймс. — Тем не менее, убийство есть убийство, где бы оно не произошло. Новость потихоньку распространяется. Отношения между дварфами и троллями и так напряжены, это известие вызовет взрыв. Вы хотите войну?

— С троллями? Это…

— Нет, с городом. Знаете, такое огороженное стенами место, где ваш закон не действует? Его Лордство никогда не примет такой закон.

— Вы не посмеете!

— Поглядите мне в глаза. — Сказал Ваймс.

— В городе дварфов больше, чем стражников. — Ответил Ардент, но с его лица исчезло выражение удивленного презрения.

— Так вы говорите мне, что законы это только вопрос количества? — спросил Ваймс. — Я думал, что вы, дварфы, чуть ли не поклоняетесь идее законности. Так это всего лишь количество? В таком случае, я приведу к присяге больше людей. И троллей. Они такие же горожане, как и я. Вы уверены, что все дварфы встанут на вашу сторону? Я подниму воинские формирования, я буду вынужден это сделать. Да, я знаю, как заведено

в Лламедосе и Юбервальде, но у нас здесь все по другому. Один закон для всех, мистер Ардент. Вот такие у нас порядки. Если я закрою глаза на происходящее, то можно начинать распускать Стражу.

Ваймс направился к двери. — Вот мое предложение. А сейчас я возвращаюсь в Ярд…

— Подождите! — Ардент сел и уставился на крышку стола, барабаня по ней пальцами.

— Здесь старший… не я. — наконец сказал он.

— Позвольте мне поговорить с вашими скальтами. Я обещаю, что не уничтожу ни слова.

— Нет. Они не станут с вами разговаривать. Они не говорят с людьми. Сейчас они ждут там внизу. Они долго обсуждали ваше появление здесь. Скальты напуганы, они не доверяют людям.

— Почему?

— Потому, что вы не дварфы. — сказал Ардент. — Потому, что вы… наваждение, сон.

Ваймс положил руки на плечи дварфа. — Тогда идемте вниз и вы расскажете им о ночных кошмарах, — сказал он. — можете также указать, что один из них — я.

Последовало длительное молчание после чего Ардент сказал. — Хорошо. Но вы понимаете, что это против моей воли.

— Я буду счастлив упомянуть об этом, — ответил Ваймс. — Благодарю вас за сотрудничество.

Ардент встал и извлек из робы связку разнообразных ключей.

Ваймс пытался запомнить дорогу, но это было не так то просто. Сплошные повороты и изгибы в полутьме, где все туннели выглядели одинаковыми. Нигде не было ни следа воды. Как далеко простирались туннели? И как глубоко? Дварфы прокапывались и сквозь гранит. А сквозь речную грязь они могли, наверное, просто прогуливаться. На самом деле, во многих местах дварфы не столько копали, сколько очищали дома, убирая ил, прокладывая туннели из одной сочащейся влагой древней комнаты в другую. И, непонятно как, вода исчезала. В темных арках переходов виднелось какое-то мерцание, возможно магическое. И раздавалось странное пение. Он знал дварфийские песни вроде «Топор моей тетушки в твоей голове», но это пение звучало совсем по другому. Оно звучало, как очень быстрая трещащая скороговорка.

С каждым поворотом он чувствовал, как его гнев возвращается обратно. Их водят по кругу, не так ли? И только для того, чтобы уязвить. Ардент уверено шел вперед, а Ваймс ощупью тащился

сзади, поминутно стукаясь головой о своды. Он уже весь кипел. Их просто дурят! Этих дварфов не волнует ни законность, ни он сам, ни весь мир над ними. Они подкапываются под наш город и они не подчиняются нашим законам! Произошло кровавое убийство, а Ардент просто принял это как есть! Почему я должен участвовать в этом… дурацком спектакле?!

Они как раз проходили мимо очередного отверстия в туннель, которое было перегорожено доской. Ваймс вытащил меч и с возгласом — Интересно, что здесь? — сбил доску и направился в туннель, Ангуа последовала за ним.

— Благоразумно ли это? — прошептала она, спускаясь по туннелю вслед за ним.

— Нет. Но я сыт по горло мистером Ардентом, — прорычал Ваймс. — Еще один поворот туннеля и я вернусь сюда с тяжеловооруженым отрядом и наплевать на политику.

— Успокойтесь, сэр!

— Все, что он говорит и делает, просто оскорбительно! Он приводит меня в бешенство! — сказал Ваймс, быстро продвигаясь вперед и не обращая внимания на крики Ардента позади.

— Там впереди дверь, сэр!

— Отлично. И я не совсем слепой, только напо-

ловину! — отрезал Ваймс.

Он подошел к двери. Это была большая круглая дверь с колесом посредине, с написаными мелом дварфийскими рунами на ней.

— Можете прочитать их сержант?

— Эээ… «Смертельно Опасно! Затопление! Не входить!» — сказала Ангуа. — что то в таком роде, сэр. Это герметичный затвор, я уже видела такие в других шахтах.

— И эта закрыта. — сказал Ваймс, трогая дверь. — Выглядит как прочное железо… — ой!

— Сэр?

— Поранил руку о гвоздь! — Ваймс сунул руку в карман, куда стараниями Сибил каждодневно вкладывался свежий платок.

— Гвоздь в железной двери? — сказала Ангуа, приглядываясь.

— Ну значит заклепка. Не могу разглядеть ее в сумраке. Почему они…

— Вы не должны отходить от меня. Это шахта! Здесь опасно! — сказал Ардент, нагоняя их.

— У вас все еще случаются затопления? — спросил Ваймс.

— Все может быть! Но мы знаем, как с этим справиться. А теперь идите рядом со мной!

— Я был бы более настроен идти за вами, сэр,

если бы был уверен, что мы двигаемся в правильном направлении. — сказал Ваймс. — А то ведь я могу поискать короткий путь!

— Мы почти на месте, коммнадер, — ответил Ардент, удаляясь. — почти на месте!

* * *

Тролль брел, бесцельно и безнадежно.

Его звали Кирпич, хотя, сейчас он вряд ли смог бы вспомнить свое имя. Его голова раскалывалась, по настоящему раскалывалась.

… Энто все Скрейп, энто все из-за него. Как энто они обычно говорят? Когда ты дошел до того, что вынужден варить Скрейп, ты пал так низко, что даже тараканам приходится наклоняться, шоб плюнуть на тебя.

Вчера вечером… что же случилось? Что он видел такое, что он делал, какие из образов, мелькавших в огромном раскаленном котле его мозгов были реальными? Та часть с огромным волосатым слоном, она вероятно ему пригрезилась. Он был полностью уверен, что в энтом городе не водятся гигантские волосатые слоны, потому что, если бы они тут водились, он бы видел их раньше, да и на улицах бы валялись огромные дымящиеся кучи навоза, такое трудно пропустить…

Его назвали Кирпичем потому, что он родился в городе, а тролли, будучи сделанными из метаморфорического камня, зачастую принимали вид камней и горных пород, распространенных в местах их обитания. Его кожа была грязно-оранжевого цвета и покрыта сетью вертикальных и горизонтальных линий; когда Кирпич стоял вплотную к стене, он практически сливался с ней. Однако, большинство людей и так не замечали его. По мнению приличных людей, он относился к разряду созданий, само существование которых являлось для них оскорблением.

… Энта шахта с энтими дварфами, а была ли она на самом деле? Идешь себе спокойно в поисках местечка, где можно залечь и полюбоваться на красивые картинки, и вдруг смотришь, ты уже в дварфийской норе? Энтого не могло быть на самом то деле! Вот только… Там, на улице все говорили, что какой то тролль залез к дварфам… И все искали энтого тролля и вовсе не для того, чтобы пожать ему руку… Там еще Брекчия очень сильно хотела найти его и все энто было так, как будто они были очень недовольны. Недовольны тем, что тролль укокошил какого-то дварфа, который плохо говорил о его клане? Они что, совсем психи? Собственно, энто было не важно, психи

они или нет, потому, что у них была такая манера задавать вопросы, что ты потом месяцами не мог вылечиться, так что лучше просто убраться от них подальше и все. С другой стороны… дварфы ведь не отличают одного тролля от другого? И его никто не видел. Так что надо вести себя, как ни в чем не бывало. С тобой все будет хорошо, все будет хорошо. Энто не мог быть ты…

И тут до Кирпича дошло — ага, вот как меня зовут, я же всегда энто знал — что у него еще осталось немного белого порошка на дне мешочка. И все, что ему сейчас было нужно, это найти перепуганного голубя и немного выпивки, любой выпивки и тогда все будет в порядке. Ага, в порядке…. Не о чем беспокоиться… Ага.

* * *

Когда Ваймс вышел на яркий дневной свет, первое, что он сделал — вздохнул полной грудью. Что он сделал второго, так это вытащил свой меч, поморщившись, когда раненная рука запротестовала.

Свежий воздух, это как раз то, что ему сейчас нужно. Там внизу у него начала кружиться голова и порез на руке ужасно зудел. Стоит показать его Игорю. Мало ли какую заразу можно подхватить

в этой подземной грязи.

Ну, вот так уже лучше. Он почувствовал, что приходит в себя. Воздух под землей вызывал в нем поистине странные чувства. Толпа дварфов выглядела взбудораженной, но со второго вгляда он увидел, что это была не просто однородная толпа, а что-то вроде кекса с изюмом. Многого не надо, чтобы возбудить и без того обеспокоенную толпу, там крикнуть, тут толкнуть… заботливо вовлекая каждого взвинченного, сомневающегося индивидуума в некую, не существующую на самом деле, сообщность.

Детрит по прежнему стоял неподвижно, не обращая никакого внимания на все возрастающий шум. Но Кольцеплавит… черт побери! Он горячо спорил о чем-то с дварфами, стоящими впереди. Никогда не спорь! Никогда не позволяй себя втягивать в разборки!

— Капрал Кольцеплавит! — завопил он. — Ко мне!

Дварф повернулся и тут из толпы вылетела половинка кирпича и со звоном ударилась об его шлем. Он повалился, как срубленное дерево.

Детрит метнулся с такой скоростью, что не успел Кольцеплавит упасть на мостовую, как тролль уже пробился сквозь толпу. Его рука по-

грузилась в кучу сбившихся дварфов и вытянула сопротивляющуюся фигуру. Он развернулся, протискиваясь через проход в толпе, который не успел еще сомкнуться за ним, и оказался перед Ваймсом прежде, чем шлем Кольцоплавита прекратил вращаться.

— Отлично, сержант. — произнес Ваймс, почти не размыкая губ. — У тебя есть план, что нам делать дальше?

— Я мастак по тактическим решениям, сэр. — ответил Детрит.

Замечательно. Что же, в такие моменты, как сейчас, нельзя вступать в споры и нельзя отступать. Ваймс вытащил свой значок и поднял его.

— Этот дварф арестован за нападение на офицера Стражи! — закричал он. — Расступитесь, именем закона!

И, к его изумлению, толпа затихла, как затихают обычно дети, почувствовав, что на этот раз учитель рассердился всерьез. Возможно, на них подействовали слова, начертанные на значке. Их ведь нельзя стереть.

В полной тишине из свободной руки дварфа, которого крепко держал Детрит, выпала другая половинка кирпича.

Годы спустя, Ваймс мог закрыть глаза и вызвать

в памяти стук, с которым он упал на мостовую.

Ангуа поднялась, держа на руках бесчувственного Кольцеплавита.

— У него сотрясение мозга. — сказала она. — Сэр, не могли бы вы оглянуться на секунду?

Ваймс рискнул кинуть взгляд назад. В тени дверного проема стоял Ардент, вернее дварф, упакованный в черную кожу, который мог бы им быть.

— Нам дают возможнсть уйти? — спросил он у Ангуа, кивая на фигуру.

— Я думаю, что именно этого от нас и ждут, сэр, а вы?

— Вы правильно поняли, сержант. Детрит, не отпускай этого маленького засранца. Все назад, в участок.

Толпа почти безропотно расступилась, позволяя им пройти. Тишина следовала за ними всю обратную дорогу в Ярд…

… где их уже поджидал Отто Шрик из «Таймс» с иконографом наготове.

— О, нет, Отто. — сказал Ваймс, когда отряд приблизился к нему.

— Я стою на общественной дороге, мистер Ваймс, — кротко сказал Отто. — улыбочку, пожалуйста…

Ну вот, сказал себе Ваймс, этот снимок из разряда тех, что помещают на первую страницу. И, возможно, что и чертова карикатура тоже будет.

Один дварф в камере, еще один под неусыпной опекой Игоря, думал Ваймс, устало поднимаясь по ступенькам в свой кабинет. И ситуация все ухудшается. Дварфы там на улице, они послушались Ардента, ведь так? И что бы они сделали, если бы он кивнул головой?

Он рухнул в кресло с такой силой, что оно отъехало назад на целый фут. Ваймс уже встречался с глубинными дварфами. Они были чудными, но он нормально общался с ними. Низкий Король был из глубинных и Ваймс смог найти с ним общий язык, примирившись с тем, что сказочный дварф с бородой, как у Санта-Хрякуса, оказался проницательным политиком. У него был свой взгляд на мир и он знал как вести с ним дела. Ха, он видите ли видел свет… Но эти, там в новой шахте…

Ваймс так и не смог увидеть их по настоящему, хотя они сидели в комнате, залитой ярким светом сотен свечей. Зрелище было тем более странным, что скальты были полностью запакованы в черную, блестящую кожу. Может быть темнота посреди света считается более священной? Ведь

чем ярче свет, тем чернее тени?

Ардент говорил на языке, который звучал как дварфийский, а из под черных капюшонов выкрикивались вопросы и ответы, одинаковыми резкими короткими слогами.

В какой то момент Ваймса попросили повторить, что означало его заявление, которое он сделал на поверхности, казавшейся такой далекой сейчас. Он повторил и последовало долгое приглушенное обсуждение на языке, который он стал называть глубинный дварфийский. И все время он чувствовал, как глаза, которых он не мог видеть, очень пристально наблюдали за ним. Разболевшася голова и стреляющая по всей руке боль, так же не улучшали его состояния.

Вот так вот оно все было. Поняли ли они его? Он не знал. Ардент сказал, что они согласились с большой неохотой. Правда ли согласились? Он не имел ни малейшего представления, что они сказали на самом деле. Позволят ли Моркоу осмотреть место происшествия, не мешая ему при этом? Ваймс хмыкнул. Хех. Что вы думаете, мальчики и девочки? Он сжал кончик носа, а затем уставился на свою правую руку. Игорь долго распространялся о «крошешных невидимых кушачках» и намазал ее жуткой мазью, способной

убить кого угодно, любого размера и видимости. В течении пяти минут она жгла руку, как адский пламень, а затем жар исчез, прихватив с собой боль. Впрочем, все это не важно, значение имело только то, что теперь Стража официально занималась этим делом.

Его глаза остановились на листе бумаги, лежащим сверху в его корзине для бумаг.[7] Он застонал, вытаскивая его.

Кому: Его превосходительству Сэру Самуэлю Ваймсу, Коммандеру Стражи.

От Кого: Мистера А.И. Пессимального, Инспектора Стражи Его Превосходительства.

Я надеюсь, что вы не сочтете за труд в самое ближайшее время предоставить мне ответы на нижеследующие вопросы:

1. В чем заключается работа капрала Шнобби Шноббса? Почему вы приняли на работу человека, прославившегося в качестве мелкого воришки?

2. Я прохронометрировал деятельность двух полицейских на Брод-Авеню, в течении одного часа они не произвели ни одного ареста. Почему

---

[7] Примечания: 7

У Ваймса было три корзины для бумаг: Входящие, Исходящие и Все в Одной Куче, в последнюю он складывал все бумаги, когда был слишком занят, зол, слишком устал или просто не знал, что с этим делать.

их работа была такой непродуктивной?

3. Уровень агрессии в отношениях между троллями-офицерами и арестованными троллями превышает все допустимые границы. Не могли бы вы дать объяснения по этому поводу?

… И так далее. Ваймс прочитал должностную записку с открытым от изумления ртом. Ну ладно, инспектор не был копом — уж это точно — но обязан же он думать конструктивно. С ума сойти, от него не ускользнуло даже то, что каждый месяц в коробке с наличностью недоставало монет. Если бы Ваймс попытался объяснить ему, что Шнобби своей многолетней службой полностью компенсировал эти мелкие кражи, смог бы он это понять? Было бы время Ваймса, потраченное на объяснения, использовано продуктивно? Вряд ли.

Он вернул лист в корзину и заметил в ней еще один листок с почерком Шельмы. Он вытащил его и прочел. Сегодня утром два дварфа и тролль сдали свои значки, ссылаясь на семейные обстоятельства. Черт побери. Они потеряли уже семь полицейских за эту неделю. Проклятая Кумская Долина, она и сюда добралась. Боги знают, насколько невесело троллям стоять в оцеплении против своих сородичей и защищать дварфов,

подобных усопшему Мясодробилке. Да и дварфам тоже не доставляет удовольствия узнавать, что уличные тролльские банды избили одного из них из-за слов того идиота. И будут такие, кто спросит — на чьей вы стороне. Кто не с нами, тот против нас. Хех… Если ты не яблоко, то ты банан…

В кабинет тихо вошел Моркоу и поставил на стол тарелку. — Ангуа мне все рассказала. Хорошая работа, сэр.

— Что ты имеешь в виду под хорошей работой? — спросил он, разглядывая свой питательный и полезный обед. — Я чуть не развязал войну!

— Ну они же не знали, что вы брали их на пушку.

— Может и не брал. — Ваймс осторожно снял верхний кусок сэндвича, сделанного с поджаристым бэконом, салатом и помидорками, и мысленно улыбнулся. Старая добрая Шельма. Она знала его привычки. Презренные овощи были спрятаны под приличным куском хорошо поджаренного бэкона. Он мог бы и вовсе их не заметить.

— Я хочу, чтобы ты взял с собой в шахту Ангуа. — сказал он — И… младшего констебля Хампединг. Нашу малышку Салли. Подходящая

работка для вампира, свалившегося нам на голову в трудную минуту, а? Посмотрим ее в деле.

— Только их двоих, сэр?

— Эээ, да. Они обе хорошо видят в темноте, так? — Ваймс кинул взгляд на свой сэндвич и пробормотал. — Нам не разрешили брать с собой вниз светильники.

— Проводить расследование убийства в темноте, сэр?

— У меня не было выбора! — яростно сказал Ваймс. — Я вижу тупик, когда попадаю в него, капитан. Никакого искусственного освещения. Ну что же, если они хотят изображать из себя дурачков, то флаг им в руки. Ты знаешь о шахтах все и обе леди имеют отличное ночное зрение, присущее их расе. У вампиров оно точно есть, а Ангуа фактически может видеть запахи. Вот так то. Сделай все, что сможешь. Это место просто кишмя кишит чертовыми светящимися жуками. Их свет поможет.

— У них есть вирви, сэр? — спросил Моркоу. — О, это хорошо… Я знаю кое-какие фокусы, сэр.

— Отлично. Они сказали, что это был большой тролль и что он сбежал. Сделай все, что в твоих силах…

— У них могут быть возражения по поводу Сал-

ли, сэр. — сказал Моркоу.

— Почему? Они смогут разглядеть, что она вампир?

— Нет, сэр, я не думаю, что они…

— Ну и не говори им об этом. — ответил Ваймс. — Ты же… плавильщик. Ты сам решаешь, что тебе делать.

— Вот это ты видел? — Ваймс помахал листком с докладом о трех уволившихся полицейских. Он старался не думать о них, как о дезертирах.

— Да, сэр. Я собирался поговорить с вами об этом. Может стоит изменить состав патрулей.

— Каким образом?

— Э… Несложно переделать расписание так, чтобы тролли и дварфы не попадали вместе на дежурства, сэр. Ребята говорят, что им стало бы полегче, сделай мы это.

Моркоу замолк, замороженный ледянным взглядом.

— Мы никогда не придавали значения тому, кто какой расы, при составлении графика дежурств, капитан. — холодно сказал Ваймс. — За исключением гномов, разумеется.

— Ну, значит у нас есть прецедент… — начал Моркоу.

— Не глупи. Гном может поместиться в обув-

ной коробке! Слушай, ты не можешь не видеть, что это все чушь! Опасная чушь к тому же. Нам придется составлять дварфийские, троллийские патрули и для людей тоже…

— Не обязательно, сэр. Люди могут патрулировать и с теми и с другими.

Ваймс пододвинул кресло поближе. — Нет, не могут! И дело не в здравом смысле, а в страхе! Если тролль увидит, что дварфы и люди в одном патруле, он подумает «они оба мои враги». Ты что, не видишь, куда это нас может привести? Когда коп, зажатый в углу, свистит, вызывая подмогу, меньше всего мне хочется, чтобы он требовал подкрепление правильной расы.

Ваймс немного успокоился и, открыв свою записную книжку, кинул ее на стол. — Кстати, ты не знаешь, что это такое? Я заметил его в шахте, и дварф по имени Умноруль выводил этот знак в лужице кофе, и знаешь, что? По моему, он лишь частично осознавал, что делает.

Моркоу поднял записную книжку и несколько секунд мрачно всматривался в нее. — Шахтная руна, сэр. Она означает «Преследующая Тьма».

— И что это значит?

— Э… Что внизу творится что-то крайне нехорошее, сэр. — твердо сказал Моркоу. — О, Госпо-

ди. — Он медленно опустил книжку, как будто опасаясь, что она взорвется.

— Там внизу произошло убийство, капитан. — напомнил Ваймс.

— Да, сэр, но это может означать что-то более плохое, сэр. Шахтные руны очень странный феномен.

— Над дверью был еще один похожий знак, но он был перечеркнут одной горизонтальной линией. — добавил Ваймс.

— О, это Руна Долгой Темноты, сэр, — сказал Моркоу с облегчением. — Это всего лишь символ шахты. Это не страшно.

— А та, другая? Имеет ли она какое-нибудь отношение к скальтам, сидящими в комнате, заставленной горящими свечами?

Ему всегда доставляло удовольствие удивлять Моркоу, а сейчас тот был по настоящему озадачен — Как вы догадались, сэр?

— Это только слова, капитан, — сказал Ваймс, махнув рукой. — «Преследующая Тьма» звучит не очень успокаивающе. Может быть настало время для яркого освещения? Когда я встретился с ними, они были залиты светом горящих свечей. Я думал, что это какая-то церемония.

— Может быть и так, — острожно согласился

Моркоу. — спасибо, что рассказали, сэр. Я отправлюсь к ним во всеоружии.

Когда Моркоу подошел к двери, Ваймс добавил. — Да, и еще, капитан…

— Да, сэр?

Ваймс не отрывал глаз от сэндвича, тщательно отделяя куски С и П от поджаристого бэкона. — Только не забывай, что ты полицейский, хорошо? — сказал он.

Когда Салли вернулась в раздевалку в новеньких сияющих доспехах и шлеме, похожим на суповую миску, она сразу поняла, что-то происходит. В раздевалке было полно копов самых различных рас и все они пытались выглядеть беззаботно. Но копы никогда в этом не преуспевали.

Они наблюдали за тем, как она приближалась к своему ящику, поэтому она открыла дверку с надлежащей осторожностью. Полка была забита чесноком.

Ага, вот и началось, да еще так быстро. Но она тоже подготовилась… Позади нее раздавались сдавленные смешки и прокашливания копов, еле сдерживающих смех. И они ухмылялись, ведь ухмылки тоже производят еле уловимый звук, если ты попытаешься их услышать.

Она залезла в ящик обеими руками и выта-

щила две толстые головки чеснока. Глаза всех присутсвующих были обращены на нее. Копы стояли неподвижно, пока она медленно обходила комнату.

Самый сильный запах чеснока исходил от одного юного констебля, чья широкая ухмылка неожиданно нервно застыла, как приклееная, в уголках губ. Он выглядел как шут, готовый отдать все, лишь бы кто-нибудь расхохотался.

— Извините, констебль, можно узнать ваше имя? — спросила она кротко.

— Э… Фиттли, мисс…

— Это ваше? — требовательно спросила она, показывая чеснок. Салли позволила своим клыкам показаться на достаточную длину, чтобы их заметили.

— Э… всего лишь шутка, мисс…

— В этом нет ничего смешного, — ласково сказала Салли. — я люблю чеснок, я просто обожаю чеснок. А как насчет вас?

— Э… да. — сказал несчастный Фиттли.

— Замечательно. — ответила Салли. Со скоростью, заставившей его вздрогнуть, она сунула чеснок в рот и раскусила. Хруст чесонка был единственным звуком в раздевалке.

И затем она проглотила его.

— О, боже, где же мои манеры, констебль? — сказала она, протягивая ему другую головку. — Это ваша…

Комната взорвалась смехом. Копы ничем не отличаются от обычной толпы. Столы были перевернуты, шутка получалась даже забавнее. Немного смеха, немного шуток. Никому никакого вреда, ведь так?

— Ну давай, Фиттли, — сказал кто-то. — Так будет честно. Она съела свой!

И как это всегда происходит, кто-то еще захлопал в ладоши и стал подбадривать — Ешь, ешь! За ним втянулись другие, ободрившись тем, что Фиттли густо покраснел.

— Ешь! Ешь! Ешь! Ешь! Ешь! -

Фиттли ничего не оставалось делать, как схватить чеснок, он запихнул его в рот и надкусил, под жизнерадостные возгласы. Салли увидела, как через мгновение, его глаза округлились.

— Младший констебль Хампединг?

Она повернулась. В дверях стоял молодой человек, божественного телосложения.[8] В отличии от остальных полицейских, его нагрудник сиял, а на кольчуге не было ни следа ржавчины.

---

[8] Примечания: 8

Понятно, что телосложения, как у богов самого высшего разряда, а не каких то там существ с щупальцами.

— Все в порядке? — офицер кинул взгляд на Фиттли, упавшего на колени и откашливающего чеснок через всю комнату, но каким-то образом умудрился его не заметить.

— Э, все хорошо, сэр. — озадачено сказала Салли, пока Фиттли отплевывался.

— Мы уже встречались. Ко мне все обращаются капитан Моркоу. Прошу вас пройти со мной.

Когда они вышли из главного помещения, Моркоу остановился и повернулся. — Хорошо, младший констебль… Вы заранее приготовили головки чеснока, да? Не смотрите на меня так, сегодня на площади стояла тележка с овощами, так что не трудно было догадаться.

— Э… сержант Ангуа предупредила меня.

— И вы?

— И я вырезала чеснок из редиски, сэр.

— А та головка, которую вы дали Фиттли?

— О, она тоже из редиски. Я стараюсь не прикасаться к чесноку, сэр. — сказала Салли. Боги, какой же он симпатичный…

— В самом деле? Всего лишь редиска? Похоже, что она ему не пошла… — сказал Моркоу.

— Я засунула несколько семян свежего чили внутрь, — добавила Салли. — штук тридцать примерно.

— Вот как? И почему же вы это сделали?

— Ну, вы знаете, капитан. — сказала Салли с невинным видом. — Немножко смеха, немножко шуток. Никому никакого вреда?

Похоже, что капитан согласился с этим.

— Хорошо. Тогда не будем больше говорить об этом. — он сказал. — А сейчас, младший констебль, скажите, видели ли вы когда-нибудь мертвое тело?

Салли подождала немного, чтобы убедиться в его серьезности. Судя по всему, так оно и было. — Собственно говоря, нет, сэр. — ответила она.

К полудню Ваймс уже пребывал в раздражении. И все из-за этой бумажной работы. Бумажная работа никогда не кончалась. С корзинок все только начиналось. Бумаги стопками лежали вдоль стены и потихоньку смешивались.[9] Он знал, что должен заниматься ими. Ордера, квитанции, приказы по Страже, подписи — вот что превращает Стражу в силу, а не команда крепких и слишком любопытных парней. Бумаги, их должно быть много и они все должны быть подписаны.

Он подписал книгу записей задержаний, кни-

---

[9] Примечания: 9

Ваймс давно уже перешел к политике Чистого Стола. К сожалению, он несколько упустил из виду Стратегию Чистого Пола.

гу записей происшествий и даже книгу записей незначительных пропаж. Вы подумайте, книга о незначительных пропажах! В добрые старые времена у них не было ничего подобного. Если бы кто-то пришел жаловаться на мелкие пропажи, достатчно было перевернуть Шнобби верх тормашками и затем рассортировать все вывалившееся на пол.

А сейчас он не знал и две трети своего состава, том смысле, что ему было неизвестно, когда они они останутся в строю, а когда побегут. Ему были неизвестны их маленькие тайны, позволяющие понять, когда они лгут или смертельно напуганы. Это была уже не его Стража. Это была Городская Стража, которой он всего лишь управлял.

Он закончил с докладами постовых сержантов, докладами офицеров, докладами о заболевших, о нарушителях дисциплины, о мелких расходах…

— Динь-дили-динь-динь-динь!

Ваймс швырнул Дис-Органайзера на стол и схватил дварфийскую булочку, которая была у него вместо бумажного пресса.

— Отключись или умри. — зарычал он.

— Я вижу, что вы несколько огорчены. — сказал бес, глядя на угрожающе приближающуюся булочку. — Могу я попросить вас поставить се-

бя на мое место? Это моя работа. Это то, чем я являюсь. Чем я являюсь, и, следовательно, как я мыслю. По-моему, мы могли бы добиться взаимопонимания, если бы вы хоть раз прочитали инструк… Пожалуйста, не надо! Я действительно могу помочь вам!

Ваймс нерешительно замер в полуразмахе и осторожно положил булочку.

— Как? — спросил он.

— Вы неправильно складываете столбиком, — сказал бесенок. — вы забываете про те цифры, что в уме.

— И откуда ты знаешь? — требовательно спросил Ваймс.

— Вы бормочете себе под нос. — ответил бесенок.

— Ты меня подслушиваешь?

— Это моя работа! Я не могу отключить свои уши! Мне приходится слушать, именно так я узнаю о назначенных встречах.

Ваймс подобрал доклад о мелких расходах и кинул взгляд на беспорядочные колонки цифр. Он гордился тем, как справлялся со сложением, которое с детства привык называть счетом. Да, он знал, что ему приходилось попотеть, но он всегда получал результат.

— Ты думаешь, что можешь сделать лучше? — спросил он.

— Выпустите меня и дайте мне карандаш! — сказал бес. Ваймс пожал плечами. Все-таки, это был очень странный день. Он открыл дверцу маленькой клетки.

Бесенок был светлозеленого цвета и полупрозрачный. Хоть он и был сделан из чего-то ненамного более плотного, чем окрашенный воздух, ему удалось ухватить крошечный огрызок карандаша. Он обежал столбцы с цифрами в книге записи о мелких расходах и Ваймсу было приятно услышать, что он тоже бормочет про себя.

— Не хватает трех долларов и пяти пенсов. — доложил бес через несколько секунд.

— Это нормально. — ответил Ваймс.

— Но за эти деньги не отчитались!

— Ну, да, это так. — ответил Ваймс. — Их украл Шнобби Шноббс. Больше некому. И он никогда не берет больше, чем четыре с половиной доллара.

— Не хотите ли вы, чтобы я организовал встречу по дисциплинарным вопросам? — с надеждой спросил бес.

— Конечно же нет. Я уже подписал отчет. Ээ… спасибо. Не можешь ли ты помочь и с другими

отчетами?

Бесенок просиял. — Конечно же могу!

Ваймс оставил его, самозабвенно строчащим на бумаге, и отошел к окну.

Они не признают наши законы и они копаются под нашим городом. Это вам не простая кучка забурившихся дварфов, явившихся в город, чтобы наставлять и поддерживать своих сородичей. Насколько далеко простираются эти туннели? Дварфы роют, как сумасшедшие. Но почему именно здесь? Что они ищут? Зуб даю, под городом нет никаких спрятанных кладов, спящих драконов и таинственных королевств. Там только грязь, вода и темнота. Как же далеко туннели простираются? Сколько… Постой, да ведь мы же знаем это, да, да — знаем. Современная Стража умеет работать с цифрами и числами…

— Бес? — спросил он поворачиваясь.

— Да, мистер «Вставьте свое имя»?

— Видишь вон ту большую стопку бумаг в углу? — сказал Ваймс и указал на нее. — Где-то там завалялись доклады шестимесячной давности от постовых на воротах. Не мог бы ты сравнить его с последними отчетами? Можешь посчитать, сколько дрянных повозок было вывезено из города?

— «Дрянная повозка» — в основном словаре отсутствует. Просмотр словаря сленга … пип… пип… пип… «Дрянная повозка» — вагончик для перевозки мусора и отходов жизнедеятельности (смотри также золотой вагончик, сливной вагончик, «полуночный экспресс» и тому подобное) — наконец сказал бесенок.

— Она самая. — сказал Ваймс, который еще не слышал вариант полуночнного экспресса. — Ну что, сможешь?

— О, да! — ответил бес. — Благодарим вас за использование Диз-организатора пятого поколения «Gooseberry», наиболее продвинутого… -

— Да ладно, не стоит. Просмотри отчеты постовых на Пупостороних Вратах. Это ближайшие ворота к Паточной Улице.

— Тогда я советую вам отойти в сторону, мистер «Вставьте свое имя». - сказал бес.

— Зачем?

Бесенок нырнул в кучу бумаг. Раздалось шуршание, из нее выскочила парочка мышек — и куча взорвалась. Ваймс еле успел отскочить, как бумаги взметнулись в воздух, окутанные светло-зеленым туманом.

Ваймс ввел учетную запись на воротах не потому, что был сильно заинтересован в данных, а

для того, чтобы держать парней в форме. Нельзя сказать, что от этого зависела государственная безопасность. Анк-Морпорк был так широко открыт для всех, что просто зиял. Но перепись повозок приносила пользу. Она предотвращала сон на посту и давала стражникам повод пошуметь.

Дварфы должны куда-то убирать землю. Как же иначе, ведь это же город. Если до реки было далеко, то единственным выходом были повозки. Черт возьми, подумал Ваймс, мне надо попросить это создание проверить, не увеличился ли завоз камня и древесины. Вырыв в грязи нору, надо как-то укреплять ее стены.

Кружащиеся в воздухе бумаги внезапно собрались в стопки. Зеленый туман сгустился с тихим «зззз» и превратился в маленького бесенка, готового лопнуть от гордости.

— Один точка один дополнительних повозок в ночь по сравнению с шестьюмесячной давностью! — объявил он. — Благодарю вас, «Вставьте свое имя»! Cogito ergo sum, «Вставьте свое имя». Я существую, следовательно я суммирую!

— Ага, да. Спасибо. — ответил Ваймс. Хммм… Чуть больше одной повозки за ночь? На каждой можно увезти не больше пары тонн. Это немного. Может люди, живущие рядом с этими воротами,

в последнее время были нездоровы. Но… Что бы он стал делать на месте дварфов?

Он, ясен пень, не отправил бы повозки к ближайшим воротам, вот что. Боже мой, да если они прорыли тунелли достаточно далеко, они могут вываливать землю где угодно.

— Бес, не мог бы ты… — Ваймс остановился. — Слушай, у тебя есть какое-нибудь имя?

— Имя, «Вставьте здесь имя»? — озадаченно спросил бес. — Ох, нет. Меня создают не одним десятком, «Вставьте здесь имя». Было бы несколько глупым давать мне имя.

— Тогда я буду называть тебя Крыжовник. Итак, Крыжовник, можешь ты проделать те же самые рассчеты, но уже для каждых ворот? А также посчитать количество въезжающих повозок с камнем и древесиной?

— Это займет некоторое время, «Вставьте свое имя», но да, могу! Я буду счастлив это сделать!

— И пока ты будешь перерывать бумаги, погляди, нет ли среди них докладов о проседаниях почвы. Всяких рухнувших стен, потрескавшихся домов и тому подобного?

— Конечно, «Вставьте свое имя». Можете положиться на меня, «Вставьте свое имя»!

— Тогда вперед!

— Да, «Вставьте свое имя»! Спасибо, «Вставьте свое имя»! Я гораздо лучше соображаю на воле, «Вставьте свое имя»! — зззззз. Бумаги взлетели.

Ну кто бы мог подумать, изумился про себя Ваймс. И этой чертовой штуковине нашлось применение.

Переговорная трубка засвистела. Он снял ее с крюка и сказал. — Ваймс слушает.

— Я получила вечернее издание Таймс, сэр. — раздался отдаленный голос сержанта Малопоки. В нем звучали беспокойные нотки.

— Прекрасно, пришли его сюда.

— И еще, вас хочет видеть парочка ребят, сэр. — теперь ее голос звучал настороженно.

— Они слышат тебя? — спросил Ваймс.

— Так точно, сэр. Это тролли. Они настаивают на личной встрече с вами. Они говорят, что у них есть послание для вас.

— Они похожи на неприятности?

— Каждым своим дюймом сэр.

— Я спускаюсь.

Ваймс повесил трубку. Тролли с посланием. Вряд ли его приглашают на литературный завтрак.

— Эээ… Крыжовник? — спросил он.

Светлозеленый туман сгустился и превратился

в довольного беса. — Я нашел отчеты, «Вставьте свое имя». Как раз работаю с ними! — ответил он, салютуя.

— Отлично, но сейчас возвращайся в свою коробку, хорошо? Нам нужно идти.

— Конечно, «Вставьте свое имя»! Благодарю за выбор… — Ваймс сунул коробочку в карман и пошел вниз.

В главном офисе находился не только стол дежурного офицера, но еще дюжина столов, за которыми обычно располагались стражники, когда им надо было выполнить наиболее сложную часть полицейской работы, например, расставить знаки препинания. Из офиса также выходило множество коридоров и дверей. Это было весьма полезным, когда требовалось быстро и эффективно привлечь внимание.

Если два тролля, столь заметные посреди офиса, и хотели натворить бед, то они выбрали неудачное время. Сейчас как раз была пересменка. И поэтому, они без осбого успеха пытались изображать развязанный вид под подозрительными взглядами семи-восьми полцейских самых различных рас.

И они сами были в этом виноваты. Они были плооохими троллями. Во всяком случае, они дума-

ли, что все так думают. Но они ошибались. Ваймс достаточно повидал плохих троллей и эти даже рядом с ними не валялись. Но они пытались, еще как пытались… Их головы и плечи были покрыты лишайниками. Клановые рисунки украшали их тела, а у одного из них даже был высечен рисунок на руке, что было болезненной процедурой, и все ради крутого тролльского прикида. Если бы они надели традиционные пояса из человеческих и дварфийских черепов, то результатом было бы немедленное попадание в каталажку, а ношение пояса из черепов обезьян было чревато нападением дварфов, не получивших должного образования в судебной антропологии. Поэтому эти тролли… Ваймс ухмыльнулся. Эти парни сделали все, на что способны, с овечьими и козлиными черепами. Неплохо, ребята, это действительно может напугать.

Но в целом, все выглядело уныло. В прежние времена, плохие тролли не морочили себе голову такими пустяками. Они просто били вас по голове вашей же собственной рукой до тех пор, пока не получали, что хотели.

— Итак, джентельмены? — сказал Ваймс. — Я — Ваймс.

Тролли поглядели друг на друга сквозь спутан-

ные лохмы лишайника и один из них решился.

— Мыстыр Хрызопраз, он хочет тебя видеть. — мрачно сказал он.

— Это все? — спросил Ваймс.

— Он хочет видеть щаз. — повторил тролль.

— Что же, он знает, где я живу. — ответил Ваймс.

— Ахха, он — знает.

Три слова упали в тишину, как свинцовый груз. Дело было в интонации, с какой тролль произнес эти слова. Это была самоубийственная интонация.

Тишина была разбита металическим звуком заряжаемого арбалета, и щелчком. Тролли обернулись. Сержант Детрит вытаскивал ключ из больших двойных дверей. Затем он повернулся и опустил свои тяжелые ладони на плечи троллей.

Детрит вздохнул. — Сынки, если бы за глупость давали ученую степень, вы бы даже карандаш не смогли найти, чтобы написать заявление.

Тролль, выразивший столь плохо завуалированную угрозу, совершил еще одну ошибку. Не иначе, как им руководил страх или идиотский мачизм. Никто, с нормально функционирующим мозгом, не стал бы в такой момент вставать в то, что у троллей считается боевой стойкой. Кулак

Детрита двигался со скоростью, размывшей его очертания, и соприкоснулся с черепом тролля с грохотом ломаемой мебели.

Ваймс открыл рот… и тут же закрыл. Тролльский язык был очень телесным языком. И нужно уважать культурные традиции, не так ли? Ведь не только дварфом позволено их иметь. Кроме того, чтобы проломить тролльский череп нужны молоток и зубило. И к тому, же, он пытался угрожать твоей семье…

Рана напомнила о себе уколом боли, эхом отвечая на головную боль. Вот черт. Игорь говорил, что мазь поможет! Получивший по черепу тролль, секунду-другую раскачивался на месте и затем повалился вперед, как статуя.

Детрит прошел к Ваймсу, пнув, проходя мимо, поваленную фигуру.

— Звиняюсь, сэр. — сказал он, салютуя и его рука звякнула об шлем. — Они невоспитанные.

— Ну, хватит на этом. — сказал Ваймс и обратился к посланику, оставшемуся вдруг в таком неуютном одиночестве. — Что нужно от меня Хризопразу?

— Так бы он и сказал энто братцам Тупицам. — сказал Детрит, широко ухмыляясь.

Вся развязанность тролля куда то испари-

лась. — Все, что я знаю, энто нащет убийства того хорага… — забормотал посланник, спасая свою репутацию в грубости. Услышав это слово, глаза всех дварфов сузились. Это было очень нехорошее слово.

— О, черт, о черт, о… — Детрит запнулся.

— Черт. — подсказал Ваймс одними губами.

— Черт! — торжественно закончил Детрит. — Да ты сегодня обзаводишься друзьями, как никогда раньше!

— Место встречи? — спросил Ваймс тролля.

— Склад Фьючерсной Свинины. — сказал тролль. — Тебе идти одному.

Он запнулся, внезапно осознав свое положение, и добавил. — Если не возражаешь.

— Иди и скажи своему боссу, что может быть я решу прогуляться в том направлении. — сказал Ваймс. — А сейчас убирайся. Проводи его, сержант.

— И забери с собой эту дрянь! — проревел Детрит.

Он захлопнул дверь за троллем, согнутым под весом своего павшего товарища.

— Ну хорошо. — сказал Ваймс, когда напряжение спало. — Вы слышали тролля. Добропорядочные горожане желают оказать Страже содействие.

Схожу посмотрю, что он там собирается… -

Его взгляд упал на первую страницу газеты Таймс, лежащую на столе. Что за черт, устало подумал он, полюбуйтесь-ка на полицию в столь трудные времена — сержант тролль, несущий за шиворот задрежанного дварфа.

— Детрит хорошо получился. — нервно сказала сержант Малопопка.

— «У Закона Длинные Руки». - вслух прочитал Ваймс. — Это, что, считается смешным?

— Наверное, тем, кто сочиняет такие заголовки, это кажется смешным. — ответила Шельма.

— «Скальт Мясодробилка убит». - продолжил чтение Ваймс. — «Стража ведет расследование».

— Откуда Им это известно? — громко спросил он. — Кто им сообщил? Скоро я начну читать Таймс для того, чтобы узнать, чем же я сегодня занимаюсь!

Он швырнул газету на стол. — Есть что-нибудь важное, о чем я должен знать?

— Сержант Колон сообщил, что ограбили Королевский… — начала было Шельма, но Ваймс тут же отмахнулся.

— Я спрашиваю о более важном, чем ограбления.

— Мм… Еще два полицейских подали в отстав-

ку, после того утреннего рапорта. — ответила Шельма. — Капрал Кольцеплавит и констебль Сланец. Они оба заявили, что уходят из-за личных обстоятельств, сэр.

— Сланец был хорошим полицейским. — пророкотал Детрит, качая головой.

— Похоже, что он предпочел быть хорошим троллем. — ответил Ваймс. Тут он осознал, что за его спиной происходит какое-то движение. У него все еще были слушатели. Что же, самое подходящее время выступить с речью.

— Я знаю, что сейчас тяжелые времена, как для дварфов, так и для троллей. — сказал Ваймс, обращаясь ко всей аудитории в целом. — Я также знаю, что когда вы дубасите вашего сородича в ответ на его попытку пнуть вас между ног, вы можете переживать, что тем самым склоняетесь на сторону врага. Людям тоже невесело смотреть на это, но вам и подавно. Похоже, что значок стражника потяжелел в последнее время, верно? Вы чувствуете, как ваши сородичи смотрят на вас и гадают, на чьей вы стороне? Так вот, вы на той стороне, где должен находится закон. На стороне всех тех, кто стоит позади толпы, кто испуган и озадачен, кто боится выйти на улицу поздно вечером. И, что довольно интересно, те идиоты

впереди толпы, размахивающие кулаками, они тоже граждане, охраняемые законом. Но похоже, что они забыли об этом и потому, вам стоит сделать им одолжение и немного охладить их пыл. Придерживайтесь этой линии и будьте сплоченными. Вы считаете, что должны оставаться дома, присматривать за вашими старенькими мамашами? Сообща, мы не позволим беде зайти слишком далеко. Все пойдет своим чередом. Я знаю, что все устали, но мне сейчас нужен каждый, а взамен завтра будет варенье и бесплатное пиво.

Может быть, я даже закрою глаза, подписывая приказы о сверхурочных, кто знает. Но я хочу, чтобы все, какой бы расы они не были, знали: я не потерплю идиотов, выискивающих повод для кровной вражды за пятьсот миль отсюда и за тысячи лет от настоящего. Это Анк-Морпорк, а не Кумская Долина. Мы все знаем, что сегодня будет тяжелая ночь. Но я буду на службе. Если вы со мной, то я хочу знать, могу ли я рассчитывать, что вы прикроете мою спину, так же как и я вашу. Если я не могу положиться на вас, то я не хочу, чтобы вы были рядом со мной. У кого-нибудь есть вопросы?

Последовало смущенное молчание, обычное в таких случаях. Наконец одна рука поднялась и

это был дварф. — Это правда, что скальта убил тролль? — спросил он. Стражники зашептались и он продолжил, уже менее робко. — Вот мой вопрос.

— Капитан Моркоу проводит расследование. — ответил Ваймс. — Пока что мы блуждаем в потемках. Но если и правда это было убийство, то я позабочусь, чтобы убийцы предстали перед лицом правосудия, неважно, какого они размера и формы, где бы и кто бы они не были. Я ручаюсь вам в этом. Я даю свое слово. Ну как, подходит?

Общее изменение в настроениях показало, что они это приняли.

— Отлично. — сказал он. — А теперь идите и будьте настоящими копами. Давайте!

Все ушли, за исключением тех, кто еще корпел над сложной проблемой, куда поставить запятую.

— Эээ, разрешите обратиться, сэр? — спросил Детрит, подбираясь ближе.

Ваймс уставился на него. Когда я в первый раз тебя встретил, ты сидел на цепи, как сторожевая собака, и не столько говорил, сколько рычал. Поистине, и леопард может изменить свои пятна.

— Да, конечно. — ответил он.

— Вы ведь это несерьезно? Вы же не собираетесь

идти к такому копролиту, как Хризопраз, сэр?

— Что плохого он может мне сделать?

— Оторвать вам голову, размолоть вас в фраш и сварить бульон из костей, сэр. — с готовностью сказал Детрит. — И если бы вы были троллем, он бы выбил все ваши зубы и сделал из них запонки.

— Зачем бы он стал это делать? Ты считаешь, что он жаждет воевать с нами? Это не его методы. Вряд ли он договаривался о встрече, чтобы убить меня. Он хочет поговорить со мной. Думаю, что-то насчет этого убийства. Он может что-то знать. Нет, я не рискну отказаться от встречи. Но я хочу, чтобы ты был рядом. Собери отряд, хорошо?

Отряд это будет благоразумно, улицы стали слишком… нервировать его. Поэтому он согласился на сопровождение Детрита и его разношерстной команды, состоящей из тех, кому сейчас было нечего делать. Вот что можно было сказать о Страже, так это то, что ее представляли все расы. Ведь если вы будете проводить свою политику, опираясь на внешний вид рекрутов, вы не сможете утверждать, что Стража заботится о всех горожанах. Но это было важное заявление и его стоило придерживаться.

В городе было тихо, на улицах было меньше

народу, чем обычно. Это был плохой знак. Анк-Морпорк мог предчувствовать приближение беды, как пауки могли предчувствовать завтрашний дождь.

* * *

Что это было?

Создание проплывало через чей-то разум. С самого зарождения вселенной оно встречало тысячи и тысячи умов, но никогда не видело такого странного, как этот. Похоже, что это был город. В моросящем полуночном дожде проявлялись призрачные, размытые здания. Конечно, ни один ум не похож на другой…

Создание было очень старым, хотя, более точным было бы сказать, что оно существовало очень долго. Когда в самом начале всего сущего, первичное мыслящее облако сконденсировалось в различных богов и демонов, и также в души всяких существ, оно было среди тех, кто никогда даже не приближался к месту конденсации. Таким оно и осталось во вселенной, не имеющим целей, задач, не стремящееся к соединению. Частица ветренного свободного существования, заполняющая то, что могла заполнить. Разновидность изощренных дум, ищущих себе

подходящий мозг.

В настоящее время — если можно так сказать о последних десяти тысяч лет — оно нашло себе работу в качестве суеверия. А теперь оно было в этом странном темном городе. Вокруг него все двигалось, это место было живым. И здесь шел дождь. На какое-то мгновение оно почувствовало открытую дверь, припадок ярости, который мог быть использован.

Но как только оно собралось воспользоваться открывшейся возможностью, как что-то невидимое и сильное схватило его и отшвырнуло прочь.

Странно.

Щелкнув хвостом, оно исчезло в аллее.

Склад Фьючерсной Свинины был одной их тех сущностей, появляющихся в городах, слишком долго имеющих дело с магией. Его существование можно было объяснить оккультной причиной, если ее можно так назвать. Свинина была очень важным продуктом, потребляемым в городе. Будущая свинина, а возможно и не родившиеся еще свиньи, регулярно продавались и покупались торговцами. Следовательно, они должны были где-то существовать. В результате, в городе материлизовался ледяной склад, где появлялась

свинина, прибывающая из будущего. Это место пользовалось популярностью в качестве морозильника и также среди троллей, желающих ускорить мыслительный процесс. Даже здесь, вдали от неспокойных районов, население на улицах было настороженным. И они наблюдали за Ваймсом и его разношерстным отрядом, пытающимся открыть дверь склада.

— Я считаю, что хотя бы один из нас должен пойти с вами. — Детрит рокотал, заботливый, как наседка. — Бьюсь об заклад, Хризопраз будет не один.

Он снял с плеча «Миротворца», многозарядный арбалет, который он лично выломал из переоборудованного осадного орудия. Исключительное ускорение, придаваемое им стрелам, стремилось раздробить их в воздухе. Они могли не просто вынести дверь из проема, но и вообще удалить ее из мира материальных объектов, больших по размеру, чем спичка. Невероятная неточность «Миротворца» была частью его привлекательности. Отряд быстро спрятался за спину Детрита.

— Я возьму с собой только тебя, сержант. — сказал Ваймс. — Всем остальным — вы придете, только если услышите крики. Мои крики, разумеется. — Он немного поколебался и вытащил из

кармана Крыжовника, которые все еще жужжал сам по себе. — И никаких встреваний, ясно?

— Да, «Вставьте свое имя»! Хм хм хм…

Ваймс дернул дверь и она открылась. Безжизненный, леденящий воздух повалил из помещения. Толстый слой инея захрустел под ногами. Его дыхание мгновенно заклубилось парами.

Он ненавидел Склад Фьючерсной Свинины. Полупрозрачные туши еще не существующего мяса висели в воздухе, ежедневно накапливая реальность и приводили его в дрожь, не имеющую ничего общего с низкой температурой. Сэм Ваймс считал поджаренный бэкон пищей, со своими собственными правами, и при виде бэкона, путешествующего назад во времени, его желудок начинал выворачиваться.

Он сделал несколько шагов внутрь и огляделся в промозглой, леденящей мгле.

— Коммандер Ваймс. — объявил он, чувствуя себя немного глупо.

Здесь, внутри помещения, на полу лежал слой намерзшего инея глубиной по колено. Два тролля пробирались через него, направляясь к нему. Он разглядел, что на них было больше лишайника, больше клановых рисунков. И больше овечьих черепов.

— Оружие оставить здесь. — прогромыхал тролль.

— Ба! — воскликнул Ваймс и быстро шагнул между ними.

Позади него раздался шелчок и тихая песня натянутой стальной тетивы, жаждущей свободы. Детрит поднял на плечо свой арбалет.

— Можете попробовать забрать энтот у меня. — пригласил он троллей.

В мглистой глубине Ваймс заметил группу троллей. Один или два из них выглядели как прислуга. Другие… Он вздохнул. Все, что Детриту надо было сделать, это разрядить арбалет и тогда организованная преступность в городе была бы обезглавлена, впрочем, как и Ваймс, если бы он не успел вовремя упасть на пол. Но он не мог этого позволить. Существовали правила, весомее, чем закон. К тому же, десятиметровая дыра в полу, потребовала бы некоторых объяснений. Хризопраз сидел на покрытом изморозью ящике. Он всегда выделялся из толпы. В то время, как редкие тролли отваживались надеть что-то большее, чем разнообразные клочки кожи, он носил костюмы. У него даже был галстук с бриллиантовой булавкой. А сейчас на его плечи была накинута шуба. Но она было только для вида. Тролли любили

низкие температуры. Их мозги работали быстрее при охлаждении. Поэтому они и устроили встречу в таком месте, это точно, думал Ваймс, стараясь не стучать зубами, ничего, когда придет мой черед, я назначу встречу в сауне.

— Мыстер Ваймс! Как мило, что вы пришли. — жизнерадостно сказал Хризопраз. — С моего позволения — энти жентельмены — благородные господа, представители крупного бизнеса. Полагаю, что вы и сами знаете их всех.

— А как же, брекчия.[10] — ответил Ваймс.

— Ну, мыстер Ваймс, вы же знаете, что энтого на самом деле не существует. — с невинным видом сказал Хризопраз. — Мы всего лишь собрались все вместе, чтобы продвигать наши интересы в энтом городе с помощью благотворительных мероприятий. Мы являемся, как бы вы могли нас назвать, общественными лидерами. Нет никаких причин называть нас тем словом.

Общественные лидеры, думал Ваймс. В последнее время только и слышны разговоры об общественных лидерах, призывающих население к спокойствию. Эта фраза так примелькалась на страницах Таймс, что, вероятно, наборщики

---

[10] Примечания: 10
Троллийская мафия.

держали ее в собранном виде наготове. Ваймса очень интересовало, кто они такие, как их выбирали. Если призывы к спокойствию означали подмигивание и поощрение в стиле: «Не надо ломать вот этот буфет своим новеньким боевым топором… Да не этот, а тот!», то Мясодробилка вполне мог считаться общественным лидером.

— Мне сказали, что вы хотите поговорить со мной наедине. — сказал он, кивая головой на фигуры в тенях. Некоторые из них прятали свои лица.

— Точно. А, вы про энтих жентельменов? Они сейчас уйдут. — ответил Хризопраз, махнув им рукой. — Они здесь только для того, чтобы вы поняли, что один тролль, а энто я — к вашим услугам, будет говорить за всех. Не будет ли так же правильным, если в энто же время, ваш добрый сержант, старина Детрит, выйдет покурить? Энтот разговор между вами и мной, либо он вообще не произойдет.

Ваймс повернулся и кивнул Детриту. Тролль неохотно удалился, бросив на прощание хмурый взгляд на Хризопраза. Остальные тролли последовали за ним. Ботинки проскрипели на морозе, а затем дверь захлопнулась.

Ваймс и Хризопраз оглядели друг друга в бук-

вально ледяном молчании.

— Я слышу, как стучат ваши зубы. — сказал Хризопраз. — Энто место — самое то для тролля, но людей оно вымораживает до костей, верно? Вот поэтому я и принес с собой энто меховое пальто.

Он снял с плеч пальто и протянул его Ваймсу. — Только между нами, идет?

Гордость это одно, а невозможность ощущать свои пальцы, это совсем другое. Ваймс завернулся в великолепный теплый мех.

— Вот и хорошо. Не могу разговаривать с человеком, у которого уши отморожены, э? — сказал Хризопраз, вытаскивая большой портсигар. — Значит так, во-первых, один из моих парней проявил неуважение к вам. Я слышал, что он предположил, будто бы я такой тролль, что, обидившись, подниму руку на вашу прелестную супругу и вашего сынишку, дай боги ему здравия. Иногда энта нынешняя молодежь приводит меня в отчаяние. Никакого уважения, никакого стиля. Да и смекалки им тоже не хватает. Так что если пожелаете новый каменный садик на лужайку перед домом, вам стоит только слово сказать.

— Все, что я хочу, чтобы он больше никогда не попадался мне на глаза. — коротко сказал Ваймс.

— Никаких проблем. — ответил тролль. Он

указал на маленькую, сторонами примерно в фут коробку, стоящую позади него.

Коробка была слишком мала, чтобы вмещать в себя целого тролля.

Ваймс попытался проигнорировать этот ящик, но обнаружил, что это почти невозможно. — И это все, зачем вы хотели видеть меня? — спросил он, стараясь удержать в узде свое воображение, рисующее перед его внутренним взором ужасающие картины.

— Сыгареты, мыстер Ваймс? — сказал Хризопраз, открывая портсигар. — Вот энта слева для людей. Высший сорт.

— У меня есть свои. — ответил Ваймс и вытащил смятую пачку. — Ну и зачем весь этот сыр-бор? Я очень занятой человек.

Хризопраз зажег серебристую тролльскую сигару и глубоко затянулся. От сигары исходил тонкий запах горящего олова.

— Да, много дел и все из-за смерти того дварфа. — сказал он, не глядя на Ваймса.

— И?

— Энто сделал не тролль. — продолжил Хризопраз.

— Откуда вы знаете?

Тролль поглядел на Ваймса в упор. — Если бы

энто был тролль, я бы энто знал. Я провел расследование.

— Мы тоже.

— Я несколько громче задаю вопросы. — ответил тролль. — И я получил много ответов. Иногда, мне отвечали даже на те вопросы, которые я не задавал.

Еще бы тебе не ответить, подумал Ваймс, а я должен играть по правилам. — Почему вас так волнует, кто убил дварфа? — спросил он.

— Мыстер Ваймс! Я — честный гражданин. Энто мой общественный долг, волноваться! — Хризопраз внимательно следил за лицом Ваймса, проверяя, как это примут, и ухмыльнулся. — Вся энта ерунда с Кумской Долиной мешает бызнесу. Ребята раздражены, они слоняются туда-сюда и задают вопросы. А я сижу здесь и переживаю. И тут я слышу, что мой старый добрый друг мыстер Ваймс занялся энтим делом и, что я думаю, может он и не слишком чувствителен к ну-ансам нашей культуры, но он прямой, как стрела, у него нет изъянов. Он увидит, что энтот, так называемый тролль, оставил свою дубинку на месте преступления и он будет смеятся до упаду, потому, что энто же так очевидно! Энто сделал кто-то из дварфов и он хотел, чтобы тролли были под подо-

зрением, чи ты ды. — и он снова сел на ящик.

— Какую дубинку? — тихо спросил Ваймс.

— Чего?

— Я не упоминал о дубинке. В газете не было ничего про тролльскую дубинку.

— Дорогой мыстер Ваймс, об энтом мне рассказали украшения для лужайки. — ответил Хризопраз.

— Значит, дварфы говорили с вами? — сказал Ваймс.

Тролль поглядел задумчиво на потолок и выпустил дым. — Поговорили, в конце концов. Но энто все частности. Я говорю энто только сейчас и только между нами. Мы ведь понимаем что к чему. Совершенно ясно, что энти чокнутые дварфы подрались, или энтот дварф умер от слишком долгой жизни, или…

— Или вы задали ему несколько вопросов?

— Зря вы так, мыстер Ваймс. Энта дубинка всего лишь ложный след. Ее подложили дварфы.

— Или тролль убил, бросил дубинку и убежал. — сказал Ваймс. — Или он был достаточно умен и подумал: никто не поверит, что тролль будет настолько глуп, что оставит здесь свою дубинку, поэтому если я ее здесь положу, то обвинят дварфов.

— Эх, хорошо что тут так холодно, а то я бы не смог ухватить вашу мысль! — засмеялся Хризопраз. — Тогда я спрошу, если тролль завалится в гнездо энтих вшивых забурившихся, неужто он убьет только одного из них? Да ничего подобного, приятель. Он посшибает столько дварфов, сколько сможет, бац, бац!

Он поглядел на озадаченное выражение лица Ваймса и вздохнул.

— Слушайте, если уж тролль решил туда полезть, то значит, он был взбешен. Знаете, как сейчас все ребята взведены? Их кормят этими разговорами о доблести, о чести, о славе, всем этим гнилым копролитом, разъедающим мозги быстрее, чем Слаб, быстрее, даже чем Слайд. Я слышал, что в полицейский участок доставили дварфа, и все было тихо — мирно. Но мы не такие, мыстер Ваймс. Вы же играли в энту игру, вы должны знать. Пустите тролля в толпу дварфов и он будет, как лиса среди… энтих штук с крыльями, яйца там еще…

— Лиса в курятнике?

— Энто… Ну там, шерсть, длинные уши?

— Заяц?

— Точно! Треснуть одного дварфа и смыться? Ни один тролль не сможет остановиться на эн-

том, мыстер Ваймс. Энто как вы, люди, и семечки. И в игре энто правильно показано.

— Какой игре?

— Вы никогда не играли в Бац? — Хризопраз был удивлен.

— А, вы об этом… Я не играю в игры. — сказал Ваймс. — И что касается Слаба, то именно вы самый крупный его поставщик. Я говорю это только сейчас и только между нами.

— Не… Я вышел из бызнеса. — сказал Хризопраз и помахал сигарой в воздухе. — Можно сказать, что я осознал ошибочность старого образа жизни. Но с энтого момента начнется новая жизнь, я буду прыдерживаться золотой середины. Оказание различных финансовых услуг, вот дорога в будущее.

— Рад это слышать.

— Кроме того, энти ребята наседают. — продолжил Хризопраз. — Энтот осадочный мусор. Они нарезают Слаб с грязными сульфидами и варят его вместе с хлористым железом и другой подобной дрянью. Вы думаете, что Слаб энто плохо? Подождите, пока вы не познакомитесь со Слайдом. После Слаба тролль сидит себе и любуется на красивые картинки, никого не трогает, тихо и мирно. Но Слайд заставляет его чувство-

вать себя самым большим и сильным троллем в мире, не нуждающемся ни в еде, ни во сне. А через несколько недель и в жизни. Нет, энто не для меня.

— Правильно, зачем убивать клиентов? — сказал Ваймс.

— Удар ниже пояса, мыстер Ваймс, ниже пояса. Да энти новые ребята, сами сидят половину времени на Слайде. Слишком много драк, слишком мало уважения. — Он сщурился и наклонился вперед. — Я знаю имена и места.

— Тогда ваш долг честного гражданина назвать их мне. — сказал Ваймс. Боги, за кого он меня держит? Но мне нужны имена. Слайд звучит мерзко. И нам сейчас нужны свихнувшиеся на драках тролли не больше, чем дыра в голове, которую мы скорее всего и получим в результате.

— Я не могу сказать. В энтом то и проблема. — ответил Хризопраз. — Еще не время. Вы же знаете, что происходит на улицах. Если глупые дварфы захотят войны, то нам понадобится каждый тролль. Вот что я сказал своим ребятам — дадим Ваймсу шанс. Будем хорошими горожанами, не будем раскачивать лодку. Они все еще прислушиваются ко мне и к моим… помощникам. Но энто не будет долго продолжаться. Я надеюсь, что вы

лично занимаетесь энтим делом, мыстер Ваймс?

— Капитан Моркоу проводит раследование. — ответил Ваймс. Хризопраз опять сщурился.

— Моркоу Железобетонссен? — спросил он. — Высокий дварф? Он милый паренек, свежий, как бутон, но для троллей энто не подходит, я вам прямо скажу.

— Если уж на то пошло, дварфы тоже не считают его подходящими. — сказал Ваймс. — Но это моя Стража. Никто не будет мне указывать, кого поставить на это дело.

— Вы доверяете ему? — спросил Хризопраз.

— Да!

— Ну ладно, он голова, он Сияющий. Но… Железобетонссен? Энто дварфийское имя. В энтом вся проблема. А вот имя Ваймс… Энто имя много значит. Его нельзя подкупить, он даже как-то арестовал Патриция; да, он не самый острый нож в ящике, но он честен, как никто другой и он не остановится пока не докопается до истины.

Хризопраз заметил выражение лица Ваймса. — Энто то, что они говорят. А я хочу, чтобы Ваймс занимался энтим делом потому, что он такой же как и я, беспощадный парень, он быстро доберется до правды. И я говорю ему: энто сделал не тролль, энто не тролльская работа.

Забудь, что он разговаривает как портовый грузчик, сказал себе Ваймс. Он только кажется простым бесхитростным троллем. Это Хризопраз. Ему удалось обыграть большинство старых гангстеров, которые были крутыми парнями и он держит Гильдию Воров в кулаке. И все это даже без охлаждения в сугробе. Я знаю, что он прав, но… Не самый острый нож в ящике? Спасибо большое!

Но он назвал капитана Моркоу сияющим, не так ли? Ваймс всегда искал логические связи и потому он спросил. — Кто такой мистер Сияющий?

Хризопраз сидел, неподвижный, как камень, только зеленоватый дым от его сигары поднимался спиралью к потолку. Когда он наконец заговорил, его тон был необычайно веселым.

— Он то? А, сказки для детей. Типа тролльских легенд из глубокого будущего. — ответил он.[11]

— Что-то вроде народного героя?

— Ага, типа энтого. Типа всякой чепухи, о которой вспоминают в трудные времена. Энто всего лишь выдумка, не настоящая. Но мы живем в современном мире.

---

[11] Примечания: 11

Согласно тролльским поверьям, все живущие существа на самом деле двигаются из будущего в прошлое. Это очень сложная для понимания концепция.

Похоже, что это было правдой.

Ваймс встал. — Прекрасно, я вас выслушал. А теперь, мне нужно заняться своими делами.

Хризопраз затянулся сигарой и стряхнул пепел в иней, где он зашипел. — Вы пойдете в Стражу через переулок Вернись?

— Нет, это слишком… — Ваймс оборвал себя. В голосе тролля звучал советующие нотки.

— Передайте мой поклон леди из соседней лавки с кондитерской. — сказал тролль.

— Мммм… Я передам, почему бы и нет? — ответил Ваймс в некотором затруднении. — Сержант!

Дверь в дальнем конце со стуком распахнулась и в склад ворвался Детрит с арбалетом наготове. Подавляя в себе безумное желание упасть ничком на землю, Ваймс внезапно осознал, что одним из немногих недостатков тролля была его неспособность уловить все тонкости термина «Предохранительная защелка».

— Пришли времена, когда мы все должны осознать, где наше место, — задумчиво сказал Хризопраз, обращаясь к призрачным свиным тушкам. — и кто стоит рядом с нами.

Когда Ваймс подошел к двери, тролль добавил: — Передайте это пальто вашей супруге, мыстер

Ваймс. С моими наилучшими пожеланиями.

Ваймс замер и поглядел на пальто, все еще укутывающее его плечи. Оно было сделано из какого-то серебристого меха и давало приятное тепло, но еще горячее была ярость, охватившая его. Он чуть не вышел с этим пальто на плечах! Он чуть не попался!

Он сдернул его с плеч и скомкал. Несколько десятков редких, маленьких зверьков отдали свои жизни, чтобы это пальто было сшито. Что же, в его силах позаботиться о том, чтобы их смерть, хотя бы в малом, не была напрасной.

Ваймс подкинул свернутое пальто в воздух, закричал: — Сержант! — и кинулся ничком на пол. Раздался щелчок арбалета, над головой прожужжал рой обезумевших жуков, затем послышалось дзынканье, с которым куски стрел дырявили металлическую крышу, превращая ее в дуршлаг, и запахло паленой шерстью.

Ваймс поднялся на ноги. Вокруг него медленно падало то, что можно было назвать снегом из шерсти. Он встретил пристальный взгляд Хризопраза.

— Попытка подкупить полицейского, это очень серьезное нарушение. — сказал Ваймс.

Тролль подмигнул. — Крыстально честен, я все-

гда так им говорю. Приятно было побеседовать с вами, мыстер Ваймс.

Как только они вышли наружу, Ваймс потянул Детрита в боковую аллею, насколько это вообще было возможно тянуть тролля куда-либо.

— Ты знаешь что-нибудь о Слайде?

Красные глаза тролля засверкали. — Уж я наслышан о нем.

— Направляйся к Паточношахтной дороге и собери вооруженный отряд. Идите к переулку «Вернись», что позади мойки. По-моему, там где-то должна быть лавка, торгующая свадебными тортами. У тебя хороший нюх на наркотики. Перерой там все, сержант

— Так точно! — ответил Детрит. — Вам на них настучали?

— Скажу лишь, что я считаю это залогом добрых намерений, идет?

— Энто хорошо, сэр. — ответил тролль. — А кто их заложил?

— Эээ… Кто-то, про кого мы знаем, что он желает продемонстрировать нам какой он примерный гражданин. Ну давай, принимайся за дело.

Детрит взвалил арбалет на плечо, чтобы его было легче нести и быстро заковылял прочь. Ваймс прислонился к стене. Это был такой длинный

день. И сейчас он…

На стене, чуть выше его головы, какой-то тролль грубо выцарапал рисунок ограненного алмаза. Трольские граффити опознать было не трудно — они выцарапывали их собственными ногтями на дюймовую глубину. Рядом с алмазом было вырезано слово СИЯЮЩИЙ.

— Кхм… — послышался тихий голос из его кармана. Ваймс вздохнул и вытащил Крыжовника, не отводя взгляда с надписи.

— Да?

— Вы запретили вас прерывать. — оправдываясь, сказал бес.

— Ну? Что ты хотел?

— Уже одиннадцать минут шестого, Вставьте Свое Имя. — смиренно ответил бес.

— Черт побери! Почему ты не сказал мне!

— Потому что вы не разрешили вас прерывать! — ответил бесенок дрожащим голосом.

— Да, то есть нет. — Ваймс замолчал. Одиннадцать минут. Он не успеет добраться вовремя в час пик. — Шесть часов это… важно.

— Вы не говорили мне этого. — сказал бес, обхватив голову руками. — Вы только сказали — никаких встреваний! Мне действительно, действительно очень жаль…

Позабыв о Сияющим, Ваймс с отчаянием огляделся по сторонам. Здесь в низине, где район скотобоен переходил в доки, семафоры почти не использовались, но он все же обнаружил одну большую семафорную башню на крыше здания управления доками.

— Беги туда! — приказал он, открывая коробочку. — Скажи им, что я послал тебя и что сообщение первой очередности, ясно? Пусть передадут в Псевдополис Ярд, что я направляюсь отсюда к реке. Через реку я переберусь по мосту Мисбегот и затем направлюсь к Прутсу! Полицейские в Ярде знают, что к чему! Беги!

Бесенок моментально перешел от отчаяния к энтузиазму. Он отсалютовал. — Так точно, сэр! Встроеная служба отправки сообщений «Bluejhon™» не разочарует вас, Вставьте Свое Имя! Я немедленно соединяюсь! — он спрыгнул и исчез вдали размывающимся зеленым пятном.

Ваймс рванул вниз к докам и понесся вдоль реки, обгоняя корабли. В Доках всегда было слишком много народу и дорога представляла собой сплошные препятствия в виде тюков товаров, канатов, груд ящиков, преграждающих путь через каждые десять ярдов. Но Ваймс был прирожденным бегуном и он знал все уловки, помогающие

продвигаться через запруженные городские улицы. Он уворачивался и нырял, уклонялся и огибал, и, там, где это было необходимо, налетал с разбегу. Он споткнулся о веревку; он свернул подпорку ворот. В него врезался грузчик, но Ваймс уложил его ударом в челюсть и припустил пуще, на случай, если где-то поблизости были его дружки.

Это было важным…

Лакированая карета, запряженная четверкой лошадей, с двумя лакеями на запятках, неторопливо катилась по Обезьяньей улице. Ваймс метнулся в отчаяном рывке, ухватился за ручку и втиснул себя между двумя изумленными лакеями, затем он перебросил себя через раскачивающуюся на ходу крышу и упал на сидение рядом с юным кучером.

— Городская Стража! — заявил он, махнув значок. — Правь прямо!

— Но мне нужно повернуть налево… — начал юнец.

— И подхлестни их кнутом, будь любезен. — сказал Ваймс, не обращая внимания. — Дело первой важности!

— Ага! Вам нужна бесстрашная погоня на полной скорости? — сказал кучер с возрастающим

энтузиазмом. — Вот это для меня! Сэр, вы нашли того, кто вам нужен! А вы знаете, что я целых пятьдесят ярдов могу проехать на двух колесах? Только старая мисс Робинсон не позволяет мне. Хоть на правой, хоть на левой стороне! Хей! Хей!

Кнут хлестнул и Ваймс попытался вставить: — Послушай, ты только….

— Конечно, самое трудное заставить лошадей бежать на двух ногах. Вообще-то, это скорее скачки, а не бег, — продолжал кучер, развернув шляпу, чтобы уменьшить сопротивление ветра. — Ну что, хотите поглядеть как я балансирую на двух колесах?

— Не особенно. — ответил Ваймс, глядя прямо вперед.

— И вот что я вам скажу, подковы даже не искрят совсем, когда я делаю этот фокус! Хей!

Пейзаж стал размытым. Впереди был канал, ведущий от реки к Двухпинтовым Докам. Обычно он был перекрыт разводным мостом — обычно…

Сейчас мост был раздвинут. Ваймс мог видеть мачты корабля, который медленно волокли из доков в реку.

— О, не беспокойтесь, сэр! — закричал кучер. — Мы разгонимся вдоль причала и перепрыгнем!

— Ты не сможешь перепрыгнуть через двух-

мачтовое судно с четверкой лошадей!

— Спорю, что смогу, если нацелюсь между мачт, сэр! Хей! Хей!

Люди впереди разбегались в поисках укрытия. Лакеи, позади них задумались о новой работе. Ваймс толкнул парнишку назад на сидение, сгреб поводья, уперся ногами в тормозной рычаг и натянул изо всех сил.

Колеса заблокировались. Лошади начали разворачиваться. Карета заскользила, металические ободы колес заискрились и металл заскрежетал. Лошади повернули еще. Карета тоже начала поворот и потащила за собой лошадей, заворачивая их по кругу, как ярмарочных пони. Подковы высекали искры на мостовой. В этот момент Ваймс отпустил поводья и ухватился одной рукой за сиденье снизу, а второй — за поручни и зажмурился, ожидая, когда все стихнет. И благословенная тишина настала. Все звуки умерли, кроме одного: нетерпеливого стука в крышу кареты, по-видимому прогулочной тростью. Недовольный старческий женский голос вопрошал:

— Джонни? Ты опять гонишь, молодой человек?

— Бутлегерский поворот! — выдохнул Джонни, глядя на четверку взмыленных лошадей, развернутых теперь в ту сторону, откуда они только что

примчались. — Я впечатлен!

Он повернулся к Ваймсу, но того уже не было рядом.

Люди, волокущие судно, побросали свои канаты и разбежались при виде кареты, запряженной четверкой лошадей, на всех парах мчащейся к ним. Канал из дока в реку был узким. Легко можно было ухватиться за палубный канат, перебежать по кораблю и и спрыгнуть на мостовую с другой стороны. Что как раз и было только что проделано.

Ваймс, мчащийся вдоль реки, видел, что на мосту Мисбегот ему придется туго. Между домами, стоящими вдоль моста, застрял перегруженный фургон с сеном. Он снес часть крыши чьего-то дома и часть сена рассыпалось. Между возчиком и совершнно неблагодарным владельцем дома с новенькой террасой, готова была начаться драка. Драгоценные секунды были потеряны на то, чтобы предотвратить драку и пробраться через разбросанное сено на другую сторону моста. Здесь перед ним открылся широкий проезд, известный под названием Прутс, поднимающийся в гору и полностью запруженный транспортом. Он не сможет его одолеть. Сейчас уже наверное без пяти шесть. Одна мысль об этом, мысль о

маленьком личике…

— Мистер Ваймс!

Он повернулся. Позади него на дорогу вылетела почтовая карета и перешла на рысь. Рядом с кучером сидел капитан Моркоу и неистово махал ему.

— Прыгайте на подножку! — закричал он. — у вас совсем мало времени!

Ваймс снова разбежался, догнал карету, запрыгнул на подножку и вцепился в ручку двери.

— Это не почтовая карета в Щеботан? — закричал он, в то время как возчик начал разгонять лошадей в галоп.

— Так точно, сэр. — ответил Моркоу. — Я объяснил, что это вопрос исключительной важности.

Ваймс с удвоенной силой вцепился в дверь. В почтовые кареты запрягали отменных лошадей. Колеса кареты уже были сплошным размытым пятном.

— Как тебе удалось добраться сюда так быстро? — прокричал он.

— Срезал через Аптечные Сады, сэр!

— Что? Через этот маленький проход вдоль реки? Он слишком узкий для такой кареты, как эта!

— Было тесновато, это точно. Карета пошла

легче, когда с нее сорвало лампы.

Ваймс умудрился оглядеть карету. Вся покраска с ее боков была содрана.

— Хорошо, — закричал он в ответ. — скажи кучеру, что я буду ждать счета! Но это все без толку, Моркоу. На Парковой улице в это время дня везде заторы!

— Не волнуйтесь, сэр! Я бы на вашем месте постарался держаться крепче!

Ваймс услышал, как кунт щелкнул. Это была настоящая почтовая карета. Посылки и мешки с письмами не требуют комфорта. Он мог чувствовать, что скорость возросла. Очень скоро должна была быть Парковая улица. Ваймс не мог многого разглядеть, так как его глаза слезились из-за ветра, но впереди их ждал один из самых фешенебельных городских заторов. Движение здесь было плохим в любое время дня, но ранний вечер был особенно ужасным из-за того, что Анк-Морпоркцы верили, что право на проезд принадлежит самым тяжелым транспортным средствам и самым нахальным кучерам. Там все время происходили мелкие столкновения, которые с неизбежностью сопровождались блокированием перекрестка, а возчики обеих карет спускались со своих мест для обсуждения

вопросов безопасности дорожного движения, привлекая в качестве аргумента первое попавшееся им в руки оружие. И вот в этот водоворот толкающихся лошадей, торопящихся пешеходов и ругающихся кучеров, и направлялась почтовая карета, несущаяся уже на полном ходу.

Он закрыл глаза и затем, услышав, что стук колес изменился, рискнул их открыть. Карета летела через перекресток. Прежде чем они устремились вниз к Лепешечной Авеню, перед Ваймсом мелькнула огромная очередь, кипевшая от злости и бушующая позади пары недвижных полицейских троллей.

— Ты перекрыл дорогу? Ты перекрыл дорогу! — заорал он, стараясь перекричать ветер.

— И Королевский Путь, сэр. На всякий случай. — прокричал в ответ Моркоу.

— Ты закрыл две главные дроги? Целых две дороги? В час пик?

— Да, сэр. — ответил Моркоу. — Иначе никак нельзя было.

Ваймс висел на подножке, потеряв дар речи. Посмел бы он поступить так же? Вероятно, уже сейчас весь город был плотно забит застопорившимися фургонами, но это была другая проблема.

С минуты на минуту он окажется дома. Значит ли минута что-нибудь? Возможно, что нет, но у Сэмми оказалось очень хорошее чувство времени. Может и две минуты не имеют значения. Даже три минуты. Но не больше. Если ты позволишь задержаться на пять минут, то потом ты позволишь себе десять, а там и полчаса, пару часов… и ты вообще не увидишь сына вечером. В шесть часов и точка. Каждый день. Читать Маленькому Сэму. И никаких оправданий. Совершенно никаких оправданий. Если ты хоть один раз позволишь себе отступиться под хорошим предлогом, ты распахнешь дверь и для плохих.

По ночам ему снились кошмары, как он опаздывает.

У него часто были кошмарные сны о Сэмми. В них были пустые детские кроватки и темнота.

Все было слишком… хорошо. Всего за несколько лет, он, Сэмюэль Ваймс, взлетел над миром, как воздушный шар. Он получил титул герцога, он командовал Стражей, он стал влиятельным и он женился на женщине, чье участие, любовь и понимание, были им не заслужены, как он втайне полагал. И он был богат, как Креозот. Удача улыбалась ему самой ослепительной из своих улыбок; он сорвал банк. И все это за очень

короткое время.

Затем на свет появился Маленький Сэм. Сначала все было просто прекрасно. Малыш как малыш — не держал головку, отрыгивал, не фокусировал глаза и был полностью на попечении своей матери. Но в один прекрасный вечер, его сын повернулся и поглядел прямо на него глазами, сиющими ярче, чем все лампы в мире, и жуткая волна страха затопила Сэма Ваймса. Вся эта удача, весь этот праздник жизни, все это было… неправильным. Он был уверен, что вселенная не может позволить так много счастья одному человеку, не предъявив ему потом счетов. Ему навстречу катится большая темная волна и когда она покроет его с головой, то смоет все прочь. Иногда, он был уверен, что может расслышать ее отдаленный рев.

Когда карета замедлилась, он спрыгнул с подножки, выкрикивая бессвязные благодарности, и кинулся к дому. Передняя дверь была уже открыта и в проеме стоял Виликинс, с Книгой наготове. Ваймс подбежал, расшвыривая ногами гравий. Он схватил книгу и шумно помчался вверх по лестнице, в то время как городские часы с разной точностью начали отбивать шесть часов.

Сибил не хотела няню и была в этом непо-

колебима. Но на это раз Ваймс был еще более непоколебим, чтобы взять не только няню, но и служанку в драконий питомник. Слишком много всего на нее одну. И он победил. Мисс Чистюля, сама благопристойность, только что закончила укладывать Сэмми в кроватку, когда пошатывающийся Ваймс ввалился в детскую. Она начала приседать, но уловив его страдальческий взгляд, вспомнила об импровизированной лекции о Правах Мужчин, прочитаной на прошлой неделе, и поспешно вышла. Это время принадлежало только Сэмам.

Маленький Сэм подтянулся на перилах кроватки и сказал — Па!

Мир вокруг затих.

Ваймс потрепал сына по волосам. Забавно. Целый день он кричал, вопил, орал и говорил без устали, но здесь в этой умиротворенной комнате, благоухающей (благодаря Чистюле) мылом, он никогда не знал, что же ему такого сказать. Он проглатывал язык в присутствии четырнадцатимесячного ребенка. Все, что приходило ему на ум, наподобие фраз «А кто тут у нас папочкин сынуля?» — звучало ужасно, хотя точно такая фраза была написана в книге. Ему нечего было сказать в этой светлой комнате, он не знал ничего такого,

что требовалось сказать.

Из под кроватки донесся храп. Там дремал дракон Дрибблер. Древний, потерявший свой огонь, с изорванными крыльями и беззубый, он каждый день вскарабкивался по ступеням и устраивался под кроватью. Никто не знал почему. Он тихонько посвистывал во сне.

Счастливая тишина окутала Ваймса, но затягивать не стоило. Необходимо было совершить Чтение Книги С Картинками. В этом и был смысл шести часов. Одна и та же книга каждый день. Ее страницы были замусоленными и потрепанными, но для одного человека в детской эта книга была самой главной, величайшей историей, из рассказанных когда-либо.

Она называлась «Где Моя Корова?»

На первой странице было многообещающее начало:

«Где моя корова?

Вот она?

Она говорит — Беее!

Это овечка, это не моя корова!»

Затем автор начинал проникаться ситуацией:

«Где моя корова?

Вот она?

Нет, она говорит — Иго-го!

Это лошадка, это не моя корова!»

После чего воображение автора впало в агонию и из глубины своей измученной души он извлек:

«Где моя корова?

Вот она?

Она говорит — Аррррг!

Это гиппопотам! Это не моя корова!»

Вечер бы по настоящему хорошим. Сэмми уже радостно улыбался и ликовал по ходу действия.

Корова в конце концов найдется, когда все страницы будут перевернуты. Определенное беспокойство вызывал тот факт, что рисунки всех этих животных не смогли бы вести в заблуждение даже котенка, выросшего в темной комнате. Лошадь стояла перед подставкой для шляп, а гиппопотам ел из корыта, к которому были прислонены перевернутые вилы. Если глядеть сбоку, то на какую то секунду изображение вполне могло сойти за корову… Тем не менее, Маленький Сэм любил ее. В мире должно быть не было более часто прижимаемой к себе книги.

Но на Ваймса она нагоняла скуку, несмотря на то, что он наловчился воспроизводить все звуки и у него не было равных в произношении «Арррг!». Однако, разве такая книга нужна городскому ребенку? Где он может услышать все эти звуки?

В этом городе, все эти животные могли издать только один звук — шкворчание на сковородке! Но у детской комнаты свои собственные секреты, со всеми этими овечками, плюшевыми мишками и пушистыми утятами повсюду, куда ни глянь.

Однажды вечером, после трудного дня, он попытался выдать уличную версию Ваймса:

«Где мой папочка?

Это он?

Он говорит — Козявка! Тысячелетняя рука и креветка!

Это Гнусный Штарый Рон, Это не мой папочка!»

Все шло довольно хорошо, пока Ваймс не услышал многозначительное покашливание из дверей, где стояла Сибил. На следующий день Сэмми с детским безошибочным инстинктом на такого рода вещи, сказал мисс Чистюле — Козявка! И на этом все закончилось, хотя Сибил никогда не поднимала вопрос, даже будучи наедине с ним. С тех пор Ваймс всегда придерживался строго авторизированной версии.

Сегодня он читал книгу по памяти, а в окна стучал ветер и маленький мирок детской, украшенный в голубых и розовых тонах, его мягкие и пушистые обитатели, казалось, обволакивали их

обоих. На часах в детской, маленькая кудрявая овечка убаюкивала секунды.

В сумерках, еще не очнувшись полностью от мрачных отрывистых сноивдений, Ваймс непонимающе озирался по сторонам. Его охватила паника. Что это за место? Откуда здесь эти скалящиеся животные? Что это лежит на его ботинке? Кто он такой, задающий все эти вопросы, и почему он укрыт голубой шалью, с узором из утят?

Благославенная память вернулась к нему. Сэмми заснул с шлемом в руках, обхватив его как плюшевого мишку и Дрибблер, всегда ищущий теплое местечко для сна, положил голову на ботинок Ваймса. Кожа на ботинке уже покрылась чем-то липким.

Ваймс осторожно забрал шлем, завернулся в шаль и побрел вниз в главный холл. Он заметил свет, идущий из под двери в библиотеку, и, все еще не совсем ясно соображающий, ввалился в нее.

Два стражника встали при его появлении. Сибил, сидящая в кресле у огня, повернулась у нему. Ваймс почувствовал как уточки медленно соскользнули с его плеч и упали на пол.

— Я дала тебе поспать, Сэм. — сказала леди Сибил. — Ты не ложился сегодня до трех ночи.

— У всех двойная смена, дорогая. — ответил Сэм, надеясь, что Моркоу и Салли даже подумать не посмеют рассказать кому-нибудь, что они видели босса, закутанного в голубую, с утятами, шаль. — Я должен служить примером для всех.

— Безусловно, ты к этому стремишься, Сэм, но твой внешний вид может скорее послужить отпугивающим предостережением, — сказала Сибил. — когда ты ел в последний раз?

— Я съел сэндвич с салатом, помидорами и бэконом, дорогая. — ответил он, стараясь изо всех сил, чтобы по его тону можно было предположить, что бэкон был жалкой приправой, а не толстым куском, едва прикрытым хлебом.

— Ага, как же. — сказала Сибил, более точно передавая тот факт, что она не верит ни одному его слову. — Капитан Моркоу что-то хочет тебе сказать. Садись, а я посмотрю, как там ужин.

Когда он торопливо ушла на кухню, Ваймс повернулся к стражникам и на мгновение задумался, не продемонстрировать ли им ту глуповатую улыбку и круглые глаза, которые на языке мужчин означают — «Вот ведь, женщины», но решил этого не делать на том основании, что стражниками были младший констебль Хампединг, считающая его глупцом, и Моркоу, который

бы все равно его не понял.

Вместо этого он остановился на — Итак?

— Мы сделали все, что смогли, сэр. — ответил Моркоу. — Я был прав. Эта шахта очень зловещее место.

— Такими обычно бывают все места, где произошло убийство.

— Вообще-то, я не думаю, что нам показали место преступления, сэр.

— Вам не показали тело?

— Показали, сэр. Все же, сэр, вам надо было быть там самому…

— Я не уверена, что выдержу все это. — Прошептала ему Ангуа, в очередной раз направлясь с отрядом стражников к Паточношахтной улице.

— Что не так? — спросил Моркоу.

Ангуа ткнула большим пальцем себе за спину. — Она! Вампиры и оборотни, неподходящее общество друг для друга!

— Но она носит Черную Ленточку. — мягко возразил Моркоу. — Она ничего плохого не делает…

— Ей и не обязательно что-либо делать! Достаточно того, что она просто есть! Для любого из нас, находиться рядом с вампиром, все равно, что иметь спутанные волосы, настолько спутанные, насколько ты можешь себе представить! И по-

верь, оборотни знают, что такое по настоящему спутанные волосы!

— Это все запах? — спросил Моркоу.

— Ну, запах дает себя знать, но дело в большем. Они просто слишком… уравновешены. Слишком совершенны. Рядом с ней я чувствую себя такой… волосатой. Я не могу ничего с этим поделать, этому чувству не одна тысяча лет! Дело в их репутации. Вампиры всегда так… хладнокровны, они никогда не теряют над собой контроль, но оборотни, мы всего лишь неуклюжие животные. Неудачники.

— Но это далеко не так. Уйма Черноленточников полные невротики, а ты так спокойна и…

— Но не когда я нахожусь рядом с вампирами! Они что-то такое будят во мне! Слушай, прекрати действовать на меня логикой. Я ненавижу, когда ты пытаешься быть логичным со мной. Как только мистеру Ваймсу пришло в голову отправить нас вместе? Нет, я конечно займусь расследованием, но она будет мне мешать, вот в чем дело.

— Я уверен, что для нее это тоже нелегко… — Начал Моркоу.

Ангуа кинула на него Взгляд. Но такой вот он и есть, думала она. Он и в самом деле так думает. Он просто не понимает, когда нельзя говорить

ничего подобного. Так значит для нее это нелегко? Когда же это было легко для меня? Во всяком случае, ей не надо таскать с собой по всему по городу запасную одежду! Согласна, у них бывают моменты безумия, но у нас такие моменты происходят регулярно раз в месяц! Но разве я впиваюсь кому-либо в глотку? Я охочусь на кур! И я заранее плачу за них. А страдает ли она от ПЛС? Вряд ли! О боги, растущая луна уже перевалила за вторую четверть. Я чувствую, как растут мои волосы! Чертовы вампиры! Они так много значения придают тому, что больше не являются жестокими кровопийцами. И все им сочувствуют. Даже он!

Все это промелькнуло в ее голове за секунду. Вслух же она сказала — Давайте спустимся в шахту, закончим с этим делом и вернемся, хорошо?

Около входа по прежнему стояла толпа. Среди них был Отто Шрик, который слегка пожал плечами, когда Моркоу посмотрел на него.

Охранники по прежнему стояли на своих местах, но с ними явно кто-то поговорил. Они кивнули прибывшему отряду. Один из них даже открыл перед ними дверь, очень вежливо.

Моркоу подозвал поближе к себе стражниц.

— Все, что мы скажем, будет подслушано, понятно? — сказал он. — Все — так что будьте

осторожны. И помните — они уверены, что вы не видите в темноте.

Он провел их внутрь, где стоял Умноруль, сгорающий от нетерпения.

— Добро пожаловать, Стучащий Лоб. — сказал дварф.

— Кхм, если мы собираемся говорить по морпоркски, я бы предпочел обращение капитан Моркоу. — ответил Моркоу.

— Как пожелаете, плавильщик. — сказал дварф — лифт ждет!

Во время спуска Моркоу спросил, — Скажите пожалуйста, что приводит его в движение?

— Устройство. — ответил Умноруль, с гордостью, которая перекрыла даже его нервозность.

— В самом деле? У вас много Устройств? — спросил Моркоу.

— У нас есть Вал и Средний брус.

— Средний брус? Никогда не видел, только слышал о таких.

— Нам повезло. Я буду счастлив показать вам его. Для приготовления пищи он просто бесценнен. — пробормотал Умноруль.

— И там внизу у нас много всяких кубов, разной мощности. От плавильщика ничего нельзя утаивать. Мне приказали показать вам все, что

вы пожелаете увидеть и рассказать все, что вы захотите узнать.

— Благодарю. — сказал Моркоу, когда лифт остановился в темноте, испещренной мертвым свечением вирвей. — Насколько глубоко вы здесь все раскопали?

— Я не смогу вам этого сказать, — быстро ответил Умноруль. — я не знаю. А, вот и Ардент. Я вернусь наверх…

— Нет, Умноруль, прошу вас остаться с нами. — сказало темное пятно в полумраке. — Вы тоже должны это увидеть. Добрый день, капитан Моркоу и… — Ангуа почувствовала легкий привкус отвращения — леди. Прошу вас, следуйте за мной. Мне очень жаль, что здесь так темно. Возможно, ваши глаза привыкнут. Я буду счастлив описать вам любой объект, до которого вы дотронетесь. А сейчас я отведу вас в то место, где это ужасное происшествие… произошло.

Пока их вели по туннелю, Ангуа оглядывалась по сторонам, обратив внимание, что Моркоу шел, слегка согнув колени. Стучащий Лоб, да? Забавно, но он никогда не упоминал об этом ребятам!

Примерно каждую дюжину ярдов Ардент останавливался перед круглой дверью, неизменно покрытой вирвями, и поворачивал колесо. Двери

скрипели, открываясь с неповоротливостью, дающей понять, какие они тяжелые. То здесь, то там в туннелях со стен свисали всякие… штуки. Механические предметы, помещенные здесь с какими-то определенными целями. Вирви мерцали на них. Она не имела ни малейшего понятия об их предназначении, но Моркоу радостно ликовал при их виде, как ребенок.

— У вас есть воздушные колокола и подводные ботинки, мистер Ардент! Я только лишь слышал о них!

— Вы ведь выросли среди прочных скал Медной Головы, капитан? Рытье шахт на этих влажных равнинах подобно рытью туннелей под морем.

— И эти железные двери совершенно водонепроницаемые?

— Да, это так. И они воздухонепроницаемые тоже.

— Замечательно! Я бы с удовольствием побывал здесь еще раз, после того, как это неприятное дело будет завершено. Дварфийская шахта под городом! В это довольно трудно поверить!

И вот таким был Моркоу в работе. Он мог звучать так невинно, так дружелюбно, так… глупо и по щенячьи и, затем, он внезапно становился куском стали и ты с ходу врезался в него. Ангуа

могла судить по запаху, что Салли наблюдала за ним с интересом.

Будь благоразумна, сказала себе Ангуа. Не позволяй вампиру задеть тебя. Не начинай верить, что ты глупа и волосата. Размышляй здраво. У тебя есть мозги.

Неужели можно жить в такой темноте и не сойти с ума? Ангуа обнаружила, что ей легче переносить шахту с закрытыми глазами. Здесь внизу ее нос работал лучше, ни на что не отвлекаясь. Темнота помогала. Когда ее глаза были закрыты, даже самые слабые запахи проплывали через ее мозг. Но если бы не запах мерзкого вампира, она бы смогла уловить больше. Это зловоние отравляло каждое ощущение. Стой, не думай об этом, ты сейчас говоришь своему мозгу, что надо думать… Подожди, это все неправильно…

В углу следующей камеры виднелся слабый контур, довольно большой. Он выглядел как… очертание тела. Меловое очертание. Светящееся меловое очертание.

— Насколько я понимаю, это общепринятый метод? — сказал Ардент. — Вам еще не встречался ночной мелок, капитан? Он сделан из размельченных вирвей. Они продолжают светиться почти целый день. На полу вы можете увидеть

или, скорее почувствовать, дубинку, которой был нанесен смертельный удар. Она прямо под вашей рукой, капитан. На ней кровь. Я еще раз приношу свои извинения за отсутствие света, но нам пришлось убрать вирвей. Для них это еда, вы понимаете.

Ангуа обоняла силуэт Моркоу, очерченный присущим ему запахом мыла, ощущала, как он движется через комнату. Вот его рука дотронулась до другой металической двери.

— Куда ведет эта дверь, сэр? — спросил он, постукивая по ней.

— Во внешние помещения.

— Была ли она открыта, когда тролль напал на скальта?

— Вы действительно считаете, что это был тролль? — поинтересовалась Ангуа.

— Да, я так думаю. — ответил Ардент.

— Тогда я бы хотел, чтобы вы открыли ее. — сказал Моркоу.

— Я не могу согласиться с вашей просьбой, капитан.

— Я и не намеревался просить, сэр. После того, как эта дверь будет открыта, мне понадобятся те, кто был в шахте, когда тролль ворвался в нее. Я должен поговорить с ними, а также с теми, кто

обнаружил тело. Хара’г дж’каргра.

Ангуа почувствовала, что запах Ардента изменился. Его внезапную неуверенность можно было почувствовать через все слои одежды. Он неожидано столкнулся с куском стали. Ардент помедлил несколько секунд, прежде чем ответить.

— Я постараюсь удовлетворить вашу прось… приказание, плавильщик. — ответил он. — А сейчас я вас покину. Пойдемте, Умноруль.

— Грз дава’дж? — спросил Моркоу. — К’закра’дж? Д дж х’рагна ра’д’дж!

Ардент шагнул вперед, со все возрастающей неуверенностью, и протянул вперед обе руки, ладонями вниз. На мгновение его рукава приподнялись и Ангуа заметила на его правом запястье слабо светящийся символ. У каждого забурившегося был «драхт» — уникальное свидетельство, удостоверяющее его личность в мире полностью укрытых одеждами фигур. Она слышала, что татуировки делали, вводя кровь вирвей под кожу. Судя по описанию, это была болезненная процедура. Моркоу быстро взял его за руки и тут же отпустил.

— Благодарю вас. — ответил он так, как будто он ничего не говорил на дварфийском перед этим. Два дварфа поспешили прочь.

Стражники остались одни в кромешной тьме.

— Зачем ты это сделал? — спросила Ангуа.

— Я только подстраховался. — весело ответил Моркоу. Он полез в карман. — Ну вот мы и на месте, теперь добавим сюда немного света.

Ангуа почуяла, как он пару раз решительно провел рукой по стене, как будто что-то рисуя на ней. Она почувствовала запах… пирога со свининой?

— Сейчас станет немного посветлее. — ответил он.

— Капитан Моркоу, это было не здесь… — начала Салли.

— Всему свое время, младший констебль. — твердо сказал Моркоу. — Сейчас мы только занимаемся осмотром.

— Но мне нужно сказать вам…

— Позже, младший констебль. — сказал Моркоу чуть громче. Через открытую дверь втекали вирви и расползались дальше по камням.

— Кстати, ммм… Салли… Вам не станет плохо, если мы осмотрим тело?

Правильно, подумала Ангуа, все мысли о ней. А я вижу кровь каждый день. Я буквально хожу ноздрями по крови!

— Старая кровь это не страшно, сэр, — ответила

Салли. — здесь есть немного старой крови. Но еще здесь есть-…

— Не допускаю, что у них где то тут морг. — быстро прервал ее Моркоу. — Похоронная церемония довольно сложна.

«Морг? Да для тебя это была бы гостиница, дорогуша!» — прорычал волк, сидящий в Ангуа. Вирви расползались по комнате, целенаправлено двигаясь по стене. Она согнулась, чтобы понюхать пол.

Я могу унюхать дварфов, много дварфов, думала Ангуа. Но запах троллей различить труднее, особенно под землей. Кровь на дубинке, как цветок. Дубинка пахнет дварфом, но здесь повсюду запах дварфов. Я чувствую запах… Постой, вот что-то знакомое…

От пола в основном пахло тиной и глиной. Четко выделялись следы ног Моркоу, также как и ее. Много запахов дварфов и она могла, кроме всего прочего, безошибочно различить запах их беспокойства. Это здесь они нашли тело? Однако, вот это пятно глины пахло по другому. Его втоптали в пол, но оно пахло точно как вязкая глина в районе Камнеломной Улицы. А кто живет на Камнеломной Улице? Большинство анк-морпоркских троллей.

Вот и улика.

Она улыбнулась в темноте, которая постепенно просветлялась. И беда с уликами, как всегда говорил мистер Ваймс, была в том, что их так легко сделать. Можно набрать полные карманы этих чертовых улик.

Темнота исчезала потому, что свет усиливался. Ангуа посмотрела вверх.

На стене, там, где Моркоу дотронулся до нее, светился огромный символ. Он провел по ней куском мяса, поняла она. Они собрались здесь, чтобы попировать…

Ардент вернулся, Умноруль следовал за ним по пятам.

Он только сказал: — Эту дверь можно было бы открыть, но, увы, мы… — и замолчал.

Это были счастливые вирви. Они сверкали, как бриллианты на фоне всего остального зеленовато-белого свечения. На стене, за спиной Моркоу сиял круг, перечеркнутый двумя диагональными. Оба дварфа уставились на него в шоке.

— Да мы только поглядим и все, хорошо? — сказал Моркоу, совершенно очевидно ничего не замечающий.

— Мы, увы, вода… вода… не полностью водонепроницаемы… другие двери… тролль вызвал

затопление… — бормотал Ардент бормотал, не отрывая глаз от свечения.

— Но вы сказали, что мы по можем, по крайней мере, заглянуть за нее? — вежливо спросил Моркоу, указывая на запечатаную дверь.

— Э… Да. Да, конечно.

Управляющий поспешно шагнул вперед и вытащил ключ. Разомкнутое колесо легко повернулось. Ангуа остро почувствовала, как заблестели и напряглись мускулы на обнаженных руках Моркоу, с усилием открывающего металлическую дверь.

О нет, только не сейчас! У нее в запасе по меньшей мере еще один день! Это все вампир, это все из-за нее, стоящей рядом с таким невинным видом. Часть ее тела жаждала превратиться в волка, прямо сейчас, для защиты…

По другую сторону двери находилась комната с колоннами. Она пахла сыростью и незаконченными работами. Потолок покрывали вирви, но пол был грязный и хлюпал под ногами.

Ангуа удалось различить другую дварфийскую дверь на противоположной стороне комнаты и еще одну на этой же.

— Мы подняли вынутый грунт к отвалу на пустыре, на поверхности. — сказал Ардент. — Мы,

эээ, полагаем, что тролль вошел этим путем. Непростительная оплошность. — Он был все также скован.

— И никто не видел тролля? — спросил Моркоу, ковыряя ногой грязь.

— Нет, в этих помещениях работы уже закончены. Шахтеры были в другом месте, но они вернулись так быстро, как смогли. Мы полагаем, что скальт пришел сюда в поисках уединения. Пасть от руки такой мерзости!

— Какая удача для тролля, не так ли, сэр? — сказала Ангуа откровенно. — Тролль всего лишь забрел куда-то и тут же споткнулся о Мясодробилку?

Ботинок Моркоу ударился обо что-то металлическое. Он отбросил ногой еще немного глины.

— Вы проложили рельсы? — удивился он. — Вы должно быть перетаскали уйму грунта, сэр…

— Толкать легче, чем нести. — ответил Ардент. — А теперь, я договорился, что…

— Постойте, а это что такое? — спросил Моркоу. Он присел на корточки и выковырял какой-то светлый предмет. — Как я вижу, это кость. На веревочке.

— Здесь полно старых костей. — сказал Ардент. — А сейчас, я…

Светлый предмет, чпокнув, выскочил из земли и оскалился на них в тусклом свете.

— Оно не выглядит таким уж старым, сэр. — сказал Моркоу.

Ангуа было достаточно одного вдоха.

— Это череп овцы — сказала она — умерла около трех месяцев назад. — Вот и другая улика, добавила она про себя. Какая приятная и удобная находка для нас…

— Его мог уронить тот самый тролль. — предположил Моркоу.

— Тролль? — сказал Ардент, отшатываясь.

Это была не та реакция, которую ожидала Ангуа. Ардент и так уже был взвинчен, но сейчас, под всеми своими слоями одежды, он находился на грани паники.

— Вы сказали, что тролль напал на скальта, сэр? — спросил Моркоу.

— Но мы никогда-… я никогда не видел этого здесь! Почему мы не нашли этот череп? Оно вернулось обратно?

— Все двери заблокированы, сэр. — терпеливо сказал Моркоу. — Ведь так?

— Но не могли ли мы закрыть Это внутри вместе с нами? — Ардент фактически взвизгнул.

— Разве вы сами этого не знаете? — спросил

Моркоу. — Троллей вроде как бы трудно не заметить.

— Я должен привести стражей! — заявил Ардент, отступая к открытой двери. — Оно может быть где угодно!

— Тогда вы можете нарваться прямо на него, сэр. — сказала Ангуа.

Ардент замер на мгновение, а затем, коротко всхлипнув, кинулся в темноту, Умноруль следовал за ним по пятам.

— Ну и как мы полагаем это произошло? — спросила Ангуа с пугающей улыбкой. — И что ты сказал ему на дварфийском — «Знаешь, я дварф и все дварфы — братья»?

— Эмм… «Совершенно определенно, что вы меня знаете. Я наблюдаю за соблюдением прав дварфов. Кто, что я такой? Я один из Братства». - тщательно подбирая слова, сказала Салли.

— Молодец, младший констебль! — сказал Моркоу. — Вы отлично перевели.

— Да, ты наверное укусила какого-нибудь умника? — спросила Ангуа.

— Я ношу Черную Ленточку, сержант. — кротко ответила Салли. — И у меня прирожденная способность к языкам. Пока мы одни, капитан, могу я упомянуть еще кое о чем?

— Разумеется. — ответил Моркоу, пытаясь повернуть колесо на одной из закрытых дверей.

— По моему, здесь что-то не так, сэр. Есть что-то очень странное в том, как Ардент отреагировал на этот череп. С чего бы ему подумать, будто тролль до сих пор здесь, после того, как прошло столько времени?

— Тролль, попавший в дварфийскую шахту, может натворить много бед, прежде чем его остановят. — сказал Моркоу.

— Ардент совершенно не ожидал найти здесь этот череп, сэр. — с нажимом сказала Салли. — Я слышала, как его сердце заколотилось. Череп привел его в ужас. Э… Есть кое-что еще, сэр. Здесь вокруг много городских дварфов, несколько десятков. Я могу чувствовать их сердца. Кроме того, тут также находятся шесть скальтов. Их сердца бьются медленее. И еще есть другие дварфы. Странные и их совсем немного. Может быть с десяток.

— Очень полезные сведения, младший констебль, спасибо.

— Не представляю, как же мы справлялись до твоего появления. — сказала Ангуа. Она быстро прошла к другой стороне сырой комнаты, чтобы они не могли видеть ее лица. Ей был нужен све-

жий воздух, а не эта всепроникающая затхлая вонь старых креплений. Про себя она просто кричала: Лига Воздержания? Ни Одной Капли? Кто нибудь хотя бы на одну минуту поверил этому? Любой был рад попасться на эту удочку потому, что вампиры умели очаровывать. Конечно, они должны уметь очаровывать! В этом заключается часть их сущности. Ведь это единственный способ заставить путников остаться на ночь во вселяющем ужас замке! Все знают, что леопард не может изменить свои пятна, но нет же! Повяжи дурацкую черную ленточку, заучи фразу вроде «Уста, что испробовали Крови, никогда не коснутся Меня» и они снова и снова готовы вестись на это. Но оборотни? Ах, они просто чудовища, достойные жалости, не так ли?

Ничего страшного в том, что ты всю жизнь ежедневно борешься со своим внутренним волком; ничего страшного в том, что ты заставляешь себя проходить мимо каждого уличного фонаря; ничего страшного, что в любом самом незначительном споре, ты должен сопротивляться побуждению покончить с полемикой одним укусом. Ничего страшного в том, что всем известно — создание, сочетающее в себе волка и человека, это собака. Собаки должны вести себя хорошо…

Часть ее кричала, что она не права и это всего лишь проявление ПЛС и известный эффект присутствия вампира, но так или иначе, именно сейчас, когда запахи вокруг нее уплотнились почти до твердости, она ничего не хотела слышать. Она жадно втягивала все запахи мира, она практически превратилась в один сплошной нос. Ведь именно потому она и оказалась в страже, не так ли? Из-за своего носа.

Новый запах, новый запах…

Резкий серо-голубой запах лишайника, коричневые и пурпурные тона давно умершего тела, полутона дерева и кожи… даже будучи полностью волком, никогда еще она не обоняла запахи настолько глубоко, как сейчас. Вот еще что-то — резкое, химическое… Воздух был наполнен запахами сырости, запахами дварфов, но эти чуть слышные нотки звучали в нем, как флейта пикколо в реквиеме, вплетаясь в общую мелодию…

— Тролль! — прохрипела она. — Тролль. Тролль с черепами на поясе и под действием наркотиков. На Слабе или на чем-то подобном. Тролль! — Ангуа почти лаяла на дальнюю дверь. — Открой дверь! Там!

Хотя она практически не пользовалась глазами, но сумела разглядеть, что на металлической

двери углем был нарисован круг с двумя перечеркивающими его диагональными линиями. Неожиданно Моркоу согласился с ней. Во всяком случае, у него хватило вежливости не спросить «Ты уверена?», а с грохотом попытаться отвернуть большое колесо. Дверь была заперта.

— Не думаю, что за ней вода. — сказал он.

— Да что ты говоришь? — удалось выговорить Ангуа? — Ты же знаешь, это только… чтобы не пустить нас!

Моркоу обернулся, к ним приближался отряд дварфов. Они бежали к двери с таким видом, как будто совершенно не замечали присутствие стражников.

— Не пускай их первыми! — выдавила Ангуа сквозь стиснутые зубы. — След очень слабый!

Моркоу вытащил меч, другой рукой он выставил напоказ свой значок.

— Городская Стража! — закричал он. — Прошу всех опустить оружие! Спасибо!

Отряд замедлился, и, как это обычно бывает, бегущие позади налетели на тех, кто приостановился в нерешительности перед ними.

— Это место, где было соврешно преступление! — объявил Моркоу. — Я все еще плавильщик! Мистер Ардент, вы здесь? С той стороны

есть стражи?

Ардент пробился через отряд дварфов. — Думаю, что нет. — сказал он. — Тролль все еще там?

Моркоу взглянул на Салли, которая пожала в ответ плечами. Вампиры никогда не развивали в себе способность слышать сердца троллей. В этом не было никакого смысла.

— Возможно, хотя я так не думаю. — ответил Моркоу. — Прошу вас, откройте дверь. Может нам все еще удастся поймать след.

— Капитан Моркоу, вы же знаете, что на первом месте всегда должна стоять безопасность шахты! — заявил Ардент. — Конечно, вы обязаны пуститься в погоню. Но сначала мы откроем дверь и убедимся, что за ней нет никакой опасности. Вы должны уступить нам.

— Пусти их, — прошептала Ангуа. — запах будет четкий. Я справлюсь.

Моркоу кивнул и прошептал в ответ — Молодец!

Она почувствовала, что захотела повилять хвостом. Ей захотелось лизнуть его в лицо. Это были помыслы ее собачьей части. Ты хорошая собака. Так важно быть хорошей собакой.

Моркоу оттащил ее в сторону, в то время как

пара дварфов подошла к двери, намереваясь что-то сделать.

— Но прошло так много времени, — пробормотала она, когда еще два дварфа встали за первыми двумя. — Судя по запаху, он был там часов двенадцать назад…

— Что они делают? — сказал Моркоу, наполовину себе самому. Еще два дварфа завернутые в кожаные одежды с ног до головы, как Ардент, но в кольчуге поверх, и в шлемах без украшений, но полностью закрывающих головы и лица и оставляющих лишь прорезь для глаз. Каждый дварф нес на спине большой черный ранец и держал перед собой копье.

— О, нет, — сказал Моркоу. — только не здесь…

По команде дверь распахнулась, обнаруживая за собой одну лишь темноту.

Копья изрыгнули пламя и следом за его длинными желтыми языками медленно двинулись черные дварфы. Дым, тяжелый и липкий, заполнил пространство.

Ангуа потеряла сознание.

* * *

Темнота.

Из последних сил Сэм Ваймс взбирался на вер-

шину холма, изнемогая от усталости.

Было тепло, теплее, чем он ожидал. Соленый пот щипал глаза.

Ботинки проскальзывали по воде, хлюпающей под его ногами.

Где-то там впереди, на склоне, плакал ребенок.

Он знал, что кричит. Он мог слышать свист дыхания в горле, мог чувствовать, как двигались его губы, но он не мог расслышать слова, снова и снова выкрикиваемые им.

Темнота воспринималась, как холодные чернила. Извивающиеся щупальца темноты проникали в его разум и тело, замедляя движение, тянули его назад… Вот они и пришли за ним с огнем.

Ваймс моргнул и обнаружил, что неотрывно смотрит в камин. Огонь умиротворяюще потрескивал. Прошелестев платьем, в комнату вернулась Сибил, села и подобрала свою штопку.

Он тупо уставился на нее. Сибил штопала его носки. У них был полон дом прислуги и она штопала ему носки. И вовсе не потому, что они не могли позволить себе новую пару носков на каждый день. Нет, она подцепила где-то идею, что это ее супружеский долг и потому занималась этим.

В этом было что-то отрадное, как ни странно. Досадно только, что штопать она не умела и в

результате Сэм ходил с пятками, грубо подшитыми крест-накрест шерстяными нитками. Тем не менее, он носил их и никогда не жаловался.

— Оружие, которое изрыгает пламя. — медленно сказал он.

— Да, сэр. — ответил Моркоу.

— У дварфов есть оружие, которое изрыгает пламя.

— Забурившиеся применяют его для того, чтобы взрывать карманы с шахтным газом. — пояснил Моркоу. — Совершенно не ожидал увидеть его здесь!

— По мне это оружие, особенно, если какие то ублюдки наставят его на меня! — сказал Ваймс. — Они ожидали найти много газа в Анк-Морпорке?

— Сэр? Даже река возгорается в жаркое лето!

— Ладно, ладно! Ты прав. — признал Ваймс неохотно.

— Убедись, что мои слова станут известны всем: Мы выстрелим первыми в любого, кто будет замечен на поверхности с одной из таких штук, потому что я не вижу смысла в допросе. Черт побери, это все, что нам нужно. У тебя есть что-нибудь еще, капитан?

— В конце концов нам все-таки удалось увидеть тело Мясодробилки. — сказал Моркоу. — Ну

что я могу сказать… На его запястье был знак — «драхт», идентифицирующий его, и его кожа была бледной. На затылке у него была ужасная рана. Они говорят, что это именно он. У меня нет никаких доказательств, что это так. Но у меня есть доказательства, что он был убит не там, где нам показали или не в то время, которое они назвали.

— Какие? — спросил Ваймс.

— Кровь, сэр. — ответила Салли. — Кровь должна быть там повсюду. Я изучила рану. Удар дубинкой был нанесен уже по трупу и не в том туннеле.

Ваймс несколько раз медленно вздохнул. Час от часу не легче.

— Знаешь, что меня заботит, капитан? — сказал он. — У меня такое ощущение, что очень скоро меня попросят подтвердить существование доказательств о виновности тролля. Что, мой друг, будет равносильно объявлению войны.

— Вы просили нас провести расследование, сэр. — ответил Моркоу.

— Да, но я не ожидал, что вы вернетесь с неподходящим результатом! Все дело очень дурно пахнет! Эта глина с Камнеломной улицы, ее могли подбросить?

— Вполне возможно. Тролли не особо заботятся о чистоте ног, но чтобы она сохранилась пока он шел через всю эту грязь? Нет никакого шанса.

— И еще, они не выбрасывают свои дубинки. — прорычал Ваймс. — Значит все было спланировано дварфами. Но тут выясняется, что в шахте и правда был тролль! Ангуа совершенно в этом уверена?

— Абсолютно, сэр. — ответил Моркоу. — Мы и раньше полностью доверяли ее носу. Сожалею, сэр, но ей пришлось пойти на свежий воздух. Она перенапряглась и, к тому же, набрала полные легкие того дыма.

— Могу себе представить. — сказал Ваймс.

Провались оно все на месте, думал он. Мы были правы, когда говорили Ветинари, что дело смахивает на топорно состряпаную фальшивку против троллей. Но тролль там все-таки был! Слишком много всего обнаружилось, чтобы быть в чем то увереным.

Салли вежливо кашлянула. — Ардент был потрясен и напуган, когда капитан нашел череп, сэр. — сказал она. — И он не притворялся. Я совершенно уверена. Он чуть в обморок не упал от ужаса. И Умноруль все время был в таком же состоянии.

— Ценное замечание, младший констебль. — мрачно сказал Ваймс. — Я подозреваю, что буду в таком же состоянии, когда мне придется выйти на улицу с рупором и объявить: «Всем привет! Добро пожаловать на реконструкцию Битвы при Кумской Долине! Давайте-ка проведем ее прямо в нашем городе!»

— Не думаю, что вам стоит преподносить это таким образом, сэр. — сказал Моркоу.

— Хм, точно, раз уж ты упомянул об этом, я попробую что-то более замысловатое. — ответил Ваймс.

— К Битвам в Кумской Долине относят по меньшей мере шестнадцать различных сражений, — продолжил Моркоу. — или даже семнадцать, если посчитать и ту битву в Вилинюсовом Проходе. И только три из них случились в настоящей Кумской Долине, одна из них запечталена на полотне Плута. Говорят, что она довольно точно воспроизводит события. Недаром на создание картины у него ушли годы.

— Изумительная работа. — вставила Сибил, не отрывая глаз от штопки. — Раньше она принадлежала нашей семье, а потом мы отдали ее в музей.

— Не правда ли, прогресс хорошая штука, капи-

тан? — сказал Ваймс, стараясь звучать настолько саркастически, насколько возможно, потому, что Моркоу обычно плохо понимал сарказм. — Когда у нас начнется наша собственная Кумская Долина, наш друг Отто сделает цветную иконографию всего лишь за долю секунды. Это изумительно. Да и город уже давно не сжигали дотла.

Он был обязан немедленно что-то предпринять. Когда-то давным давно, он так бы и поступил. Но сейчас, возможно настало время, когда стоило потратить имеющиеся у него драгоценные минуты на обдумывание, что он будет делать, а уж потом кидаться в бой.

Ваймс устал от размышлений. Не надо хвататься за все змеи в корзинке. Разберись сначала с одной, потом берись за другую. Постарайся разложить все по полочкам. Итак, что необходимо сделать в первую очередь?

Все.

Хорошо, попробуем другой подход.

— Что за шумиха вокруг всех этих шахтных рун? — спросил он. — Умноруль что-то такое рисовал при мне. Еще одну я заметил на стене. И ты нарисовал одну.

— «Преследующая Тьма» — сказал Моркоу. — Да, эта руна нацарапана там повсюду.

— Что это значит?

— Кошмар, сэр. — ответил Моркоу. — предупреждение, что приближается что-то ужасное.

— Несомненно, если один из этих маленьких негодяев покажется на поверхности с огненным оружием в руках. Но ты говоришь, что там все стены исчирканы?

Моркоу кивнул. — Вы должны понять, что представляет из себя дварфийская шахта, сэр. Это своего рода… -

— …оранжерея, где культивируются эмоции, вот как Ваймс понимал это, хотя ни один дварф никогда не бы дал такое определение. Люди сошли бы с ума, живя в таких условиях: в тесноте, без возможности уединиться, среди постоянного шума, глядя на одни и те же лица изо дня в день до самого конца. И поскольку, под руками было так много холодного оружия, кровопускание было всего лишь вопросом времени.

Дварфы не сходят с ума. Они становятся задумчивыми и печальными и погружаются в работу. Но они чертят шахтные руны.

Это было своего рода неофициальное голосование; граффити, имеющее голос, с помощью которого можно было высказать свое мнение о том, что происходит. В тесных границах шахты,

напряжение перескакивало от дварфа к дварфу, как электрический разряд. Руны нейтрализовали его. Они были сливом, заземлением, способом показать свои чувства, никому не угрожая (что являлось опасным в условиях шахты, заполненной всем этим колющим оружием).

«Преследующая Тьма»: мы в ужасе ожидаем, что произойдет. По сути же, перевод означал: раскайтесь, нечестивцы!

— Существуют сотни рун для обозначения темноты, — говорил Моркоу. — Кое-какие из них просто часть дварфийского алфавита, например, Длинная Тьма. Их довольно много. Но есть и другие…

— Мистические? — предположил Ваймс.

— Невероятно мистические, сэр. О них написаны тома. И учитывая то, как дварфы относятся к книгам, словам и рунам… Вы бы не поверили, сэр. Мы… Они думают, что мир был написан, сэр. Все слова обладают огромной мощью. Уничтожение книги считается худшим преступлением, чем убийство забурившегося.

— Я уже с этим столкнулся. — сказал Дежурный по Доскам Ваймс.

— Некоторые из забурившихся верят, что знаки тьмы существуют. — продолжал Моркоу.

— Конечно, раз вы можете увидеть их на стенах… — начал Ваймс.

— Существуют, в смысле живут, сэр. — сказал Моркоу. — Они верят, что эти знаки обитают где-то в глубинах, в темноте под миром и что они могут вынудить написать себя. Есть «Ждущая Тьма»… Это тьма, которая заполняет новую шахту. «Закрывающая Тьма»… Я не знаю, что это означает, но есть также и «Открывающая Тьма». «Дышащая Тьма», очень редкая. «Зовущая Тьма», очень опасная. «Говорящая Тьма» и «Хватающая Тьма». «Таинственная Тьма», я как то раз видел ее. Эти руны считаются хорошими. Но «Преследущая Тьма» очень плохая руна. Я слышал, как старые дварфы рассказывали о ней. Говорили, что она может погасить лампы и даже сделать что похуже. Когда шахтеры начинают рисовать этот знак, дела могут пойти очень плохо.

— Все это очень интересно, но…

— Все в шахте просто взвинчены, сэр. Нервы натянуты, как струна. Ангуа сказала, что почувствовала это по запаху, но я тоже уловил. Я вырос в шахте. Когда что-то идет не так, это отражается на всех. В такие дни, сэр, мой отец обычно останавливал работы в шахте. Слишком много несчастных случаев поисходило. Честно

говоря, сэр, дварфы просто обезумели от страха. Знаки «Преследующая Тьма» повсюду. Наверное их начертили шахтеры, которых наняли, когда скальты пришли в город. Шахтеры чувствуют, что-то неладное, но все, что они могут сделать — начертить знак.

— Хм, ну вообще то их главный скальт был убит…

— Я могу чувствовать атмосферу в шахте, сэр. Любой дварф может. И атмосфера в той шахте пропитана страхом, ужасом и невыносимым смятением. А в Глубине есть вещи и похуже, чем Преследующая Тьма.

Перед внутренним взором Ваймса мелькнуло видение мстительной тьмы, волной выкатывающейся из пещер с такой скоростью, что от нее нельзя было убежать….

… что было глупым. Тьму в темноте не разглядишь.

Постой, однако… иногда ее можно было разглядеть. В те старые времена, когда он проводил ночи напролет на дежурствах, он различал все оттенки темноты. И иногда была темнота такая густая, что можно было физически ощутить, как ты проталкиваешься через нее. В такие ночи лошади бесились, а собаки выли и на скотобойнях у

доков скот вырывался из загонов. Их невозможно было объяснить, так же как и те ночи, которые были легки, светлы и серебристы, несмотря на отсутствие луны в небе. Тогда-то он приучил себя не зажигать маленький фонарик стражника. Свет только мешал зрению, он ослеплял. Смотри в темноту до тех пор, пока она не мигнет. Смути ее своим взглядом.

— Капитан, я что-то упустил нить. — сказал Ваймс. — Ведь я не рос в шахте. Дварфы рисуют эти руны потому, что верят, вот-вот случится что-то плохое и хотят это предотвратить; или думают, что шахта заслуживает того, чтобы случилось что-то плохое; или они хотят, чтобы что-то плохее произошло?

— Могут быть все три причины вместе. — сказал Моркоу, вздрогнув. — Когда в шахте что-то идет не так, напряжение очень растет.

— О, Господи!

— Все может быть просто ужасным, сэр. Поверьте. Но если кто-то по настоящему пожелает, чтобы произошло нечто ужасное, он не станет ограничиваться начертанием даже самых худших из рун. Понимаете, одного рисунка недостаточно. Ты должен пожелать прихода тьмы со своим последним вздохом.

— О чем ты говоришь?

— Ох, вы не хотите этого знать, сэр.

— Почему же, я сам спросил. — сказал Ваймс.

— Нет, вы в самом деле не хотите этого знать, сэр. Правда.

Ваймс был готов взорваться, но он помедлил секунду, чтобы подумать.

— В самом деле. Думаю, что не хочу. — согласился он. — Это все истерия и мистицизм. Это всего лишь странный фольклор. Дварфы верят в это. Я нет. Итак… Как тебе удалось сделать знак из вирвей?

— Очень просто, сэр. Помазал стену куском мяса. Для вирвей это настоящее пиршество. Я хотел немного встряхнуть Ардента. Сделать его более нервным, как вы учили. Я хотел показать ему, что разбираюсь в рунах. Я дварф, в конце концов…

— Капитан, не хотелось бы вас прерывать, но…

— Да, я знаю, что надо мной смеются, сэр. Дварф шести футов ростом! Чтобы стать человеком достаточно родиться у людей. Это просто. Но чтобы стать дварфом, мало родиться у дварфов, хотя для начала и это неплохо. Ты должен проделать определенные действия. Определенные церемонии. Я провел их. И теперь я и человек, и дварф. Забурившиеся обнаружили, что им нелегко иметь

дело с этим фактом.

— Это опять мистика? — устало спросил Ваймс.

— О да, сэр.

Моркоу кашлянул. Ваймс узнал этот особый кашель. Он означал, что у капитана были на уме какие-то неприятные новости и он обдумывал, в какую форму их облечь, чтобы они могли бы заполнить свободное и не совсем ненужное место в голове у Ваймса.

— Да говори уж, капитан.

— Эээ… Малыш объявился. — сказал Моркоу и разжал ладонь, на которой сидел Крыжовник.

— Я бежал всю дорогу, Вставьте Свое Имя. — гордо сказал он.

— Мы заметили его пробирающимся по сточной канавке. — сказал Моркоу. — Его было не трудно заметить, такого светящегося и ярко-зеленого.

Ваймс вытащил из кармана шкатулку Крыжовника и положил ее на пол. Бес залез в нее.

— Фух, как хорошо то. — сказал он. — И даже не напоминайте мне о котах и крысах!

— Они преследовали тебя? Но ты же магическое существо? — удивился Ваймс.

— Но они то об этом не знали! — сказал бес. — Итак, о чем мы говорили… О, да. Вы интересовались ночным вывозом мусора из города. За

последние три месяца количество вывозимых отходов возросло в среднем на сорок тон в ночь.

— Сорок тон? Но это же очень много! Почему мы ничего не знаем об этом?

— Вы знаете, Вставьте Свое Имя! — сказал бес. — Но мусор вывозился через все ворота и, возможно, что стражники замечали только одну-две тележки свыше нормы.

— Да, но это отмечалось в отчетах каждую ночь! Почему никто этого не заметил?

Возникла неловкая пауза. Бес кашлянул. — Кхм, никто не читает отчеты, Вставьте Свое Имя. По-видимому, они из разряда документов, которых мы между собой назваем «только для написания».

— Но кто-то же обязан их читать? — требовательно вопросил Ваймс. Снова воцарилась звенящая тишина.

— Я полагаю, что ты, дорогой — сказала Сибил, сосредоточенно занимаясь своей штопкой.

— Но я же во главе всего! — запротестовал Ваймс.

— Да, дорогой. В этом то и дело.

— Но я не могу проводить все свое время перебирая бумажки!

— Тогда найди того, кто будет этим заниматься,

дорогой — ответила Сибил.

— Я могу перекинуть дела на кого-то? — спросил Ваймс.

— Да, сэр — ответил Моркоу. — Вы же во главе всего.

Ваймс поглядел на бесенка, который с готовностью заулыбался в ответ. — Можешь ли ты разобрать мои корзинки для бумаг…

— Пол… — пробормотала Сибил. -

…И сообщить, что нашел важного?

— С удовольствием, Вставьте свое Имя! Только один вопрос, Вставьте Свое Имя. Что является важным?

— Тебе не кажется, что если чертовы возчики стали вывозить намного больше дерьма из города, то это чертовски важно?

— Я бы не догадался об этом, Вставьте Свое Имя. — сказал бес. — Я вообще, собственно, не думаю. Но я догадываюсь, что если бы я привлек ваше внимание к этому факту месяц назад, вы бы предложили мне засунуть свою голову под утиный хвост.

— Это верно. — кивнул головой Ваймс. — я возможно бы так и сделал. Капитан Моркоу?

— Сэр! — ответил Моркоу и выпрямился.

— Какова ситуация на улицах?

— Троллльские банды целый день болтались по городу. Дварфы тоже. Сейчас все больше дварфов собираются неподалеку от Саторской Площади и значительное количество троллей засели на Площади Разбитых Лун.

— О каком количестве мы говорим? — задумчиво спросил Ваймс.

— Все говорят, что их там около тысячи. Все пьяные, конечно.

— Подходящее настроение для драки.

— Да, сэр. Достаточно пьяные, чтобы потерять разум, но не настолько, чтобы свалиться с ног.

— Интересное наблюдение. — задумчиво сказал Ваймс.

— Так точно, сэр. Говорят, что они начнут в девять. Я считаю, что они как-то согласовали это между собой.

— В таком случае, пока не стемнело, необходимо послать отряд полицейских на Чамскую, прямо между ними, как ты думаешь? — сказал Ваймс. — Поговори с полицейскими в Участках.

— Я уже это сделал. — ответил Моркоу.

— И подготовь баррикады.

— Все подготовлено, сэр.

— И ты вызвал Дополнительные подразделения?

— Я связался с ними час назад, сэр.

Ваймс засомневался. — Я должен быть там, капитан.

— Народу у нас хватает, сэр. — ответил Моркоу.

— Вам будут нужны командиры. — сказал Ваймс. — Если уж Ветинари устроит мне завтра головомойку из-за крупных беспорядков в центре города, я меньше всего хочу объяснять ему, что мирно просидел весь вечер дома.

Он повернулся к жене — Прости, Сибил.

Леди Сибил вздохнула. — Думаю, что мне пора поговорить с Хавелоком о твоих рабочих часах. Это не идет тебе на пользу.

— Это работа, дорогая. Прости.

— И я также распорядилась, чтобы повар налил суп в фляжку.

— Распорядилась?

— Конечно, я знаю тебя, Сэм. И еще в пакете бутерброды. Капитан Моркоу, проследите пожалуйста, чтобы он съел яблоко и банан. Доктор Лоун сказал, что он должен съедать по крайней мере по пять фруктов в день.

Ваймс с деревянным видом уставился на Моркоу и Салли, стараясь изобразить предупреждение, что у первого же офицера не сдержавшего

улыбки или даже просто упомянувшего об этом кому-нибудь — всегда, всегда, всегда будут крупные неприятности.

— И, между прочим, кетчуп это не овощь. — добавила Сибил. — Даже засохшая масса вокруг горлышка бутылки не овощь. Ну, чего же вы все ждете?

— Есть кое-что, о чем я не хотел упоминать в присутсвии ее Светлости. — сказал Моркоу, когда они поспешили обратно в Ярд. — Досихпорус мертв, сэр.

— Кто это?

— Младший констебль Гораций Досихпорус, сэр? Которому проломили голову прошлой ночью? Когда мы все были на той сходке? Во время тех «нарушений общественного порядка»? Его отправили в Независимый госпиталь.

— О боги, — сказал Ваймс — а кажется, что прошла целая неделя. Он прослужил в полиции всего то пару месяцев!

— В госпитале сказали, что его мозг умер, сэр. Я уверен, что они сделали все, что смогли.

Можно ли сказать то же самое о нас? — подумал Ваймс. Но там была кровавая каша и булыжник появился неизвестно откуда. Мог попасть в меня, мог попасть в Моркоу. Но попал в парнишку. Что

я скажу его родителям? Погиб при исполнении служебных обязанностей? Но в его обязанности не должно было входить предотвращение убийства одних идиотов другими.

Мы теряем контроль. Нас и так мало. А теперь будет еще меньше.

— Схожу навещу его родителей зав… — начал было он и тут его буксующая память наконец стронулась с места. — Он служит… Он служил со своим братом?

— Дассэр, — ответил Моркоу. — Младший констебль Гектор Досихпорус, сэр. Они вместе поступили на службу. Он сейчас патрулирует Мясную улицу.

— Постарайся поймать его сержанта и скажи ему, что сегодня Гектору запрещено появляться на улицах. Пусть он приобщится к радостям регистрационной работы. В подвале, если возможно. И пусть наденет очень прочный шлем.

— Я понимаю, сэр. — ответил Моркоу.

— Как Ангуа?

— Думаю, что она отлежится немного и будет в полном порядке. Шахта ее и правда доконала.

— Мне очень и очень жаль, что… — начала Салли.

— Это не ваша вина, младший констебль… Сал-

ли. — сказал Ваймс. — Во всем виноват я. Я знал об отношениях между вампирами и обортнями, но там внизу вы обе были нужны мне. Одно из тех самых решений, ясно? Я предлагаю вам взять отгул на вечер. Нет, это приказ. Вы хорошо поработали для первого дня. Можете идти. Можете поспать… Делайте, что хотите.

Они подождали, пока она не скроется из виду и пошли вниз по улице.

— Она делает успехи, сэр — сказал Моркоу. — она быстро учится.

— Да, очень быстро. Я вижу, что от нее будет польза. — сказал Ваймс задумчиво. — Вам это не кажется странным, капитан? Она выскочила, как черт из табакерки, как раз в тот момент, когда ее способности стали нам необходимы.

— Но она провела в Анк-Морпорке пару месяцев, — ответил Моркоу — и Лига поручилась за нее.

— Мясодробилка тоже объявился примерно пару месяцев назад. — сказал Ваймс. — И если ты хочешь расследовать тайну, то мы очень даже подходящая организация для этого. Мы можем официально совать свой нос в любую щелку.

— Сэр, вы же не думаете, что она…

— Я уверен, что она носит Черную Ленточку, но

я не думаю, что вампир притащился сюда аж из Убервальда, только чтобы поиграть на виолончели. К тому же, ты сам сказал, она делает успехи.

Ваймс застыл на мгновение, гладя в пространство, и продолжил задумчиво. — У нас есть агенты в семафорной компании?

— Энди Ханкок, сэр — ответил Моркоу.

— О, боги. Ты имеешь в виду «Два Меча»?

— Да, это он, сэр. Очень увлеченный паренек.

— Да, я видел квитанции. Обычно тренировочный манекен протягивает несколько месяцев, капитан. Не подразумевается, что его изрубят в щепки за полчаса.

— Он скоро придет, сэр. Хотите поговорить с ним?

— Нет. С ним поговоришь ты.

Ваймс понизил голос. Также и Моркоу. Они пошептались. Затем Моркоу спросил — Это точно не против закона, сэр?

— Не вижу, каким образом это может быть против. Надо проверить. И мы ни о чем не говорили, капитан.

— Понял, сэр.

Боги, насколько все было проще, когда мы вчетвером противостояли этому проклятому огромному дракону, думал Ваймс по дороге. Хотя

мы чуть не сгорели заживо пару раз, но все было так просто. Это был обычный здоровенный дракон. Его были видно издалека и он не устраивал политических заговоров.

Когда они добрались до Псевдополис Ярда, пошел дождь, мелкий докучливый дождик. Ваймсу с большой неохотой согласился передать дела Моркоу. Он безусловно был в состоянии навести здесь порядок. Вокруг царила суматоха. Из здания старой лимонадной фабрики выкатывались тележки, нагруженные желто-черными баррикадами. Со всех сторон стекались стражники.

— Мы разворачиваемся на всю катушку, сэр — сказал Моркоу. — Дело серьезное.

— Молодец, капитан. — сказал Ваймс, они стояли неподвижно, как островки в бурном потоке. — Но я думаю, что есть одно маленькое дельце, которое ты мог не учесть, планируя все заблаговременно…

— В самом деле, сэр? Я думаю, что учел все — сказал Мороку, глядя озадаченно.

Ваймс хлопнул его по спине.

— Возможно, все, но не это. — ответил он и добавил про себя: и потому, капитан, что ты честный малый.

* * *

Тролль брел, бесцельно и безнадежно…

Голова Кирпича просто гудела. Он не хотел энтого, в самом деле не хотел, просто он попал в дурную компанию. Если поразмыслить, он часто попадал в дурные компании, несмотря на то, что иногда на ее поиски уходил целый день и все потому, что Кирпич был неудачником среди неудачников. Троллю без клана или банды, которого к тому же считают слишком тупым даже для тролля, приходится соглашаться на любую найденую им дурную компанию. Поэтому, когда он встретил Целиком Шлака, Щебня и Большие Шарики, ему было проще пойти вместе с ними, чем отказаться, а затем они встретили других троллей и вот….

Посмотри на энто с другой стороны, думал он, тащась вместе со всеми и немного невпопад подпевая толпе, так как он не знал слов… Все идет хорошо, ведь ходить в толпе троллей не нарушение закона, энто факт. Правда Целиком Шлак сказал, что тролля, который был в той шахте, искала Стража. И если обдумать, то троллю лучше всего прятаться среди большой толпы троллей. Потому что Стража полезет в подвалы, где око-

лачиваются настоящие плохие тролли, они не будут искать его здесь. А если все же будут и даже наедут на него, то собратья тролли ему помогут.

В глубине своего сердца он не слишком-то верил в последнюю часть. Его чуть ли не отрицательный АйКью, полное отсутствие какого-либо влияния и, прежде всего, его постоянно стремление понюхать, вколоть, проглотить, откусить все, что угодно, что могло долбануть по мозгам, привело к тому, что его вышвырнули даже из банды Не-Помним-Названия с улицы Десятого Яйца, про которую ходили слухи, что среди их членов был просто кусок цемента на веревочке, настолько безмозглыми они были. Трудно даже вообразить тролля, которому было хоть какое-то дело до того, что случилось с Кирпичем. Но сейчас они все были братьями, они были все заодно.

Он подтолкнул локтем топающего рядом с ним тролля в ожерелье из черепов, украшенного граффити, покрытого лишайником и волочащего за собой огромную дубинку.

— Круто, братан! — сказал он, сжимая покрытый струпьями кулак.

— Отвали, Кирпич, ты, огрызок копролита… — пробормотал тролль.

— Да прям шаз! — ответил Кирпич.

* * *

Штаб-квартира полиции была забита народом, но Ваймс пробился через них, толкаясь и рявкая, пока наконец не добрался до конторки дежурного офицера, осаждаемую толпой.

— Все на самом деле не так плохо, сэр! — закричала Шельма, перекрывая шум. — Детрит и констебль Шпат сейчас на Чамской, вместе с тремя големами полицейскими. Мы уже начали ставить баррикады. Обе стороны слишком заняты, разогревая себя до нужной кондиции.

— Отлично, сержант!

Шельма наклонилась и понизила голос. Ваймсу пришлось вцепиться в высокую конторку, чтобы его не унесло с толпой. — Фред Колон записывает в Дополнительные подразделения в здании старой лимонадной фабрики, сэр. И еще, вас ищет мистер Де Слов.

— Извините, сержант, я вас не до конца расслышал. — громко сказал Ваймс. — Лимонадная фабрика? Отлично!

Он повернулся и чуть не споткнулся о мистера А. И. Пессимального, держащего в руках папку с записями.

— Ваша Светлость, у меня всего несколько ма-

леньких вопросов, которые я хотел бы обсудить с вами. — сказал блестящий человечек.

У Ваймса отвисла челюсть. Полицейский, несущий связку мечей толкнул его, но ему все же удалось сказать — Вы думаете, что сейчас подходящее для этого время?

— Да, я обнаружил несколько небольших финансовых и процесуальных проблем, — ответил А. И. Пессимальный спокойно, — я полагаю, что мне жизненно важно понять, как…

Ваймс, жутко ухмыляясь, ухватил его за плечо.

— Да! Точно! Абсолютно! — закричал он — Мой дорогой мистер Пессимальный, о чем это я думал? Конечно, вы обязаны понять! Пройдемте со мной, пожалуйста!

Он протиснул обескураженного человечка в заднюю дверь, протащил по переполненному двору, перекинув его через катящуюся тележку, и наконец затолкал в здание лимонадной фабрики, где собирались Дополнительные подразделения.

Технически, они являлись городским ополчением. Как отметил Фред Колон, пусть они выпускают пар на нашей стороне, чем на нас.

Дополнительными констеблями были люди — в большинстве своем, которые при крайней необходимости могли бы быть полицейскими,

но в целом их дисквалифицировали из-за несоответствующего внешнего вида, профессии, возраста или, в некоторых случаях, мозгов.

Большинство профессионалов их недолюбливали, но Ваймс считал, что если уж вам предстоит работенка, то помощь сограждан не помешает, и в этом случае, хорошо было бы научить их владеть мечом, а не то рука, которую они так браво отрубят, окажется вашей.

Ваймс тащил А. И. Пессимального через толпу, пока не нашел Фреда Колона, который раздавал шлемы одного и того же не-подходящего-никому размера.

— Вот тебе еще новичок, Фред, — громко сказал он, — мистер А. И. Пессимальный, или просто А. И., как могли бы называть его друзья. Он правительственный инспектор. Обеспечь его, выдай полную форму и не забудь полицейский щит. А. И. Пессимальный хочет понять, что значит быть полицейским, поэтому он вызвался добровольцем на баррикады вместе с нами. — И он со значением подмигнул Фреду поверх головы А. И. Пессимального.

— Ох, эммм, так точно, — ответил Фрел и в дрожащем свете факелов его лицо обрело невинную улыбку кого-то, кто собирается превратить чью

то жизнь в ад. Он навис над складным столиком.

— Умеете держать меч, действующий констебль Пессимальный? — спросил он и надел на голову человека шлем, который на ней завращался.

— в общем то, нет… — начал было инспектор, но тут ему вручили древний меч, а за ним тяжелую дубинку.

— Как насчет щита? Хорошо управляетесь с щитом? — спросил Фред, кладя поверх меча большой щит.

— На самом деле, я вовсе не имел в виду… — заговорил А. И. Пессимальный, пытаясь удержать меч с дубинкой и роняя их, а затем меч с дубинкой и щитом и роняя все три вещи.

— Можете пробежать стометровку за десять секунд? В этом? — продолжал Фред. Истертая кольчуга медленно, как клубок змей сползла со стола и приземлилась на сияющие ботинки А. И. Пессимального.

— Ммм, я не думаю, что… -

— Стоять неподвижно и очень очень быстро справлять нужду? — спросил Фред. — ну ничего, вы скоро научитесь. Ваймс повернул инспектора кругом, подобрал 35 фунтовую изъеденную ражвчиной кольчугу и сунул ему в руки, отчего А. И.

Пессимальный согнулся вдвое.

— Я представлю вас некоторым горожанам, которые будут сражаться вместе с вами сегодня ночью. — сказал он и человечек потащился, прихрамывая, следом за ним. — Это Виликинс, мой дворецкий. Сегодня обойдемся без заостренных пенни в полях шляпы, Вилликинс?

— Так точно, сэр. — ответил Виликинс, уставясь на выбивающегося из сил А. И. Пессимальный.

— Рад слышать. Это действующий констебль Пессимальный, Виликинс. — подмигнул Ваймс.

— Почту за честь встречу с вами, действующий констебль, сэр — с серьезным видом сказал Виликинс. — Теперь, когда сэр вступил в наши ряды, негодяев просто ветром сдует. Выпадал ли сэру случай сойтись с троллем в рукопашную? Нет? Позвольте один маленький совет. Очень важно оказаться прямо перед ними и увернуться от первого удара. Они всегда открываются и сэр может резко ступить вперед и выбрать себе цель для поражения.

— Э… А если… Если не окажусь впереди одного из них, когда он попытается ударить меня? — спросил А. И. Пессимальный, загипнотизированный описанием и снова уронивший меч. — Что, если он будет позади меня?

— Ах, ну да. Боюсь, что в таком случае, сэру придется вернуться и начать все сначала, сэр.

— И эм… как же мне это сделать?

— Все начинают с того, чтобы родиться заново, сэр. — ответил Виликинс, качая головой.

Ваймс кивнул ему и потащил дрожащего Песимального через толпу, а вокруг шел мелкий дождь, поднимался туман и подмигивали факелы.

— Добрый вечер, сэр! — раздался жизнерадостный голос. Да, это был он — дополнительный констебль Ханкок, дружелюбный бородатый мужчина с приятной улыбкой и с таким количеством всяческих лезвий, что Ваймсу поплохело от одного их вида.

В этом то и заключалась проблема Дополнительных. Они по настоящему проникались идеей. Они покупали свои собственные принадлежности, более качественные, чем выдающиеся в Страже. Кое-кто из них даже мог заткнуть за пояс дварфов, своими патентованными наручниками, усовершенствованными дубинками, шлемами на мягких подкладках и водоустойчивыми карандашами, или, в случае дополнительного констебля Ханкока — двумя кривыми агатейскими мечами, висящими крест-накрест у него на

спине. Те, кто осмеливался заглянуть в учебный дворик во время тренировки Ханкока говорили, что это было незабываемое зрелище. Ваймс слышал, что агатейские ниндзи могли побрить и постричь летящую муху, но это его нисколько не успокаивало.

— О, привет… Энди — сказал он — Послушай…

— Капитан Моркоу уже поговорил со мной, — сказал дополнительный констебль Ханкок, подмигивая изо всех сил. — Я позабочусь об этом!

— Замечательно. — ответил Ваймс с ужасом понимая, что загнал себя в ловушку, решив, что одного человека будет достаточно.

— Ты пойдешь к троллям, надо же с чего то начать. — сказал он. — Не забывай, что вокруг тебя свои. Помнишь дополнительного констебля Свинкуса?

— Но, если честно, это был безупречный удар, сэр! — возразил Ханкок. — Игорь сказал, что никогда еще ему не приходилось делать такое простое пришивание!

— Тем не менее, сегодня ночью в ход идут только жезлы, Энди, пока я не отдам приказ, понятно?

— Понял, Коммандер Ваймс. Я как раз приобрел новую дубинку, если на то пошло.

Какое то шестое чувство заставило Ваймса спросить — В самом деле? Можно взглянуть?

— Вот она, сэр. — Ханкок вытащил то, что на взгляд Ваймса было двумя дубинками, соединенными вместе цепью. — Это агатейские нумнаты, сэр. Совсем не острые.

Ваймс сделал пробный взмах нумнатами и попал себе по локтю. Он немедленно отдал их обратно. — Больше подходят тебе, чем мне, сынок. На мой взгляд, они заставят тролля остановиться и задуматься.

Мистер Пессимальный застыл в ужасе, не в самую последнюю очередь потому, что своенравные деревяшки чуть не попали ему по носу.

— Это мистер Пессимальный, Энди. — сказал Ваймс. — Он знакомится с нашими методами работы. Мистер Ханкок один из наших… самых увлеченных дополнительных констеблей, мистер Пессимальный.

— Очень приятно, мистер Пессимальный! — ответил Ханкок. — Если вам нужны каталоги, я к вашим услугам!

Ваймс быстро пошел дальше, на случай, если Ханкок вытащит свои мечи, и натолкнулся на более обнадеживающую персону.

— А это у нас мистер Боггис — представил

он. — Рад вас видеть. Мистер Боггис является президентом Гильдии Воров, мистер Пессимальный.

Мистер Боггис гордо отсалютовал. Он получил у Фреда кольчугу, но никакие силы в мире не смогли бы разлучить его с коричневым котелком. И если какая-либо сила все таки попыталась это сделать, ей пришлось бы противостоять двум хмурым мужчинам с каменными челюстями, стоящими по бокам от него. На них не было ни доспехов, ни оружия. Один из них чистил ногти опасной бритвой. Каким то странным, но очень определенным образом, они выглядели более пугающими, чем дополнительный констебль Ханкок.

— Я смотрю, тут и Винни «Безухий» Лад, и Гарри «Не Помню Его Прозвище» Джоунс, — продолжил Ваймс. — Вы захватили с собой своих телохранителей, мистер Боггис?

— Винни и Гарри любят бывать на свежем воздухе, мистер Ваймс, — ответил мистер Боггис. — и вы тоже обзавелись собственным телохранителем? — он ослепительно улыбнулся А. И. Пессимальному и затем ухмыльнулся Ваймсу.

— С этими малорослыми задирами стоит держать ухо востро. Вы и моргнуть не успеете, как они свернут вам нос, мистер Ваймс. Уж я то сразу

могу распознать смертоносные кулаки. Удачи вам, мистер Пессимальный!

Ваймс поспешил утащить изумленного инспектора прочь, прежде чем вмешается Бог Фальшивой Игры, и столкнулся с ополченцем, который гарантировано не станет говорить слишком много.

— А это, мистер Пессимальный, Бибилиотекарь Незримого Универститета. Отличный боец в рукопашную.

— Но это же… Это не человек! Это орангутан, Понго Понго, обитатель БхангБхангдука и ближайших островов!

— Уук! — сказал библиотекарь, похлопывая А. И. Пессимального по голове и протягивая ему банановую шкурку.

— Отлично, А. И.! — сказал Ваймс. — Не многие знают правильный ответ!

Ваймс протащил инспектора через толпу намокших людей в доспехах, знакомя его со всеми направо и налево. Затем затолкнул Пессимального за угол и, невзирая на слабые приглушенные протесты, натянул на него кольчугу.

— Держитесь рядом со мной, мистер Пессимальный! — сказал он, когда человечек попытался передвинуться. — Тут может стать немного опас-

но. Тролли собрались на площади, а дварфы в сквере, и те и другие в достаточной степени пьяны, чтобы решиться на хорошую потасовку. Вот почему мы поставили оцепление на Чамской, прямо посередине, как начинку в сэндвиче, хаха. Дварфы предпочитают боевые топоры, тролли идут с дубинками. Наше оружие первого действия — полицейские жезлы, наше последнее средство — ноги. Это означает, что в случае чего, придется бежать со всех ног.

— Но, но у вас же есть мечи! — заявил А. И. Пессимальный.

— У нас есть мечи, действующий констебль. Да, это так, но протыкание горожан является полицейской жестокостью, а нам ведь ничего такого не нужно, так? Пошли дальше, мне не хотелось бы, чтобы вы хоть что-то пропустили.

Они вернулись на улицу и слились с потоком полицейских, направляющимся на Чамскую улицу. Кроме полицейских, на улице больше никого не было. Анк-Морпоркцы, следуя древнему инстинкту, сидели по домам, когда улицы заполнялись боевыми топорами и шиповатыми дубинками.

Чамская улица была обычная широченная дорога, предназначенная для проведения церемо-

ниальных парадов — пережиток старых времен, когда цермонии были обычным делом. Мелкий дождь поливал улицу, но только намочил тротуар, в котором отражались огни на баррикадах.

Баррикады… Именно так они назывались в инвентарном списке Стражи. Ха! Доски, окрашенные в черные и желтые полоски и прибитые к козлам, были чем угодно, но не баррикадами. Во всяком случае не для тех, кто когда-то побывал на настоящих, построенных из всякого хлама, мебели, бочек, из страха и дерзкой решительности, стягивающей ваши внутренности в клубок. Нет, эти безделушки были физическим символом идеи. Это была линия на песке. Она говорила: ни шагу дальше. Она говорила: здесь стоит закон. Переступи эту линию и ты преступишь закон. Переступи эту линию, вооруженный тяжелым топором, огромным цепом и тяжеленной дубинкой и мы, всего лишь несколько нас, стоящих здесь со своими деревянными жезлами, мы… мы….. в общем лучше не переступайте за линию, хорошо?

Желто-черные границы Закона образовали коридор в двенадцать футов, оставляя место для двух линий стражников, стоящих спина к спине и обозревающих окрестности.

Ваймс затащил мистера Пессимального в центр

Чамской, между линиями и отпустил его.

— Есть вопросы? — спросил он, в то время как опоздавшие толкались, занимая свои позиции.

Человечек уставился на площадь вдалеке, где тролли разожгли один большой костер и затем повернулся, чтобы поглядеть назад на сквер, где дварфы зажгли несколько костров поменьше. Издалека доносилось пение.

— О, да, сначала идет пение. Пока что они распаляют себя. — услужливо добавил Ваймс. — Песни о героях, о великих победах, попрания ваших врагов и распития вина из их черепов, все такое.

— А затем они нападут на нас? — спросил А. И. Пессимальный.

— Ну, не совсем так. — Ваймс признал — Они попытаются атаковать друг друга, а мы стоим у них на пути.

— Может быть они обойдут нас? — с надеждой спросил А. И. Пессимальный.

— Сомневаюсь. У них не то настроение, чтобы красться по узким аллеям. У них очень прямолинейное настроение. Беги и вопи во всю мочь, как говорится.

— Ах, да рядом же универститет! — сказал А. И. Песиальный, вдруг заметив огромное здание Незримого Университета. — Наверняка волшеб-

ники могли бы…

— Заколдовать их оружие, чтобы оно выпало из рук, оставив при этом все пальцы вцелости? Волшебным способом перенести их в камеры? Превратить их в хорьков? И что потом, мистер Песимальный? — Ваймс зажег сигару, прикрыв спичку ладонью, и пламя на миг осветило его лицо. — Куда может завести нас магия? Помахать палочкой, хех, чтобы найти кто и в чем виноват? Сделать людей хорошими? Вы считаете, что невинному бояться нечего? Я бы не поставил и два пенса. Магия, она в какой-то степени живая, ненадежная. Как только вы решите, что взяли ее за горло, она вцепится вам в зад. В моей Страже магии нет, мистер Пессимальный. Мы работаем по старинке.

— Но там их так много, коммандер.

— Думаю, что вместе их примерно тысяча. — безмятежно ответил Ваймс. — И бог знает сколько еще тех, кто ринется в драку, если мы потеряем контроль. Сейчас здесь собрались горячие головы и банды.

— Н-н-н-о может лучше предоставить их друг другу?

— Нельзя, мистер Пессимальный, тогда воцарится то, что мы в страже называем «полный

и кровавый хаос» и он не прекратится, а будет разгораться все сильнее. Мы должны покончить с этим прямо сейчас, так что…

С площади донесся грохот. Он был довольно громким и эхом отразился от стен.

— Что это было? — спросил А. И. Пессимальный и быстро обернулся.

— О, мы ожидали этого. — ответил Ваймс.

Пессимальный немного расслабился — И что это?

— Это гаханка, тролльский боевой ритм. — сказал Ваймс. — Говорят, что вы будете мертвы в течении десяти минут, после того, как услышите его.

За спиной Пессимального Детрит ухмыльнулся, свет факелов превратил его зубы в рубины.

— Это правда?

— Сомневаюсь. — ответил Ваймс. — А сейчас, прошу меня извинить, действующий констебль Пессимальный. Я оставляю вас на сержанта Детрита, а мне нужно поговорить с ребятами. Подбодрить их и так далее.

Он быстро пошел дальше. Не надо было мне так с инспектором — говорил он себе, он же обычный чиновник и, возможно, неплохой человек, просто оказался не в том месте. Но в этом то и пробле-

ма. Тролли на площади могут быть неплохими троллями и дварфы в сквере также могут быть неплохими дварфами. Но при всем при этом, они могут вас убить.

Когда Ваймс нашел Фреда Колона, тролльский ритм разносился по всему городу.

— Я смотрю, они уже начали выбивать гаханку, мистер Ваймс. — сказал сержант с нервным оживлением.

— Ага. Думаю, они скоро начнут. — Ваймс сщурился, пытаясь разглядеть фигуры вдали. Тролли не очень быстры, но когда они атакуют, это выглядит, как надвигающаяся стена.

Выставленная рука и властный окрик «Стоять!» могут не сработать.

— Вспоминаете другие баррикады, мистер Ваймс? — спросил Фред.

— Ммм? — очнулся Ваймс, отгоняя видение себя, расплющенного на тротуаре.

— Баррикады, сэр? — подсказал Колон. — Более чем тридцать лет назад?

Ваймс коротко кивнул. О да, он помнил Славную Революцию. Вообще то, это не была настоящая революция, а славной ее можно было назвать, если вы находили славу в том, чтобы умереть молодым. Люди погибли из-за других

людей, которые были в сущности неплохими, за исключением одного-двух, парнями…

— Да, — ответил. — Кажется, что это было вчера. — Все, что ни произойдет, подумал он, мне кажется, что оно было вчера.

— Помните сержанта Киля?[12] В ту ночь ему удалось вытянуть пару козырей! — в голосе сержанта Колона, также, как и у Пессимального, звучала странная надежда.

Ваймс кивнул.

— Наверное, у вас в рукаве тоже припрятана парочка-другая, а? — продолжил Фред, бесстыдно не скрывая свои надежды.

— Ты знаешь меня, Фред, всегда люблю учиться. — туманно ответил Ваймс. Он побрел дальше, кивая знакомым стражникам, хлопая их по спине и стараясь ни с кем не встречаться глазами. Каким-то образом, на каждом лицо отражались чаяния сержанта Фреда Колона. Он мог читать их мысли, под грохот пяти сотен дубинок, в унисон ударяющих о булыжную мостовую и терзающих барабанные перепонки.

Вы все уладили, так ведь. Мистер Ваймс? Мы ведь на самом деле не окажемся зажатыми между

---

[12] Примечания: 12
События "Ночного Дозора" — прим. переводчика

ними, как кусок ветчины в сэндвиче? Это такой хитрый ход, да? Это хитрость, так ведь? Сэр?

Я надеюсь, что это так, думал Ваймс. Суть в том, что Стража обязана быть здесь. Вот она, чертова истина.

Ритм гаханки слегка изменился. Чтобы уловить это, вам пришлось бы вслушаться, но тем не менее, кое-какие дубинки перестали попадать в такт. Ага.

Он добрался до Шельмы и Моркоу, которые пристально смотрели на далекие костры дварфов.

— Мы думаем, что у нас получится, сэр — сказал Моркоу.

— Черт возьми, как я надеюсь на это! Что там у дварфов?

— Они стали тише петь, сэр. — доложила Шельма.

— Рад слышать.

— Теперь мы с ними справимся, сэр? — продолжил Моркоу — У нас будут големы. Если до этого дойдет?

Мозг Ваймса дал ответ — конечно же, мы не справимся. Если они действительно решатся. Все, что мы сможем сделать, это героически умереть. Я видел, как люди геройски умирали. Это совершенно бессмысленно.

— Я не хочу, чтобы до этого дошло, капитан… — Ваймс остановился. Темная фигура пробиралась в темноте.

— Пароль? — быстро спросил он.

Фигура, которая была закутана в плащ с капюшоном, остановилась в нерешительности. — Пароль? Проштите, у меня где-то запишано…

— Хорошо, Игорь, проходи. — ответил Моркоу.

— Как вы ужнали, што это я, шэр? — спросил Игорь, пролезая под баррикаду.

— Это все твое средство после бритья. — сказал Ваймс, подмигивая капитану. — Ну что там?

— Точно так, как вы говорили, шэр — ответил Игроь, снимая капюшон.

— Кштати, шэр, я хорошо пошкреб плиту и у моего кужена Игоря вшегда наготове пара лишних рук. На вшякий пожарный шлучай, шэр…

— Спасибо, что подумал об этом, Игорь. — сказал Ваймс, как будто Игорь когда-либо думал о чем-то другом. — Я надеюсь, нам это не понадобится.

Он оглядел Чамскую улицу. Дождь усилился. Раз в жизни помощник полицейского появился именно тогда, когда он был нужен. Дождь всегда гасит воинственный пыл.

— кто-нибудь видел Шнобби? — спросил он.

— Я здесь, мистер Ваймс. Уже минут пять, как здесь!

— Почему же ты не закричал?

— Забыл пароль, сэр! Я думал, что дождусь, когда его скажет Игорь.

— Да брось! Ну как, сработало?

— Лучше, чем вы можете себе представить, сэр! — сказал Шнобби, капли дождя стекали с его накидки.

Ваймс сделал шаг назад. — Ну вот и все. Моркоу и Шельма, вы направляетесь к дварфам, я и Детрит займемся троллями. Вы знаете, как действовать, цепь полицейских медленно двигается вперед и никакого колюще-режущего оружия! Я повторяю, никакого острого оружия, пока в этом не возникнет смертельная необходимость. Будем полицейскими, понятно? По команде!

Он поспешил назад на линию баррикад с такой же скоростью, с какой сообщение передавалось по рядам стражников. Детрит стоически ожидал его. Он ухмыльнулся, когда Ваймс подошел.

— Дубинки почти стихли, сэр — отрапортовал он.

— Я слышу, сержант. — Ваймс снял свой плащ из пропитанной кожи и повесил его на баррикаду. Ему были нужны свободные руки.

— Кстати, как все прошло в переулке Вернись? — спросил он потягиваясь и делая глубокий вдох.

— Замычательно, сэр — довольно сказал Детрит. — Шесть алхымыков и пятьсят фунтов свежынького Слайда. Ворвались и все шито-крыто, все повязаны в каталажке.

— Они не узнали, кто их повязал, а? — спросил Ваймс.

Детрит оскорбленно посмотрел. — Ну уж нет, сэр. — сказал он. — Я постарался, чтобы они узнали, что это был я.

И тут Ваймс заметил мистера Пессимального, стоящего на том же месте, где он его оставил, его лицо бледным пятном выделялось в темноте. Что же, поиграли и хватит. Может быть задохлик научится хоть чему-то, постояв здесь под дождем в ожидании, когда над ним сомкнутся ревущие толпы. У него было время узнать, каково оно, проводить свою жизнь в таких противостояниях. Это тебе не бумажки перекладывать, а?

— На вашем месте, мистер Пессимальный, я бы подождал здесь. — сказал он так доброжелательно, как мог. — Там может оказаться немного опасно.

— Нет, коммандер. — ответил А. И. Пессималь-

ный, поднимая голову.

— Что?

— Я внимательно выслушал вас и намерен встретить неприятеля лицом к лицу, коммандер. — сказал А. И. Песимальный.

— Послушайте, мистер Песс… А.И. - сказал Ваймс, кладя руку на плечо инспектору, и замолчал. А. И. Пессимальный дрожал так сильно, что его кольчуга легонько позвякивала. Ваймс поспешно успокоил его — Вот что, идите-ка домой, а? Вам тут не место. — Ваймс, в полном затруднении, похлопал его по плечу.

— Коммандер Ваймс! — резко сказал инспектор.

— Да?

А. И. Пессимальный повернул к Ваймсу лицо, слишком мокрое, для такого мелкого дождика. — Я действующий констебль или нет?

— Ну, да, я назвал вас так, но я не ожидал, что вы отнесетесь к этому всерьез.

— Я серьезный человек, коммандер Ваймс. Нет такого места, где я хотел бы быть более, чем здесь! — сказал действующий констебель Пессимальный, стуча зубами. — И нет такого времени, когда я хотел бы быть здесь, чем сейчас! Так займемся же делом!

Ваймс поглядел на Детрита, который лишь пожал своими массивными плечами. Что-то произошло в голове у маленького человечка, чью спину он мог бы переломить одной рукой.

— Ну раз вы так говорите, — сказал он безнадежно. — Сержант Детрит, вы слышали инспектора. Так займемся же делом!

Тролль кивнул и повернул лицо к лагерю троллей вдалеке. Он сложил руки рупором и проревел слова на троллийском, которые эхом отразились от зданий.

— Что-нибудь, понятное всем? — предложил Ваймс, когда эхо умерло.

А. И. Пессимальный шагнул вперед и набрал полную грудь воздуха. — Рискните, если считаете себя крутыми! — дико завопил он.

Ваймс кашлянул. — Спасибо мистер Пессимальный. — слабо сказал он. — Могу представить, что сейчас начнется.

* * *

Луна пряталась в облаках, но Ангуа не было необходимости смотреть на нее. Моркоу как-то подарил ей на день рождения специальные часы. Это была маленькая луна, которая каждые двадцать восемь дней поворачивалась темной и

светлой половиной. Они, должно быть, обошлись ему в круглую сумму и Ангуа носила их на ошейнике, единственной части одежды, которую она могла носить весь месяц. Она не смогла заставить себя признаться, что они ей не нужны. Ты и так знаешь, что произойдет.

Она не могла думать о чем-то другом сейчас потому, что вся превратилась в нос. В этом заключалась трудность волчьего времени: нос становился главным.

Ангуа обыскивала аллеи вокруг Паточной улицы, двигаясь по спирали от входа в дварфийскую шахту. Она кралась по миру цветных запахов, накладывающихся друг на друга, расплывающихся или замерших на месте. Только нос мог восстановить картины прошлого.

Она уже нашла отвалы породы на пустыре. Здесь пахло троллем. Отсюда он вышел, но не было смысла идти по следу, который уже остыл. Сотни троллей надели лишайники и черепа в эти дни. Но в ее память врезался вонючий маслянистый запах. У чертовых коротышек должны быть и другие пути под землю, верно? И шахту необходимо вентилировать, так? Значит пары нефти могут выйти наружу. Может быть запах будет слабым, но ей и такой сойдет. След, вот

все, что было ей нужно. Этого будет более, чем достаточно.

Она шла по следу по аллеям и перепрыгивала через стены в полночные дворы, сжимая в пасти маленький кожанный мешочек, друга любого разумного оборотня, под которым подразумевалось создание, помнящее, что его одежда не следует за ним магическим образом.

В мешочке было легкое шелковое платье и большая бутыль полоскания для рта, которое Ангуа считала величайшим изобретением за последние сто лет. То, что она искала, нашлось сразу за Бродвеем: на фоне знакомых органических запахов города, выделялась тонкая зигазагообразная полоска зловония, колышимая легким ветерком и волочащаяся следом за проезжающими каретами.

Теперь она пошла осторожнее. Это была уже не Паточная улица, здесь жили люди с деньгами, которые тратили их на больших собак и на предупредительные знаки на дверях — «Несоразмерный ответ». Крадучись вдоль улицы, она слышала, как гремели цепи и взвывали собаки, когда она проходила мимо. Она ненавидела, когда ее атаковали большие свирепые собаки. Ее волосы потом были в таком беспорядке и полос-

кание для рта мало помогало.

Нитка запаха плыла через ограды Знахарского Проулка, одного из великих архитектурных полу-драгоценных сокровищ города. Несмотря на большую популярность этого района, всегда было трудно найти желающих жить здесь. Жильцы редко задерживались дольше, чем на несколько месяцев, они так быстро съезжали, что иногда даже бросали свои пожитки на месте.[13]

Она легко перепрыгнула через ограду, беззвучно и невесомо, и приземлилась на все четыре лапы на то, что когда-то было дорожкой из гравия. Жители проулка редко разводили сады, так как было неизвестно в чьем саду могли взойти посаженные луковицы.

Нос привел Ангуа к зарослям буйного чертоплоха. Круг из полуразрушенных кирпичей показывал, что здесь должен был быть старый колодец.

Маслянистый запах стал сильнее, но появился другой, более свежий и более сложный запах, от которого у Ангуа шерсть встала дыбом на загрив-

---

[13] Примечания: 13

Знахарский Проулок, так же как и Парковая улица по соседству, считались районом с высокой квартирной платой. Плата могла бы быть и выше, если бы не существование Знахарского Проулка, который, несмотря на все усилия Анк-Морпоркского общества Защиты Истории, так и не был разрушен.

ке. Там внизу был вампир.

Кто-то расчистил сорняки и мусор, включая неизменный гниющий матрас и развалившиеся кресло.[14] Салли? Что она здесь забыла?

Ангуа вытащила из полуразрушенного края колодца кирпич и уронила его. Вместо всплеска снизу донесся деревянный стук. Отлично. Ей придется принять человеческую форму, чтобы спуститься, клыки это очень хорошо, но есть вещи, которые лучше сделает обезьяна. Конечно же, стенки были покрыты слизью, но за долгие годы так много кирпичей было потеряно, что спуск оказался легче, чем она предполагала. И колодец был всего лишь шестьдесят футов глубиной, построенный в те времена, когда было широко распространено поверье, что вода, в которой плавает множество крохотных усатых существ, просто обязана быть полезной.

На дне лежало несколько свежих досок. Кто-то, а это могли быть только дварфы, прорубился в колодец и положил поперек пару досок. Они забрались так далеко и остановились. Почему? Потому, что они уперлись в колодец?

Под досками была мутная вода или похожая на

---

[14] Примечания: 14

Ничего страшного, если вы бросаете мусор в сад, так как всегда может оказаться, что это не ваш сад.

воду жидкость. Внизу колодец расширялся и дварфы были здесь — она принюхалась — несколько дней назад, не больше. Да. Дварфы прорубились в колодец, выудили что-то из под воды и ушли. Они даже не позаботились прибрать за собой. Нос показывал ей это как картинку.

Она крадучись пошла вперед. Ноздрями она могла видеть туннели. Они не были так добротно отделаны, как те, по которым их водил Ардент. С неровными стенками, многочисленными поворотами и тупиками. Необтесанные доски и бревна удерживали зловонную грязь равнин, которая тем не менее просачивалась сквозь них. Эти туннели прокладывались только для того, чтобы успеть сделать какую-то быструю и грязную работу и покинуть их.

Итак… Шахтеры что-то искали, но они не были уверены, что это здесь, пока они не проникли внутрь, на расстояние примерно в двадцать футов и когда они… унюхали это? Каким-то образом обнаружили? Последний участок перед колодцем был совершенно прямым. То есть они знали куда идти.

Ангуа продолжала красться, согнувшись почти вдвое, чтобы не задеть низкий потолок, пока она не сдалась и не превратилась обратно в волка.

Туннель снова пошел прямо, он то и дело разветвлялся, но она игнорировала ответления, хотя запах подсказывал ей, что они достаточно длинные. Аромат вампира по прежнему был досадной нотой в симфонии запахов и усилилось зловоние тухлой воды, просачивающейся через стены. То тут, то там колонии вирвей покрывали стены. И летучие мыши. Они шевелились.

И тут она почуяла еще один запах, идущий из отверстия в очередной туннель. Он был очень слабым, но без сомнения, это был душок разложения. Свежий труп…

Три свежих трупа. В конце короткого бокового туннеля лежали два, нет три дварфа, полупогруженные в грязь. Они светились. У вирвей нет зубов, говорил ей Моркоу. Они ждут, пока будущая пища не размягчится сама собой. И они торжествовали, ожидая когда можно будет приняться за самый большой подарок судьбы, когда либо выпадавший на их долю. Здесь в глубине, в подземном мире, тела дварфов исчезнут при свете.

Ангуа принюхалась.

Рассмотрим эти очень свежие…

— Они что-то нашли, — сказал голос позади нее. — и затем, оно убило их.

Ангуа прыгнула.

Она не намеревалась прыгать. Это решение принял задний мозг. Ее передний мозг, та его часть, которая понимала, что сержанты не должны расчленять младших констеблей без каких-либо провокации с их стороны, пыталась остановить прыжок в воздухе, но тут уже вмешалась баллистика. Все, что ей удалось сделать, это развернуться в воздухе и врезаться плечом в мягкую стену.

Трепещущие крылья немного переместились, это был звук, который приводил на память мясника, испытывающего трудности с неудобным хрящиком.

— Знаете, сержант, — сказал голос Салли, как ни в чем не бывало. — Вам, оборотням, проще. У вас всегда одно тело и вы не мучаетесь с проблемой массы тела. Знаете, сколько летучих мышей может получиться из моей массы? Более чем полторы сотни, вот как много. И всегда находится одна, которая теряется или летит в другую сторону. Трудно думать о чем-то другом, пока все мыши не соберутся вместе. И я даже не собираюсь затрагивать вопрос реассимиляции. Ощущения, как будто вы чихаете так, как никогда еще не чихали в своей жизни. Задом наперед.

Здесь, в темноте можно было не стыдиться. Ангуа заставила себя измениться, борясь каждой клеткой своего мозга с клыками и когтями. Гнев помог ей.

— Какого черта ты тут делаешь? — спросила она, как только у нее появился тот рот, который мог говорить.

— У меня выходной. — ответила Салли, ступая вперед. — Я решила пойти и посмотреть, вдруг удастся что найти. — Он была полностью обнажена.

— Тебе не могло так повезти! — зарычала Ангуа.

— О, у меня нет такого носа, как у вас, сержант. — сказала Салли, мило улыбаясь. — Но у меня были сто пятьдесят пять летающих помощников, которые обшаривали большие участки земли.

— Я думала, что вампиры могут воссоздавать свою одежду. — сказала Ангуа осуждающе. — Отто Шрик мог!

— Женщины не могут. Мы сами не знаем почему. Наверное, это часть программы, в которую входят также прозрачные ночные рубашки. Еще одно очко в вашу пользу. Когда у тебя полторы сотни тел, трудно упомнить, какие из них несут

пару штанов. — Салли поглядела на потолок и вздохнула. — Слушай, я знаю, в чем загвоздка. Это все из-за капитана Моркоу, так?

— Я видела, как ты ему улыбалась!

— Ну извини. Мы можем быть очень привлекательными. На то мы и вампиры.

— Ты так старалась произвести на него впечатление!

— А ты нет? Он из тех мужчин, на которых кто угодно захочет произвести впечатление!

Они настороженно наблюдали друг за другом.

— Он мой, знаешь ли. — сказала Ангуа, чуствуя, как из под ее ногтей начинают вылезать когти.

— Ты хочешь сказать, что ты его! — ответила Салли. — Вот как на самом деле, знаешь ли. Ты бегаешь за ним!

— Ну извини, на то мы и оборотни! — взвизгнула Ангуа.

— Подожди! — Салли выставила перед собой руки в умиротворяющем жесте. — надо закончить кое что, прежде чем все зайдет слишком далеко!

— Да?!

— Да. Мы обе обнажены, мы стоим в чем-то, что как ты можешь заметить, все больше и больше превращается в грязь и мы готовы вцепиться друг в друга. Но кое-чего не хватает.

— И чего же?

— Зрителей? Мы могли бы подзаработать. — Салли подмигнула. — Или мы бы могли закончить дело, ради которого мы сюда пришли?

Ангуа заставила свое тело расслабиться. Это должна была сказать она. Ведь он же была сержантом, не так ли?

— Хорошо, хорошо. — сказала она. — Мы обе здесь. Давай на этом остановимся. Ты говорила, что эти дварфы были убиты чем-то… из колодца?

— Возможно. Но если это так, то у него был топор. — сказала Салли. — Погляди сама. Надо убрать немного грязи. Зловоние усиливается с того времени, как я попала сюда. Возможно поэтому ты это пропустила. — великодушно добавила она.

Ангуа приподняла одного дварфа из светящейся слизи.

— Вижу. — сказала она и отпустила тело. — Этот мертв уже два дня. Как я могу заметить, их не так уж сильно постарались спрятать.

— А чего суетиться? Они больше не откачивают воду из туннелей; подпорки выглядят вполне недолговечными; грязь возвращается. Кроме того, какой глупец полезет сюда?

Кусок стены соскользнул вниз с вязким, чмо-

кающим звуком. Что-то забулькало и по стенам потекли мелкие струйки. Анк-Морпоркский подземный мир отвоевывал свои позиции обратно.

Ангуа закрыла глаза и сконцентрировалась. Зловоние тины, запахи вампира и воды, которая поднялась уже до колен, все соперничало за ее внимание, но сейчас дело касалось конкуренции. Она не могла позволить вампиру лидировать. Это было бы так… традиционно.

— Здесь были другие дварфы. — пробормотала она. — Два… нет, три… ммм… больше четырех. Я чувствую… нефть. Кровь в отдалении. Внизу туннеля. — Она так резко встала, что чуть не ударилась головой о потолок. — пошли!

— Здесь становится все более опасно…

— Мы можем найти ответ! Пошли! Ты то можешь не бояться смерти! — Ангуа рванулась вперед.

— По твоему, провести тысячи лет, похороненной в иле, будет забавно? — закричала Салли, но ее слова были услышаны только грязью и зловонным воздухом. Она чуть помедлила, издала стон и поспешила за Ангуа.

Дальше главный туннель разветвлялся на многочисленные проходы. Из них вытекали потоки грязи, похожей на застывающую лаву. Салли

прошлепала мимо чего-то что выглядело, как огромная медная воронка, плавно поворачивающаяся в потоке.

Здесь туннель был проложен более старательно, чем та часть перед колодцем. Он заканчивался круглой дварфийской дверью, к которой припала Ангуа, и был освещен бледным сиянием. Салли не обратила на Ангуа внимания. Она даже не взглянула на дварфа, прислоненного спиной к двери.

Вместо этого, она уставилась на большую руну, коряво начертанную на металле. Это был большой и небрежный рисунок, изображавший что-то вроде круглого глаза с хвостом, который светился бледно-зеленым сиянием вирвей.

— Он начертал его своею кровью. — сказала Ангуа, не оборачиваясь. — Они бросили его здесь умирать, но он был еще жив. Он умудрился добраться досюда, но убийцы закрыли дверь. Он царапал металл двери — я чувствую запах — и стер ногти до крови. Затем, он начертал руну кровью и сел тут, зажимая рану и наблюдая, как вокруг собираются вирви. Я полагаю, что он мертв восемнадцать часов.

— По моему, нам надо убираться отсюда прямо сейчас, — сказала Салли, пятясь назад. — Ты знаешь, что значит этот знак?

— Я только знаю, что это шахтная руна и все. А ты знаешь?

— Нет, но я знаю, что именно эта одна из самых плохих. Не стоит на нее смотреть. Что ты делаешь с телом? — Салли попятилась еще дальше.

— Пытаюсь определить, кто это был. — сказала Ангуа, обыскивая одежду дварфа. — так мы поступаем в Страже. Мы не топчемся на месте, переживая из-за рисунков на стене. В чем проблема?

— Именно сейчас? — спросила вампирша. — Он немного… воняет.

— Если я могу вытерпеть, то и ты сможешь. На этой работе тебе придется часто встречаться с кровью. Не пытайся ее выпить, вот мой совет. — сказала Ангуа, все еще осматривая тело. — Ага, у него есть рунное ожерелье. И… — она вытащила руку из камзола мертвого дварфа — Не могу разобрать точно, но я чувствую запах чернил, может быть это письмо. Отлично. Пошли отсюда.

Она повернулась к Салли. — Сышишь меня?

— Руна написана умирающим, — сказала Салли, все еще держа дистанцию.

— Ну?

— Вероятно, что это проклятие.

— И что? Мы его не убивали. — сказала Ангуа, с

трудом поднимаясь на ноги.

Они посмотрели на грязь, уже поднявшуюся им до колен.

— Ты думаешь, его это волнует? — деловито заметила Салли.

— Нет, но я думаю, что здесь может быть еще один выход, то последнее ответвление, которое мы прошли. — сказала Ангуа, разглядывая туннель.

Она показала Салли. Поспешно удирая, линия вирвей со слепой опредленностью маршировала по сочащемуся влагой потолку с такой же скоростью, с какой текла грязь по полу. Они направлялись в боковой туннель, сливаясь в светящийся поток.

Салли пожала плечами. — Стоит попытаться.

Они ушли и всплески их шагов стихли вдали. Грязь медленно затопила туннель, наполняя темноту шуршанием. Светящийся хвост вирвей постепенно скрывался из виду. Вирви, обводящие контур руны, тем не менее, остались, потому, что такое угощение стоило того, чтобы умереть. Они поочередно мигали.

Подземная темнота погладила руну, которая вспыхнула красным и погасла. Наступила полная тьма.

* * *

В этот день в 1802 году, художник Методия Плут попытался засунуть эту штуковину под кипу старых мешков, чтобы она не разбудила цыпленка, и дорисовал последнего тролля, используя самую маленькую кисточку для прорисовки глаз.

* * *

Было пять часов утра. Шел дождь, не сильно, но с мягкой настойчивостью.

На Саторской и на площади Разбитых Лун капли дождя шипели на белом пепле костров, время от времени освобождая из под него оранжевые угли, которые с треском и шипением гасли.

Вокруг шныряла семья гноллов, каждый со своей собственной тележкой. Кое-кто из полицейских присматривал за ними. Гноллам было все равно, что собирать, лишь бы оно не сопротивлялось, и об этом ходили разговоры. Но их не запрещали. Никто не сможет очистить место

лучше, чем гноллы.[15]

С расстояния они выглядели как маленькие тролли, несущие на спинах большие кучи компоста. Это были все их пожитки и они гнили.

Сэм Ваймс поморщился от боли в боку. Ему как всегда повезло. Всего двое полицейских пострадали в это чертовой заварушке и одним из них оказался он! Игорь сделал все, что мог, но сломанные ребра есть сломанные ребра и потребуется неделя или две, чтобы подозрительная зеленая мазь что-то изменила.

И тем не менее, теплое чувство приятно согревало его. Они работали по старинке и, поскольку старые добрые полицейские парни неизменно проигрывают в численности, он использовал старые добрые полицейские приемы — хитрость, обман, а также любое оружие, которое пришлось под руку.

Это едва ли можно было назвать сражением. Дварфы либо пели заунывные песни, сидя на земле, потому что они падали, когда пытались встать, либо лежали, после попытки подняться,

---

[15] Примечания: 15

Разновидность троллей, более мягкокожая и органическая на вид, но они совершенно не обладают присущей последним сообразительностью и благородством. Было высказано предположение, что гноллы имеют почвенное происхождение, подобно тому, как тролли — каменное.

и храпели. С другой стороны, тролли, в основном стояли, но падали, когда их толкали.

Несколько более трезвых троллей пыталась затеять неуклюжую, смехотворную драку, но были сражены старомодным полицейским приемом — удачно приложенным ботинком. Ну, скажем так, в основном сражены. Ваймс немного подвинулся, чтобы ослабить боль в боку. Как же он не заметил того тролля?

Но все хорошо, что хорошо кончается, а? Никто не умер, и как раз для того, чтобы завершить лучезарную картину, у него в руках был утренний выпуск Таймс, на первых страницах которого сетовалось, что по городу разгуливают банды и вопрошалось, когда же Стража примется за работу и очистит улицы.

Да уж примемся, вы, напыщенные болваны. Ваймс чиркнул спичкой о постамент и зажег сигару в честь этого мелкого, но доставляющего мрачное удовольствие триумфа. Боги знают, как им нужен хоть один триумф. Вся эта Кумская Долина была в печенках у Стражи и неплохо было бы, если ребята получили взамен что-то, чем могли гордиться. Самое важное, они определенно добились Результата…

Ваймс уставился на постамент. Он и не помнил,

что за статуя стояла здесь когда-то. Ныне же он прославлял несколько поколений настенных художников.

Образец тролльского граффити украшал его, отменяя все творения, вполненные с помощью каких-то там красок. Он прочитал:

МИСТЕР СИЯЮЩИЙ

ОН ЕСТЬ АЛМАЗ

Шахтные руны, городские граффити, подумал он. Когда ситуация ухудшается, люди начинают рисовать на стенах…

— Коммандер!

Он обернулся. Капитан Моркоу, сияя доспехам, торопился к нему, как всегда излучая стопроцентной чистоты Энтузиазм.

— По моему, я распорядился, чтобы все полицейские, не занятые с арестованными, пошли спать. — сказал Ваймс.

— Я только хочу прояснить несколько вещей, сэр. — ответил Моркоу. — Лорд Ветинари прислал сообщение в Ярд. Ему нужен отчет. Я решил, что лучше поставить вас в известность, сэр.

— Я тут как раз подумал, капитан, — пространно сказал Ваймс. — Не стоит ли нам основать почетный значок? Что-то простенькое? Можно написать на нем «Битва при Кумской Долине

не Произошла Здесь, 5-го Грюня, Год Креветки». Может стоит заказать им чертову марку? Что ты думаешь?

— Я думаю, что вам нужно поспать, коммнадер. — сказал Моркоу. — И, формально, день Кумской Долины еще не наступил, до субботы.

— Разумеется, памятник битве, которая не состоялась, может быть натяжкой, но марка…

— Леди Сибил по настоящему волнуется за вас. — сообщил Моркоу.

Шум в голове Ваймса затих. Словно осознав упоминание о Сибил, части тела выстроились в очередь, размахивая просроченными долговыми расписками: ноги — смертельно устали и нуждаются в ванне; желудок — бурчит; ребра — в огне; спина — болит; мозг — отравлен своим собственным ядом. Ванна, еда и сон… хорошая идея. Но так много еще должно быть сделано…

— Как там наш мистер Пессимальный? — спросил он.

— Игорь подлечил его, сэр. Он немного удивлен всем этим ажиотажем. Так вот, я не могу приказать вам отправиться к его Милости…

— Нет, не можешь, потому, что я коммандер, капитан. — сказал Ваймс, все еще не в себе из-за нервного истощеня.

— Но ОН может и ОН приказал, сэр. А когда вы закончите, ваша карета будет ожидать вас перед дворцом. И это уже приказ леди Сибил, сэр. — сказал Моркоу, взывая к высшему авторитету.

Ваймс взглянул на уродливое здание дворца. Внезапно, чистые простыни показались весьма приятной идеей. — Не могу показаться перед ним в таком виде — пробормотал он.

— Я поговорил с секретарем Драмнотом, сэр. Во дворце вас ждут горячая вода, лезвие и большая чашка кофе.

— Ты обо всем подумал, Моркоу..

— Я надеюсь, сэр. А теперь идите…

— Но я тоже подумал кое о чем, а? — сказал Ваймс, весело покачиваясь. — Лучше быть мертвецки пьяным, чем просто мертвым, а?

— Это был классический прием, сэр. — ответил Моркоу подбадривающе. — Прямо для исторических книжек. Теперь вам пора, сэр. Я собираюсь поискать Ангуа. Она не спала в своей кровати.

— Но сейчас такое время месяца…

— Я знаю, сэр. Она не спала и в своей корзинке тоже.

Вирви заползали в дыру в прогнившем потолке сырого подвала, бывшего когда-то чердаком, а сейчас наполовину затопленного грязью.

Ударом кулака Ангуа разбила сырое дерево в щепки.

Она подтянулась и пролезла в очередную темную комнату, а затем протянула руку, помогая Салли.

Салли огляделась и сказала. — Ну что же, здесь тоже грязно, но несколько по другому.

— Будем надеяться, что это так — ответила Ангуа. — Думаю, нам нужно подняться по крайней мере еще на один уровень. Вон там арка, пошли.

Но и за аркой их ждали те же тупики, заброшенные зловонные комнаты и обманутые надежды, и все было покрыто той же самой слизью.

Через какое-то время запах стал почти осязаемым, а затем умудрился превратиться в еще одну составляющую темноты. Женщины брели, с трудом продираясь из одной влажной зловонной комнаты в другую, обстукивая стены, в поисках скрытых дверей, высматривая тоненький луч света на потолках, с которых свешивались интересные, но пугающие наросты.

Вскоре послышалась музыка.

Пять минут хлюпанья по пояс в грязи и они оказались у заложенного кирпичами дверного проема. Но поскольку современный анк-морпоркский строительный раствор делался из

песка, лошадиного навоза и овощных очистков, несколько кирпичей уже выпало. Салли выбила остальные одним ударом кулака.

— Извини, — сказала она — но на то мы и вампиры.

За снесенной стеной находился подвал с бочками, похоже, что им вовсю пользовались. Из подвала наружу вела обычная дверь. Приглушенная, монотонная музыка доносилась сквозь доски потолка. На потолке также был люк.

— Так, — сказала Ангуа. — Там наверху люди, я чувствую их запах…

— Я насчитала пятьдесят семь бьющихся сердец. — добавила Салли.

Ангуа наградила ее Взглядом. — Ты знаешь, на твоем месте, я бы не афишировала этот свой талант. — сказала она.

— Простите, сержант.

— Это не то, что люди хочется услышать. — продолжила Ангуа. — То есть, я, лично, могу расколоть череп человека своими челюстями, но я предпочитаю не упоминать об этом.

— Я должна записать себе это, сержант, — ответила Салли с кротостью, которая вполне возможно была наигранной.

— Хорошо. Теперь… Как мы выглядим? Болот-

ные чудовища?

— Да, сержант. Ваши волосы выглядят жутко, как большой кусок зеленой слизи.

— Зеленой?

— Боюсь, что да.

— И мое аварийное платье где-то валяется. — сказала Ангуа. — Да и рассвело уже. Ты можешь превратиться в летучих мышей?

— На дневном свету? Оказаться в ста пятидесяти пяти сбитых с толку летучих мышей? Ни за что! Но ты-то ведь можешь стать волком, да?

— Тебе может и все равно, а я в общем-то предпочитаю не появляться в виде покрытого слизью монстра, вылезающего из под пола. — ответила Ангуа.

— Да, ты права. Зрелище не для слабонервных. — Салли смахнула кусок слизи. — Фу, какая мерзкая дрянь.

— Лучшее на что мы можем надеяться, когда выскочим, что никто нас не узнает. — сказала Ангуа, вытаскивая комок дрожащей зеленой субстанции из своих волос. — По крайней мере мы… О, нет!

— Что такое? — спросила Салли.

— Шнобби Шноббс! Он там наверху! Я чувствую его запах! — она ткнула рукой в доски над собой.

— Ты говоришь о капрале Шноббсе? Маленький… человек с прыщами? — спросила Салли.

— Мы случайно не под участком? — сказала Ангуа, в панике оглядываясь.

— Не думаю. Там кто-то танцует под эту музыку. Слушай, как ты можешь унюхать его посреди всего… этого?

— От его запаха так просто не отделаешься, уж поверь.

Запахи залежавшейся капусты, мази от прыщей и доброкачественного кожного заболевания, преобразовались на капрале Шноббсе в странный аромат, дергающий нос, как пила струны арфы. Его нельзя было назвать мерзким, скорее, он был похож на своего хозяина: странный, вездесущий, неподдающийся забвению…

— Ну, он же наш товарищ, так ведь? Разве он не должен помогать нам? — спросила Салли.

— Мы обнажены, младший констебль!

— Только формально. Эта грязь чрезвычайно прилипчивая.

— Мы голые под грязью! — сказала Ангуа.

— Да, но даже когда мы одеты, то под одеждой мы тоже голые! — уточнила Салли.

— Сейчас не время для логики! И не время, чтобы позволить Шнобби ухмыляться надо мной!

— Но он видел тебя в волчьей форме, так ведь? — сказала Салли.

— И что? — резко сказала Ангуа.

— Ну, технически то ты обнажена в такой форме?

— Никогда не говори ему об этом!

* * *

Шнобби Шноббс, тень в теплом красном свечении, подтолкнул локтем сержанта Колона.

— Не нужно сидеть с закрытыми глазами, сержант, — сказал он. — Здесь все легально. Это художественное прославление женского тела, как говорит Смуглянка. К тому же она все равно одета.

— Две кисточки и сложеный носовой платок это не одежда, Шнобби. — сказал Фред, вжимаясь в сиденье.

Розовая кошечка! Ради всего святого, он служил в Армии и Страже, а мужчине в мундире трудно не увидеть одну, две… Или даже три, как он сейчас припоминает… И как верно заметил Шнобби, балерины в Опере почти ничего не оставляют тебе для воображения, по крайней мере для воображения Шнобби. Тем не менее, балет считается Искусством, несмотря на нехватку урн

и постаментов из-за их дороговизны, и, что самое важное, балерины не вращаются на шесте вверх тормашками.

Хуже всего было то, что он уже заметил среди зрителей пару знакомых. К счастью, они не увидели его, то есть, каждый раз, когда он бросал на них косые взгляды, они смотрели совершенно в противоположную сторону.

— А сейчас будет по настоящему трудное место — общительно зашептался Шнобби.

— Э… и что? — Фред Колон опять зажмурился.

— О, это Тройной Штопор…

— Слушай, а руководство клуба не возражает, что ты сюда приходишь? — выдавил Фред, еще сильнее вжимаясь в кресло.

— Нет, им нравится, когда в зале сидит стражник. — ответил Шнобби, не сводя глаз со сцены. — Они говорят, что люди ведут себя примерно. В любом случае, я прихожу, только чтобы проводить Бетти домой.

— Бетти это кто?

— Смуглянка это ее сценическое имя. — объяснил Шнобби. — Она говорит, что экзотическая танцовщица по имени Бетти никому не будет интересна. Она говорит, что к такому имени больше подходит квашня с тестом.

Колон опять закрыл глаза, пытаясь отогнать от себя мысли о связи между бронзовой гибкой фигуркой и квашней теста. — По-моему, мне нужен свежий воздух. — простонал он.

— Ох, это еще не все, сержант. Следующей будет Брокколи. Она может коснуться своего затылка ногами, представляешь…

— Я не могу в это поверить! — сказал Фред Колон.

— Она может, я сам видел…

— Я не верю, что бывают танцовщицы по имени Брокколи!

— Ну, раньше ее звали Конфетка, сержант, но после того, как она узнала, насколько брокколи полезнее для здоровья…

— Капрал Шноббс!

Звук доносился из под стола.

Шнобби уставился на Фреда Колона и затем кинул взгляд вниз. — Да? — рискнул он с осторожностью.

— Это сержант Ангуа. — сказал пол.

— Оу? — сказал Шнобби.

— Что это за место? — продолжал голос.

— Клуб Розовая Кошчека, сержант — послушно ответил Шнобби.

— О, боже. — Внизу произошли какие-то пере-

говоры и затем голос сказал. — Там женщины есть?

— Да, сержант. Э… Что вы там делаете?

— Отдаю тебе приказания Шнобби. — отрезал подземный голос. — Так есть там женщины или нет?

— Ага, тут их полно.

— Хорошо. Пожалуйста, попроси одну из них спуститься в подвал с бочками. Нам нужны пара ведер горячей воды и несколько полотенец, понял?

Шнобби осознал, что музыканты прекратили играть и Смуглянка замерла в полу-падении. Все прислушивались к говорящему полу.

— Да, сержант. — ответил Шнобби — я понял.

— И чистую одежду. И — под полом опять пошептались. — Еще несколько ведер воды. И щетку. И расческу. И еще одну расческу. И еще полотенец. О, и еще пару туфлей размерами шесть и… четыре с половиной? Что, правда? Так, ладно. Фред Колон с тобой или это был глупый вопрос?

Фред откашлялся. — Я здесь, сержант. — отрапортовал он. — Но я пришел только для того, чтобы…

— Отлично. Я хочу позаимствовать у вас набор нашивок. У меня плохие предчуствия и я не

хочу, чтобы хоть кто-нибудь забыл о том, что я сержант. Есть с собой пара нашивок?

— Сейчас полная луна. — многозначительно шепнул Фред Шнобби, как мужчина мужчине, и добавил вслух — Да, сержант! Это займет всего лишь…

— Нет, не займет! Потому что тут внизу ждут оборотень и вампир, ясно? У меня сегодня исключительно плохие волосы, а у нее болят зубы! Или мы появимся здесь через десять минут в человеческом виде, или мы появимся здесь по любому!

— Что? — шепот продолжился. — Почему свеклу? Во имя богов, с какой стати в женском шоу понадобится свекла? Что? Ладно, яблоко подойдет? Шнобби, младшему констеблю Хампединг требуется яблоко, срочно. Или что то еще, во что она могла бы впиться зубами. И немедленно!

* * *

Кофе это всего лишь один из способов укорачивать свою жизнь. Ваймс выпил две чашки, умылся и даже попытался побриться, и почувствовал себя вполне по человечески, если отвлечься от ощущения, что голова у него набита ватой. Наконец, он решил, что пришел в себя настолько, насколько можно было рассчитывать и

теперь ему по плечу довольно длинные вопросы. Его провели в Продолговатый Кабинет.

— А, коммандер, — сказал лорд Ветинари, поднимая голову после продуманной паузы и отодвигая в сторону бумаги. — Благодарю, что пришли. Вас можно поздравить, как мне сказали?

— С чем же, сэр? — сказал Ваймс, принимая свое особое, бессмысленнное, Ветинари-разговорное выражение лица.

— Да бросьте, Ваймс. Только вчера всем казалось, что город стоит на пороге расовой войны и, внезапно, он больше не стоит. Эти банды выглядели довольно устрашающе.

— Когда мы там появились, большинство из них спало или задирало друг друга, сэр. Мы всего лишь расчистили место. — предложил Ваймс.

— И в самом деле. — сказал Ветинари. — Это было просто изумительно. Ах да, прошу, садитесь. Совершенно необязательно стоять передо мной, как капрал на дежурстве.

— Не понимаю о чем вы, сэр. — ответил Ваймс, с благодарностью опускаясь в кресло.

— Не понимаете? Это относилось, Ваймс, к скорости, с какой обе партии одновременно умудрились отключиться при помощи горячительных

напитков...?

— Не могу знать, сэр. — Это была автоматическая реакция, которая значительно упрощала жизнь.

— Нет? Похоже, Ваймс, что пока они разогревали себя перед потасовкой, и троллям и дварфам было предложено то, что как я полагаю, они приняли за пиво?

— Они нади... напивались в течении всего дня, сэр. — отметил Ваймс.

— В самом деле, Ваймс, и, возможно, именно поэтому дварфийский контингент был не слишком осторожен в принятии излишков пива, которое было значительно... усилено? В окрестностях Саторской до сих пор пахнет яблоками, Ваймс. Это наводит на мысли, что на самом деле они пили смесь крепкого пива и дергача, который гонят из яблок...

— Ммм, в основном из яблок, сэр — услужливо поправил Ваймс.

— Точно. Коктейль, известный как ерш. А что касается троллей, можно было бы поразмышлять, насколько трудно сделать их пиво более разъедающим, чем есть. Тем не менее, Ваймс, вы когда-либо слышали, что смешивая соли различных металлов с пивом, можно получить

напиток, который называется Лагларр или «Большой молот»?

— Никогда не слышал о таком, сэр.

— Ваймс, часть плиток на площади была буквально изъедена им!

— Сожалею, сэр.

Ветинари забарабанил пальцами по столу. — Что бы вы сделали, если бы я задал вам откровенный вопрос, Ваймс?

— Я бы откровенно соврал вам, сэр.

— Тогда, я не буду спрашивать. — сказал Ветинари, с легкой улыбкой.

— Благодарю сэр, я тоже не буду врать.

— Куда вы разместили арестованных?

— Мы распихали их по полицейским участкам. — ответил Ваймс. — Когда они проспятся, мы польем их водой из шланга, запишем имена, выпишем штрафы на ношение оружие и распитие горячительных напитков, и выкинем их на улицу.

— Их оружие имеет для них важную культурную ценность, Ваймс. — сказал Ветинари.

— Да, сэр, я знаю. Но у меня самого есть очень сильное культурное предубеждение против вышибания моих мозгов и отрезания моих ног по колено. — ответил Ваймс, подавляя зевок и

морщась от боли в ребрах.

— Что же, верно. Кто-нибудь пострадал во время операции?

— Ничего такого, что нельзя будет вылечить. — ответил Ваймс с гримасой. — Однако, я должен должить, что мистеру А.И. Пессимальному сломали руку и нанесли многочисленные ушибы.

Ветинари был по настоящему поражен. — Инспектору? Что же он сделал такого?

— Ммм… Атаковал тролля, сэр.

— Простите? Мистер А. И. Пессимальный атаковал тролля?

— Дассэр!

— А. И. Пессимальный? — повторил Ветинари.

— Именно он, сэр.

— Целого тролля?

— Дассер. Со всеми его зубами.

— Мистер А.И. Пессимальный? Вы уверены? Маленький человечек, очень чистые ботинки?

— Дассер!

Из всего обширного множества вероятных вопросов, Ветинари ухватился за один, самый полезный: — Почему?

Ваймс откашлялся. — Видите ли, сэр…

* * *

Толпа троллей представляла из себя живописное зрелище. Тролли стояли или лежали на том же самом месте, где были поражены «Большим Молотом». Те немногие, на кого алкоголь действовал медленнее, попытались оказать слабое сопротивление, а один, вооруженный бутылкой трофейного хереса, даже стал последним оплотом троллийской защиты, до тех пор, пока констебль Дорфл не занялся им лично и не стукнул его по голове.

Ваймс брел через площадь, а полицейские тащили или перекатывали сонных троллей, складывая их в аккуратную линию, в ожидании повозок. И затем…

Днем Кирпичу лучше не стало. Он выпил пива. Допустим, не одну бутылку. Что в энтом плохого, а? И тут, прямо перед ним, одетый в энтот их шлем и все прочее, стоял, аххa, кажись дварф, насколько смогли решить искрящие и пылающие клетки его головного мозга. Какого черта, решили они, энто ведь не тролль и ради энтого мы здесь и собрались, так? А вот и дубинка, прямо в руке…

Инстинкт заставил Ваймса повернуться в то

самое время, как тролль открыл красные глаза, моргнул и начал поднимать дубинку. Медленно, слишком медленно, во внезапно застывшем времени, он попытался увернуться и почувствовал как дубинка врезалась ему в бок, приподняла его и швырнула на землю. Он слышал, как кто-то закричал, пока тролль неуклюже переступал, замахиваясь дубинкой, чтобы на этот раз сравнять Ваймса с мостовой.

Кирпич почувствовал, что его атакуют. Он прервал свой замах и поглядел на свое колено. В мозгах у него искрилось. Какой-то гном или что-то вроде того, тыкал в него тупым мечом, пинал и вопил, как безумный. Гнома он отнес за счет выпивки, так же как и ощущение, что его уши вот-вот воспламенятся, и одним щелчком смахнул энту штуковину.

Ваймс, беспомощно наблюдал за А.И Пессимальным, кубарем катящимся по площади, и за троллем, который снова взялся за дубинку. Но тут подоспел Детрит и развернул тролля лопатоподобной рукой. Кулак Детрита обрушился, как божественное возмездие. У Кирпича сразу потемнело в гла…

* * *

— Вы хотите, чтобы я поверил, — сказал лорд Ветинари, — что мистер А. И. Пессимальный собственной рукой ударил тролля?

— Обеими руками, сэр. — ответил Ваймс. — И ногами тоже. И кажется, даже пытался его укусить.

— Но разве это не верная смерть? — спросил Ветинари.

— Похоже, что его это не испугало, сэр.

Когда Ваймс в последний раз видел А.И. Пессимального, его перевязывал Игорь, а сам он улыбался с довольно отсутсвующим видом.

Стражники все время подходили и говорили ему что-то вроде — Привет, герой! — и хлопали его по спине.

Мир перевернулся для А.И. Пессимального.

— Могу я осведомиться, Ваймс, почему один из моих наиболее добросовестных и наиболее мирных клерков был вынужден это сделать?

Ваймс неуютно поерзал. — Он инспектировал. Хотел узнать о нас все, сэр. — Он кинул на Ветинари взгляд, который говорил — если ты будешь продолжать в том же духе, я буду вынужден лгать.

Ветинари ответил ему взглядом — я знаю.

— А вы сами серьезно ранены? — громко спросил Патриций.

— Всего лишь несколько царапин, сэр. — ответил Ваймс.

Ветинари одарил его взглядом, говорящим — сломанные ребра, наверняка.

Ответный взгляд Ваймса сообщил — ничего подобного.

Ветинари прошел к окну и уставился на пробуждающийся внизу город. Он какое-то время молчал, а затем позволил себе вздохнуть.

— Какая жалость, ведь многие из них были рождены здесь. — сказал он.

Ваймс предпочел промолчать. Обычно этого было достаточно.

— Возможно мне следовало принять меры против того несчастного дварфа. — продолжил Ветинари.

— Да, сэр.

— Вы считаете? Мудрый правитель подумает дважды, прежде чем применить силу против кого-то, кто говорит неприятные для него вещи.

И снова Ваймс не стал комментировать. Он сам ежедневно применял силу и с большим энтузиазмом, против тех, кто говорил ему неприятные

вещи, вроде — «Гони деньги!» или «Ну и что ты теперь будешь делать, коп?» Но возможно, что правители должны думать по другому. Вместо этого он ответил — Кое-кто не подумал, сэр.

— Благодарю, Ваймс. — сказал Патриций, резко поворачиваясь. — Вы уже нашли кто это сделал?

— Расследование продолжается, сэр. Прошлой ночью дело сдвинулось с мертвой точки.

— Есть ли какие-нибудь доказательства, что это был тролль?

— Это… сбивающие с толку доказательства, сэр. Можно сказать, что мы собираем головоломку.

Только мы не знаем, все ли части на месте, добавил он самому себе.

И, поскольку на лице Ветинари отразилось живое любопытство, Ваймс продолжил вслух: — Если вы ожидаете, что я достану кролика из шлема, сэр, то только жареного. Дварфы уверены, что это был тролль. Вся тысячелетняя история уверяет их в этом. Им не нужны доказательства. А тролли считают, что это был не тролль, но вполне возможно, ничего не имеют против такого. Дело не в убийстве, сэр. Что-то переклинило в их головах и самые нормальные парни — вы понимаете о чем я — готовы опять сражаться в Кумской Долине. Что-то происходит в этой шахте, я знаю. Что-то

большее, чем убийство. Все эти туннели… зачем они? Все это вранье… Я могу чувствовать ложь и там ее через край.

Очень многое зависит от расследования, Ваймс. — сказал Ветинари. — Все значительнее, чем вы полагаете. Сегодня утром я получил семафорограмму от Рхуса Рхуссона, Низкого Короля. У каждого политика есть враги. Существуют группировки, несогласные с ним, с его дружественной политикой по отношению к нам, с его примирительными подходами к кланам троллей, со всей его позицией по отношению к Ха'ак… И вот появляется история о тролле, убившем скальта, да еще и слухи, что Стража угрожала дварфам…

Ваймс открыл рот, чтобы протестовать, но Ветинари выставил перед собой бледную руку.

— Нам нужна правда, Ваймс. Правда коммандера Сэма Ваймса. Она значит больше, чем вы можете подумать. Особенно на Равнинах и даже дальше. Люди наслышаны о вас, коммандер. Потомок стражника, убежденного в том, что если подкупленный суд откажется казнить королей, тогда стражник сделает это сам…

— Всего лишь одного короля, — запротестовал Ваймс.

— Однажды, Сэм Ваймс арестовал меня за из-

мену, — спокойно продолжил Ветинари. — И однажды, Сэм Ваймс арестовал дракона. Сэм Ваймс остановил войну между нациями, арестовав двух главнокомандующих. Большой любитель арестов, этот Сэм Ваймс. Сэм Ваймс убил оборотня голыми руками, он несет закон перед собой, как факел…

— Что это за чушь?

— Стражники с доброй половины континента скажут, что Сэм Ваймс честен, неподкупен, он не свернет с пути и его не запугать. Выслушайте меня. Если Рхуса свергнут, то следующий Низкий Король не будет разговаривать с троллями. Могу я пояснить? Троллийские кланы, чьи лидеры согласились иметь дело с Рхусом, будут чувствовать себя одураченными, они потребуют низвержения лидеров и на их место придут тролли, слишком агрессивные и глупые, чтобы быть одураченными.

Тогда начнется война, Ваймс. И она придет сюда. Это уже будут не криминальные разборки, как прошлой ночью. Мы не сможем долго продержаться или отсидеться в сторонке. Потому, что у нас есть свои собственные глупцы, Ваймс, и я уверен, вы сами знаете тех, кто будет настаивать, чтобы мы приняли одну из сторон. Кумская До-

лина будет повсюду. Найдите мне убийцу, Ваймс. Загоните его в угол и вытащите на дневной свет. Тролль ли это, дварф ли, человек — не важно. Тогда мы, по крайней мере, будем знать правду и сможем этим воспользоваться. Наши враги сейчас это слухи и неопределенность. Трон Низкого Короля сотрясается, Ваймс, а вместе с ним и основание мира.

Ветинари замолчал и тщательно сложил лежащий перед ним лист бумаги, как будто почувствовал, что зашел слишком далеко.

— Тем не менее, я совершенно не желаю оказывать на вас какое-либо давление. — закончил он.

Озадаченные, набитые теплой ватой мозги Ваймса уцепились за одно слово.

— Разборки?

Секретарь лорда Ветинари наклонился и что-то прошептал в ухо своему хозяину.

— Ах, я уверен, что хотел сказать «сражение», — бодро сказал Ветинари.

Ваймс все еще пытался разобраться с кратким обзором международных новостей.

— И все это из-за одного убийства? — спросил он, борясь с зевотой.

— Нет, Ваймс. Вы же сами сказали: это тысячелетнее противостояние, политика и столкно-

вение государственных интересов. В последнее время, все шло таким образом, что расстановка политических сил изменилась. Но всегда найдется те, кто бы захотел вернуть прежнее состояние, даже если для этого потребуется кровопролитие. Кого волнует какой-то там дварф? Но если его смерть может быть превращена в casus belli, — тут лорд Ветинари взглянул в сонные глаза Ваймса и продолжил — что означает причина для войны, тогда он внезапно становится самым важным дварфом в мире. Когда вы в последний раз нормально спали, Ваймс?

Ваймс пробормотал что-то вроде — Не так давно…

— Идите и выспитесь. И затем, найдите мне убийцу. Найдите быстро. Хорошего вам дня.

Не только троны трясутся, пытался размышлять Ваймс. Твое кресло также немного задрожало. Очень скоро кое-кто начнет говорить — кто позволил всем этим дварфом поселиться здесь? Они подкапываются под наш город и они не признают наши законы. А тролли? Обычно мы держали их на цепи, вместо сторожевых собак, а сейчас им позволяют расхаживать вокруг, как настоящим людям!

Они начнут собираться — интриганы, ведущие

тихие беседы в укромных уголках на вечерах, люди, знающие как превратить общественное мнение в оружие. Небольшая драка прошлой ночью была обращена в шутку, возможно смутившую этих людей, но второй раз вам это не удастся. Как только начнутся беспорядки, как только несколько человек окажутся убитыми, пропадет необходимость прятаться за закрытыми дверями. Толпа будет кричать все, что вы захотите.

Они подкапываются под наш город и они не признают наши законы….

Он вскарабкался в карету на почти неконтролируемых ногах, пробормотал указание направиться в Псевдополис Ярд и заснул.

* * *

В городе бесконечного дождя все еще была ночь. В нем всегда была ночь. Солнца никогда не всходило здесь. Существо лежало в аллее, свернувшись клубком.

Что-то было не так. Оно ожидало сопротивления. Всегда было сопротивление и существо всегда побеждало. Но даже сейчас, когда стихла невидимая суета города, все равно не было путей внутрь. Снова и снова оно искало способы контроля, какой-нибудь приступ ярости, который

можно будет использовать, и снова и снова его отшвыривало в эту темную аллею с затопленными стоками.

Это был необычный склад ума. Существо старалось изо всех сил. Еще ни один ум не смог победить его. Всегда есть пути…

* * *

Тролль, пошатываясь, брел через разоренный мир…

Кирпич вышел из полицейского участка у Сестер Долли, держась за голову. С собой у него был также мешочек со всеми зубами, которые Детриту удалось собрать. Сержант повел себя очень достойно, думал Кирпич. Детрит также подробно объяснил, что его ждало, если бы он не промахнулся по тому человеку, наглядно обрисовав, что им пришлось бы сначала найти голову Кирпича, а уж потом озадачиться поиском зубов для нее.

Но он также сказал, что в Страже может найтись место для любого тролля, способного устоять на ногах, после удара «Большим молотом» и почему бы Кирпичу не посмотреть на свое будущее с энтой позиции.

Ишь, думал Кирпич (насколько этот термин может быть применен к деятельности головного

мозга, находящегося под воздействием «Большого Молота») — у меня такое светлое будущее, что даже приходится жмуриться, хотя энто может из-за того же «Большого Молота».

Но он слышал, что говорили другие тролли. И стражники тоже. Все энти разговоры про тролля, убившего дварфа в той шахте.

Кирпич был совершенно уверен, что не убивал никакого дварфа, даже после принятия понюшки Скрейпа. Он снова и снова прокручивал в памяти то немногое, что там осталось. Беда в том, что Стража нынче знает всякие хитрости, типа они могут сказать, чем ты обедаешь, лишь взглянув на твою тарелку. И он был совершенно уверен, что потерял один череп в той шахте. Так что они лишь нюхнут и сразу узнают, чей энто череп. Хотя энто был не он. Ведь они сказали, что тролль бросил дубинку, тогда как Кирпич сохранил свою и ею то он и треснул того важняка из полиции, так что энто посчитается за то, что они называют Алле Би, а?

Несмотря на булькающий в голове звук, с которым «Большой молот» покидал клетки головного мозка, Кирпич заподозрил, что не посчитается. В любом случае, раз они ищут того тролля и узнают, что я там был и даже если я им скажу — лады, я

там был, но никакого дварфа я не трескал, они ответят, ха, ври, да не завирайся.

В настоящий момент Кирпич чувствовал себя очень одиноким троллем.

Крадучись по аллеям, прижимаясь к стенам, опустив голову, избегая встречи с любым живым существом, Кирпич искал мистера Сияющего.

* * *

Ангуа решила пойти прямо в Псевдополис Ярд, а не в ближайший участок. Все-таки это была штаб-квартира и к тому же, она всегда хранила запасную форму в своем шкафчике.

Ее бесило, как легко Салли двигалась на шестидюймовых каблуках. Просто потому, что она вампир. Ей же пришлось снять свои и нести в руках. Иначе, она свернула бы коленки. В клубе «Розовая Кошечка» был на редкость ограниченный выбор одежды, если под одеждой вы подразумеваете что-то, закрывающее ваше тело. Ангуа очень удивилась тому, что сценический гаредероб включал и женскую форму стражника, крохотные доспехи из папье-маше и юбку, слишком короткую, чтобы хоть что-то защитить. Смуглянка довольно осторожно объяснила ей, что иногда мужчинам нравится глядеть

на девушек в доспехах. Для Ангуа, уже давно обнаружившей, что мужчинам, которых она задерживала, обычно не нравилось смотреть на нее, это была пища для размышлений. Она выбрала золотистое платье с блестками, но оно ей совершенно не подходило. Салли взяла что-то синее, простенькое и короткое, сразу ставшее сногосшибательным, как только она его надела. Она выглядела потрясающе.

И потому, когда Ангуа прошла впереди Салли в главный офис, с силой хлопнув большими дверями, незадачливый стражник, насмешливо-восхищенно присвистнувший, обнаружил себя притиснутым к стене. Он почувствовал, как в его шею впились два когтя, а Ангуа прорычала — тебе нравятся волки? Скажи — нет, сержант Ангуа.

— Нет, сержант Ангуа!

— Не нравятся? Значит я, вероятно, ошиблась? — Когти надавили сильнее. Стражник мысленно уже представлял, как стальные острия протыкают яремную вену.

— Я не уверен, сержант Ангуа!

— Я вся на нервах! — рявкнула Ангуа.

— Я не заметил, сержант Ангуа!

— Мы все сейчас немного не в себе, так?

— Совершенно точно, сержант Ангуа!

Ангуа позволила ботинкам стражника коснуться земли. Она вложила две черные туфельки на высоченных и сильно заостренных каблуках в его несопротивляющиеся руки.

— Не могли бы вы оказать мне услугу и отнести их в клуб «Розовая Кошечка»? — мягко сказала она. — Они принадлежат кому-то по имени Шерил, по моему. Спасибо.

Она повернулсь и поглядела на Моркоу, сидящего за столом дежурного и смотрящего на нее с открытым ртом. Вполне сознавая, какие чувства она вызывает, Ангуа прошла к столу мимо ошарашенных лиц и кинула заляпанное грязью ожерелье на Книгу Происшествий.

— Внизу в шахте лежат четыре дварфа, убитые дварфами. — сказала она. — Клянусь своим носом. Ожерелье принадлежало одному из них. Еще у него было вот это. — Грязный конверт упал на ожерелье. — Оно покрыто илом, но разобрать можно. Мистер Ваймс уйдет в самоволку. — она взглянула в голубые глаза Моркоу. — Где он?

— Спит на матрасе в своем кабинете. — ответил Моркоу и пожал плечами. — Леди Сибил знала, что он не поедет домой, поэтому прислала Виликинса, чтобы он устроил постель. С вами все в порядке?

— Все замечательно, сэр. — ответила Салли.

— Я начал волноваться… — заговорил Моркоу.

— Четыре мервых дварфа, капитан. — оборвала его Ангуа. — Местных дварфов. Вот о чем тебе стоит волноваться. Три из них наполовину похоронены, четвертый уполз прочь.

Моркоу взял ожерелье и прочитал руны. — Ларс Сильноног, — сказал он. — Думаю, что знаю его семью. Ты уверена, что это было убийство?

— Горло перезано. На самоубйство никак не тянет. Но он умер не сразу. Он добрался до одной из этих их герметичных дверей, которую они заблокировали и нарисовал на ней руну своею кровью. Затем он сел и стал ждать смерти в темноте. В этой проклятой темноте, Моркоу! Это были простые шахтеры. У них были лопаты и тачки! Они что-то делали там в темноте, а когда в них перестали нуждаться, их убили! Ударили топором и кинули в грязь! Он мог быть еще жив, когда мы с мистером Ваймсом были в шахте. За это прочной и толстой дверью, умирая на расстоянии нескольких дюймов от нас. Ты знаешь, что это такое?

Она вытащила сложенную карточку из лифа и передала ее Мороку.

— Карта вин? — ответил Моркоу.

— Разверни ее! — резко сказала Ангуа. — Извини, я нарисовала его губной помадой. Ничего другого под рукой не было.

Моркоу развернул карточку. — Еще одна руна темноты? — спросил он. — Кажется, я ее не знаю.

В помещении находились другие дварфы. Моркоу показал руну.

— Кто нибудь знает, что она означает?

Несколько дварфов покачали головой, а несколько отпрянули, но тут низкий голос сказал: — Да, капитан Моркоу. Я подозреваю, что знаю. Она выглядит как глаз с хвостом?

— Да… Э… Сэр? — спросил Моркоу, не сводя с него глаз. Тень шевельнулась.

— Ее нарисовали в темноте? Умирающий дварф? Своею собственной кровью? Это Призываемая Тьма, капитан, и она услышит призыв. Доброе утро. Я — мистер Сияющий.

Моркоу открыл рот, а стражники повернулись поглядеть на пришельца. Он знимал весь дверной проем, такой же широкий и высокий, в черном плаще с капюшоном на голове, скрывающем лицо.

— Тот самый мистер Сияющий? — спросил Мороку.

— К сожалению, капитан. Могу я попросить вас

проследить, чтобы никто не покидал эту комнату в течении некоторого время после моего ухода? Я люблю хранить свои перемещения в секрете.

— Я полагал, что вы не существуете на самом деле, сэр!

— Придется вам мне поверить, молодой человек. Как бы я хотел, чтобы вы и далее оставались в столь счастливом неведении, но у меня нет выхода. — сказала фигура в капюшоне.

Мистер Сияющий прошел в комнату, ведя за собой поджарую фигуру. Это был тролль, чей угрюмый и вызывающий вид не очень хорошо маскировал тот факт, что у него ноги подкашивались от страха.

— Это Кирпич, капитан. Я привел его под личное попечение сержанта Детрита. У него есть полезная для вас информация. Я выслушал его и поверил ему. Но вам следует поторопиться. Призываемая Тьма уже нашла своего избранника. Что еще… Ах, да. Проследите, чтобы этот знак не оставался в темноте. Всегда держите его на свету. А сейчас, прошу извинить некоторую театральность…

Полы черной робы распахнулись. На секунду ослепительно сияющий белый свет залил комнату. Когда свет погас, мистер Сияющий исчез. Все,

что осталось после него, это большой, яйцеобразный камень на грязном полу.

Моркоу моргнул и затем взял себя в руки. — Так, хорошо, вы все его слышали. — обратился он к внезапно ожившей комнате. — Никто не следует за мистером Сияющим, ясно?

— Следовать за ним, капитан? — сказал дварф — Мы что, с ума сошли?

— Энто точно, — вставил тролль. — Говорят, он может проникнуть в вас и остановить сердце!

— Мистер Сияющий? — спросила Ангуа — Это о нем ишут на стенах?

— Похоже, что о нем, — кратко ответил Моркоу. — и он сказал еще, что у нас мало времени. Мистер… Кирпич?

В то время, как тролли Хризопраза ухитрялись стоять с заносчивым видом, Кирпич умудрился сбиться в кучу. Обычно, чтобы сбиться в кучу нужны по крайней мере двое, но Кирпич пытался спрятаться сам за себя. Никому бы не удалось спрятаться за Кирпичем: для тролля он был слишком тощим. Его лишайник был дешевым и перепутанным, и даже не натуральным, а одной их тех подделок, сварганенных из брокколи на задах Камнеломной. Его пояс с черепами был настоящим позорищем, некоторые из черепов

явно были сделаны из папье-маше, из тех, что продаются в лавках со всяким карнавальным барахлом. У одного из черепов был красный нос.

Кирпич нервно огляделся по сторонам и с грохотом уронил дубинку.

— Я по уши в копролите, да? — сказал он.

— Определенно, нам необходимо переговорить с вами. — ответил Моркоу — Хотите адвоката?

— Не, я уже ел седня.

— Вы съели адвоката?

Кирпич долго пялился на Моркоу тупым взглядом, пока его мозги наконец то не включились.

— Ну такие штуки зеленые, с косточкой посредине? — высказал он предположение.

Моркоу посмотрел на Детрита и Ангуа, в надежде найти помощь.

— Наверное, авокадо. — наконец пришел он к выводу.

— Они темнеют, когда полежат. — сказал Кирпич, как будто проводя судебную экспертизу.

— Более похоже на картофель? — предположил Моркоу.

— Могет. Типа покупаешь в пакете. Картофель, ага.

— Что я имел в виду, — продолжил Моркоу — когда мы будем говорить с вами, хотите ли вы,

чтобы кто-то был за вас?

— Очень хотел бы. Штоб все. — с готовностью ответил Кирпич. Оказаться в центре внимания целой комнаты битком набитой стражниками, было хуже любого ночного кошмара. Хотя не, постой, помнишь, когда ты нюхнул того Слаба, накрошенного с нитратом аммония? Уууу — прощай крыша! Аххa! Вот энто и был его худший ночной кошмар… Не, если подумать о том порошке, который Щебень стащил у Одноглазого Дубилы, у, да! Кто знает, что он туда намешал! Аж зубы затанцевали! Вот энто и был его… Э, подожди-ка, а помнишь как ты закусил Скрейпом и у тебя отвалились руки? Ух, да, энто было жуть, так что может энто и есть… Стой, разве можно забыть тот день, когда ты подсушил Сливер и втянул порошок цинка в ноздри и решил, что коньки отбросил? Аргх, а вот то время, когда ты… нет, вргх, когда ты, аргх…

Кирпич перебрал уже девятнатцатый свой наихудший кошмар, когда голос Мороку наконец пробился к его разуму.

— Мистер Кирпич?

— Э… Энто вы мне? — нервно сказал Кирпич. Ему очень, очень сильно и очень срочно требовался Слаб….

— В общем, вашим адвокатом может быть кто-то один. — сказал Моркоу. — Мы собираемся задавать вам трудные вопросы. Вы имеете право на чью-нибудь помощь. Может у вас есть друг, которого мы могли бы пригласить?

Кирпич взвесил это предложение. Единственные, о ком он мог думать, как о друзьях, были Полностью Шлак и Большие Шарики, хотя они скорее попадали в категорию тех, кто ничем в него не швырялся и даже позволял иногда понюхать Слаба. Но в данный момент это как-то не проходило за требуемую квалификацию.

Он указал на сержанта Детрита — Он, — сказал Кирпич — Он помогал найти мои зубы.

— Я не уверен, что наш офицер может… — засомневался Моркоу.

— Я хочу предложить себя на эту роль, капитан, — раздался тихий голос. Моркоу всмотрелся на другой конец стола.

— Мистер Пессимальный? Не уверен, что вам стоит вставать с кровати.

— Тем не менее, кто то должен послужить правосудию. — сказал А.И. Пессимальный.

Кирпич наклонился, чтобы разглядеть инспектора поближе. — Энто тот самый гном, что был седня ночью. Не хочу его!

— Можете предложить кого-либо еще? — спросил Моркоу.

Кирпич снова задумался и наконец встрепенулся. — Ахха, я могу. Запросто. Любой, кто поможет мне отвечать на вопросы, так?

— Совершенно точно.

— Тогда энто раз плюнуть. Если вы приведете того дварфа, что я видел в той шахте внизу, он поможет мне.

Комната затихла.

— И почему бы он сделал это? — осторожно спросил Моркоу.

— Он мог бы сказать, почему он дал по башке тому дварфу. — объяснил Кирпич. — Не, я не знаю. Но пдозреваю, что он не захотит придти потому, как я тролль, так что я буду придерживаться сержанта, если не взражаете.

— Я думаю, что все это зашло слишком далеко, капитан! — сказал А.И. Пессимальный.

В тишине, которая последовала за этим, голос Моркоу прозвучал очень громко.

— Я думаю, мистер Пессимальный, что настала пора разбудить коммандера Ваймса.

Есть старая солдатская поговорка, которой Фред Колон описывал смущение и замешательство. Личность в таком состоянии, согласно Фреду, «не

могла бы отличить ослиный зад от завтрака».

Ваймса это высказывание всегда озадачивало. Про себя он дивился, какие исследования могли быть предприняты для изучения данного вопроса. Даже сейчас, когда он чувствовал, что его рот набит червяками, а в глазах резало, он считал себя способным определить, в чем между ними разница. Начать с того, что одно из них должно сопровождаться чашкой кофе. Он уже выпил одну, следовательно, это был завтрак. В сущности, время уже близилось к обеду, но суть оставалась той же.

Тролль, известный всем и, случайно, ему самому, как Кирпич, сидел в одной из больших троллийских камер, но учитывая, что никто не смог решить узник он или нет, дверь была оставлена открытой. Все пришли к согласию, что если он не попытается уйти, то никто не будет его останавливать. Кирпич поглощал третью миску насыщенной минералами грязи, что у троллей считалось питательным супом.

— Что такое Скрейп? — спросил Ваймс, откидываясь на спинку единственного стула и разглядывая Кирпича с таким видом, с каким зоолог мог бы изучать занимательный, но исключительно непредсказуемый новый вид. Он

положил каменный шар загадочного мистера Сияющего на стол рядом с миской, чтобы посмотреть на реакцию, но тролль не обратил на него внимания.

— Скрейп? Не часто его встретишь в наши дни, когда вокруг полно энтого дешевого Слаба. — пророкотал Детрит, с собственическим видом оглядывая свое новое приобретение, как наседка птенчика, готовящегося покинуть родное гнездо. — Энто то, что скребет вас, пнятно? Несколько кусков Слаба, прокипяченного в жестянке со спиртом и чуток голубиного помета. Его обычно варят тролли в трущобах, когда у них не хватает монет. Что еще им не хватает, Кирпич?

Двигающаяся ложка замерла. — Им не хватает само-уважения, сержант. — отчеканил Кирпич, как ученик, которому двадцать минут подряд выкрикивали урок прямо в ухо.

— Слава Ио, он уяснил! — сказал Детрит, так энергично хлопая тощего Кирпича по спине, что юный тролль уронил ложку в дымящуюся бурду.

— Но энтот парнишка обещал мне, что все энто осталось позади и он сейчас начал чертовски новую жизнь, в счет участия в моей программе одного шага! Ведь так, Кирпич? Энтот парень сказал нет Слабу, Скрейпу, Слайсу, Слайду, Сланки,

Сларпу или Сливеру, верно?

— Да, сержант. — послушно ответил Кирпич.

— Сержант, почему названия всех троллийских наркотиков начинаются с буквы С? — спросил Ваймс.

— А, так их легче запомнить, сэр. — ответил Детрит, глубокомысленно кивая.

— Ах, конечно. Об этом я не подумал. — сказал Ваймс. — Кирпич, объяснил ли тебе сержант Детрит, почему он называет свою программу программой одного шага?

— Э… потому, что он не позволит мне сделать ни одного неверного шага? — проговорил Кирпич, будто читая слова с листа.

— Кирпич хочет вам кое-что сказать, правда, Кирпич? — заботливо продолжил Детрит. — Давай, скажи мистеру Ваймсу.

Кирпич опустил глаза вниз. — Простите, что я пытался вас убить, миссус Ваймс. — прошептал он.

— Ну что же, мы с этим разберемся, не так ли? — сказал Ваймс, чтобы хоть что-то сказать. — Кстати, думаю, что ты имел в виду мистер Ваймс и я предпочитаю, чтобы только те, кто сражаются бок о бок со мной, называли меня мистер Ваймс.

— Ну, технически, Кирпич сражался… — начал

было Детрит, но Ваймс твердо поставил чашку с кофе на стол. Его ребра все еще ныли.

— Нет, «передо мной» не то же самое, что «бок о бок», сержант. — сказал он. — Совершенно не то же самое.

— Не, ну на самом деле, энто не его вина, сэр, энто скорее случай обоз-нания. — запротестовал Детрит.

— Ты хочешь сказать, что он не знал, кто я такой? — спросил Ваймс — Мне не кажется…

— Нет, сэр. Он не знал, кто он такой сам, сэр. Он думал, что он сгусток лучей света и вспышек. Сэр, я попробую объяснить. Пожалуйста? Сэр, он был не в своем уме под Большим Молотом и все-таки он двигался!

Ваймс секунду глядел на Детрита и потом опять на Кирпича.

— Мистер Кирпич, расскажите мне, как вы попали в ту шахту. — спросил он.

— Я уже рассказал другому полицейскому… — начал Кирпич.

— А сейчас ты расскажешь мистеру Ваймсу! — рявкнул Детрит. — Прямо сейчас!

Объяснения Кирпича заняли некоторое время, со всеми паузами, нужными, чтобы части разума Кирпича сдвинулись в нужную позицию, но

Ваймс все же смог составить связный рассказ:

Несчастный Кирпич приготовил Скрейп в компании с другими трущобными троллями на старом складе, в лабиринте улиц позади Парковой, затем, в поисках прохладного местечка чтобы поглюковать, набрел на какой-то подвал и тут пол провалился под ним. Судя по звуку, он падал довольно глубоко, но судя по физическому состоянию тролля, он спланировал вниз, как бабочка. Упав, он оказался в туннеле, похожем на шахту — знаете, с деревянными подпорками — и потащился по туннелю в надежде, что он выведет его на поверхность или он найдет что-нибудь съедобное. Его ничего не волновало до тех самых пор, пока он не добрел до более грандиозного туннеля и слово «дварфы» не проявилось в его мозгах, но он ничего не стал делать, а только прислушался.

Тролль в дварфийской шахте это погром и разрушение. Такая же данность, как слон в посудной лавке. Но Кирпич производил освежающее впечатление свободы от всякой ненависти к кому бы то ни было. Если мир предоставит ему достаточное количество веществ, начинающихся с буквы С, от которых у него звенела голова — а в городе недостатка в них не было — он не очень

сильно заботился о том, что происходило вокруг. Там, в трущобах, Кирпич занимал положение где-то ниже плинтуса. Не удивительно, что сети Хризопраза не смогли выщепить его. Кирпич был чем то тем, через что вы просто переступаете.

Но даже Кирпич, стоящий там в темноте и прислушивающийся к отдаленным звукам дварфийских голосов, мог испугаться. А затем он увидел, как в комнате за большой круглой дверью, один дварф ударил по голове другого. Там было темно, как всегда в пещерах, но тролли обладают хорошим ночным видением и на стенах было полно вирвей. Тролль не разглядел детали, да особо их и не всматривался. Кому какое дело до того, что один дварф сделал с другим? До тех пор, пока они не поступили также и с ним, он не видит проблемы. Но когда ударивший дварф закричал, тогда то и появилась проблема, большая, как сама жизнь.

Большая металлическая дверь прямо перед ним распахнулась и ударила его по лицу. Несколько вооруженных дварфов пробежали мимо, как раз когда он выглянул из-за нее. Их не интересовало, что там за дверью, пока не интересовало. Они делали то, что обычно все делают в таких случаях — бегут к источнику крика. Кирпич, с

другой стороны, был заинтересован только в том, чтобы убраться как можно подальше от криков и вот прямо перед ним была открытая дверь. Он бросился в нее и побежал, не останавливаясь, пока не оказался на свежем ночном воздухе.

Погони за ним не было. Ваймса это не удивило. Надо иметь особый склад ума, чтобы быть стражником. Надо быть готовым долгими часами стоять и пялиться в неизвестность. Такой ум не требует высокой оплаты. Такой ум также не подумает о том, чтобы осмотреть туннель, из которого он только что пришел. Этот ум будет далеко не самым острым ножом в посудном ящике. И вот так, бесцельно, без каких-либо намерений, злого умысла или даже любопытства, бродячий тролль забрел в дварфийскую шахту, стал свидетелем убийства, хоть его восприятие и было окрашено наркотиком, и убрел восвояси. Кто мог бы запланировать что то подобное? Где была логика? Где был смысл?

Ваймс поглядел в слезящиеся, мутные глаза, на истощенное тело, на свисающую каплю богзнает-чего из покрытой корками ноздри. Кирпич не лгал. Кирпичу было достаточно проблемно справиться и с тем, что не было выдумкой.

— Расскажи мистеру Ваймсу про вук-вук, —

подтолкнул его Детрит.

— Ага, — сказал Кирпич. — Там был энтот вук-вук в пещере.

— Кажется, я упустил что-то существенное в разговоре. — сказал Ваймс.

— Вук-вук энто то, что делают из угля, селитры и Слаба, — ответил сержант. — Все закручивается в бумагу, как сигара, знаете? Он сказал…

— Мы зовем их вук-вук потому, что они выглядят, как…. ну знаете, как вук-вук. — продолжил Кирпич, смущенно улыбаясь.

— Ага, я кажется въехал. — устало сказал Ваймс. — И ты попытался выкурить его?

— Нессэр, он был слишком большим, — ответил Кирпич. — свернутый, занимал всю пещеру, прямо под грязью из того туннеля, куда я провалился.

Ваймс попытался пристроить этот факт среди своих умозаключений, но потерпел неудачу и решил пока его отбросить. Итак… Это сделал дварф? Верно. И в этот момент он верил Кирпичу, хотя даже лягушка сошла бы за лучшего свидетеля. В любом случае, нет никакого смысла давить на него сейчас.

— Ладно, — сказал Ваймс. Он потянулся и взял загадочный камень, который был оставлен на

полу в приемной. Камень составлял примерно восемь дюймов в диаметре, но при этом был на удивление легким. — Расскажи мне о мистере Сияющем, Кирпич. Он твой друг?

— Мистер Сияющий — он везде! — пылко заявил Кирпич. — Он есть алмаз!

— Ну, полчаса назад он был в этом здании. — сказал Ваймс. — Детрит?

— Сэр? — ответил сержант, его лицо приняло виноватый вид.

— Что ты знаешь о мистере Сияющем? — спросил Ваймс.

— Э… Он немного как троллльский бог… — пробормотал Детрит.

— Ну как правило, боги нас редко посещают. — ответил Ваймс. — Кто-то стащил Секрет Огня, вы не видели мое золотое яблоко? Удивительно, как редко такие происшествия попадают в книгу записи преступлений. Он тролль, так ведь?

— Вроде… короля. — сказал Детрит с таким видом, как будто каждое слово из него вытаскивали клещами.

— Я думал, что в наше время у троллей нет королей. — сказал Ваймс. — Я думал, что каждый клан правит сам по себе.

— Ну да, да, — ответил Детрит. — Послушайте,

мистер Ваймс, он — мистер Сияющий и ладно? Мы обычно не распространяемся о нем особо. — Лицо тролля выражало собой смесь страдания и вызова.

Ваймс решил попытать удачи с более слабым звеном. — Где ты нашел его, Кирпич? Я только хочу…

— Он пришел, чтобы помочь вам! — резко встрял Детрит. — Что вы делаете, мистер Ваймс? Почему вы продолжаете задавать вопросы? Дварфов вы гладите по шерстке, но когда дело доходит до троллей, то что? Вышибить дверь и никаких проблем! Мистер Сияющий привел к вам Кирпича, дал вам хороший совет, а вы ведете себя так, как будто он преступник! Я слышал, как капитан Моркоу говорил дварфам, что он с ними одной крови. Вы думаете, это доставляет мне радость? Мы помним, как дварфы оболгали нас! Мы стонем из-за этой лжи! Вы хотите видеть мистера Сияющего — будьте скромным и проявите уважение, да!

Вот опять Кумская Долина, подумал Ваймс. Он никогда не видел, чтобы Детрит был в таком гневе, по крайней мере на него. Тролль всегда был таким надежным и безотказным.

В Кумской Долине встретились два племени и

ни те, ни другие не отвели взгляда.

— Я прошу прощения, — сказал он, моргая. — Я не знал. Не хотел обидеть.

— Вот так! — ответил Детрит, его огромная ручища хлопнула по столу.

Ложка выпрыгнула из пустой миски Кирпича. Загадочный каменный шар прокатился по столу с неотвратимым катящимся звуком, упал на пол и распался на половинки.

Ваймс поглядел на полусферы. — В нем полно кристаллов, — сказал он. Затем он пригляделся поближе. В одну из сверкающих полусфер был вложен листок бумаги.

Ваймс подобрал его и прочитал:

«Пойнтер и Пиклс, Поставки кристаллов, минералов и оборудования»

Улица Десятого Яйца, дом номер 3, Анк-Морпорк.

Ваймс осторожно отложил ее и поднял обе половинки шара. Он приставил их друг к другу и они соединились, не оставив ни малейшей трещинки. Не было никаких свидетельств, что они были как-то склеены.

Ваймс посмотрел на Детрита. — Ты знал, что шар раскроется? — спросил он.

— Нет, — ответил тролль. — Но я думаю, что

мистер Сияющий знал.

— Он дал мне адрес, сержант.

— Ахха. Так может быть он хотел, чтобы вы навестили его. — признал Детрит. — Энто большая честь, вот так правильно. Не вы должны искать мистера Сияющего, а он сам найдет вас.

— Как он нашел вас, мистер Кирпич? — спросил Ваймс.

Кирпич кинул на Детрита панический взгляд. Сержант пожал плечами.

— Однажды он подобрал меня. Накормил, — забормотал Кирпич. — Показал, куда можно прийти за едой. Еще он сказал мне держаться подальше от дряни, но…

Кирпич взмахнул парой бугристых, покрытых шармами рук в жесте, который говорил, намного более вразумительно, чем удалось бы ему самому, что нельзя ничего поделать, когда на одной стороне целая вселенная, а на другой всего лишь один Кирпич.

А затем тебя передали под попечение Детрита, подумал Ваймс. Это каким-то образом уравновешивало весы.

Он встал и кивнул Детриту. — Стоит ли мне взять с собой что-нибудь, сержант?

Тролль немного поразмышлял над этом. —

Нет, — сказал он. — Но может быть есть что-то, что вы могли бы оставить здесь.

Я должен возглавлять обыск на шахте, думал Ваймс. В конце концов, из-за этого может начаться война и я уверен, что людям хотелось бы думать, что кто-нибудь из шишек присутствовал при этом. Почему же я считаю, что мне гораздо важнее повидать загадочного мистера Сияющего?

Капитан Моркоу был загружен работой. Городские дварфы любили его. Поэтому он сделал то, что Ваймс не смог бы сделать или по крайней мере сделать хорошо, то есть отнести грязное дварфийское ожерелье в дварфийский дом в Новых Халтурках и объяснить родителям, как оно было найдено. После чего все завертелось очень быстро и еще одной причиной спешки стало то, что шахта оказалась закрыта. Стражники и рабочие, дварфы, ищущие наставлений на путь истинной дварфийскости, пришли к закрытым дверям. Им задолжали денег, а дварфы настроены весьма определенно к такому роду событий. Большая часть дварфийских законов посвящена описаниям деловых контрактов. Подразумевается, что вам должны заплатить.

Завязываем с политикой, сказал себе Ваймс.

Кто-то убил четырех наших дварфов, не каких-то там психанутых подстрекателей, и бросил их там в темноте. Не важно, что убийцы из себя представляют, мы все равно вытащим их на свет. Таков закон. Весь путь вниз и всю дорогу верх.

Но это должно быть сделано самими дварфами. Дварфы пойдут в тот колодец и снова очистят его от грязи и добудут доказательства.

Он прошел в главный офис. Моркоу был там, вместе с полудюжиной дварфийских офицеров. Они угрюмо смотрели.

— Все улажено? — спросил Ваймс.

— Да, сэр. Мы встретимся с остальными шахтерами в Знахарском проулке.

— Шахтеров вам хватит?

— Все дварфы шахтеры, сэр. — торжественно произнес Моркоу. — Строевой лес на подходе и лебедка тоже. Кое-кто из наемных шахтеров присоединился к нам, чтобы помочь откопать тот туннель, сэр. Они знали погибших. Они пребывают в замешательстве и рассержены.

— Могу их понять. Так значит они верят нам? — спросил Ваймс.

— Э… Более менее, сэр. Однако, если тел там не окажется, то мы попадем в беду.

— Непременно. Шахтеры знают, что они рас-

капывали?

— Нет, сэр. Они только получали распоряжения от глубинных дварфов. И разные подразделения копали в разных направлениях. Они далеко раскопали, до самой Денежной Западни и улицы Эттеркапов.

— Да это же приличный кусок города!

— Дассэр. Но там было что-то странное.

— Продолжай, капитан, — сказал Ваймс. — Мы специалисты по странностям.

— Время от времени все прекращали работу и глубинные дварфы прослушивали стены с помощью большой слуховой трубы. Салли нашла что-то подобное, когда была там внизу.

— Они прислушивались к каким-то звукам? В топкой грязи? Звукам чего? Поющих червей?

— Дварфы не знают, сэр. Они думали, что могли искать попавших в ловушку шахтеров. Я полагаю, это может иметь смысл. Раскопки шли в основном среди старых каменоломней, может быть какие-то шахтеры оказались отрезанными в каком-то месте, где был запас воздуха.

— Но не в течении же нескольких недель, верно? И зачем копать в различных направлениях?

— Это головоломка, сэр, несомненно. Но мы соберем ее и достаточно быстро. Все настроены

очень решительно.

— Хорошо. Но не выпячивай слишком, что ты стражник, идет? Собралась группа обеспокоенных горожан, пытающихся найти своих родных после известий об аварии на шахте. Стражники всего лишь помогают им.

— Вы имеете в виду «я помню, что я дварф», сэр?

— Благодарю, Моркоу. Да, именно так. — сказал Ваймс. — А сейчас я отправляюсь, чтобы повидать легенду с именем, похожим на название средства для полировки.

Когда он выходил из офиса, ему бросился в глаза знак «Призываемая Тьма». Винная карта клуба Розовая Кошечка была заботливо положена на полку возле окна, где было больше всего света. Она светилась. Может это светилась Матовая Розовая губная помада, которая была создана, чтобы быть заметной в переполненном баре с плохим освещением, но казалось, что руна плавала поверх забавных прилипчивых названий коктейлей, вроде Только Секс, Кисо-Изобилие, Безмозглики, делая их более бледными и ненастоящими.

Кто-то — и не один, судя по количеству — зажег свечи перед ним, для ночного времени.

Его нельзя держать в темноте, подумал Ваймс. Я бы тоже не хотел пребывать в ней.

* * *

Фронтон лавки Пойнтер и Пиклс была покрыт слоем пыли. Пыль была основной идеей лавки. Ваймс мог тысячу раз проходить мимо нее, она была из таких лавок, которые не замечаешь. Маленькое окошко было затянуто пылью и дохлыми мухами, но сквозь него все же можно было с трудом различить груды камней.

Ваймс вошел в темную комнату и колокольчик над дверью пыльно звякнул. Звук затих, оставляя после себя четкое ощущение того, что с этого момента с развлечениями покончено. Затем, в гнетущей тишине послышался какой-то шуршащий звук. Он шел от очень старой женщины, которая, на первый взгляд, была так же покрыта пылью, как и камни, которыми они торговала. Правда, Ваймс имел некоторые сомнения на этот счет. Лавчонки, подобные этой, рассматривают продажу своих товаров, как разновидность вероотступничества.

И как бы желая подчеркнуть его сомнения, она держала в руках дубинку, утыканную гвоздями. Когда она приблизилась, Ваймс сказал

— Я пришел сюда, чтобы….

— Веришь ли ты в исцеляющую силу кристаллов, юноша? — резко оборвала его страхуа, угрожающе поднимая дубинку.

— Что? Какая еще исцеляющая сила? — изумился Ваймс.

Старуха криво улыбнулась и выронила дубинку.

— Отлично, — ответила она. — Нам нравится, когда наши покупатели относятся к геологии серьезно. У нас были проблемы на прошлой неделе.

— На самом деле я…

— С теми минералами, что двигаются обратно во времени.

— Я пришел, чтобы повидать мистера Сияющего, — умудрился вставить Ваймс.

— Кого? — спросила старуха, прикладывая руку к уху.

— Мистер Сияющий? — повторил Вамйс, уже потерявший уверенность.

— Никогда не слыхала о нем, дорогуша.

— Э… Он дал мне вот это, — сказал Ваймс, показывая две половинки каменного шара.

— Аметистовый жеод, очень хороший экземпляр. Я дам вам за него семь долларов. — ответила

старуха.

— А вы Пиклс или Пойнтер? — спросил Ваймс, прибегая к последнему прибежищу.

— Я мисс Пиклс, дорогуша. Мисс Пойнтер… — она замолчала. Выражение ее лица изменилось, стало более молодым и значительно более встревоженным.

— А я мисс Пойнтер, дорогуша. — сказала она. — Не тревожьтесь насчет Пиклс, она владеет телом только тогда, когда я сильно занята. Вы коммандер Ваймс?

Вамйс уставился на нее — Вы хотите сказать, что вас — двое? В одном теле?

— Да, дорогуша. Предполагается, что это заболевание, но все, что я могу сказать, мы всегда хорошо уживаемся. Я никогда не рассказывала ей о мистере Сияющем. Она не слишком осторожна. Проходите сюда.

Она провела его через пыльные кристаллы и каменные плиты в заднюю часть лавки, за которой был корридор с полками. Кристаллы всех размеров сверкали на них.

— Конечно, тролли всегда представляли большой интерес для геологов, будучи сделанными из метаморфического камня. — общительно заговорила мисс Пойнтер/Пиклс. — Вы то сами не

охотник за камнями, коммандер?

— Иногда, я подбирал камни, которые в меня кидали. — ответил Ваймс. — Но я никогда не утруждал себя выяснением, к какой разновидности они относятся.

— Ха. Какой стыд, что дом построен на суглинке. — сказала женщина, когда послышались звуки негромких голосов. Она открыла дверь и встала в стороне. — Я сдаю им подвал. Входите.

Ваймс поглядел на ступеньки пролета лестницы, ведущей вниз. Ох, боже ж ты мой, мы опять под землей. Но там внизу было теплое свечение и доносились голоса.

Подвал был большим и прохладным. Повсюду стояли столы, за каждым из которых сидело по двое игроков, согнувшись над клетчатыми досками. Игровая комната? Среди игроков были дварфы, тролли и люди, их всех объединяла общая сосредоточенность. Игроки равнодушно посмотрели на Ваймса, который уже наполовину спустился по лестнице, и вернулись к игре.

Ваймс спустился в подвал. Это должно быть важно, ведь так? Мистер Сияющий хотел, чтобы я увидел эту комнату. Люди, тролли, дварфы, играющие в игры. Время от времени, пары игроков поднимали головы, обменивались взглядами и

пожимали друг другу руки. Затем, один из них переходил к новому столу.

— Что вы заметили, мистер Ваймс? — сказал низкий голос за его спиной. Ваймс заставил себя повернуться медленно.

В тени под лестницей сидела фигура, полностью завернутая в черное. Он выглядел намного выше, чем Ваймс.

— Они все молоды? — рискнул он и добавил — мистер Сияющий?

— Совершено точно! Еще больше молодежи обычно приходят по вечерам. Прошу садиться, сэр.

— Почему я пришел, чтобы увидеть вас, мистер Сияющий? — спросил Ваймс, усаживаясь.

— Потому, что вы хотите понять, почему вам так важно увидеть меня, — сказала темная фигура. — потому, что вы плутаете в потемках. Потому, что мистер Ваймс, с его значком и жезлом, кипит от ярости. Кипит более бурно, чем обычно. Не тратье зря эту ярость, мистер Ваймс.

Мистика, подумал Ваймс. — Я бы хотел видеть того, с кем говорю, — сказал он. — Кто вы такой?

— Вы не увидите меня, если я сниму этот капюшон, — ответил мистер Сияющий. — А что касается того, кто я такой, то сначала я спрошу

вас: насколько верно то, что капитан Моркоу, будучи вполне довольным офицером стражи, в то же время является полноправным королем Анк-Морпорка?

— У меня проблемы с термином «полноправный» — ответил Ваймс.

— Так я и понял. Может быть, это одна из причин, по которой я еще не решил провозгласить себя, — сказал мистер Сиюящий. — но это не важно. Я полноправный — уж извините — и неоспоримый король всех троллей.

— В самом деле? — ответил Ваймс. Это трудно было назвать ответом, но по этой теме у него был довольно ограниченный выбор ответов.

— Да. И когда я говорю неоспоримый, я именно это и имею в виду, мистер Ваймс. Прячущиеся короли людей должны прибегать к волшебным мечам или совершать подвиги, чтобы восстановить свое положение по праву рождения. Я — нет. Мне достаточно просто существовать. Вы знакомы с концепцией метаморфического камня?

— Вы имеете в виду тот факт, что тролли выглядят как определенные разновидности камней?

— Да. Сланец, Слюда, Глина и так далее. Даже Кирпич, бедный юный Кирпич. Никто не знает, почему мы таковы и без устали обсуждают этот

вопрос. Но к черту с ним, вы заслуживаете того, чтобы увидеть. Закройте глаза, мистер Ваймс…

Он вытянул покрытые черной тканью руки и снял черную бархатную перчатку. Ваймс вовремя зажмурился, но его веки окрасились красным светом.

— Я — алмаз. — сказал мистер Сияющий.

Сияние немного ослабло. Ваймс рискнул приоткрыть глаза, и разглядел руку, каждый палец которой сверкал, как призма. Игроки покосились на них, но они уже видели это раньше.

— Изморозь образуется очень быстро. — сказал мистер Сияющий. Когда Ваймс рискнул снова кинуть взгляд, рука сверкала, покрытая инеем, как в разгар зимы.

— Вы прячетесь от наших ювелиров? — выдал он, пораженный.

— Ха! В самом деле, этот город очень хорошее место для тех, кто не желает быть увиденным, мистер Ваймс. Здесь у меня есть друзья. И я обладаю талантами. Вы бы нашли весьма затруднительным увидеть меня, в случае, если бы я не хотел быть увиденным. Я также, откровенно говоря, умен и умен все время. Мне не нужен Склад Фьючерсной Свинины. Я могу регулировать температуру своих мозгов, отражая тепло. Алмазные

тролли очень редки и когда мы появляемся, наша судьба — королевство.

Ваймс ждал. Видимо, Мистер Сияющий, снова натягивающий перчатку на руку, имел свой собственный план. Самым мудрым было позволить ему говорить до тех пор, пока это все имело смысл.

— И вы знаете, что происходит, когда мы становимся королями? — спросил мистер Сияющий, тщательно укрытый тканью.

— Кумская Долина? — выдвинул предположение Ваймс.

— В точку! Тролли объединятся и мы опять окажемся втянуты все в ту же, изнуряющую древнюю войну, сопровождающуюся столетними перерывами. Такова печальная и глупая история отношений троллей и дварфов. Но сегодня в нее будет вовлечен и Анк-Морпорк. Знаете ли вы, что численность троллей и дварфов невероятно выросла за время правления Ветинари?

— Допустим, но раз уж вы король, разве вы не можете просто заключить мир?

— Просто взять и заключить? Потребуется нечто гораздо большее, чем просто договор. — черный капюшон печально качнулся. — Вы и правда почти ничего о нас не знаете, мистер

Ваймс. Вы видите нас на Равнинах Сто, неуклюже бредущих и едва ворочающих языком. Вы ничего не знаете о наших исторических песнопениях, Долгом Танце или каменной музыке. Все, что вы видите, это сгорбленного тролля, волочащего за собой дубинку. Вот что сделали с нами дварфы, много веков тому назад. Они внушили вам, что мы достойные сожаления, безмозглые чудовища.

— Не надо на меня так смотреть! — сказал Ваймс. — Детрит один из моих лучших офицеров!

Последовала тишина. Затем, мистер Сияющий сказал. — Следует ли мне изложить свои размышления по поводу того, что ищут дварфы, мистер Ваймс? Нечто, принадлежащее им в незапамятные времена. Вещь, которая разговаривает. Они нашли ее и я уверен, именно это и привело к смерти пяти дварфов. Я также уверен, что знаю, как раскрыть секрет Кумской Долины. Через несколько недель любой сможет это сделать. Но тогда будет уже слишком поздно. Вы должны решить эту загадку, прежде, чем война сметет нас всех.

— Откуда вы все это знаете? — спросил Ваймс.

— Я знаю потому, что я волшебник. — ответил голос из под капюшена.

— О, прекрасно, если это тот способ, каким вы… — начал Ваймс.

— Терпение, коммандер. — сказал мистер Сияющий. — Я просто… упрощаю. Можете считать вместо этого, что я очень… умен. У меня аналитический склад ума. Я изучал историю и верования моих потомственных врагов. У меня есть друзья среди дварфов. Довольно знающие дварфы. Довольно… влиятельные дварфы, которые также сильно хотели бы положить конец этой глупой войне, как и я. К тому же я люблю игры и головоломки. Кодекс был не таким уж и серьезным вызовом.

— Если это может помочь мне найти убийц тех дварфов в шахте, вы должны рассказать мне все, что знаете!

— Но почему доверять моим словам? Я тролль, я на стороне троллей, может я захочу пустить вас по ложному следу?

— Может быть вы уже это делаете! — горячо сказал Ваймс. Он знал, что выставляет себя дураком, но только еще больше разозлился от этого.

— Вот молодец! — ответил мистер Сияющий. — Проверяет каждое мое слово! Где бы был коммандер Ваймс, если бы он полагался на магию, а? Нет, чтобы раскрыть секрет Кумской Долины

надо наблюдать, спрашивать и оперировать фактами, фактами и еще раз фактами. Возможно, что сейчас я помогаю вам справиться с задачей несколько быстрее, чем вы могли бы сами. Вам только надо поразмышлять о том, что вы уже сами знаете, коммандер. А, тем временем, не сыграть ли нам в небольшую игру?

Мистер Сияющий вытащил из-за своего кресла коробку и раскрыл ее над столом.

Маленькие фигурки покатились по столу. — Это «Бац», мистер Ваймс, — сказал он, — Дварфы против троллей. Восемь троллей и тридцать два дварфа, вечно сражающиеся в настольной Кумской Долине.

Мистер Сияющий начал раставлять фигурки, руки в черных перчатках двигались с нетроллийской скоростью.

Ваймс отодвинул свое кресло. — Приятно было встретиться, мистер Сияющий, но все, что вы говорите мне, это загадки и…

— Сядьте, коммандер. — в тихом голосе прозвучали интонации школьного учителя, заставившие колени Ваймс подогнуться.

— Вот и хорошо. — сказал мистер Сияющий. — Восемь троллей и тридцать два тролля. Дварфы всегда начинают первыми. Они маленькие и

быстрые, они могут передвигаться настолько клеток, насколько это возможно, и в любых направлениях. Тролли — поскольку мы глупы и медлительны, как всем известно — могут ходить только на одну клетку, но во всех направлениях. Существуют и другие виды ходов, но что можете сказать уже сейчас?

Ваймс постарался сконцентрироваться. Это было не легко. Ведь это игра, это все ненастоящее. Кроме того, ответ был настолько очевиден, что он не мог быть верным.

— Выглядит так, что дварфы должны всегда выигрывать — наконец рискнул он.

— Ах, это естественный вывод, он мне так нравится. Но на самом деле, у лучших игроков, победы на стороне троллей бывают немного чаще. — продолжил мистер Сияющий. — В основном потому, что тролль в правильных условиях может причинить большие разрушения. Как ваши ребра, кстати?

— Весьма признателен вам за сочувствие. — кисло сказал Ваймс. На целых двадцать благословенных минут он забыл о них, но сейчас они снова заныли.

— Хорошо. Я рад, что Кирпич нашел Детрита. Мозги у него хорошие, только надо, чтобы он пере-

стал пытаться поджаривать их каждые полчаса. Вернемся к нашей игре… По сути, преимущества каждой стороны не важны, потому, что каждая игра состоит из двух сражений. В одном из них вы играете за дварфов. В другом вы должны играть за троллей. Как и ожидалось, дварфам оказалось легче играть за дварфов, поскольку в игре требуется применять стратегию и методы борьбы, свойственные дварфам. То же самое относится и к троллями. Но для того, чтобы выиграть игру, вы должны играть за обе стороны. Более того, вы должны уметь думать, как ваш исконный враг. Опытный мастер… О, поглядите-ка, коммандер. Вон в том конце комнаты, где мой друг Филлит играет против Нильса Мышемолота.

Ваймс обернулся. — Что я должен увидеть? — Спросил он.

— Все, что сможете.

— Ну допустим, на том тролле надето что-то вроде большого дварфийского шлема.

— Да, этот шлем ему сделал один из игроков-дварфов. И он говорит на вполне сносном дварфийском.

— Он также пьет из рога, как и дварфы.

— Но этот рог сделан из металла! Троллийское пиво растворит обычный рог. Что касается Ниль-

са, то он знает довольно много исторических троллийских песнопений. А поглядите на Габбро, вон там. Хороший троллийский паренек, но он знает все о дварфийском боевом хлебе. Я думаю, что там на столе рядом с ним лежит бумеранговый круассан. Исключительно для ритуальных целей, конечно же. Коммандер?

— Ммм? — спросил Ваймс. — Что?

Довольно тщедушный дварф, сидящий за одним из столов, с интересом наблюдал за ним, как будто он был интереснейшей разновидностью монстра.

Мистер Сияющий усмехнулся. — Чтобы изучить врага, вы должны влезть в его шкуру. Когда вы влезете в его шкуру, вы сможете посмотреть на мир его глазами. Габбро так хорошо играет за дварфов, что его игра за троллей ухудшилась и он хочет отправиться под гору Медная Голова, чтобы поучиться у местных дварфийских мастеров Баца. Я надеюсь, что он сможет попасть туда и они научат его, как надо играть за троллей. Ни один из этих пареньков не был прошлой ночью на улице, хулиганя и напиваясь. Вот таким образом мы сглаживаем горы. Вода камень точит. Каждая капля, падая, изменяет мир. Вода, капающая на камень, коммандер. Неожиданные ключи в под-

земном потоке.

— По моему, вам потребуется более сильная струя. — сказал Ваймс. — Я не думаю, что группа игроков в Бац сможет уничтожить гору в скором времени.

— Все зависит от того, куда падают капли, — ответил мистер Сияющий. — Со временем, они могут промыть расщелину. Спросите себя, почему вы так настойчиво пытаетесь попасть в ту шахту.

— Потому, что там произошло убийство!

— И это единственная причина? — спросил закутанный в черное мистер Сияющий.

— Конечно!

— И все знают, какие сплетники эти дварфы, — продолжил мистер Сияющий. — Ну что же, я хочу пожелать вам удачи, коммандер. Я надеюсь, что вы схватите убийц до того, как Тьма доберется до них.

— Мистер Сияющий, кое-кто из моих офицеров зажег свечи вокруг той проклятой руны!

— Очень разумно, я должен сказать.

— То есть, вы действительно верите, что она представляет собой опасность? Как вам удалось узнать так много о дварфийских рунах?

— Я изучал их и я признаю их существование.

Кое-кто из ваших офицеров также уверены в этом. И большинство дварфов тоже верят, в глубине своей маленькой, упрямой души. Я уважаю эту веру. Вы можете вывести дварфов из темноты, но вам не удастся вывести темноту из них. Эти руны очень стары. Они обладают настоящей силой. Кто знает, какое древнее зло обитает в кромешной тьме глубоко под горами? Подобной тьмы нет больше нигде.

— А вы можете сбить спесь с копа. — сказал Ваймс.

— Ах, мистер Ваймс, у вас был очень трудный день. Столько всего произошло и так мало времени дано на размышления. Но все же постарайтесь найти время, чтобы поразмышлять обо всем, что вы узнали, сэр. Я сам очень размышляющая персона.

— Коммнадер Ваймс? — до них донесся голос мисс Пиклс/Пойнтер, стоящей на середине лестницы. — Вас спрашивает огромный тролль.

— Как обидно, — сказал мистер Сияющий. — Это должно быть сержант Детрит. Сдается мне, он принес плохие известия. Мне также сдается, что среди троллей разослали така-така. Вы должны идти, мистер Ваймс. Увидимся позже.

— Не думаю, что мы увидимся еще раз, — отве-

тил Ваймс. Он встал и помедлил.

— Один вопрос, хорошо? И если не возражаете, без забавных ответов. Скажите, почему вы помогли Кирпичу. Почему вы заботитесь о каком-то замызганном трущобном тролле?

— Почему вы заботитесь о каких-то мертвых дварфах? — спросил мистер Сияющий.

— Потому, что кто-то должен!

— Вот именно! До свидания, мистер Ваймс.

Ваймс поспешил верх по ступенькам и прошел за мисс Пиклс/Пойнтер в лавку. Детрит стоял среди разновидностей образцов минералов, чувствуя себя неуютно, как человек в морге.

— Что случилось? — спросил Ваймс.

Детрит тревожно повернулся. — Простите, мистер Ваймс, но только я знал, где вы сейчас… — начал он.

— Я понимаю. Это насчет така-така?

— Откуда вы знаете про него, сэр??

— Я не знаю. Что это такое?

— Энто знаменитая боевая дубинка троллей. — сказал Детрит.

Перед глазами Ваймса все еще стоял вид мирного собрания троллей в подвале и он не смог остановиться.

— Это когда вы подписываетесь на нее и каж-

дый месяц вам приходит новая война? — спросил он. Но такого рода вещи были напрасны с Детритом. Он воспринимал юмор как своего рода помрачение ума у людей, которое можно преодолеть, говоря медленно и терпеливо.

— Нет, сэр. Когда по кланам посылают энту дубинку, энто значит, что они призываются на войну.

— Черт возьми! В Кумскую Долину?

— Да, сэр. И я слышал, что Низкий Король и убервальдские дварфы уже на пути в Кумскую Долину. На улицах только об энтом говорят.

— Э… Динь динь динь? — послышлася тихий и очень робкий голос.

Ваймс вытащил Крыжовника и уставился на него. В такое время, как сейчас…

— Ну? — спросил он.

— Двадцать пять минут шестого, мистер Вставьте Свое Имя, — нервно сказал бес.

— И что?

— Если вы будете добираться пешком, то в такое время дня, вам надо отправляться прямо сейчас, чтобы успеть домой к шести. — ответил бесенок.

— Патрыций хотел вас видеть и энти семафоро-граммы поступают и все прочее. — настаивал Детрит.

Ваймс не сводил глаз с бесенка, который еще больше смутился.

— Я иду домой, — наконец сказал он и пошел. Впереди в небе собирались черные тучи, возвещая очередную летнюю грозу.

— Они нашли тех трех дварфов около колодца, сэр, — продолжал Детрит, погромыхивая следом. — Похоже, что их убили сами же дварфы, очень похоже. Скальты умотали домой. Капитан Моркоу поставил стражников на каждом выходе, которые они смогли обнаружить…

Но они прокопались через полгорода, подумал Ваймс. Кто знает, как далеко простираются эти туннели? Куда ведут все эти туннели?

…И ему нужно разрешение на взлом той большой железной двери на Паточной улице — говорил Детрит. — Так они смогут поймать менее важных дварфов.

— Что другие дварфы говорят по этому поводу? — кинул Ваймс через плечо. — Живые, разумеется?

— Многие видели, как доставали мертвых дварфов, — ответил Детрит. — По моему, большинство из них сами бы дали Моркоу в руки лом.

Давайте прислушаемся к толпе, подумал Ваймс. Сыграем на ее чувствительности. Кроме того,

когда надвигается гроза, к чему волноваться из-за нескольких дополнительных капель?

— Согласен. — сказал он. — Передай мое согласие Моркоу. Я знаю, что Отто будет там со своим чертовым ящиком для картинок, так что, когда дверь буду ломать, пусть это делают дварфы, хорошо? Чтобы на картинке было полным-полно дварфов?

— Вот эт правильно, сэр!

— Как там юный Кирпич? Сможет ли он дать показания под присягой? Он понимает, что это такое?

— Полагаю, что понимает, сэр.

— Перед дварфами?

— Он сделает энто, если я его попрошу, сэр. — ответил Детрит. — Энто я могу обещать.

— Отлично. И отправь кого-нибудь на семафоры, чтобы они послали сообщение каждому констеблю, в городах и в селах, между нами и горами. Пусть попросят высматривать группу глубинных дварфов. Они нашли, что искали и дали деру, я уверен.

— Вы хотите, чтобы их задержали? — спросил сержант.

— Нет! Пусть никто и не пытается! У них есть оружие, изрыгающее пламя. Я только хочу знать,

куда они направляются!

— Я скажу им энто, сэр.

И я иду домой, сказал себе Ваймс. Всем что-то от меня нужно, хотя я не самый острый нож в посудном ящике. Черт побери, я вообще должно быть, ложка. Но сейчас я собираюсь быть Ваймсом, а Ваймс собирается читать книгу «Где моя корова» малышу Сэму ровно в шесть часов. И воспроизвести все это хрюканье и блеяние как надо.

Он быстрым шагом шел домой, срезая дорогу, а мысли в голове у него плескались как суп, и ребра время от времени напоминали о себе — да, они все еще здесь и болят.

Ваймс оказался перед дверью как раз в том момент, когда Виликинс открыл ее.

— Я должу ее Милости, что вы вернулись, сэр. — сказал он вслед Ваймсу, спешащему вверх по лестнице. — Она чистит драконьи загончики.

Малыш Сэм стоял в своей кроватке, глядя на дверь.

День Ваймса стал умиротворенным и совершенным.

Кресло было завалено игрушками, выбранными Сэмом на этот час — тряпичный мяч, маленький обруч, шерстяная змея с пуговицей-глазом. Ваймс сбросил их на ковер, сел и снял

шлем. Затем он стащил проклятые ботинки. Комнату можно не обогревать после того, как Сэм Ваймс снимал ботинки. На стене детской тикали часы и с каждым тиком маленькая овечка перепрыгивала через ограду.

Ваймс развернул довольно пожеванную и прослюнявленную книгу.

— «Где моя корова» — объявил он и малыш Сэм засмеялся. Дождь барабанил в окно.

— Где моя корова? Это моя корова?

Вещь, которая разговаривает, думал он, в то время как его рот и глаза перехватили задание у рук. Я разберусь с этим. Почему она заставила одних дварфов убить других?

— Она говорит «Бее»! Это овечка!

…Почему мы вообще полезли в эту шахту? Потому, что мы узнали, что там произошло убийство, вот почему!

— Это не моя корова!

…Все знают, какие дварфы сплетники. Как глупо было запрещать им сообщать нам о случившемся! Вот таковы они — забурившиеся дварфы, они думают, что им достаточно приказать и так оно и будет!

— Где моя корова?

…Вода камень точит…

— Это моя корова?

Где же я недавно видел доску для игры в Бац?

— Она говорит «Иго-го»!

Ах, да, Умноруль. Он был очень расстроен, не так ли?

— Это лошадка!

У него была доска для игры. Он сказал, что очень любит играть.

— Это не моя корова!

Он действовал не по своей воле, насколько я могу судить. Похоже было, что он умирал от желания что-то рассказать мне…

Где моя корова?

Как он на меня смотрел…

— Это моя корова?

Я был так разозлен. Не говорите Страже? Что они ожидали? Можно было подумать, что он мог знать…

— Он говорит «Аррргх»!

Он знал, что я рассвирепею!

— Это гиппопотам!

Он хотел, чтобы я рассвирепел!

— Это не моя корова!

Он просто жаждал, чтобы я рассвирепел!

Ваймс фыркнул и в быстром темпе прокукарекал весь оставшийся зоопарк, не пропуская ни

одного животного, поцеловал сына и подоткнул одеяло.

Внизу раздался звук разбитого стекла. О, кто-то уронил стакан, сказал его передний мозг. Но его задний мозг, который более пятидесяти лет благополучно проводил его через все уличные опасности, прошептал: черта с два, разбили! Повар был выходным в этот вечер. Чистюля должна была быть у себя наверху. Сибил кормила драконов в саду. Остается Виликинс. Дворецкие не роняют вещей.

Снизу донесся тихий кашель и звук чего-то вонзающегося в мясо. А меч Ваймса висел на крюке на другом конце зала потому, что Сибил не любила, когда он носил его дома.

Стараясь не шуметь, он обыскал детскую в поисках чего-либо, что могло бы стать оружием. К сожалению, когда они выбирали игрушки для ребенка, они полностью отказались от всех твердых предметов с острыми краями. Зайчики, цыплята и поросята были в достаточном количестве, но… Ага. Ваймс кое-что заметил и выкрутил его.

Бесшумно передвигаясь в толстых изношенных носках, он прокрался вниз по ступеням.

Дверь в винный подвал была открыта. Хотя сам Ваймс в последнее время не пил, вино выставля-

лось для гостей и Виликинс, следуя своему долгу дворецкого перед нынешними и последующими поколениями, следил за его наполнением и покупал редкие марочные вина для ценителей.

Что это было, хруст стекла под ногой? Не скрипят ли ступени? Сейчас он все выяснит.

Ваймс спустился в сводчатый подвал и осторожно шагнул в темноту.

Здесь чувствовался запах… Слабый запах мазута.

Маленькие засранцы! К тому же, они могут видить в темноте. Ваймс нащупал в кармане спички, его сердце оглушительно стучало. Пальцы вытянули спичку, он сделал глубокий вздох…

Чья-то рука обхватила его запястье, он остервенело отмахнулся палкой от игрушечной лошадки, которая тут же была вырвана у него из рук. Инстинктивно, Ваймс пнул в ответ и кто-то застонал. Руку Ваймса тут же отпустили и откуда-то снизу раздался придушенный голос Виликинса — Простите, сэр, я кажется наткнулся на вашу ногу.

— Виликинс? Какого черта тут происходит?

— Пока вы были наверху, сэр, нам нанесли визит дварфийские джентельмены. — ответил дворецкий, медленно выпрямляясь. — Через

подвальную стену. Должен сказать, что мне пришлось обойтись с ними довольно жестко. Боюсь, что один из них мог умереть.

Ваймс огляделся по сторонам. — Мог умереть? Он больше не дышит?

— Я не знаю, сэр. — Виликинс с большой осторожностью поднес спичку к огрызку свечи. — Я слышал бульканье, но сейчас оно затихло. К сожалению, они напали на меня в тот момент, когда я выходил из ледника, и мне пришлось обороняться первым, что попало под руку.

— И что же это было?

— Нож для колки льда, сэр. — невозмутимо ответил Виликинс. В руках он держал восемнадцатидюймовый отрезок заостроенной зубчатой стали, созданной для того, чтобы распиливать лед на бруски. — Еще одного джентельмена я насадил на крюк для мясных туш.

— Но ты не… — с ужасом сказал Ваймс.

— Только через одежду, сэр. Сожалею, что поднял на вас руку, но я боялся, что эта мазутная дрянь воспламенится. Могу надеяться, что со всеми разобрался. Я также хотел бы принести свои извинения за беспорядок…

Но Ваймс уже отвернулся от него и пошел вверх по лестнице. Он вышел в зал и тут его сердце чуть

не остановилось.

Маленькая темная фигура поднялась по лестнице и скрылась в детской.

Прямо перед Ваймсом вздымалась величественная лестница, заканчиваясь высоко в небе. Он рванул по ней, в ушах звучал его собственный крик — Я убью тебя, убьюутебяубьюуюбью убью тебя…

Дикая ярость охватила его, бешенство и безумие наполнили его легкие огнем, а лестница все не кончалась. Ей не было ни конца, ни края. Ступени будут вырастать и вырастать, а он будет лишь откатываться вниз, в ад. Но ад подхватил его, окрылив его ярость, и отправил обратно…

И когда он выдохнул весь воздух в одном нечестивом вопле, лестница кончилась.

Дварф вышел из детской, быстро пятясь. Он кинулся на баллюстраду, сломал перила и прыгнул вниз. Ваймс рванулся в детскую, скользя и буксуя на натертом полу, вломился в комнату, ужасаясь тому, что он увидит…

…Мирно спящего маленького Сэмми. Маленькая овечка на стене детской комнаты, мерно отсчитывала ночное время.

Сэм Ваймс схватил сына на руки, завернул Сэмми в голубое одеяло, и тут его колени подкоси-

лись. Он так и не смог перевести дыхание, несясь по лестнице, и теперь его тело потребовало оплаты наличными. Ваймс с мучительным всхлипом втянул в себя воздух, получая искупление. Из глаз брызнули слезы, тело отчаянно содрогнулось…

Сквозь бегущие слезы, он заметил что-то на полу. На ковре лежали тряпичный мяч, обруч и змея, прямо там, где они упали.

Мяч попал почти в центр обруча. Змея лежала наполовину свернутая, ее голова касалась края обруча.

Все вместе, в слабом свете детской, они казались большим глазом с хвостом.

— Сэр? Все в порядке?

Ваймс поднял глаза и сфокусировался на красном лице Виликинса.

— Э… ахха… Что? …Ахха… чудно… спасибо…. - выдавил он, собираясь с чувствами. — Отлично, Виликинс, спасибо.

Меня нельзя оставлять в темноте…

— Очень недобросовестно с твоей стороны, знаешь ли. — сказал Ваймс, поднимаясь на ноги, но все еще прижимая к себе сына. — Спорю, что любой дворецкий мог бы справиться со всеми тремя одним взмахом тряпки.

— С вами все в порядке, сэр? Поскольку…

— Но ты же учился в Самогонной школе для дворецких! — захихикал Ваймс. Его колени дрожали. Часть его сознания понимала, что с ним происходит. Так бывает, когда после пережитого кошмара приходит опьяняющее чувство, что ты все еще жив, и все неожиданно начнет казаться забавным. — Что я хочу сказать, остальные дворецкие могут намертво срезать человека одним лишь взглядом, тогда как ты, Виликинс, можешь зарезать замертво с помощью…

— Вы слышите, сэр? Он снаружи, сэр! — быстро перебил его дворецкий. — и леди Сибил тоже там!

Ухмылка Ваймса застыла.

— Я могу забрать малыша, сэр? — спросил Виликинс, дотрагиваясь до него.

Ваймс сделал шаг назад. Даже тролль с ломом не смог бы сейчас отнять у него сына.

— Нет! Дай сюда нож! Иди, скажи Чистюле, что все в порядке!

Ваймс спустился по ступеням, прижимая к себе маленького Сэма, пересек зал и вышел в сад. Потом он не раз говорил себе, насколько глупым это было. Но в данную минуту, Сэм Ваймс мог мыслить только примитивными категориями. Уж слишком невыносимо тяжелым было войти

в детскую, в то время как воображение рисовало ему ужасы, которые могли ожидать его там. Второй раз он на это не пойдет. Ярость вернулась, но на этот раз он контролировал ее. Она лилась, беспрепятственно, как огненная река. Я их найду и они все сгорят…

Чтобы попасть в главный драконий питомник, надо было обойти три чугунных отражателя огня, установленных пару месяцев назад. Разведение драконов было занятием не для неженок и не для тех, кому не нравилось периодически перекрашивать свой дом. В каждой стороне были большие железные двери и Ваймс направился к первому попавшемуся. Он вбежал в питомник и задвинул засов за собой.

В питомнике всегда было тепло потому, что драконы постоянно срыгивали. Если они не срыгнут, то взорвутся, что иногда все же происходило. Сибил, одетая в полную драконозащитную форму, медленно проходила между загонами, неся в каждой руке по ведру. Вдруг дверь позади нее распахнулась и в проеме показалась невысокая темная фигура с длинным прутом в руках, на конце которого горел крохотный огонек и…

— Берегись! Сзади! — завопил Ваймс.

Сибил уставилась на него, повернулась назад,

выронила ведра и что-то закричала.

Из прута вырвался язык пламени. Он ударил Сибил в грудь, расплескался по загонам и внезапно погас. Дварф посмотрел вниз и начал отчаянно пинать шланг.

Столб пламени, в который превратилась леди Сибил, произнес властным тоном, нетерпящим неповиновения — Сэм, ложись. Немедленно!

Сибил упала на песочный пол, а по всей линии загонов драконы вытянули свои головы на длинных шеях.

Их ноздри вспыхивали, втягивая внутрь воздух.

Им кинули вызов. Их оскорбили. И они только что поужинали.

— Хорошие мальчики. — сказала Сибил, лежа на полу.

Двадцать шесть огненных струй ответили на вызов. Ваймс, лежащий на полу и прикрывающий собой сына, почувствовал, как волосы на его шее завернулись от жара.

Пламя было не красным дварфийским огнем, а таким, которое мог произвести только драконий желудок. Оно было практически невидимым. Похоже, что одна из струй попала на оружие дварфа потому, что раздался взрыв и что-то вылетело

через крышу. Драконий питомник строился по принципу мастерской фейерверков: стены были очень толстыми, а крыша очень тонкая, чтобы обеспечить скорейшее попадание на небеса.

Когда все затихло, кроме возбужденного икания, Ваймс рискнул поднять голову. Сибил немного неуклюже вставала на ноги, ей мешали защитные одежды, которые носили все заводчики драконов.[16]

Железная дверь в дальнем конце загона светилась от жара вокруг черного силуэта дварфа. Перед ней стояла пара железных ботинок в лужице расплавленного песка, остывающих от температуры белого каления.

Металл потрескивал.

Леди Сибил вытянула руку в толстой перчатке, потрогала след, оставленный горящей нефтью на ее кожанном фартуке и сняла свой шлем. Он со стуком упал на песок.

— О, Сэм… — тихо сказала она.

— Как ты? С Сэмми все в порядке. Нам надо выбираться отсюда!

— О, Сэм…

— Сибил, забери его! — медленно и четко,

---

[16] Примечания: 16

Но следует упомянуть, только те из заводчиков, кто не попал в маленькую художественную урну.

стараясь пробиться сквозь шок, проговорил Ваймс. — Дварф мог быть не один!

Леди Сибил сфокусировала свой взгляд. — Дай мне его, — приказала она — А ты возьми Раджу!

Ваймс посмотрел в указанном направлении. Молодой дракон с болтающимися ушами и чуть немного деланным выражением хорошего настроения, моргнул. Это была порода Золотой Вутер, дракон с таким сильным пламенем, что грабители даже применяли его для вырезания замков банковского сейфа.

Ваймс с осторожностью поднял его.

— Накорми его углем! — скомандовала Сибил.

Это у нее в крови, сказал себе Ваймс, вкладывая антрацит в жаждущую глотку Раджы. Женщины в роду Сибил героически прикрывали спины своих мужей в осажденных посольствах на краю земли; производили на свет потомство, сидя на верблюдах или в тени отдыхающего слона; угощали друг друга шоколадом, пока тролли разрушали здание или просто сидели дома и ухаживали за теми немногочисленными сыновьями и мужьями, кому удалось вернуться домой с бесконечных войнушек. В результате появилась разновидность женщин, которые превращались в кремень под зовом долга.

Раджа срыгнул и Ваймс вздрогнул.

— Это был дварф, да? — спросила Сибил, укачивая Сэмми. — Один из тех, забурившихся?

— Да.

— Почему они пытались убить меня?

Если вас пытаются убить, значит вы близки к тому, чтобы узнать истину. Ваймс жил по этому правилу. Но что они хотели… Даже такой безжалостный убийца, как Хризопраз, не стал бы пытаться делать подобное. Это было безумие… Они будут гореть. Они будут гореть.

— Они испугались, что я кое-что найду. — ответил Ваймс. — Думаю, что дела их пошли прахом и они решили остановить меня.

Неужели они настолько глупы? Мертвая жена, мертвый ребенок? Могли ли они подумать, что это хоть на миг остановит меня? Когда я их схвачу, а я это сделаю, то надеюсь будет кому сдерживать меня. Они сгорят за свои дела.

— Ох, Сэм… — пробормотала Сибил, на миг теряя маску хладнокровия.

— Прости меня, я не ожидал такого. — сказал Ваймс. Он отпустил дракона и заботливо, почти благоговейно поддержал ее. Ярость была так велика, что он чувствовал, что способен выпустить шипы или защелкать надкрыльями.

Голова заболела снова, как будто над глазами пригвоздили кусок свинца.

— Что же случилось со всем этим, ну знаешь, хэй-хо, хэй-хо и жалостью к заблудившимся сироткам в лесу, Сэм? — прошептала Сибил.

— Виликинс в доме, — ответил он — вместе с Чистюлей.

— Так пойдем и найдем их, — сказала Сибил, улыбаясь несколько отстраненно. — Хотела бы я, чтобы ты не брал работу на дом, Сэм.

— На этот раз она сама последовала за мной. — мрачно ответил Ваймс. — но я намереваюсь покончить с этим, уж поверь.

Он буду го… Нет! Их буду гнать до самого логова и вытащат наружу, чтобы представить перед лицом правосудия. Если только (о, ради бога!) они не станут сопротивляться аресту…

Чистюля стояла в холле рядом с Виликинсом. Она неуверенно держала в руках трофейный клатчианский меч. Вооружение дворецкого пополнилось парой тесаков для мяса, которыми он поигрывал с устрашающей опытностью.

— Боги мои! Да вы весь в крови! — воскликнула Сибил.

— Да, ваша Милость, — вежливо ответил Виликинс. — Для вашего спокойствия могу сказать,

что кровь, на самом деле, не моя.

— В питомнике был дварф. — сказал Ваймс. — Никаких признаков других дварфов?

— Нет, сэр. У тех, кто проник в подвал был с собой аппарат для изрыгания огня, сэр.

— У дварфа в питомнике тоже — ответил Ваймс, прибавив — что, впрочем, не пошло ему на пользу.

— В самом деле, сэр? Я ознакомился с методами использования аппарата, сэр, и проверил правильно ли я все понял, направив огонь в туннель, из которого они прибыли, и удерживая его, пока горючая жидкость вся не выгорела. Исключительно на тот случай, если там еще кто был. И, как я подозреваю, это и послужило причиной того, что кустарник возле дома номер 5 загорелся.

Ваймсу не довелось встретиться с Виликинсом в молодости. У Шумных Парней с Кокбильской было соглашение с Поддельносамогонной улицей, позволяющее им не отвлекаться на фланги, полностью концентрируясь на борьбе с бандой Мертвой Мартышки со Свинарного Холма. И он был рад, что ему не пришлось схватиться с юным Виликинсом.

— Должно быть они вылезли за воздухом в том месте, — сказал он — Джефферсоны в отпуске.

— Что же, назвался груздем — полезай в кузов. — глубокомысленно заявила Сибил. — И что теперь, Сэм?

— Мы проведем ночь в Псевдополис Ярде, — ответил Ваймс. — Не спорь.

— Овнецы никогда ни от чего не убегали. — заявила Сибил.

— Ваймсы всегда удирали так, что пятки сверкали. — парировал Ваймс, слишком дипломатичный, чтобы упоминуть о вышеупомянутых Овнецах, возвращающихся домой в виде отдельных частей. — И это означает, что ты будешь драться там, где ты этого хочешь. Мы возьмем карету и все вместе отправимся в Ярд. Когда мы будем на месте, я пошлю людей за нашими вещами. Это всего лишь на одну ночь, понятно?

— Каковы ваши пожелания по поводу гостей, сэр? — спросил Виликинс, кидая косой взгляд на леди Сибил. — Боюсь, что один из них умер. Если вы помните, я должно быть проткнул его ножом, бывшим у меня в руках, потому что я раскалывал лед для кухни. — добавил Виликинс с бесстрастным видом.

— Помести его на крышу кареты. — сказал Ваймс.

— Второй также оказался мертвым, сэр. Могу

поклясться, что с ним все было в порядке, когда я связывал его, потому что он проклинал меня на своем наречии.

— Не слишком ли сильно ты его ударил? — спросил было Ваймс, но отступил. Если Виликинс хотел его убить, то не стал бы брать его в плен. Каким сюрпризом оказалось вломиться в подвал и встретить кого-то, вроде Виликинса. Ну да ладно. К черту все это.

— Просто… мертв? — спросил он.

— Да, сэр. У дварфов слюна обычно зеленая?

— Чего?

— У него рот зеленый. Это может быть уликой.

— Хорошо, положи и этого на крышу кареты. Поехали?

Ваймсу пришлось настоять, чтобы Сибил ехала внутри. Обычно она делала все по своему и он с радостью позволял ей это, но по невысказанному соглашению, если он настаивал по настоящему, она подчинялась. Так было принято у женатых пар.

Ваймс сидел за Виликинсом и притормозил его на холме, где продавали вечерний выпуск Таймс, еще сырой от пресса. На первой странице был снимок толпы дварфов. Они взламывали одну из больших металлических круглых дверей шахты,

выбитую из петель. В центре группы, обхватив края косяка, со вздувшимися мускулами, стоял капитан Моркоу. Его обнаженный торс блестел.

Ваймс счастливо хмыкнул, сложил газету и зажег сигару.

Дрожание ног стало менее заметным, огонь неистовой ярости успокоился, но все еще теплился.

— Свободная пресса, Виликинс. Против нее не попрешь — сказал он.

— Я часто слышал, как высоко вы о них отзывались, сэр. — ответил Виликинс.

* * *

Существо скользило по дождливым улицам. Опять его сбили с толку! Оно почти проникло внутрь, оно знало это! Оно было услышано! Но каждый раз, когда оно пыталось следовать словам, его отбрасывало прочь. Засовы преграждали его путь. Открытые двери закрывались сами по себе при его приближении. И то это все? Какой-то жалкий вояка! Да за это время берсеркеры уже наполовину изгрызали свои щиты!

Однако, не это было его главной проблемой. За ним наблюдали. Никогда еще такого не случалось с ним ранее.

* * *

Толпа дварфов бесцельно бродила во дворе Ярда. Они не казались воинственными, точнее не более воинственными, чем представители расы, имеющей обычай носить тяжелые шлемы, кольчуги, железные ботинки и топоры, но они казались растерянными и непонимающими, что же они здесь делают.

Ваймс направил Виликинса в проезд для карет и передал тела нападавших Игорю, который был экспертом по части трупов с зелеными ртами.

Сибил, Чистюлю и Сэмми отвели в свободный кабинет. Вот интересно, думал Ваймс, наблюдая за Шельмой и группкой полицейских дварфов, суетящихся вокруг ребенка: даже сейчас — особенно сейчас, принимая во внимание оказываемое давление, чтобы все вернулось к старым обычаям — он не был уверен, сколько женщин полицейских служило у него. Только очень храбрая женщина дварф могла открыто объявить свой пол в обществе, в котором даже ношение пристойного кольчужного платья до пола вместо штанов, ставило тебя по моральным меркам ниже Смуглянки и ее трудолюбивых соратниц из клуба Розовая Кошечка. Но внесите в

комнату агукающего ребенка и вы моментально заметите их, несмотря на все их зловещие железяки и такие густые бороды, что в них могла заблудиться крыса.

Моркоу протолкался через толпу и отдал честь. — Столько всего произошло, сэр!

— Что ты говоришь? — ответил Ваймс с маниакальной радостью.

— Дассэр. Все были очень… обозлены, когда мы вынесли мертвых дварфов из шахты, и одно к другому, они одобрили взлом большой двери на Паточной. Все забурившиеся сбежали, кроме одного…

— Это Умноруль. — сказал Ваймс, направляясь в свой кабинет. Моркоу удивлено поглядел.

— Так точно, сэр. Он сейчас в камере. Если вам не трудно, постарайтесь навестить его. Он плачет, стонет и тряется в углу, обставленном зажженными свечами.

— Просит много свечей? Может боится темноты? — предположил Ваймс.

— Может быть. Игорь говорит, что у него с головой не в порядке.

— Не позволяй Игорю сменить ему голову! — быстро сказал Ваймс. — Я спущусь туда сразу, как только смогу.

— Я пытался поговорить с ним, но он только бессмысленно глядел на меня, сэр. Как вы узнали, что мы нашли именно его?

— Я собрал все стороны и куски необычной формы. — ответил Ваймс, усаживаясь за стол. Моркоу поглядел непонимающе и он продолжил: — Складывающаяся головоломка, капитан. Но и частей с небом тоже полно. Тем не менее, я уверен, что почти собрал ее потому, что нашел уголок.

— Что может разговаривать под землей?

— Сэр?

— Ну ты в курсе, что дварфы что-то выслушивали под землей? Ты еще рассуждал, что кто-то мог быть пойман в ловушку? Но может существует что-то такое… Я не знаю… Что-то сделанное дварфами, что может разговаривать?

Моркоу нахмурил брови. — Вы говорите о кубе, сэр?

— Я не знаю. Говорю? Это ты скажи мне!

— У забурившихся в шахте было несколько, сэр, но я уверен, что ни один не мог заваляться под Анк-Морпроком. Их обычно находят в твердых скальных породах. И все равно, вы бы не услышали их. Я никогда не слыхал, чтобы их находили разговаривающими. Дварфам пришлось потратить несколько лет, чтобы только понять, как

работает один из них!

— Отлично! Итак. Что Такое Куб? — сказал Ваймс, кидая взгляд на корзину для бумаг. О, как хорошо. Ни одного напоминания от А.И. Пессимального.

— Это… ммм… это как книга, сэр. Которая говорит. Вроде крыжовника. Большинство из них содержат толкования дварфийских законов древними законниками. Они очень старые… магические, я полагаю.

— Полагаешь? — спросил Ваймс.

— Ну, техномантически Устройства выглядят как будто они были построены из…

— Капитан, я опять потерял нить. Что это за Устройства, которые ты называешь с заглавной У?

— Кубы — это такая разновидность Устройства, сэр. Никто не знает из чего они сделаны и для каких первоначальных целей. Возможно, что они старше, чем сам мир, их находили в вулканических и самых глубоких горных породах. Большинство из них принадлежат забурившимся. Они бывают самых разных видов…

— Постой, не хочешь ли ты сказать, что когда их выкапывают, то в них заключены дварфийские голоса, звучащие милионы лет назад? Я соверше-

но уверен, что тогда не было…

— Нет, сэр. Дварфы записали свои голоса позже. Я не слишком хорошо разбираюсь в этом. Думаю, что когда их нашли, они воспроизводили звуки природы такие, как текущая вода или пение птиц, или грохот падающих камней. Скальты научились стирать эти звуки, чтобы освободить место для слов. Я так думаю. Я слышал об одном кубе, в котором звучал лес. Десять лет лесных звуков в кубике сторонами два на два дюйма.

— Устройства высоко ценятся?

— Очень высоко, особенно кубы. Стоят того, чтобы перекопать гору гранита, как у нас говорят… э, у нас — у дварфов, не стражников, сэр.

— Так значит перекапывание нескольких тысяч тонн анк-морпоркской грязи могли бы окупиться?

— Кубом? Да! Так в этом все дело? Но как он попал сюда? Обычный дварф может за всю жизнь ни разу не увидеть даже один. Только скальты и большие шишки пользуются ими! И почему бы ему говорить? Все дварфийские кубы включаются специальным словом!

— Понятия не имею! Как они выглядят? Не считая того, что они кубические?

— Я их не так много видел, сэр. Они, эээ, около

шести дюймов высотой, похожи на старую бронзу и они посверкивают.

— Зеленым и синим? — резко спросил Ваймс.

— Да, сэр! У них было несколько штук в шахте на Паточной.

— По-моему, я их видел. — ответил Ваймс. — И уверен, что они заполучили еще один. Голоса из прошлого, а? Как так получилось, что я никогда не слышал об этом раньше?

Моркоу запнулся. — Вы очень занятый человек, сэр. Вы не можете знать все.

Ваймс усмотрел в этом подозрение на попрек. — Хочешь сказать, что я ограниченный, капитан?

— Ох, нет сэр. Вы интересуетесь каждым аспектом полицейской работы и криминологии.

Иногда было просто невозможным читать лицо Моркоу. Ваймс даже не пытался пробовать.

— Я упускаю многое. — сказал он. — Но этот случай касается Кумской Долины, я знаю. Слушай, в чем секрет Кусмкой Долины?

— Я не знаю, сэр. Не думаю, что такой вообще есть. На мой взгляд, самым большим секретом был бы тот, чья сторона атаковала первой. Вы знаете, сэр, обе стороны заявляют, что им устроили засаду.

— Как по твоему, это звучит достаточно ин-

тересным? — спросил Ваймс. — Имело бы это значение сейчас?

— Кто начал первым? Должен сказать, что да, сэр! — ответил Моркоу.

— Но я полагал, что они всегда воевали со времен сотворения?

— Да. Но Кумская Долина была первым официальным сражением, сэр.

— И кто выиграл? — спросил Ваймс.

— Сэр?

— Вопрос нетрудный. Кто выиграл первую битву в Кумской Долине?

— Можно сказать, что всех смыло дождем, сэр. — ответил Моркоу.

— Они прекратили схватку из-за какого-то дождя?

— Из-за большого дождя, сэр. Выше в горах разразилась гроза, резко поднявшаяся вода несла камни. Сражавшиеся были сбиты с ног камнями, в кое-кого ударила молния.

— Что полностью сорвало все планы. — сказал Ваймс. — Ну ладно, капитан, у тебя есть хоть какая-нибудь идея, куда эти засранцы направились?

— У них был запасной туннель…

— Да уж спорю, что был!

— И они обрушили его за собой. Я отправил шахтеров копать…

— Можешь отпустить их. Скальты могут прятаться в домах, могут скрываться на улице в повозке, могут надеть шлемы и кольчуги, чтобы сойти за городских дварфов. На этом хватит. Мы поддерживали возмущение народа. Но сейчас их надо отпустить. Уверен, мы сможем их снова собрать вместе.

— Да, сэр. Скальты сбежали так быстро, что бросили некоторые Устройства. Я сберег их для нужд города. Они должно быть были смертельно напуганы. Они только забрали кубы и сбежали. С вами все в порядке, сэр? Вы выглядите немного не в себе.

— На самом деле, капитан, я необъяснимо весел. Не хотел бы ты послушать, как я провел свой день?

* * *

Душевые в здании Городской Стражи были предметом для пересудов. Ваймс платил за них из собственного кармана, после того язвительного замечания Ветинари об их стоимости. Они были довольно примитивны — не более чем разбрызгиватели от лейки, присоединенные к бакам с

водой на верхнем этаже, но после ночи, проведенной в анк-морпоркском подземелье, мысли о помывке казались весьма привлекательными. И все равно, Ангуа никак не могла решиться.

— Просто чудесно. — сказала Салли, нежась под струями воды. — Что с тобой?

— Слушай, я как-нибудь сама, хорошо? — отрезала Ангуа, застыв перед кабинкой. — Сейчас полнолуние, понятно? Волк набрал силу.

Салли опустила губку, — Ох, понятно. Это ведь больная тема для тебя К.У.П.А.Н.И.Е.?

— Тебе обязательно надо было сказать это? — спросила Ангуа и заставила себя шагнуть на плитки.

— А как ты обычно моешься? спросила Салли, передавая ей мыло.

— Принимаю холодный душ и представляю себе, что это дождь. Не смей смеяться! И смени тему разговора, немедленно!

— Ладно-ладно. Как тебе девушка Шнобби? — сказала Салли.

— Смуглянка? Дружелюбная, хорошенькая.

— Совершенная физическая красота? Изумительные пропорции? Ожившая статуя?

— Ну… в общем, да. — признала Ануга.

— И это девушка Шнобби?

— Похоже, что она считает себя ею.

— Ты хочешь сказать, что она заслуживает Шнобби?

— Послушай, даже Верити Пушрам не заслуживает Шнобби, а у нее редкостное косоглазие, руки, как у грузчика и она зарабатывает на жизнь, стряпая моллюсков. — ответила Ангуа. — Такова жизнь.

— Это его бывшая девушка?

— Он обычно ее так называл. Насколько я знаю, физическая сторона их отношений заключалась в том, что она лупила его сырой рыбой каждый раз, когда он оказывался поблизости.

Ангуа отжала остатки ила из волос. От него было не так-то просто избавиться. Кое-какие части даже сопротивлялись смыванию в сливное отверстие.

Пожалуй, хватит. Она не любила проводить слишком много времени в Д.У.Ш.Е. Еще шесть сеансов и запах исчезнет окончательно. А сейчас очень важно не забыть, что надо взять полотенце, а не стряхнуть с себя воду.

— Ты думаешь, я полезла вниз, чтобы произвести впечатление на капитана Моркоу? — спросила Салли, стоя позади нее. Ангуа замерла, с поднятым к волосам полотенцем. Что же, это

должно было произойти, рано или поздно…

— Нет. — ответила она.

— Тебя выдает твое сердце. — кротко проговорила Салли. — Не переживай! У меня нет ни единого шанса. Его сердце начинает стучать быстрее, когда он глядит на тебя, а твое сбивается с ритма, когда ты смотришь на него.

Так, вот оно, сказал волк, который никогда не убегал далеко, вот сейчас мы все выясним, когти против клыков… Нет! Не иди на поводу у волка! Но было бы полезным, если бы эта стерва тоже перестала идти на поводу у летучей мыши.

— Держись подальше от людских сердец! — прорычала она.

— Я не могу. Ты ведь не можешь отключить свой нос. Или можешь?

Волк упустил свой момент. Ангуа немного расслабилась. Значит, его сердце бьется быстрее?

— Нет. — ответила она. — Не могу.

— Он видел тебя когда-нибудь без униформы?

О, боги, подумала Ангуа и направилась к одежде.

— Ну… конечно. — пробормотала она.

— Я имею в виду, в какой-то другой одежде? Например, в платье? — продолжила Салли. — Да ладно тебе. Каждый коп иногда снимает фор-

му. Так ты сможешь почувствовать себя не на службе.

— Но для нас эта работа почти всегда оказывается двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. — сказала Ангуа.

— Всегда найдется…

— То есть, ты делаешь это для него, потому что ему так нравится и ты с этим соглашаешься? — спросила вампирша и разбила в прах все аргументы Ангуа.

— Это моя жизнь! Почему я должна выслушивать советы от вампира?

— Потому, что ты оборотень, — ответила Салли. — Только вампир может решиться сказать о таком. Тебе совершенно необязательно быть все время у его ног.

— Слушай, я больше не хочу говорить об этом, понятно? Таковы оборотни! Мы то, чем мы являемся!

— А я — нет. Черную ленточку не дают только за подписание обязательств, их надо выполнять. Но жажда крови никуда не исчезает. С этим ничего нельзя поделать. Ты, по крайне мере, можешь выйти ночью и поймать цыпленка.

Воцарилась ледяное молчание. Затем Ангуа сказала — Так тебе известно о цыплятах?

— Да.

— Между прочим, я плачу за них.

— Не сомневаюсь.

— И это не каждую ночь случается.

— Не сомневаюсь. Слушай, ты знаешь, что есть люди, вызывающиеся быть… обеденными компаньонами вампиров? При условии, что все будет сделано стильно? И нас еще считают странными? — она фыркнула. — Между прочим, чем ты моешь свои волосы?

— Шампунь от блох «Лапочка» Братьев Виллардс. — ответила Ангуа. — Он придает волосам блеск. — добавила она, оправдываясь. — Слушай, я хочу покончить с этим прямо сейчас, идет? То, что мы провели несколько часов в топкой грязи под городом и, возможно, пару раз спасли друг другу жизнь, еще не означает, что мы друзья, понятно? Просто так получилось, что мы… оказались там в одно и то же время!

— Тебе нужно отдохнуть от работы. — сказала Салли. — Я собираюсь угостить Смуглянку коктейлем в благодарность, и Шельма хотела присоединиться. Что думаешь? Хватит ползать по шахтам, пора немного развеяться?

Ангуа боролась с бурлящими эмоциями. Смуглянка оказалась такой доброжелательной и

более полезной, чем можно было ожидать от обладательницы шестидюймовых каблуков и нескольких квадратных дюймов одежды.

— Ну решайся, — сказала Салли подбодряюще. — Не знаю, как насчет тебя, но мне понадобятся некторые усилия, чтобы избавиться от вкуса этой мерзости во рту.

— Ох, ну ладно. Но это не значит, что мы подружились!

— Отлично, отлично.

— Я не из тех, кто обзаводиться подружками. — добавила Ангуа.

— Да, да. — сказала Салли. — Я это вижу.

* * *

Ваймс сидел, уставившись в свою записную книжку. Он написал слово "говорящий куб" и обвел его в кружок.

Краем уха он слышал звуки полицейского участка, доносящиеся снизу: суету во дворе старой лимонадной фабрики, где опять собрались Дополнительные подразделения, так, на всякий случай; погромыхивание полицейских повозок; разноголосый гомон, просачивающийся сквозь пол…

После некоторых раздумий, он добавил слово

"старый колодец" и обвел его тоже.

В детстве он воровал сливы в садах Знахарского проулка, вместе с другими ребятишками. Половина домов стояли пустыми и никого это не волновало. Там был и колодец, но уже тогда он был доверху забит мусором. На его крышке росла трава. Им удалось найти кирпичи только потому, что они специально искали их.

Если предположить, что какая-то вещь, выброшенная более чем пятьдесят-шестьдесят лет назад, находилась в этом колодце, к которому прокапывались дварфы…

Даже сорок лет назад в Анк-Морпоке редко можно было встретить дварфа и они не были ни богаты, ни знатны, чтобы владеть Кубом. Это были трудяги, ищущие — уж как получится — лучшей жизни. Так какой же человек выбросит говорящий ящик, стоящий целые горы золота? Он должен быть совершенно ненормальным…

Ваймс выпрямился, не сводя глаз с каракулей. Где-то вдалеке Детрит кого-то разносил.

Он чувствовал себя так, словно переходил реку по камням. Вот он добрался до середины, но следующий камень был слишком далеко и перешагнуть на него можно было лишь с угрозой вывиха бедра. Но он уже поднял ногу и ему оста-

валось либо перешагивать, либо падать в воду…

Он написал: «Плут». Затем несколько раз обвел слово карандашем, проткнув при этом дешевую бумагу.

Плут несомненно был в Кумской Долине. Предположим, что он нашел там куб, бог его знает, как. Куб просто валялся там? Не в этом суть, но он забрал его домой. Он писал картину и сходил с ума, а в какой то момент куб начал разговаривать с ним.

Ваймс написал: "Ключевое слово?". Он обвел его вокруг, надавив так сильно, что карандаш сломался.

Может быть, ему не удалось отгадать выключающее слово? В общем, он выбросил куб в колодец…

Ваймс начал писать фразу: "Плут когда-нибудь жил в Знахарском Проулке?", затем сдался и постарался ее запомнить. В любом случае… Плут умер и впоследствии, была написана эта треклятая книга. Удалось продать не так уж и много экземпляров, но недавно ее переиздали и… но, сейчас в городе дварфов стало намного больше. Кое-кто из них прочитал книгу и каким-то образом понял, что весь секрет в кубе. Они решили найти куб. Но как? Черт возьми. Говорится ли

в книге, что секрет Кумской Долины спрятан в картине? Может быть Плут… нарисовал что-то вроде шифра, поясняющего, где лежал куб? Ну и дальше что? Что можно было услышать от куба такого ужасного, чтобы убить бедолаг, присутствовавших при этом?

Боюсь, что смотрю на это дело не под тем углом. Это не моя корова. Это овца, да еще и с вилами. И она еще и крякает.

Он сбился с правильного пути, но ему уже удалось достать ногой до соседнего камня и он знал, что продвигается вперед.

Но куда он придет в конце концов? Что такого могло бы случиться, если бы появилось доказательство, что это дварфы устроили засаду троллям? Ничего такого, что уже не произошло. Вы всегда сможете найти себе оправдание и никого не волнует, что думают по этому поводу враги. В реальности, это ничего не изменит.

Послышался тихий стук в дверь, так стучат, когда втайне надеятся, что им не откроют. Ваймс соскочил с кресла и открыл дверь.

За дверью стоял А.И. Пессимальный.

— Это вы, А.И. - сказал Ваймс, он вернулся в свое кресло и отложил карандаш. — Заходите. Чем я могу вам помочь? Как рука?

— Э… Не могли бы вы уделить мне минутку внимания, Ваша Светлость?

Ваша Светлость, подумал Ваймс, но ему не хватило твердости, чтобы протестовать.

Ваймс вернулся в свое кресло. А.И. Пессимальный по прежнему был одет в кольчугу со значком Дополнительных. И он уже не так сильно сиял. Все-таки он летел через всю площадь после удара Кирпича, как мячик.

— Э… — снова начал А.И. Пессимальный.

— Вам придется начать с младшего констебля, но с вашими талантами, вы за год доберетесь до сержанта. И вы получите собственный кабинет. — сказал Ваймс.

А.М. Пессимальный закрыл глаза. — Откуда вы знаете? — выдохнул он.

— Вы вцепились в пьяного тролля зубами. — сказал Ваймс. — И я сразу сказал себе — вот прирожденный стражник. Это ведь то, о чем вы мечтали всю жизнь, так? Но вы были слишком маленьким, слабым и стеснительным, чтобы вступить в стражу. Послушайте, я всегда могу нанять сильных и здоровых стражников. Но сейчас мне больше нужны те, кто знает как ухватить карандаш, чтобы не сломать его…

— Вы будете моим адьютантом. — продолжил

он. — Займетесь бумажной работой. Будете читать доклады и постарайтесь выделить важное. После того как вы уясните себе, что является важным, можете патрулировать два раза в неделю.

Слезы потекли по щекам А.И.Песимального. — Благодарю вас, Ваша Светлость. — сипло сказал он.

Если бы у А.И.Пессимального было что выпячивать, он бы выпятил свою грудь.

— Но сначала вы должны закончить ваш доклад о состоянии Стражи. — добавил Ваймс. — Такова договоренность между вами и Его Лордством. А сейчас, прошу извинить меня, я должен спешить. С нетерпением ожидаю вашего выхода на работу, младший констебль Пессимальный.

— Благодарю вас, Ваша Светлость!

— О, не надо называть меня "Ваша Светлость", — сказал Ваймс. На мгновение он задумался и решил, что этот человек заслужил все сруза, поэтому добавил — "Мистер Ваймс" подойдет.

Итак, мы делаем успехи, сказал он себе, после того, как А.И. Пессимальный удалился. И Его Лордству это не понравится, так что издержек не будет. "Quis custodiet ipsos custodes, э, qui custodes custodient?" Так будет звучать "кто сторожит сторожа, который сторожит стражников"? Скорее

всего не так… Тем не менее, ход за вами, милорд

Он вернулся к своей записной книжке и снова стал ломать голову, когда дверь открылась без предварительного стука. Вошла Сибил с тарелкой.

— Ты плохо поел, Сэм, — заявила она. — а буфет у вас просто позорище! Весь покрыт грязью и липкий!

— Таковы уж полицейские, к сожалению. — виновато сказал Ваймс.

— Зато я почистила ваш заварник. — с удовлетворением добавила Сибил.

— Ты почистила наш заварник? — упавшим голосом сказал Ваймс. Очистить заварник было все равно, что очистить патину со старинного шедевра.

— Да, он там внутри чуть ли не смолой был покрыт. Среди ваших припасов нормальной пищи не найти, но мне удалось сделать сэндвич с бэконом, салатом и помидоркой.

— Спасибо, дорогая. — Ваймс осторожно приподнял кусочек хлеба сломанным карандашем. Похоже, что салата было слишком много — другими словами, там был один салат.

— К тебе пришли дварфы, Сэм. — сказала Сибил с таким видом, как будто ее мучало это известие.

Ваймс так быстро вскочил, что кресло перевернулось. — С малышом Сэмми все в порядке? — спросил он.

— Да, Сэм. Это городские дварфы. Думаю, ты их всех знаешь. Они сказали, что хотят поговорить с тобой о...

Но Ваймс уже скатывался по лестнице, вытаскивая на ходу свой меч.

Дварфы нервно толпились около стола дежурного офицера. Изобилие металлических штуковин, ухоженность их бород и толщина поясов указывали на то, что у этих дварфов всегда все было в порядке, вплоть до сегодняшнего дня.

Ваймс появился перед ними, как вихрь ярости.

Ах вы мрази, маленькие крысососы и червеглотатели! Вы, маленькие поддатые таскуны! Что вы принесли в мой город? О чем вы думали? Вам хотелось видеть здесь забурившихся? Осмелитесь ли вы осудить слова Мясодробилки, всю его желчь и тысячелетнюю ложь?

Что вы говорили тогда: "Я с ним, конечно, не согласен, но что-то в этом есть"? Или говорили: "Ох, он зашел слишком далеко, но уж такие сейчас времена"?

А теперь вы пришли ко мне, чтобы пожать руку и заявить — да, это так ужасно, но я тут не при

чем? Но кто были все те дварфы в толпе? И разве не вы являетесь общественными лидерами? Кто ими руководил?

Так зачем вы пришли сюда, вы уродливые хныкающие стяжатели? Возможно ли, возможно ли, что вы пришли сюда жаловаться, после того, как охрана тех ублюдков попыталась убить мою семью? Может я нарушил какие-нибудь правила, наступив на ногу древнему закону? К черту с этим. К черту вас всех.

Он чувствовал, как слова рвались на свободу, и от усилий сдержать рвущиеся фразы у него разлилась желчь и запульсировали виски. Только одно скуление. Только один напыщенный стон. Только попробуйте.

— Ну? — спросил он требовательно.

Дварфы заметно попятились. Ваймсу стало интересно, не прочитали ли они его мысли, громким эхом раздающиеся в его голове.

Один из дварфов прочистил горло. — Коммандер Ваймс, — начал он.

— Вы Порс Сильнорук, так? — прервал его Ваймс. — Один из владельцев "Бурлей и Сильнорук"? Вы производите арбалеты.

— Да, коммандер, и…

— Сдать оружие! Всем! — резко сказал Ваймс.

Комната затихла. Углом глаза Ваймс заметил, как два полицейских-дварфа, до сих пор делающих вид, что заняты бумагами, приподнялись со своих сидений. В глубине души он понимал, что ведет себя угрожающе глупо, но в данный момент ему хотелось задеть дварфов, а он не мог позволить себе сделать это с помощью стали.

Несмотря на то, что дварфы носили свои воинственные железяки лишь для красы, они скорее бы сняли с себя штаны, чем отказались от топора. И это были серьезные городские дварфы, которые заседали в Гильдиях и тому подобное. О, боги, он зашел слишком далеко.

С некоторым трудом он выдавил из себя: — Топоры можете оставить. Все остальное сдать. Вы получите квитанцию.

На какое-то мгновение, довольно долгое мгновение, ему показалось, что они откажутся. Но затем, кто-то в толпе сказал — Я думаю, что мы должны пойти навстречу коммандеру. Настали трудные времена. Нам надо приспосабливаться к ним.

Ваймс вернулся к себе, оставив за спиной лязг и звон выкладываемого оружия, и кинулся в кресло так яростно, что сломал колесико. Квитанцией он хорошо их щелкнул по носу. Он был доволен со-

бой. Квитанция была язвительным замечанием.

На его столе, на маленькой подставке, заказанной для него Сибил, стоял официальный жезл коммандера Стражи. Он был такого же размера, как и обычная полицейская дубинка, но был сделан из розового дерева и серебра, а не из железного дерева или дуба. Он, однако, был довольно увесистым. Достаточно тяжелым, чтобы отпечатать слова "ЗАЩИТА ТВОЕГО ПОКОЯ КОРОЛЬ", на дварфийском черепе.

Дварфов ввели в кабинет, они выглядели менее тяжеловесными, чем обычно.

Только одно слово, думал Ваймс, исходя желчью. Только одно чертово слово. Только попробуйте. Только вздохните не так.

— Итак, чем могу служить? — спросил он.

— Ммм... Я уверен, вы всех нас знаете. — начал Порс, пытаясь улыбаться.

— Возможно. Дварф рядом с вами, это Грабопот Громовик, недавно запустивший в продажу новую парфюмерно-косметическую серию "Секрет Леди". Моя жена постоянно пользуется вашими товарами.

Дварф Громовик, одетый в традиционную кольчугу, в трехрогом шлеме и с огромным топором, укрепленным за спиной, сконфуженно кивнул

Ваймсу.

Взгляд Ваймса двинулся дальше. — А вы — Сет Железнокорка, собственник сети булочных, имеющих такое же название. А вы, очевидно, Гимли Буравчик, владелец двух знаменитых дварфийских ресторанов, а также только что открытого заведения "Берегись Крыса!" на улице Чердачной Пчелы.

Ваймс обвел гдазами свой кабинет, переводя взгляд от дварфа к дварфу, пока не вернулся к началу, где стоял дварф в довольно скромной по дварфийским стандартам одежде и пристально наблюдал за ним. У Ваймса была хорошая память на лица и он недавно его где-то видел, но никак не мог вспомнить, где именно. Может быть в толпе, из которой вылетел тот удачно брошенный обломок кирпича…

— Вас я не знаю. — сказал он.

— О, мы не были представлены друг другу, коммандер, — жизнерадостно сказал дварф. — Но меня чрезвычайно интересует теория игр.

… или в Академии игры в Бац мистера Сияющего? — подумал Ваймс. Голос дварфа напоминал голос того, кто столь дипломатично помог ему в подвале. На нем был простой круглый шлем, кожанная рубашка с какой то обычной коль-

чугой поверх нее и его борода была аккуратно пострижена, в отличии от густых куститстых бород дварфов. По сравнению с другими дварфами, он выглядел… изящно. Ваймс даже не увидел топора.

— Что вы говорите? — ответил он. — А я, собственно, в них совсем не играю. Так как вас зовут?

— Скромн Скромняк, командер. Скальт Скромняк.

Ваймс неторопливо взялся за свой жезл и покрутил его между пальцев.

— Что-ж не под землей? — спросил он.

— Кое-кто из нас идет в ногу со временем, сэр. Кое-кто из нас полагает, что темнота находится не в глубине, а в наших умах.

— Очень хорошо с вашей стороны. — сказал Ваймс.

Итак, теперь мы стали дружелюбными и дальновидными? Где же ты был вчера? Ничего, теперь у меня все козыри на руках! Эти ублюдки убили четверых дварфов, наших сограждан! Они ворвались в мой дом и пытались убить мою жену! А сейчас они в страхе пустились в бега! Ничего, куда бы они не побежали, я их заро… вытащу наружу!

Он поставил жезл обратно на подставку. — Итак, как я уже сказал, чем могу быть вам полезен… джентельмены?

Он почувствовал, что все дварфы, мысленно и физически, повернулись к Скромняку. Ага, подумал он, сдается, у нас здесь дюжина мартышек и один шарманщик, а?

— Чем мы можем вам помочь, коммандер? — спросил Скальт.

Ваймс уставился на него. Вы могли помочь тем, что остановили бы их. И не надо делать такие мрачные лица. Может быть вы и не говорили им «да», но я глубоко убежден, что вы и не сказали им "нет!" достаточно громко. Я вам абсолютно ничего не должен. Не надо искать у меня свое оправдание.

— Прямо сейчас? Выйти на улицу, подойти к самому большому троллю и сердечно пожать ему руку, может так? — сказал Ваймс. — Или просто выйти на улицу. Честно говоря, я очень занят, джентельмены, и посреди скачек не время для дружеских посиделок.

— Они направятся в горы. — сказал Скромняк. — Они будут держаться в стороне от Убервальда и Ланкра, потому что не уверены, какой прием им там окажут. И это значит, что они направятся в

горы через Лламедос, где полно пещер.

Ваймс пожал плечами.

— Мы видим, что мешаем вам, мистер Ваймс. — сказал Сильнорук. — Но мы…

— У меня в морге лежат два мертвых убийцы. — сказал Ваймс. — Один из них отравлен. Вам что-нибудь известно на этот счет? И я — коммандер Ваймс, благодарю.

— Говорят, что они принимают яд замедленного действия перед важным заданием. — ответил Скромняк.

— Назад пути нет, а? — сказал Ваймс. — Это интересно. Но сейчас меня больше интересуют живые.

Он встал. — Я должен встретиться с заключенным-дварфом, который не хочет разговаривать со мной.

— Ах, да. Это должно быть Умноруль. — сказал Скромняк. — Он родился в городе, коммандер, но три месяца назад он отправился в горы на учебу, против родительской воли. Я уверен, он никогда не предполагал, что произойдет что-нибудь подобное. Он всего лишь пытался найти себя.

— Что же, теперь он может поискать себя в моих камерах. — сказал Ваймс твердо.

— Могу я присутствовать при его допросе? —

спросил скальт.

— Зачем?

— Во-первых, это может предовратить слухи, что с ним жестоко обращались.

— Или способствовать им? — сказал Ваймс. Кто будет сторожить стражника? Я!

Скромняк невозмутимо взглянул на него. — Это могло бы… разрядить атмосферу, сэр.

— У меня нет привычки избивать узников, если вы это имеете в виду. — ответил Ваймс.

— И я уверен, что сегодня у вас такого желания не возникнет.

Ваймс открыл было рот, чтобы приказать вышвырнуть скальта вон и замер. Этот наглый маленький бездельник попал прямо в цель. Ваймс был на грани с самого отъезда из дома. Его кожа зудела, живот крутило и голова раскалывалась. Кто-то должен заплатить за всю эту… эту… в общем за все это, но только не такой несчастный статист, как Умноруль.

И он не знал, совсем не знал, что станет делать, если узник нахамит или попытается умничать. Избивание узников в закрытых комнатах… он знал куда это приводит. И если ты хоть раз пошел на такое из благих побуждений, ты пойдешь и ради плохих. Ты не можешь быть хорошим пар-

нем, занимаясь плохими делами. Иногда нужна дополнительная пара глаз, чтобы сторожить стражника.

Правосудие должно чиниться на виду, поэтому он проследит, что все было сделано по правилам.

— Джентельмены, — сказал он, не отводя глаз со скальта, но обращаясь ко всей комнате в целом. — Я знаю всех вас, а вы знаете меня, вы все уважаемые дварфы с собственностью в этом городе. Я хочу, чтобы вы поручились за мистера Скромняка, потому что я никогда в жизни не встречал его. Давайте вы, Сета, я знаю вас несколько лет, что вы скажете?

— Они убили моего сына. — ответил Айронкраст.

Ледяные щупальца охватили его голову, сжали горло, скользнулив желудок и исчезли. На месте ярости остался озноб.

— Мне очень жаль, коммандер. — тихо сказал Скромняк. — Но это правда. Не думаю, что Гундер Железнокорка интересовался политикой. Он нанялся в шахту только потому, что хотел вкусить настоящей дварфийской жизни и помахать лопатой пару дней.

— Они бросили его в грязи. — сказал Айронкраст голосом, лишенным всяких эмоций. — Вы

получите любую помощь, какая потребуется. Любую помощь. Но когда вы найдете их, убейте их.

Ваймс не мог придумать ничего другого, что сказать, кроме: — Я схвачу их.

Он не сказал — убить их? Нет. Нет, если они сдадутся, нет, если не они не будут вооружены. Я знаю, куда это ведет.

— Тогда мы уходим и позволим вам заняться своими делами. — сказал Сильнорук. — Скальт Скромняк нам известен, конечно же. Несколько современен, несколько молод. Не из тех скальтов, к которым мы привыкли, но… да, мы ручаемся за него. Доброй ночи, командер.

Ваймс сидел, уставившись на свой стол, пока они выходили один за другим. Когда он поднял голову, скальт был все еще здесь со своей терпеливой слабой улыбкой.

— Вы не похожи на скальта. Вы выглядите как обычный дварф. — сказал Ваймс. — Почему я о вас ничего не слышал?

— Возможно потому, что вы полицейский? — кротко ответил Скромняк.

— Ладно, я понял. Но вы не забурившийся?

Скромняк пожал плечами. — Я могу мыслить по-глубинному. Я был рожден здесь, коммандер, также как и Умноруль и не верю, что мне нужны

горы над головой, чтобы быть дварфом.

Ваймс кивнул. Местный парень, не какие-то там горные старцы. Быстро соображает, также. Не удивительно, что элите он нравится. — Хорошо, мистер Скромняк, вы можете пойти со мной. Первое условие: у вас есть пять минут, чтобы найти набор для Баца. Надеюсь, вы с этим справитесь?

— Я думаю, что да. — ответил дварф слабо улыбаясь. — И второе условие?

— Сколько времени вам понадобится, чтобы научить меня играть? — спросил Ваймс.

— Вас? Вы вообще никогда не играли?

— Нет. Недавно один определенный тролль показал мне эту игру, но я с детства не играл в никакие игры. Хотя, когда я был мальчишкой, то был спецом в "крысе под мухой".[17]

— Ну, несколько часов… — сказал Скромняк.

— У нас нет столько времени. — ответил Ваймс. — Я даю вам десять минут.

* * *

Вечеринка началась в «Ведре» на Поблескивающей. Это был бар для копов. Мистер Чиз,

---

[17] Примечания: 17

Знаменитое анк-морпоркское развлечение в канавах, уступающее в популярности только игре в "Дохлую Крысу на Веревочке".

владелец, понимал, что копам нужно. Им нравилось напиваться там, где ничего не напоминало бы им о работе. Веселье не поощрялось.

Но Смуглянка предложила перейти в "Наконец Открыто".

Ангуа была не в настроении, но у нее не хватило жестокости отказаться. Потому, что хотя у Смуглянки было телосложение, за которое любая другая женщина возненавидела бы ее, она была по настоящему милой. У нее была самооценка как у гусеницы и, как обнаруживалось во время разговора с ней, примерно такое же количество мозгов. Возможно, что дело заключалось в балансе. Возможно, какое-то доброе божество пообещало ей — прости, детка, ты будешь тупа, как валенок, но хорошая новость в том, что это не будет иметь никакого значения.

И у нее был луженый желудок. Ангуа начала гадать о том, сколько полных надежд мужчин упились до смерти, пытаясь споить ее. Казалось, что алкоголь совершенно не действовал ей на мозги. Может быть, он не мог их найти. Но она была приятной и беззаботной спутником, если вы избегали употребления намеков, иронии, сарказма, остроумия, сатиры и слов, длинее, чем "цыпленок".

Ангуа была раздражена, потому что ей до смерти хотелось пива, но юнец за стойкой думал, что пинта Уинкля — это название коктейля. Впрочем, учитывая названия коктейлей в меню, ни чего удивительного в этом не было.

— Что, — спросила Ангуа, изучая меню, — такое "Вопящий оргазм"?

— Ага, — сказала Салли. — Похоже, что тебя пробрало, детка!

— Нет, — вздохнула Ангуа, тогда как остальные рассмеялись, что было естественным откликом на замечание вампира. — Я спрашиваю из чего он делается.

— Минталь, Валулу, виски Баерхаггерс, сливки и водка. — ответила Смуглянка, знающая рецепт любого существующего коктейля.

— И как оно работает? — спросила Шельма, вытягиваясь чтобы заглянуть за стойку бара.

Салли заказала четыре коктейля и повернулась к Смуглянке. — Итак… Ты и Шнобби Шноббс, а? Что скажешь?

Три пары ушей насторожились.

Еще вам приходилось привыкать к молчанию в присутствии Смуглянки. Всюду, где она появлялась, воцарялось молчание. О, и еще взгляды. И, иногда, вздох. Даже некоторые богини пошли

бы на все, лишь бы иметь такую внешность, как у Смуглянки.

— Он хороший. — ответила Смуглянка. — мне с ним весело и он не распускает руки.

На трех лицах появилось выражение задумчивой концетрации. В конце концов, разговор шел о Шнобби. Кое-какие вопросы лучше не задавать совсем.

— А он показывал трюки, которые он может проделывать со своими прыщами? — спросила Ангуа.

— Ага, Я думала, что описаюсь. Он такой смешной.

Ангуа уставилась в свой стакан, Шельма закашлялась, Салли сосредоточено изучала меню.

— Он очень надежный. — сказала Смуглянка. И смутно чувствуя, что этого недостаточно, она добавила печально. — Вы знаете, это первый парень, который пригласил меня погулять.

Салли и Ангуа выдохнули одновременно. В конце туннеля забрезжил свет. Вот значит в чем проблема. Это плооохой случай.

— Понимаете, у меня слишком пышные волосы, мои ноги слишком длинные и я знаю, что моя грудная клетка слишком… — продолжала Смуглянка, но Салли успокаивающе подняла руку.

— Во первых, Смуглянка…

— На самом деле меня зовут Бетти, — сказала Смуглянка и с шумом высморкала нос, такой изящный, что величайшие скульпторы мира умерли бы за право изваять его.

— Перво-наперво, Бетти, — сказала Салли, заставляя себя произнести это имя. — Ни одна женщины, моложе сорока пяти…

— Пятидесяти — поправила ее Ангуа.

— Точно, пятидесяти… Ни одна женщина моложе пятидесяти не будет говорить о себе такие слова, как грудная клетка. Просто не будет.

— Я этого не знала… — шмыгнула носом Смуглянка.

— Это факт. — добавила Ангуа. И, о боже, с чего начать рассказ о синдроме неудачника? Кому-то вроде Смуглянки, которой имя Бетти шло, как корове седло? Это был не просто синдром неудачника, это была квинтессенция синдрома, его чистая, платоническая идея. Его следовало заспиртовать, установить на пьедестал и демонстрировать в качестве учебного пособия стундентам все последующие века. И она счастлива с Шнобби!

— Вот что я хочу сказать тебе… — начала она, но поникла, поставленная перед подобной задачей.

— Слушай, может закажем еще выпивку? Что там дальше идет в меню?

Шельма вчиталась: — Розовый, Большой и Шаткий. — объявила она

— Классно! Закажем четыре!

* * *

Фред Колон разглядывал узника через решетку. В целом, Фред был очень хорошим тюремщиком: у него всегда был чайник наготове; он, как правило, почти ко всем относился благожелательно; он был слишком медлительным, чтобы позволить себя легко одурачить и он хранил ключи от камер в жестяной коробке в нижнем ящике своего стола, вне пределов досягаемости палкой, рукой, собаками, ловко брошенными поясами или даже специально обученными клатчианскими пауками.[18]

Этот дварф его несколько беспокоил. В тюрьмах кого только не увидишь, бывают такие, что и воют. Но тут он уже и не знал, что хуже — молчание или рыдания. Фред поставил еще один подсвечник на стул рядом с решеткой, потому

---

[18] Примечания: 18

Что делало Фреда Колона единственным в своем роде за всю тюремную историю.

что дварф начинал тревожиться, если света было недостаточно.

Он задумчиво помешал чай и передал кружку Шнобби.

— Что-то здесь не так, сдается мне. — сказал он. — Дварф, который боится темноты? У него с головой не все в порядке. Не прикоснулся ни к чаю, ни к печенью. Что ты думаешь?

— Я думаю, что возьму его печенье. — ответил Шнобби, протягивая руку к тарелке.

— Между прочим, почему ты на службе? — спросил Фред. — Удивительно, что ты не строишь где-нибудь глазки девушкам.

— Смуглянка собралась на вечеринку с девушками. — ответил Шнобби.

— А, надо было предупредить ее о таких вещах. — сказал Фред Колон. — Ты знаешь, как оно бывает, когда бары и клубы опустевают. Они и блюют, и ругаются, и ведут себя не как леди, лифчики срывают, а еще и на «Л» называется… — он почесал голову. — занятие.

— Она пошла с Ангуа, Салли и Шельмой, сержант. — сказал Шнобби, беря еще одно печенье.

— Ух, на это стоит посмотреть, Шнобби. Женщины, объединящиеся против мужчин… — тут Фред прервался — Вампир и оборотень кутят вместе?

Мой тебе совет, оставайся дома сегодня ночью. И если они начнут вести себя…

Тут раздался голос Сэма Ваймса сопровождаемый своим владельцем, спускающимся по спиральной каменной лестнице.

— Значит я должен помешать им образовать блок?

— Если вы играете на стороне троллей, то да. — ответил новый голос. — Плотная группа дварфов плохая новость для троллей.

— Тролли толкают, дварфы кидают.

— Верно.

— И никто не может перепрыгнуть через центральный камень, так? — спросил Ваймс.

— Да.

— Мне все же кажется, что хозяева положения — дварфы.

— Увидим. Важно…

Увидев Шнобби и Колона, Ваймс замолчал. — Так, ребята. Я поговорю с заключенным. Как он там?

Фред показал на сгорбленную фигуру сидящую на узкой койке в углу камеры.

— Капитан Моркоу чуть не полчаса пытался разговорить его, а вы знаете, он умеет расположить к себе. — сказал он. — Не вытянул из него ни

предложения. Я зачитал заключенному его права, но не спрашивайте меня, понял ли он хоть слово. Во всяком случае, он отказался от чая и печенья. Они положены ему по Правам узника номер 5 и 5 б. — добавил он, оглядывая Скромняка с ног до головы. — А Право номер 5 с он получит только когда у нас появится Ассортимент для Чая.

— Он может ходить? — спросил Ваймс.

— Едва шевелит ногами, сэр.

— Вытащи его сюда. — сказал Ваймс и, заметив как Фред вопросительно покосился на Скромняка, продолжил — Этот джентельмен будет следить, что мы не станем использовать резиновые дубинки, сержант.

— Я и не знал, что у нас такие есть, мистер Ваймс. — сказал Фред.

— У нас их нет. — ответил Ваймс.

— Но суть в том, что мы не будем бить его чем-то таким, что не оставляет следов, да? — добавил он, глядя на Скромняка, который опять улыбнулся своею странной легкой улыбкой.

На столе стояла одна свеча. По каким-то причинам Фред посчитал нужным еще одну на стул рядом с камерой.

— Не темновато ли здесь, Фред? — спросил Ваймс, сдвигая кружки и старые газеты, которые

занимали почти весь стол.

— Дассер. Дварфы пришли и стибрили часть наших свечей, чтобы поставить их вокруг того языче… того мерзкого символа. — сказал Фред, нервно глянув на Скромняка. — Простите, сэр.

— Не понимаю, почему мы не можем просто сжечь его, — пробурчал Ваймс, ставя на стол доску для Баца.

— Это будет опасно, потому что Призываемая Тьма пришла в мир. — сказал Скромняк.

— Вы верите в нее? — спросил Ваймс.

— Верю? Нет, — ответил скальт. — Я просто знаю, что она существует. Фигуры троллей ставят вокруг центрального камня. — добавил он любезно.

Пока расставлялись маленькие фигурки, из камеры вывели Умноруля. Он шел, как лунатик, Фред Колон осторожно придерживал его за плечо, глаза Умноруля были закачены так, что видны были только белки. Его железные ботинки скребли по плиткам пола.

Фред бережно усадил его в кресло и поставил вторую свечу рядом с ним. Как по волшебству, глаза дварфа сфоксировались на маленькой каменной армии, не замечая ничего больше в камере.

— Мы сыграем в игру, мистер Умноруль. — тихо сказал Ваймс. — Вы можете выбрать свою сторону.

Умноруль протянул дрожащую руку и дотронулся до фигурки. Дварф выбрал игру за троллей. Ваймс кинул на нависшего над ними Скромняка вопросительный взгляд и получил в ответ очередную улыбку.

Итак, у тебя есть целая куча маленьких негодников, верно? Ваймс помедлил и передвинул на доске фигуру дварфа. Он поставил ее со стуком, на который отозвался эхом стук, с которым Умноруль передвинул фигурку тролля.

Дварф казался сонливым, но его рука двигалась с невероятной скоростью.

— Кто убил четырех шахтеров, Умноруль? — мягко спросил Ваймс. — Кто убил четырех городоских дварфов?

Дварф тупо глянул на него и, затем, осмысленно уставился на доску. Ваймс передвинул дварфа на первую попавшуюся клетку.

— Солдаты тьмы. — прошептал Умноруль, со стуком ставя крохотного тролля на продуманное место.

— Кто им приказал? — Снова взгляд и снова случайно передвинутый дварф, и следом тролль,

переставленный так быстро, что казалось обе фигурки одновременно стукнули по доске.

— Скальт Мясодробилка приказал.

— Почему? — Стук-стук.

— Они слышали, как он говорил.

— Кто говорил? Куб? — стук-стук.

— Да. Его раскопали. Он говорил голосом Б'храйана Кровавого Топора.

Ваймс услышал, как Скромняк судорожно вздохнул и перехватил взгляд Фреда Колона. Он дернул головой по направлению к двери в камеру и одними губами выговорил пару слов.

— Это не тот знаменитый король дварфов? — спросил Ваймс. Стук-стук.

— Да. Он командовал дварфами в Кумской Долине. — ответил Умноруль.

— И что этот голос сказал? — спросил Ваймс. Стук-стук. И третий стук за спиной Ваймса, с которым Фред закрыл дверь на замок и затем встал перед ней с невозмутимым видом.

— Я не знаю. Ардент сказал, что он говорил о битве. Он сказал, что это была ложь.

— Кто убил Скальта Мясодробилку? — Стук-стук.

— Я не знаю. Ардент вызвал меня и сказал, что скальты передрались. Ардент сказал, что один

из них убил Мясодробилку в темноту горным молотком, но неизвестно кто именно. Они там все дрались.

И все одинаково одеты, подумал Ваймс. Только фигуры, если вы не можете поглядеть на их запястья.

— Почему они хотели убить его? — Стук-стук.

— Они хотели не дать ему разрушить слова! Он вопил и бил по кубу молотком!

— На кубе есть… чувствительные участки, и есть вероятность, что если вы дотронетесь до них в неверном порядке, то все звуки пропадут. — прошептал Скромняк.

— Я бы подумал, что молоток сработает, куда бы он не ударил! — сказал Ваймс, поворачивая голову.

— Нет, коммандер. Устройства чрезвычайно прочны. — Они должны быть такими!

Ваймс снова повернулся к Умнорулю. — Значит нельзя разрушать ложь, но можно убивать шахтеров? — сказал он. Стук.

Он услышал, как Скромняк с шумом втянул в себя воздух. Может ему и не стоило так говорить, но что поделать. Ответного хода не последовало. Умноруль повесил голову.

— Нельзя было убивать шахтеров. — прошеп-

тал он. — Но почему бы не уничтожить ложь? Только такие мысли были опасными, поэтому я… я ничего не сказал. Старые скальты были раздражены и растерянны, поэтому Ардент взял на себя руководство. Он сказал, что людей не касается то, что под землей один дварф убил другого. Он сказал, что может все уладить. Он сказал, что все должны слушаться его. Он приказал темным стражам перенести тело в другую комнату. И… он приказал мне принести мою дубинку…

Ваймс кинул взгляд на Скромняка и одними губами выговорил — дубинка?

Скромняк выразительно кивнул ему в ответ.

Умноруль тихо сидел сгорбившись, затем он протянул руку и переставил тролля. Стук.

Стук-стук. Стук-стук. Стук-стук. Ваймс попытался освободить часть мозга на игру, но его разум лихорадочно подгонял между собой куски информации, полученной от Умноруля.

Итак… Все началось, когда они явились в Анк-Морпорк в поисках магического куба, который мог говорить…

— Почему они пришли в город? Откуда они узнали, что здесь находится куб? — Стук-стук.

— Когда я отправился в горы на учебу, я захватил с собой копию Кодекса. Ардент конфисковал

ее, но затем они вызвали меня и сказали, что книга оказалась очень важной и поэтому они удостаивают меня чести сопровождать их с собой в город. Ардент сказал, что для меня открываются небывалые возможности. Скальт Умноруль получил задание, так он сказал.

— Они ничего даже не слыхали о картине?

— Они живут под горами. Они верят в то, что люди не существуют. Но Ардент умен. Он говорил, что давно ходили слухи о чем-то, найденном в Кумской Долине.

Могу поспорить, что он умен, думал Ваймс. Итак, они пришли сюда, занялись мелкой просветительской работенкой и подстрекательствами, а заодно искали куб, своими дварфийскими способами. Они нашли его. Но несчастные коротышки, которые вели раскопки, услыхали, что он говорил. Всем известно, как дварфы любят сплетничать, поэтому темные стражи приняли меры, чтобы у них не оставалось ни шанса.

Стук-стук. Стук-стук.

Но нашему приятелю Мясодробилке также не понравилось то, что он услышал. Он решил разрушить штуковину. Скальты схватились между собой в темноте и один из них оказал миру услугу и засандалил ему по кумполу. Но,

упс, оказывается это была большая ошибка, он нужен толпе и вот его команда срочно изобретает тролля убийцу. Всем известно, как сплетничают дварфы и вы не можете их всех убить. Так что пока это все между нами здесь, в темноте, нам нужно разработать план! Вперед выходит мистер Ардент, который говорит — я знаю, что делать! Вытащим тело в туннель, куда можно попасть с поверхности и треснем ему по голове дубинкой. Тролль сделал это. Во что еще может поверить правильно думающий дварф?

Стук-стук.

— Почему у них были свечи? — спросил Ваймс. — Когда я пришел к ним, старые скальты были окружены горящими свечей. — Стук-стук.

— Скальты приказали. — прошептал Умноруль. — Они боялись того, что могло бы прийти за ними из темноты.

— И что могло прийти за ними? — Стук…

Рука Умноруля застыла в воздухе. Несколько секунд в маленьком круге желтого света ничего не двигалось, кроме самого пламени свечи. В темноте, позади дварфа, тени вытянули свои шеи, прислушиваясь.

— Я… Не могу этого сказать. — прошептал дварф. Стук. Стук-стук… Стук… Стук…

Ваймс уставился на доску. Откуда здесь взялся этот тролль? Умноруль сбил трех дварфов за один ход!

— Ардент сказал, все беды от троллей. Тролль проник в шахту. — продолжил Умноруль. — Скальты признали, что так все должно было произойти.

— Но они знали правду! — Стук-стук… Стук… Стук. Еще три дварфа побито…

— Правда это то, что говорят скальты. — ответил Умноруль. — Мир на поверхности под солнцем — это плохой сон и ничего больше. Ардент сказал, что никто не должен об этом говорить. Он сказал, что сам расскажет стражникам о тролле.

Свалим вину на тролля, думал Ваймс. Для дварфов это так естественно. Большой тролль сделал это и убежал. Здесь не просто клубок проблем, а настоящее змеиное гнездо!

Он не сводил глаз с доски. Черт возьми. Я попал в тупик. С чем я остался? Кирпич видел, как один дварф ударил другого дубинкой, но это не было убийство. Это произошло, когда Ардент или кто-то другой придавал телу Мясодробилки характерный вид ударенного троллем. Теперь я уже не уверен, что является главным преступлением.

Убийство было совершенно в темноте, кем-то из шести дварфов и остальные пять могут даже не знать, кто именно это был! Ладно, допустим я могу сказать, что они сговорились утаить преступление… Постой-ка…

— Но это не Ардент запретил говорить Страже. — сказал он. — Это были вы, так? Вы хотели разозлить меня, мистер Умноруль? — Он передвинул дварфа. Стук.

Умноруль поглядел на доску.

Поскольку ответа не последовало, Ваймс ухватил сбитого троллем и поставил его рядом с доской.

— Я не думал, что вы придете, — голос Умноруля был едва слышен. — Мясодробилка был… Я думаю… Я не… Ардент сказал, вы не будете слишком переживать, потому что скальт был опасным. Он сказал, что скальт приказал убить шахетров и сейчас с этим со всем покончено. Но я думал об этом…. Я… Это было неправильно. Так нельзя! Я слышал о вас, что вы очень самолюбивы. Я хотел… привлечь ваше внимание. Он… Он…

— Вы думали, что я не пришел бы? Тролля обвинили в убийстве дварфа, в такое время, как сейчас, и я бы не пришел? — спросил Ваймс.

— Ардент сказал, что людям нет до этого дела.

Он сказал, что вас не заботят проблемы дварфов.

— Ему следовало бы почаще выбираться на свежий воздух!

Из глаза Умноруля потекли слезы и закапали на доску. Гроза прекращает битвы, подумал Ваймс. Затем дварф поднял голову и закричал:

— Это была дубинка, которую мистер Сияющий дал мне за победу в пяти играх подряд! — кричал он. — Он был моим другом! Он сказал, что я был так хорошо играл за троллей, что должен иметь дубинку! Я говорил Арденту, что это награда за победу! Но он забрал ее и ударил мертвое тело!

Вода камень точит, думал Ваймс. И все зависит от того, куда попадают капли, так, мистер Сияющий? Но какой прок в том для этого бедолаги? Слишком мелкая сошка, чтобы позволить себе сомневаться!

— Хорошо, мистер Умноруль. Благодарю вас. — сказал он, откидываясь на спинку стула. — Только один вопрос. Вам известно, кто послал тех дварфов ко мне в дом?

— Каких дварфов?

Ваймс всмотрелся в покрасневшие, слезящиеся глаза. Или их обладатель говорил правду, или сцена потеряла величайшего из актеров.

— Дварфы пришли и напали на меня и мою

семью. — сказал он.

— Я слышал, как Ардент говорил с капитаном стражей, — пробормтал Умноруль. — Что-то о… предупреждении…

— Предупреждение? Вы называете это… — начал Ваймс и остановился, заметив как Скромняк покачал головой. Верно, верно. Нет смыслы вываливать все это на этого несчатсного. Из него и так все жилы вытянули.

— Они очень напуганы. — пробормотал Умноруль. — Они не понимают города. Они не понимают, почему троллям позволено находиться здесь. Они не понимают людей, которые не… понимают их. Они боятся вас. Они всего боятся сейчас.

— Куда они убежали?

— Я не знаю. Ардент сказал, что они могут убежать куда угодно, потому что они заполучили куб и картину. — ответил Умноруль. — Он сказал, что картина покажет им, где находится остальная ложь и они ее уничтожат. Но они больше всего боятся Призываемой Тьмы, коммандер. Они чувствуют, что она идет за ними.

— Это только рисунок. — сказал Ваймс. — Я не верю в нее.

— Я верю. — спокойно сказал Умноруль. — Она в этой комнате. Как она попала сюда? Она при-

ходит под маской, чтобы творить воздаяние в темноте.

Ваймс почувствовал, как у него начался тик. Шнобби оглядел серые каменные стены. Скромняк сидел прямо, как пригвожденный к стулу. Даже Фред Колон смущенно переминался с ноги на ногу.

Это только мистика, сказал себе Ваймс. Это даже не людская мистика. Я не верю в это. В таком случае, почему здесь вдруг стало так холодно?

Он кашлянул. — Ну ничего, как только она узнает, что они сбежали, она тут же отправится за ними вслед.

— И она придет за мной. — сказал Умноруль тем же спокойным голосом. Он сложил руки перед собой.

— Почему? Вы никого не убили. — сказал Ваймс.

— Вы не понимаете! Они… они… когда они убили шахтеров, один из шахтеров был еще жив и, и, и мы слышали, как он стучал в дверь кулаками, и я стоял в туннеле и слушал, как он умирал, и желал чтобы он умер, так, чтобы звук прекратился. Но, но, но когда он перестал стучать, стук продолжился у меня в голове и я мог, мог, мог повернуть колесо на двери, но я слишком боялся

темных стражей у которых нет души, и того, что темнота заберет меня…

Голос затих.

Шнобби нервно закашлялся.

— Что же, еще раз благодарю. — сказал Ваймс. Черт возьми, они действительно свели его с ума, несчастного коротышку. И у меня нет ничего, думал он. Я могу предъявить Арденту обвинение в фальсификации доказательств. Но я не могу выставить Кирпича в качестве свидетеля, потому что это только подтвердит, что в шахту забирался тролль. Все, что у меня есть, это парнишка Умноруль, который явно неспособен быть свидетелем.

Он повернулся к Скромняку и пожал плечами. — Я думаю, что оставлю его здесь на ночь. Для его же собственного блага. Не могу представить, куда бы он мог податься. Заявление, сделанное им, конечно же покрывает…

Его голос замер, когда в его памяти вдруг кое-что всплыло. Он повернулся на стуле и взглянул на несчастного Умноруля.

— Какая картина?

— Изображение Битвы при Кумской Долине Методии Плута. — сказал дварф, не поднимая глаз. — Она очень большая. Они украли ее из

музея.

— Что? — сказал Фред Колон, заваривающий чай в углу камеры. — Это были они?

— Что? Ты знал об этом, Фред? — требовательно спросил Ваймс.

— Мы… да, мистер Ваймс, мы написали отчет…

— Кумская Долина, Кумская Долина, Кумская Долина! — взревел Ваймс, ударяя руками по столу с такой силой, что подсвечник подпрыгнул. — Отчет? Какого черта — отчет? У меня что, есть время читать отчеты? Почему никто не сказал мне о….

Свеча покатилась и упала на пол. Ваймс потянулся за другой свечой, катящейся к краю стола, но промахнулся и она упала вниз фитилем на пол.

Темнота обрушилась, как топор.

Умноруль застонал. Это был идущий из сердца, душераздирающий стон, как предсмертный хрип из еще живых уст.

— Шнобби! — закричал Ваймс. — Зажги эту проклятущую спичку, я тебе приказываю, черт возьми!

В темноте раздалось неистовое чиркание и затем спичка вспыхнула, яркая, как сверхновая звезда.

— Давай ее сюда! — закричал он на Шнобби. —

Надо зажечь свечи!

Умноруль все еще таращился на доску, где удар, нанесенный в раздражении раскидал оставшиеся на доске фигуры.

Когда свеча зажглась, Ваймс тоже посмотрел на доску.

Если бы вы были склонны к галлюцинациям, то могли бы сказать, что что фигурки троллей и дварфов, упав, образовали неровный круг с центральным камнем посередине, а еще несколько дварфов упали в линию. Глядя сверху, их можно было принять за круглый глаз с хвостом.

Умноруль тихо вздохнул и соскользнул на пол. Ваймс вскочил, чтобы помочь ему, но во время вспомнил о политике. Он заставил себя попятиться, подняв руки в воздух.

— Мистер Скромняк? — попросил он. — Я не могу прикасаться к нему. Прошу Вас?

Скальт кивнул и опустился на колени перед дварфом.

— Пульса нет, сердце не бьется. — констатировал он спустя несколько секунд. — Мне очень жаль, коммандер.

— Тогда получается, что я ваших руках. — сказал Ваймс.

— И правда. В руках дварфа. — ответил скальт,

вставая. — Коммандер Ваймс, я клянусь, что в моем присутствии, с Умнорулем обращались заботливо и вежливо. И, возможно, с большей добротой, чем дварф имел право ожидать от вас. Призываемая Тьма убила его. Дварфы поймут.

— А я нет! Почему она убила его? Что этот бедолага сделал?

— Более верным будет сказать, что страх Призываемой Тьмы убил его. — ответил скальт. — Он бросил шахтера в завале, он слышал его крики в темноте и ничего не сделал. Для дварфов это ужасное преступление.

— Такое же плохое, как стирание слов? — едко спросил Ваймс. Он был потрясен больше, чем готов был признать. Ему не стоило так сильно ударять по столу, но он был так зол. Рука стала еще сильнее болеть.

— Кое-кто бы сказал, что даже хуже. Умноруля убили его собственная вина и страх. Словно в голове у него была своя Призываемая Тьма. — ответил Скромняк. — В каком-то смысле у всех нас есть она, коммандер. Они или что-то подобное ей.

— Вы знаете, ваша религия действительно может ввести людей в заблуждение. — сказал Ваймс.

— Не настолько, по сравнению с тем, что они делают сами с собой. — ответил Скромняк, спокойно складывая руки мертвого дварфа у него на груди. — И это не религия, коммандер. ТАК написал Мир и Законы, а затем покинул нас. Он не требует, чтобы мы размышляли о Нем, только чтобы мы вообще размышляли.

Скальт встал. — Я должен объянсить ситуацию своим товарищам, коммандер. И в связи с этим, я желал бы попросить вас взять меня с собой в Кумскую Долину.

— Я говорил, что собираюсь в Кумскую Долину? — спросил Ваймс.

— Хорошо. — тихо сказал скальт. — Скажем так, если у вас будет настроение прогуляться в Кумскую Долину, возьмите меня с собой? Я знаю это место, я знаю историю, я даже знаю много чего о шахтных рунах, особенно о Главных Тьмах. Я могу быть полезным.

— Это ваше требование за то, что вы скажете правду? — спросил Ваймс.

— В сущности, нет. Дж'дс хасфак 'дс': я торгуюсь с вами без топора в руках. Я скажу правду, независимо от вашего решения, коммандер. — ответил Скромняк. — Тем не менее, если вы не захотите отправиться в Кумскую Долину, коммандер, я не

буду настаивать. Это всего лишь досужая мысль.

* * *

Кутеж, что в нем хорошего?

Это тебе не наслаждение, не радость и не веселье. Порочное, неискреннее и дикое времяпровождение, которое ищут с радостью, но найдя, обычно приходят в себя валяясь на мостовой вниз лицом.

На Ангуа каким-то образом оказалось красное боа из перьев. Это было не ее боа и не чье-либо. Оно просто появилось и все. Оно было такой явной подделкой, что настроение портилось. Что-то терзало ее в глубине души и она раздражалась от того, что не знала что именно.

Они закончили в Гробах и она заранее знала, что так и будет. Это был бар для нежити, хотя там принимали и всех других, если они были не вполне нормальными.

Бар несомненно принял Смуглянку. Только она в это не врубилась. Она не понимала причину, по которой мужчины никогда не заводили с ней разговоры.

Сложность была еще в том, что Шнобби не был уж таким плохим… человеком, думала Ангуа. Сам по себе. Насколько она знала, он всегда был

предан мисс Пушрам — то есть, даже когда она лупила его сырой рыбой и кидалась в него моллюсками, он никогда и не помышлял о других девушках. Он был настоящим романтиком, вот только все это помещалось в то, что можно только назвать… Шнобби Шноббсом.

Салли пошла со Смуглянкой в женскую уборную, которая всегда шокировала тех, кто видел ее в первый раз. А Ангуа рассматривала меню коктейлев, которое Игорь неровными буквами написал на доске над баром.[19]

Он сделал все, что смог, следуя духу времени — или бы попытался следовать, если бы знал значение этого словосочетания — но так и не ухватил всю тонкость современного коктейль-бара, поэтому среди названий было:

ПА ЗУБАМ ВАНЮЧИМ КУЛАКОМ
ПРИБЕЙ ГОЛОВУ НА ДВЕРЬ
ПОД ВЗДОХ
ЖЕЛЕЗЯКА ЗАБИТАЯ В УШИ
ГОЛОВОРОТ

Ангуа пришлось признать, что Головорот был весьма неплох.

---

[19] Примечания: 19

Который был не настоящим Игорем, а лишь носил его имя. Лучше не пытайтесь шутить с ним на этот счет, особенно не просите его пришить вашу голову задом наперед.

— Прстите, — сказала Шельма, раскачиваясь на стуле, — Но что там со Смуглянкой? Я заметила, как вы с Салли кивали друг дружке.

— Что? О, синдром неудачника. — Ангуа вспомнила с кем она говорит и добавила. — Э… У дварфов такого вероятно нет. Это означает… Иногда женщина бывает так красива, что мужчины с одной извилиной боятся пригласить ее куда-нибудь. Потому что им ясно, что она слишком хороша для них. Ухватила?

— Думаю, что да.

— Ну вот такова Смуглянка. Попробую объяснить: У Шнобби нет и одной извилины. Но он так привык, что женщины говорят ему нет, когда он приглашает их, что не боится отказа. Потому он и позвал ее, что подумал — почему бы и нет? И она, уверенная, что с ней что-то не в порядке, была так признательна ему, что согласилась.

— Но он нравится ей.

— Я знаю. Это-то и странно.

— У дварфов все намного проще. — сказала Шельма.

— Я полагаю.

— Но возможно не так весело. — уныло ответила Шельма.

Смуглянка вернулась. Ангуа заказала три Го-

ловорота, а Шельма с надеждой приценилась к Вопящему Оргазму.[20] И затем, с помощью Салли, Ангуа объяснила Смуглянке хм… все.

Объяснения заняли некоторое время. Приходилось облекать преждожения в соотвествующую форму, чтобы она вписались в свободное пространство в голову у Смуглняки. Ангуа не могла отделаться от мысли, что девушка не настолько глупа. В конце концов, она работала в ночном клубе.

— Почему, как ты думаешь, мужчины платят, чтобы посмотреть на тебя на сцене? — спросила она.

— Потому что у меня хорошо получается. — предположила Смуглянка. — Когда мне было десять лет, я выиграла ежегодный приз в школе балета и чечетки мисс Девиант.

— Чечетка? — ухмыляясь сказала Салли. — Эй, почему бы тебе не попробовать ее на сцене?

Ангуа попыталась представить Смуглянку, отбивающей чечетку. Возможно, что клуб сгорит до основания.

— Э… давай попробуем пойти другим путем. — сказала она. — Я говорю с тобой, как женщи… как

---

[20] Примечания: 20
Настойчивость — вот главное достоинство дварфов.

лицо женского пола.

Смуглянка была вся во внимании и даже то, с каким озадаченным видом она слушала, было несправедливостью по отношению к остальным представительницам ее пола. Когда Анга закончила, она с надеждой посмотрела на ангельское личико.

— Так вы говорите, — пробормотала Смуглянка, — что гулять со Шнобби все равно, что заказать в шикарном ресторане на обед одну только булочку?

— Точно! — ответила Ангуа. — Уловила!

— Но я никогда не встречалась с мужчинами. Бабушка говорила, чтобы я не вела себя как шлюха.

— А ты думаешь, что работать в… — начала Ангуа, но Салли оборвала ее.

— Иногда просто необходимо побыть шлюхой. — сказала она. — Тебя когда-нибудь в баре мужчины угощали выпивкой?

— Нет.

— Так. — сказала Салли и осушила стакан. — Не нравятся мне эти Головороты. Пшли куда-нибудь в другое место и — она сделала паузу, — и воспользуемся возможностями…

* * *

Присутствие Сибил в Псевдополис Ярде вызывало странные чувства. Раньше этот дом принадлежал семье Овнец. Она жила здесь в детстве, это был ее дом.

В грубые и неотесанные души стражников вкрались некоторые представления об этом. Люди, не славящиеся изящными манерами, вдруг обнаруживали себя машинально вытирающими ноги при входе и уважительно снимающими шлемы.

Они и разговаривать стали по другому, медленно, с запинками, тщательно проверяя каждое предложение на наличие бранных слов. Кто-то даже нашел метлу и вымел мусор или, по крайней мере, смел ее на менее заметное место.

Наверху, в помещении кассы, Малыш Сэмми мирно спал в импровизированной кроватке. Ваймс питал надежды, что когда-нибудь он сможет рассказать сыну, что в одну особую ночь, его охраняли четыре тролля — полицейских. У них был выходной, но они вызвались добровольцами и им просто не терпелось, чтобы дварфы попытались повторить нападение. Ваймс надеялся, что на мальчика это произведет впечатление;

большинство других детей могли бы надеятся только на ангелов.

Ваймс засел в столовой, потому что там был стол, достаточно больших размеров. Он разложил на нем карту города. На остальной части столешницы лежали страницы из Кодекса Кумской Долины.

Это не игра, а головоломка. Вроде картинки, которую надо было составить из кусочков. И он пришел к выводу, что ему пора бы уже собрать ее, потому как все уголки найдены.

— Улица Эттеркапов, Денежная Западня, Аллея Плаксы, Скаттелбатт Корт, Джибис, Пеликул Степс, — сказал он. — И везде туннели! Им повезло, что они смогли найти его так быстро. Мистер Плут снимал комнаты на доброй половине улиц района. Включая и Знахарский Проулок!

— Но почемау? — спросил сэр Рейнольд Строчетт. — Тоу есть, зачем оуни везде рыли тоуннели?

— Расскажи, Моркоу. — сказал Ваймс, проводя линию через город.

Моркоу откашлялся. — Потому что они дварфы, сэр, и к тому же глубинные дварфы. — сказал он. — Им и в голову не приходило, что есть другая возможность. Да и по любому, все дело заклю-

чалось лишь в очистке ушедших под землю помещений. Для дварфа это просто прогулка. И они проложили рельсы, так что можно было вывозить почву куда угодно.

— Да, ноу я уэверен… — начал было сэр Рейнольд.

— Они искали что-то говорящее на дне старого колодца. — сказал Ваймс, склонившись над картой. — Какова вероятность, что это все еще можно будет разглядеть? Да и люди могут что-то заподозрить, если вдруг появится команда дварфов и начнет раскопки в саду.

— Но это занялоу бы многоу времени, веурноу?

— Да, сэр. Но все происходило бы темноте, скрытно и под их контролем. — ответил Моркоу. — Они могли пробраться куда угодно. Если они не были уверены, что смогут пристроиться со своей слуховой трубой, то они могли бы обогнуть препятствие. В темноте, скрытно и под контролем.

— Краткое описание забурившегося. — вставил Ваймс.

— Поутрясающе! — заявил сэр Рейнольд. — И они прокопались в подвал моего музея?

— К барьеру, Фред. — сказал Ваймс, старательно выводя еще одну линию на карте.

— Ээ, верно. — сказал Фред Колон. — Эээ… Мы со Шнобби обнраужили это место лишь пару часов назад. — сказал он, думая про себя, что будет мудрым не добавлять "после того, как мистер Ваймс наорал на нас, потребовал рассказать все детали и затем отправил обратно, объяснив, что надо искать". Что он добавил, было — Эти дварфы чертовски умны, сэр. Даже известка выглядела грязной. Спорим, вы сказали себе ага, сэр?

— Сказал? — спросил сбитый с толку сэр Рейнольд. — Обычноу я говорю "Оу, боже!".

— Я считаю, что вы сказали себе ага, как же им удалось вернуть стену на место, после выноса полотна, сэр, и мы думаем…

— Ну, я могу представить себе дварфа, заделывающего отверстие в стене, потом залегшего на дно, как вы гоуворите, и удалившегося восвояси утром. — сказал сэр Рейнольд. — Люди постоянно то приходят, то уходят. В конце концов, мы искали картину, а не вора.

— Дассер. Мы считаем, что дварф заделал отверстие в стене, залег на дно и удалился восвояси утром. Люди постоянно то заходят, то выходят. Вы ведь искали картину, а не вора. — проговорил Ферд Колон. Он был так доволен, придумав это объяснение, что по любому собирался изложить

ее вслух.

Ему так хотелось предложить эту теорию

Ваймс постучал по карте. — И вот, сэр Рейнольд, то место, где тролль по имени Кирпич провалился сквозь подвал в их туннель. — сказал он. — Кирпич также рассказал нам, что видел в главной шахте что-то, сильно напоминающее свернутую картину Плута.

— Но вы его так и не нашли, увы. — сказал сэр Рейнольд.

— Мне очень жаль, сэр. Возможно, она уже вывезена далеко за пределы города.

— Но поучему? — спросил попечитель. — Они могли изучать картину в музее! Наш музей стал очень взаимоактивен в нынешние времена!

— Взаимоактивен? — спросил Ваймс. — О чем вы?

— Эээу… Посетители могут смотреть на картины столько, скоулько захоутят. — несколько обижено сказал сэр Рейнольд. Не стоит спрашивать такие вопросы.

— А что, в свою очередь, делают картины?

— Эээ… висят, коммандер. — ответил сэр Рейнольд. — Что же еще.

— То есть, вы хотите сказать, что люди могут приходить и смотреть на картины, а картины, в

свою очередь, могут давать на себя глядеть?

— Примерно так. — ответил попечитель. Он немного подумал и, почувствовав, что этого не достаточно, добавил. — Но динамичеуски.

— Вы имеете в виду, что картины заставляют людей двигаться, сэр? — спросил Моркоу.

— Да! — с огромным облегчением сказал сэр Рейнольд. — Отлично! Воут что собственно и происходит! И Плут долгие годы был у нас в публичном обозрении. Мы даже стремянку поуставили, на случай, если люди захоутят исследовать горы. Бывает, что люди приходят с навязчивыми идеями, например, что один из воинов указывает на едва заметную пещеру или что-нибудь подобное. Честноу, если бы там был какой секрет, я бы его уже нашел. Нет никакого смысла красть!

— Если только кто-то не нашел секрет и не хочет, чтобы кто-нибудь еще его нашел. — сказал Ваймс.

— Но это скорее всего произошло бы случайно, не так ли, командер? С картиной ничего такого не произошло в последнее время. Мистер Плут не объявился и не дорисовал еще одну гору! И, как бы неприятно не было мне это говорить, но достаточно было просто уничтожить картину.

Ваймс обошел вокруг стола. Все кусочки, думал он, я несомненно собрал все кусочки.

Начнем с той легенды о дварфе, который объявился спустя несколько недель после битвы, еле живой и бормочущий о сокровище.

Хорошо, это сокровище могло было быть тем Кубом, подумал Ваймс. Дварф выжил в битве, спрятавшись где-то и нашел эту штуку и она была важной. Он должен был спрятать ее куда-нибудь в безопасное место…. нет, скорее всего он должен был дать ее прослушать всем остальным. И конечно, он не мог забрать ее с собой, потому что там вполне могли встретиться тролли, бродящие по окрестностям в настроениях сначала треснуть дубинкой и лишь потом озаботиться вопросами. Ему нужны были телохранители.

Он добрался до людей, но по дороге в то место, где он спрятал куб, он умер.

Прошло две тысячи лет. Мог ли Куб сохраниться все это время? Черт возьми, они всплывают в кипящей лаве!

Итак, Куб лежал где-то там. Методия Плут пришел в поисках… живописного места или чего-то еще, он поглядел под ноги и вот он? Мне придется принять это на веру, потому что он действительно нашел Куб и заставил его разговаривать,

черт знает как. Но он не смог его выключить. Он бросил Куб в колодец и дварфы нашли его. Они прослушали Куб, но возненавидели то, что услышали. Они настолько сильно возненавидели это, что Мясодробилка приказал убить четырех шахтеров, случайно услышавших Куб. Итак, зачем им была нужна картина? На ней нарисовано то, о чем говорит Куб? Показывает место, где он лежал? Если вы заполучили куб в свои руки, разве этого не достаточно?

Он осознал, что сэр Рейнольд разговаривает с Моркоу…

— …как сказал вашему сержанту Колону, на картине изображено место, удаленное на несколько миль оут тоуго, где на самом деле происходила битва. Это соувершенно не та часть Кумской Долины! Этоу почти единственное, с чем согласны обе стороны!

— Так почему же он расположился там? — спросил Ваймс, уставясь на стол, словно надеясь извлечь из него подсказку одной только силой воли.

— Кто знает? Это ведь все Кумская Долина. Она занимает почти две с половиной сотни квадратных миль. Скорее всего, он просто пошел туда, где был наиболее впечатляющий вид.

— Как насчет чая? — спросила Сибил, стоя в дверях. — Я чувствую себя немного не у дел, вот и поставила чайник. Тебе не мешало бы отдохнуть, Сэм.

На лице Сэма Ваймса появилась паника, вот опять важное лицо застуканное в домашней обстановке.

— Ох, леди Сибил, они унесли Плута! — сказал сэр Рейнольд. — Я знаю, он принадлежал вашей семье!

— Мой дедушка любил говорить, что это какое-то чертово недоразумение, — ответила Сибил. — Обычно он позволял мне раскладывать полотно на полу в бальном зале. Я любила давать имена каждому дварфу. Мы с дедушкой искали секрет, потому что он говорил, что в Долине было спрятано сокровище и картина показывала его местонахождение. Конечно, мы так ничего и не нашли, но мне было чем заняться в дождливые дни.

— Ох, картина не является шедевром, — сказал сэр Рейнольд. — И художник был совершенно безумен. Но каким-то образом, картина говорит со зрителями.

— Хотел бы я, чтобы она сказала что-нибудь и мне, — пробормотал Ваймс. — Дорогая, тебе нет

необходимости заваривать чай. Один из полицейских…

— Не говори ерунды! Наш долг быть гостеприимными. — ответила Сибил.

— Конечно, были попытки сделать копии, — продолжал попечитель, принимая чашку чая. — Оу, боуже, оуни были ужасны! Разве моужно скопировать картину в пятьдесят футов длиной и десять футов высотой хоть с какой-нибудь точностью…

— Можно, если положить ее на пол в бальном зале и заказать пантограф. — сказала Сибил, разливая чай. — Этот чайник просто позорище, Сэм. Хуже, чем мусорное ведро. Неужели его никто не чистит?

Она посмотрела на их лица. — Я сказала что-то не то? — сказала она.

— Вы сделали копию Плута? — спросил сэр Рейнольд.

— О, да. Скопировала полностью, в масштабе один к пяти. — ответила Сибил. — Мне было тогда четырнадцать. Это был мой школьный проект. Понимаете, мы изучали дварфийскую историю и, поскольку у нас была эта картина, глупо было бы этим не воспользоваться. Вы ведь знаете, что такое пантограф? С его помощью можно легко

сделать большую или маленькую копию картины, используя геометрию, деревянные линейки и острый карандаш. На самом деле, я сначала сделала пять больших панелей площадью десять на десять футов в полный размер картины, чтобы наверняка перенести все детали. А потом уже уменьшенную копию один-к-пяти, чтобы выставить ее так, как этого хотел несчастный мистер Плут. Мисс Аморалка поставила мне отлично. Она вела у нас математику и знаете, втыкала в пучок волос пару компасов и линейку. Она любила говорить, что девушка, которая умеет пользоваться угольником и транспортиром, далеко пойдет в жизни.

— Как обидно, что у вас больше нет этой копии! — сказал сэр Рейнольд.

— С чего вы это взяли, сэр Рейнольд? — ответила Сибил. — Я уверена, что она где-то лежит. Когда-то она висела у меня в комнате. Дайте подумать… Забрали ли мы ее с собой при перезде? Я уверена… — Она встрепенулась. — Да, Сэм, ты когда-нибудь бывал здесь на чердаке?

— Нет! — сказал Ваймс.

— Значит пришло время побывать.

* * *

— Никогда раньше не бывала на Девичниках. — говорила Шельма, когда они неуверенно брели по ночному городу. — То, что произошло в конце, всегда происходит?

— Что именно? — спросила Салли.

— Что бар загорелся.

— Обычно нет. — ответила Ангуа.

— Никогда раньше не видела, чтобы мужчины дрались за женщину. — продолжала Шельма.

— Хех, это было что-то, а? — сказала Салли. Они проводили Смуглянку до дома. Смуглянка пребывала в довольно задумчивом настроении.

— И все, что она делала, это улыбалась мужчинам. — говорила Шельма.

— Да. — ответила Ангуа. Она старалась сосредоточиться на ходьбе.

— Все же немного обидно за Шнобби, если она позволит таким мыслям завладеть ею. — продолжала говорить Шельма.

Спаси меня боже, от словоохотливых впивух… выпивух… выпивох, думала Ангуа. Вслух она сказала — Да, но что насчет мисс Пушрам? Она несколько лет швыряла в Шнобби довольно дорогие сорта рыбы.

— Мы выступаем в защиту уродливой части прекрасной половины. — громко заявила Салли. — Туфли, мужчины, гробы… никогда не бери первое попавшееся.

— Ох, туфли, — сказала Шельма. — Давайте поговорим о туфлях. Как вам новые туфли с открытой пяткой из чистой меди Яна Рокхаммера?

— Э… мы не ходим к слесарю за обувью, дорогуша. — ответила Салли. — Ох… По-моему, меня сейчас стошнит…

— Это тебе расплата, что напилась… вина. — злобно проговорила Ангуа.

— Ха, ха, ха, — сказала вампир из тени. — Меня не задевает саркастическая пауза перед «вином», спасибо! Вот только не надо было мне пить эту вязкую жидкость под названием, придуманном людьми с чувством юмора, меньше, чем… ух… простите, ох, нееееет…

— Что с тобой? — спросила Шельма.

— Меня вырвало маленьким разноцветным бумажным зонтиком.

— О, боже.

— И бенгальским огнем…

— Это вы, сержант Ангуа? — произнес голос из сумрака. Открытый фонарь освещал лицо приближающегося констебля Посети. Когда он

подошел поближе, она разглядела, что под мышкой у него была толстая пачка памфлетов.

— Привет, Бачок, — сказала Ангуа. — Как дела?

— ...похоже на ломтик лимона... — донесся глухой голос из теней.

— Мистер Ваймс отправил меня на ваши поиски по местам, где царит беззаконие и скрывается грех. — ответил Посети.

— И литературу дал? — спросила Ангуа. — Кстати, что мешало добавить в последнее предложение слова "ничего личного".

— Поскольку мне приходится обходить храмы порока, сержант, я подумал, что мог бы одновременно делать кое-что во славу Ома. — сказал Посети, чье неутомимое рвение проповедника торжествовало над всеми невзгодами.[21]

Иногда, целые бары укладывались на пол с потушенными огнями, заслышав его на улице.

Их темноты доносились звуки рвоты.

— Горе тому, кто злоупотребляет вином! — сказал констебль Посети. Он заметил выражение лица Ангуа и добавил — Без обид.

— Хватит с нас этого. — простонала Салли.

---

[21] Примечания: 21

Говорят, что один такой есть в каждом полицейском участке. Констебля Посети-Неверующего-С-Разъяснительным-Памфлетом хватало за двоих.

— Что ему от нас надо, Бачок? — спросила Ангуа.

— Опять эта Кумская Долина. Он хочет, чтобы вы вернулись в Ярд.

— Но мы весь день ползали по этой шахте! — недовольно сказала Салли.

— Сочувствую, — жизнерадостно ответил Посети. — Сдается мне, что теперь вам придется немного походить.

— История моей жизни. — проговорила Шельма.

— Ну ладно, думаю, нам лучше пойти. — сказала Ангуа, пытаясь спрятать облегчение.

— Когда я говорю, "история моей жизни", ясно, что я говорю не про всю историю целиком. — бормотала Шельма про себя, тащась позади всех в блаженный мир, лишенный развлечений.

* * *

Овнецы никогда ничего не выбрасывали. В их чердаке было что-то вызывающее тревогу и это был не только легкий аромат давно сдохшего голубя.

Овнецы ставили метки на вещи. Как-то раз Ваймс поднялся на чердак их дома на Скун Авеню, чтобы снести вниз лошадь-качалку, детскую

кроватку и целую коробку древних, но обожаемых игрушек, пропахших нафталином. Они не выбрасывали ничего, что могло быть использовано повторно. Все старательно помечали и уносили на чердак.

Держа в одной руке фонарь и стряхивая паутину другой, Сибил вела их мимо коробок с надписями "мужские ботинки", "всякая всячина", "смешные марионетки, на нитках и перчаточные", "кукольный театр и декорации".

Может в этом и была причина их богатства: они покупали вещи, сделанные на века и им редко приходилось покупать что бы то ни было. Разве что пищу, но Ваймс не был удивлен, обнаружив коробки с надписями "яблочные сердцевины", "объедки, надо съесть".[22]

— Ага, вот оно. — сказала Сибил, убирая в сторону связку рапир и клюшек для лакросса.[23] Он

---

[22] Примечания: 22

Это фраза Сибил взяла его за живое. Как-то она объявила перед обедом: — "У нас сегодня будет свинина, ее необходимо съесть." — У Ваймса никогда не было проблем с едой, потому что его воспитали есть все, что дадут и есть быстро, прежде чем кто-то другой не отберет кусок. Его просто озадачило предположение, что еде надо делать одолжение.

[23] Примечания: 23

Лакросс (фр. la crosse — "клюшка") — командная игра, в которой две команды стремятся поразить ворота соперника резиновым мячом, пользуясь ногами и снарядом, представляющим собой нечто среднее между клюшкой и ракеткой. (прим. переводчика)

вытащила длинный толстый сверток на свет.

— Конечно, я не раскрашивала копии, — сказала Сибил, когда они потащили его к лестнице. — Это заняло бы вечность.

Чтобы спустить тяжеленный сверток вниз по лестнице, понадобились ряд усилий и определенное количество подпихиваний. Его отнесли в столовую, воодрузили на стол и раскатали потрескавшийся рулон.

Пока сэр Рейнольд разворачивал большие десятифутовые куски, Ваймс достал уменьшенную копию картины. Она была достаточно мала, чтобы поместиться на столе и он придавил стороны ржавой кружкой и солонкой.

Записки Плута были печальным чтением. И трудным чтением, также, потому что большая их часть наполовину обгорела, а почерк был как у паука, сидящего на батуте во время землятрясения.

Плут был законченным психом, записывая на бумагу то, что он хотел сохранить в тайне от цыпленка. Иногда он бросал записки на полуслове, если ему казалось, что цыпленок наблюдает за ним. Несомненно, он представлял собой грустное зрелище, но до тех пор, пока не брал в руки кисть. Тогда он погружался в работу со странным

озарением на челе. И вот она, его жизнь: огромный прямоугольный кусок холста. Методия Плут родился, нарисовал знаменитую картину, решил, что он цыпленок и умер.

Учитывая, что Плут не смог бы отличить ужа от ежа, какой смысл можно было найти в его писанине? Единственная запись, что казалась достаточно лаконичной, если не пугающей, была та, которую общепринято считали посмертной, так как ее нашли под бездыханным телом художника. Она гласила:

Писк! Писк! Он идет! ОН ИДЕТ!

Он умер, задохнувшись перьями в глотке. И краска на холсте еще не успела высохнуть.

Ваймс остановился на записи под номером, что был дан совершенно произвольно, № 39:

Я думал, что это указующее предзнаменование, но оно кричит в ночи.

Предзнаменование чего? И что означает № 143:

Там во тьме, во тьме, как звезда в цепях!

Ваймс сделал себе заметку об этой записи. Он отметил и многие другие. Но самым худшим — или лучшим, если вы увлекались загадками — было то, что его записи могли означать, что угодно. Под них можно было придумать свою собственную теорию. Художник голодал и жил в

смертельном страхе перед цыпленком, живущим у него в голове. С таким же успехом можно было искать скрытое значение в каплях дождя.

Ваймс отодвинул записки в сторону и уставился на тщательно выполненный карандашный рисунок. Даже в уменьшенной копии разобраться было совсем не просто. Лица на переднем плане были такими большими, что можно было заметить поры на носу у дварфа. Вдали были дотошно вырисованы фигурки, ростом в четверть дюйма.

Топоры и дубинки были занесены, пики нацеливались, везде, куда глаз ни кинь — атакующие и отражающие атаки. На протяжении всей картины дварфы и тролли схватились в яростной схватке, разрубая и сокрушая друг друга.

Он подумал: кого здесь не хватает?

— Сэр Рейнольд, не могли бы вы мне помочь? — тихо попросил Ваймс, стараясь не спугнуть зарождающуюсяя мысль.

— Да, коммандер? — поспешно сказал попечитель. — Не правда ли, леди Сибил сделала наиболее совершенную…

— Копия вполне удалась. — ответил Ваймс. — Скажите… Откуда Плут мог знать обо всем этом?

— Много дварфийских песен и тролльских историй сложено о сражении. О, также были

свидетели и среди людей.

— Значит Плут мог прочитать об этом?

— О, да. Кроме того факта, что он перенес битву в другую часть долины, все остальное нарисовано довольно верно.

Ваймс не отрывал взгляда от сражения на бумаге.

— Кто-нибудь знает, почему он перенес битву в другое место? — спросил он.

— Было несколько теоурий. Оудна из них гласит, что он был введен в заблуждение тем, чтоу мертвых дварфов кремировали в той части долины, ноу многие тела были смыты туда бурей. И там было поулно сухостоя для поугребального костра. Однако, я считаю, что он выбрал это местоу потому, что вид оттуда был намного лучше. Эти гоуры так живописны.

Ваймс уселся за стол, уставясь на набросок., мысленно призывая его раскрыть свой секрет. Через несколько недель этот секрет станет известен каждому, сказал мистер Сияющий. Почему?

— Сэр, Рейнольд, что-нибудь должно было произойти с картиной в ближайшие пару недель? — спросил он.

— О, да. — сказал попечитель. — Мы собирались выставить ее в новой комнате.

— Какая-то особенная комната?

— Я гоуворил вашему сержанту, командер. — сказал попечитель немного осуждающе. — Она круглая. Плут всегда планировал, чтобы картину рассматривали со всех сторон, стоя в центре круга. Так, чтобы зритель оказался прямо на том месте.

Я тоже почти на месте, подумал Ваймс.

— Я думаю, что куб сообщил дварфам что-то о Кумской Долине, — сказал он отсуствующим голосом, потому что чувствовал себя так, как будто уже был в долине. — Он сказал им, что место, где его нашли, имеет огромную важность. Даже Плут подумал, что это важно. Им была нужна карта и Плут нарисовал ее, может сам об этом не зная. Фред?

— Дассер?

— Дварфы не заботились о сохранении низа картины потому, что там не было ничего важного. Только фигуры воинов. Воины перемещаются.

— Но, при всем моем уважении, коммнадер, так же, как и все эти валуны. — ответил сэр Рейнольд.

— Камни не имеют значения. Не имеет значения, как сильно изменился рельеф долины к настоящему времени, все равно эта картина

укажет вам место. — сказал Ваймс. Огонек понимания забрезжил в его голове.

— Ноу даже реки меняют свое русло с годами и неизвестно сколько камней скатилось с гор. — продолжал сэр Рейнольд. — Мне гоуворили, что сейчас эта область выглядит соувершенно по другому.

— Тем не менее. — ответил Ваймс, все тем же отсутсвующим голосом. — Эта карта сгодится и через тысячи лет. На ней не помечена скала, провал или пещера, на ней помечена местность. Я мог бы точно определить это место. Да мог бы, если бы у меня была булавка.

— У меня есть! — ликующе заявил сэр Рейнольд, хватаясь за лацкан. — Я нашел ее на улице вчера вечером и как говорится, "булавку подберешь — удачу найдешь"...

— Спасибо. — ответил Ваймс и забрал булавку. Он подошел к столу и потянул копию за один конец, тяжелая бумага с шумом сползла со стола.

Он соединил булавкой концы картины, поднял получившийся циллиндр и надел на голову.

— Истина в горах. — сказал он. — Годами все глядели на линию гор. На самом деле это горная окружность.

— Но я знал это! — сказал сэр Рейнольд.

— В известном смысле, да, сэр, но вы, вероятно, до сих пор не понимали, что знаете? Плут расположился где-то в важном месте.

— Ну, да. Ноу это была пещера, коммандер. Оун специально упоминал пещеру. Вот почему все искали вдоуль стен ущелья. А сам он распоуложился прямоу в центре долины, у реки.

— Значит есть что-то, о чем нам еще не известно! — сказал Ваймс, слегка задетый тем, что большой момент так быстро стал маленьким. — Я найду что, когда доберусь туда!

Туда. Вот он и сказал это. Но ведь он знал, что отправится в долину, знал уже… как давно? Кажется, что всегда, но разве это всегда не началось вчера? Или сегодня днем? Перед его мысленным взором возникло изображение: Ваймс в Кумской Долине! Он даже мог чувствовать вкус воздуха! Слышать, как грохочет река, вода в которой холодна, как лед!

— Сэм… — начала Сибил.

— Нет, это дело необходимо закончить. — быстро прервал ее Ваймс. — Меня не волнует эта глупая тайна! Забурившиеся убили наших дварфов, помнишь? Они думают, что картина это карта, которую можно использовать, и поэтому они направились в долину. Я должен отправить-

ся за ними.

— Слушай, Сэм, если… — попыталась вставить слово Сибид.

— Мы не можем позволить разгореться войне между троллями и дварфами, дорогая. Та заварушка ночью была всего лишь тупой разборкой между бандами. Настоящая война в Анк-Морпорке может разрушить весь город! И каким-то образом, все концы сходятся в том месте!

— Я согласна с тобой! Я тоже хочу поехать! — завопила Сибил.

— Кроме того, я буду в полной безопасности, если… Что? — У Ваймса отвисла челюсть, в то время как его ментальные шестеренки крутанулись в обратную сторону. — Нет! Это слишком опасно!

— Сэм Ваймс, я всю свою жизнь мечтала посетить Кумскую Долину, поэтому даже думать не смей, что сможешь смыться и оставить меня одну дома!

— Я не смываюсь! Я никогда в жизни не смывался! Я могу умываться, но не смываться! И там собирается начаться война!

— Тогда я скажу всем, что мы не участвуем. — спокойно ответила леди Сибил.

— Это не поможет!

— Значит это не поможет и в Анк-Морпор-

ке. — сказала Сибил с видом игрока, срубившего четырех дварфов за один ход. — Сэм, ты знаешь, что проиграешь. Нет никакого смысла в этом споре. Кроме того, я говорю по дварфийски. И мы возьмем с собой Малыша Сэмми.

— Нет!

— Итак, все улажено. — сказала Сибил, явно пораженная внезапным приступом глухоты. — Если ты хочешь схватить дварфов, я предлагаю выехать немедленно.

Сэр Рейнольд повернулся к ней с раскрытым ртом. — Но, леди Сибил, там уже начали собираться армии. Леди там делать нечего!

Ваймс содрогнулся. Сибил уже приняла решение. И сейчас ему в очередной раз придется стать свидетелем драконовского залпа огнем.

Леди Сибил набрала полную грудь, воздуха, так что чуть ли не взлетела в над полом.

— Сэр Рейнольд, — сказала она, приправляя слова льдом. — Однажды, в Году Вши, моя прабабушка собственноручно приготовила парадный обед на восемнадцать персон в окруженном кровожадными клатчианцами форте, и она посчитала возможным подать на десерт щербет и орехи. Моя бабушка, в Год Тихой Обезьянки, обороняла наше посольство в Псевдополисе от

толпы, и под рукой у нее были только садовник, дрессированный попугай и сковородка растопленных шкварок. Когда нашу карету остановили два отпетых разбойника, моя покойная тетя дала им такой отпор, что они бросились прочь, призывая своих матерей, сэр Рейнольд, своих матерей. К опасностям нам не привыкать, сэр Рейнольд. Смею напомнить, что чуть ли не половина дварфов, сражавшихся в Кумской Долине, были женщинами. Никто не предлагал им оставаться дома!

Итак, все улажено, подумал Ваймс. Мы… Черт побери!

— Капитан, — сказал он. — Пошлите кого-нибудь к скальту Скромняку, хорошо? Скажите ему, что коммандер Ваймс передает ему привет и собирается отбыть рано утром.

— Эээ, так точно сэр. Будет сделано. — ответил Моркоу.

Откуда он знал, что я поеду в долину? — размышлял Ваймс. Допустим, это было неминуемым. Но если бы он сказал, что мы плохо обошлись с тем дварфом, от нас бы и мокрого места не осталось. Могу поспорить, что он из учеников мистера Сияющего. Да, было бы неплохо приглядывать за ним…

* * *

Когда лорд Ветинари спит? Ему тоже надо отдыхать время от времени, думал Ваймс. Сон нужен всем. Сон урывками помогает продержаться какое-то время, но рано или поздно без непрерывного восьмичасового сна не обойдешься, верно?

Сейчас почти полночь и вот Ветинари за своим столом, свежий, как маргаритка и прохладный, как утренняя роса.

— Вы уверены, Ваймс?

— Моркоу присмотрит за всеми делами. К тому же беспорядки стихли. Я думаю, что большинство серьезных зачинщиков направились в Кумскую Долину.

— Это, можно сказать, неплохой повод, чтобы вам не ездить. У меня, Ваймс, есть… агенты для такого рода дел.

— Но вы же сами хотели, чтобы я преследовал их, сэр! — запротестовал Ваймс.

— В Кумскую Долину? В такое время, как сейчас? Применение силы в данный момент может вызвать далеко идущие последствия, Ваймс!

— Вот и хорошо! Вы сказали мне вытащить их на свет! Как только они влезли в это дело, я сам стал далеко идущим последствием!

— Несомненно. — ответил Ветинари, сделав паузу, достаточную, чтобы Ваймс почувствовал себя неудобно. — И когда вы отважно столь далеко зайдете, вам потребуется дружеская поддержка. Я сделаю все, чтобы Низкий Король, был, по крайней мере осведомлен о вашем присутствии.

— Не волнуйтесь, он скоро сам узнает обо всем. — прорычал Ваймс. — Что да, то да.

— Нисколько в этом не сомневаюсь. У него есть агенты в нашем городе, также как у меня в его. И поэтому я окажу ему любезность, сообщив официально то, что он узнает в любом случае. Это называется политикой, Ваймс. Это то, что мы пытаемся делать в правительстве.

— Но… шпионы? Я думал мы друганы с Низким Королем!

— Конечно друзья, — ответил Ветинари. — И чем больше мы знаем друг о друге, тем большими друзьями мы остаемся. Мы едва бы озаботились слежкой за врагами. Какой в этом смысл? Леди Сибил не возражает против вашего отъезда?

— Она поедет со мной. Она настаивает на этом.

— Безопасно ли это?

— Безопасно ли здесь? — сказал Ваймс, пожимая плечами. — Дварфы вылезли прямо из под чертова пола! Не беспокойтесь, она и Малыш Сэм-

ми будут в стороне от любой опасности. Я возьму с собой Фреда и Шнобби. И еще я хочу взять Ангуа, Салли, Детрита и Шельму. Мульти-расовый подход, сэр. Он всегда помогает в политике.

— И Призываемую Тьму тоже? Что насчет этого, Ваймс? О, не надо на меня так смотреть. Дварфы только об этом и сплетничают. Как мне сказали, один из умирающих дварфов наложил проклятье на каждого, кто был в шахте.

— Откуда мне знать об этом, сэр. — ответил Ваймс, прибегая к тому деревянному выражению лица, что так часто выдавало его с головой. — Это все мистика. Мы не занимаемся мистикой в Страже.

— Это не шутки, Ваймс. Насколько я понял, это очень старая магия. Настолько старая, что почти все дварфы забыли об этом. И она могущественна. Она будет преследовать их.

— Значит все, что мне нужно, это искать большой плавающий глаз с хвостом, так? — ответил Ваймс. — Это упрощает дело.

— Ваймс, я знаю, вам известно, что символ и это существо не одно и то же. — сказал Патриций.

— Дассер. Мне известно. Но магии нет места в полиции. Мы не используем магию, чтобы найти преступников. Мы не используем ее, чтобы по-

лучить признания. Потому что нельзя доверять этой чертовой шутке, сэр. У нее свой собственный нрав. Если действительно существует проклятие, преследующее этих ублюдков, что ж, это их дело. Но если я схвачу их первым, сэр, я посажу их в тюрьму и это существо не пройдет мимо меня.

— Ваймс, Арккансцлер Чудаккули говорит, что по его мнению, оно может являться псевдодемоническим существом, таившимся миллионы лет!

— Я сказал, что мне известно, сэр. — ответил Ваймс, пялясь в точку над головой Ветинари. — Мой долг настичь этих дварфов. Я уверен, что они могут помочь мне расследовании.

— Но у вас нет доказательств, Ваймс. А вам потребуются очень веские доказательства.

— Так точно. Поэтому я хочу притащить их обратно, хоть за шкирку. Их самих и их чертовых стражей. Так, чтобы я смог провести расследование. Кто-нибудь из них мне что-нибудь да скажет.

— И вы также получите личное удовлетворение? — резко спросил Ветинари.

— Это вопрос с подтекстом, сэр?

— Браво, браво. — мягко ответил Ветинари. — Леди Сибил выдающаяся женщина, Ваймс.

— Дассер. Выдающаяся.

И Ваймс ушел.

Спустя какое-то время, главный клерк Ветинари Драмнот бесшумно вошел в комнату и поставил чашку чая перед Патрицием.

— Благодарю, Драмнот. Вы все слышали?

— Да, сэр. Коммандер настроен очень решительно.

— Они ворвались в его дом, Драмнот.

— Совершенно верно, сэр.

Ветинари откинулся назад и уставился на потолок. — Скажите мне, Драмнот, вы любите держать пари?

— Бывает, что я делаю маленькие ставки, сэр.

— Если взять невидимую и очень могущественную псевдодемоническую сущность с одной стороны и коммандера с другой, на кого бы вы поставили, допустим… доллар?

— Я не стал бы ставить, сэр. Похоже, что доллар достанется судьям.

— Да, — сказал Ветинари, задумчиво глядя на закрытую дверь. — Да, действительно.

* * *

Я не пользуюсь магией, думал Ваймс, идя под дождем к Незримому Университету. Но иногда я

говорю неправду.

Он миновал главный вход и с максимальной предосторожностью направился к Проходу Волшебников, где примерно на середине спуска несколько вынимающихся кирпичей позволяли проникнуть в Университет всем желающим. Целые поколения загулявших студентов пробирались в свои комнаты с помощью этих кирпичей. Став важными и могущественными волшебниками с длинными бородами и толстыми животами, они никогда даже пальцем не пошевелили, чтобы починить эту стену. В конце концов, это была Традиция. Этот проход никогда не проверялся Лобстерами,[24] верящими в Традицию еще сильнее, чем волшебники.

Однако сегодня, в тенях кто-то прятался и этот кто-то подпрыгнул, когда Ваймс похлопал его по плечу.

— Ох, это вы, коммандер Ваймс. Это я, сэр, Вигглей, сэр. Аркканцлер ждет вас в хижине садовника, сэр. Следуйте за мной, сэр. Пароль — мим, эээ, сэр?

---

[24] Примечания: 24

Привратники Университета или бледлосы, с бóльшим рвением исполняющие свои обязанности, чем проктóры. Свои прозвища они заполучили благодаря тому, что отличались толстокожестью, легко краснели на жаре и обладали самым маленьким мозгом для существ с подобными размерами.

Ваймс шел за Вигглеем по темной, хлюпающей лужайке. Странно, он не чувствовал себя слишком уставшим. Несколько дней почти без сна, а он продолжает оставаться вполне бодрым. Это запах погони, вот что это такое. Расплачиваться ему придется позже.

Вигилей сперва огляделся по сторонам с заговорщическим видом, который сразу же должен был привлечь внимание любого постороннего наблюдателя, и затем открыл дверь в сарай.

Внутри сидела крупная фигура. — Комманде́р! — радостно взревела она. — Что за потеха, а? Рыцари плаща и кинжала?

Голос аркканцлера Чудаккули, когда тот пребывал в веселом настроении, мог заглушить только сильный ливень.

— Нельзя ли немного потише, аркканцлер? — сказал Ваймс, торопливо закрывая дверь.

— Прошу прощения! То есть, прошу прощения. — ответил волшебник. — Садитесь. Мешки с компостом вполне удобны. Ну… чем могу помочь, Сэм.?

— Не могли бы мы сразу согласиться, что ничем? — спросил Ваймс.

— Интригующе. Продожайте. — сказал Чудаккули, наклоняясь поближе.

— Вы знаете, что я не разрешаю применять магию в Страже. — продолжил Ваймс. Пока он усаживался в полутьме, сверху на него упал свернутый шланг, который он после некоторой борьбы отшвырнул на пол.

— Я знаю, сэр, и уважаю вас за это, хотя есть и такие, что считают вас невероятным тупицей.

— Ну… — сказал Ваймс, стараясь выбросить из головы "невероятного тупицу", — Суть в том, что мне надо попасть в Кумскую Долину как можно быстрее. Э… Очень быстро, правда.

— Можно сказать — магически быстро? — спросил Чудаккули.

— Некоторым образом. — ответил Ваймс, ерзая на сидении. Как ему не хотелось говорить об этом. И на чем это таком он сидит?

— Мммм. — сказал Чудаккули. — Но без всяких, я полагаю, фокусов-покусов? Вам как будто что-то мешает, сэр!

Ваймс победно вытащил большую луковицу. — Прошу прощения, — сказал он, отбрасывая ее в сторону. — Нет, точно без фокусов. Разве что немного покусов. Мне нужно небольшое преимущество в скорости. Они опережают меня на день.

— Понимаю. Вы путешествуете один?

— Нет, нас будет одиннадцать. Две кареты.

— Однако! И исчезнуть в клубах дыма, чтобы появиться еще где-то…

— Об этом не может быть и речи. Мне только нужно…

— Преимущество. — повторил волешбник. — Да. Что-то магическое по действию, но не по проявлению. Ничего слишком очевидного.

— И никаких превращений в лягушку или чего то в таком духе. — быстро добавил Ваймс.

— Разумеется. — ответил Чудаккули. Он хлопнул в ладоши. — Что же, коммандер, боюсь, мы вам помочь не в состоянии. Волшебники такими вещами не занимаются! — он понизил голос и продолжил.

— Мы в особенности не сможем вам помочь, если вы оставите пустые кареты на задах Университета, скажем, через час?

— А? Ээ… точно. — сказал Ваймс, пытаясь ухватить мысль. — Вы ведь не собираетесь заставить их летать, нет?

— Мы ничего не собираемся делать, коммандер. — весело ответил Чудаккули, хлопая его по спине. — Я думал, что мы уже договорились об этом! И я думаю, что вам пора идти, хотя, конечно же, на самом деле вас здесь и не было. Так же, как и меня. Здорово придумано, все эти шпионские

штучки, а?

Когда Ваймс ушел, Маструм Чудаккули снова сел, разжег трубку и с запозданием решил использовать последнюю спичку, чтобы зажечь свечу в фонаре, стоящем на столе с горшками. Садовник выходил из себя, когда в его сарае устраивали беспорядок, так что не помешает немного прибраться…

Он уставился на пол, где кольцо шланга и упавшая луковица сложились в то, что на беглый взгляд, казалось большим глазом с хвостом.

Дождь успокоил Ваймса. Он так же успокоил улицы. Чтобы бунтовать под дождем, нужен неподдельный энтузиазм. К тому же новости о событиях вчерашней ночи разошлись по всему городу. Конечно, никто ничего не знал наверняка и последствия Ерша и Большого молота были таковы, что не особо отягощенное интеллектом большинство не могло разобраться, что же произошло. Они проснулись в плохом самочувствии, верно? Не иначе, как что-то случилось. Да еще и дождь зарядил, так что не лучше ли посидеть в кабачке?

Ваймс шел сквозь мокрую, шепчущую темноту, его мозг был в огне.

Как быстро могут передвигаться эти скальты?

Судя по голосам, среди них были весьма старые дварфы. Старые, но и двужильные. Но даже так, хороших дорог в том направлении не было и тряску долго не выдержишь.

И Сибил собирается взять с собой Малыша Сэмми. Это было глупо, не считая того… что не было, после того как дварфы ворвались в твой дом. Против всевозможного здравого смысла он согласился с Сибил. Дом там, где они вместе. Она уже послала срочную семафорограмму к старой приятельнице, что жила неподалеку от Долины. Похоже, она считает, что они собираются на своего рода семейную прогулку.

На углу топталась компания тяжеловооруженных дварфов. Может в барах не было свободного места, а может им захотелось немного прохладиться. Слоняться по улицам не запрещено законом, правильно?

Не правильно, прорычал Ваймс, приближаясь. Подходите, ребята. Хватайтесь за оружие. Только двиньтесь. Вдохните слишком громко. Дайте мне хоть что-то, чтобы я смог сослаться на "действия в целях самозащиты". Да, это будет мое слово против вашего, но поверьте, ребята, вы вряд ли будете в состоянии сказать хоть одно.

Дварфы кинули один взгляд на приближающе-

еся видение, окруженное светящимся ореолом в тумане, и бросились наутек.

Вот так!

* * *

Существо, известное, как Призываемая Тьма, мчалось по улицам бесконечной ночи, минуя туманные воспоминания зданий, которые колыхались, когда оно проносилось мимо. Оно добьется своего, оно добьется. Ему приходится менять тысчелетние привычки, но оно найдет вход, даже если он будет не больше замочной скважины. Никогда раньше ему не приходилось так тяжело, никогда не приходилось так мчаться. Это… опьяняло.

Но каждый раз, когда оно задерживалось около зарешеченного отверстия или неохраняемого дымохода, оно слышало погоню за собой. Преследование было медленным, но никогда не останавливалось. Рано или поздно, его настигнут.

* * *

Скальт Скормняк снимал комнату в разгороженном подвале на Дешевой улице. Рента была

скромная, но он должен был признать, что и качество жилья тоже: лежа на своей весьма узкой кровати, он мог дотянуться до всех четырех стен или, скорее трех стен и тяжелой занавески, что отделяла его от остального подвала. Но в стоимость была включена еда и хозяева уважали его уединенность.

Это было что-то — иметь в жильцах скальта, даже если этот скальт был слишком юн и не скрывал лицо. Все равно, соседи были впечатлены.

За занавеской ссорились дети, плакал ребенок и доносился запах крысокапустного рагу. Кто-то точил топор. И еще кто-то храпел. Дварф мог достичь уединения в Анк-Морпорке только возделывая его в себе самом.

Книги и бумаги заполняли все оставшееся место. Столом Скромняку служила доска, положенная на колени. Он читал потрепанную книгу с потрескавшейся и подпорченной обложкой. Руны, на которые он смотрел, гласили: "Нет у нее силы в этом мире. Чтобы получить желаемое, Тьма должна найти воина, живое существо, которое она сможет подчинить своей воле…"

Скромняк вздохнул. Он снова и снова перечитывал эту фразу, надеясь, что ему удастся найти в ней менее очевидный смысл. На всякий слу-

чай, он занес ее в свою записную книжку. Затем он убрал книжку в заплечную сумку, заплатил Тоину Ногоступу ренту за две недели вперед и вышел в дождь.

* * *

Ваймс не помнил, как пошел спать. Он не помнил как спал. Он просто вынырнул из темноты, когда Моркоу потряс его. — Кареты во дворе, мистер Ваймс!

— Чего? — пробормотал Ваймс, щурясь от света.

— Я приказал загружать их, сэр, но…

— Но что? — Ваймс сел.

— Я думаю, вам лучше пойти и посмотреть самому, сэр.

Ваймс вышел во влажный рассвет. Во дворе действительно стояли две кареты. Детрит, опираясь на Миротворца, лениво наблюдал за погрузкой.

Завидев коммандера, Моркоу торопливо сказал: — Волшебники, сэр. Они что-то сделали.

На взгляд Ваймса, кареты выглядели вполне нормальными, о чем он и сообщил.

— Выглядят то они нормально, — ответил Моркоу. Он наклонился и ухватился за дверной порог. — Зато я могу сделать так. — И поднял

нагруженную карету над головой.

— Не должно быть такое тебе под силу. — сказал Ваймс.

— Совершенно точно, сэр. — ответил Моркоу и осторожно опустил карету на мостовую. — И даже с людьми внутри она не становится тяжелее. Пройдемте сюда, сэр, они сделали что-то и с лошадьми.

— Не догадываетесь, что именно, капитан?

— Не имею понятия, сэр. Кареты просто стояли позади Университета. Хаддок и я пригнали их сюда. Они очень легкие. Но меня лично беспокоит упряжь. Поглядите сами, сэр.

— Я вижу, что кожа очень толстая. — сказал Ваймс. — И зачем здесь все эти медные бляшки? Это что-то волшебное?

— Возможно, сэр. Что-то должно произойти на скорости тринадцать миль в час. Я не знаю что. — Моркоу похлопал по стенке кареты, которая легко сдвинулась в сторону. — Дело в том, сэр, что я не понимаю, какое преимущество в скорости это может вам дать.

— Что? Ежу понятно, что невесомая карета может…

— О, отсутствие веса помогает, сэр, особенно на склонах. Но лошади не могут бежать с такой

скоростью долгое время, сэр, и как только они стронули карету с места, они тащат катящийся вес, который не такой уж и тяжелый.

— Тринадцать миль в час. — задумчиво произнес Ваймс. — Хммм. Это довольно быстро.

— Почтовые кареты на многих перегонах едут в среднем со скоростью от девяти до десяти миль в час. — сказал Моркоу. — Но чем ближе к Кумской Долине, тем хуже будут дороги.

— Ты ведь не думаешь, что у нее появятся крылья, а?

— Я думаю, что волшебники поставили бы нас в известность, если бы должно было случиться что-то подобное, сэр. Но забавно, что вы об этом упомянули, потому что под каждой каретой прибиты гвоздями по семь метел.

— Что? Почему же они просто не улетают со двора?

— Магия, сэр. Я думаю, что они нужны лишь для того, чтобы компенсировать вес.

— Черт возьми, верно. Как же я сам об этом не подумал? — кисло сказал Ваймс. — Вот почему я не люблю магию, капитан. Потому что это магия. Не задавай вопросов, это же магия. И она ничего не объясняет, эта магия. Ты не знаешь откуда что берется, это же магия! Мне не нравится магия,

потому что она все делает с помощью магии!

— Очень существенная причина, сэр, без сомнения. — согласился Моркоу. — А теперь позвольте, я займусь оставшимся грузом.

Ваймс задумчиво разглядывал кареты. Возможно, ему не следовало обращаться к волшебниками, но был ли у него выбор? О, они могли бы перекинуть Сэма Ваймса через все это расстояние в клубах дыма за одно мгновение, но кто бы в действительности прибыл на место и кто бы вернулся обратно? Ваймс был уверен, что люди не должны исчезать таким образом.

Сэм Ваймс всегда прирожденным пешеходом. Поэтому он собирался взять в поездку Виликинса, который умел управлять каретой. К тому же Вилликинс продемонстрировал Ваймсу способность запустить простой рыбный нож в стену так, что его было потом не вытащить. В такие времена, как сейчас, Ваймс приветствовал подобные умения у дворецкого.

— Звиняйте, сэр, — сказал Детрит позади него. — Могу ли я поговорить наедине?

— Да, конечно, — ответил Ваймс.

— Эээ, надеюсь я не сказал вчера в камерах что-то слишком…

— Не припомню ни слова, что ты говорил. —

ответил Ваймс.

Детрит поглядел с облегчением. — Спасибо, сэр. Эээ… Я бы хотел взять с нами юного Кирпича, сэр. Родственников у него здесь нет, а сам он даже не знает в каком состоит клане. Он лишь опять снова попадет в беду, если я не буду за ним присматривать. И он никогда не видел гор. Он никогда даже не был за пределами города!

Тролль смотрел умоляюще. Ваймс вспомнил, что их брак с Руби был счастливым, но бездетным.

— Что же, проблемы с весом у нас вроде нет, — сказал он. — Хорошо. Но ты будешь присматривать за ним, договорились?

Тролль просиял. — Дассэр! Я прослежу, чтобы вы не пожалели об этом, сэр!

— Завтрак, Сэм! — позвала Сибил из дверей. Неприятное подозрение охватило Ваймса и он поспешил к другой карете, где Моркоу привязывал ремнями последнюю сумку.

— Кто упаковывал еду? Сибил упаковывала еду? — спросил он.

— Думаю, что да, сэр.

— Были ли там… фрукты? — спросил Ваймс с зароджающимся ужасом.

— Были, сэр. И довольно много. И еще овощи.

— А хоть немного бэкона? — Ваймс почти умолял. — Бэкон хорошая еда для длительного путешествия. Он хорошо переносит дорогу.

— Думаю, что сегодня он останется дома. — сказал Моркоу. — Я должен сказать вам, сэр, что леди Сибил узнала о вашем соглашении насчет сэндвичей с бэконом. Она просила передать вам, что игра закончена, сэр.

— Знаете ли, я здесь коммандер. — сказал Ваймс немного заносчивее, чем ему позволял пустой желудок.

— Да, сэр, но леди Сибил очень мягко умеет быть твердой.

— Да уж, она умеет. — пробормотал Ваймс, направляясь к дому. — Но вообще то, мне очень повезло. — Добавил он, на случай, если у Моркоу сложилось неверное впечатление.

— Да сэр. В самом деле.

— Капитан!

Они обернулись. Какой то человек спешил к ним от ворот. За спиной у него были прикреплена пара мечей.

— А, дополнительный констебль Хадкок. — сказал Моркоу, делая шаг навстречу. — У вас есть что-то для меня.?

— Э, да, капитан. — Хандкок нервно покосился

на Ваймса.

— Это официальное дело, Энди. — успокаивающе сказал Ваймс.

— Не так много сведений, сэр. Но я выяснил, что молодая леди закодировала и послала в Бонк по меньшей мере две семафорограммы на предъявителя. Это значит, что они дойдут до главной башни и там их заберет тот, у кого есть разрешение. Мы не знаем, кому она их послала.

— Молодец. — сказал Моркоу. — Как она выглядела?

— Все, что мне удалось узнать, это была юная леди с короткой стрижкой. Она подписала свои сообщения "Яицалас"

Ваймс расхохотался. — Что же, вот так то. Спасибо, дополнительный констебль Хадкок.

— Использование семафоров для преступлений становится растущей проблемой. — печально сказал Моркоу, когда они снова оказались вдвоем.

— Вполне похоже на это, капитан. — сказал Ваймс. — Но здесь и сейчас мы знаем, что наша Салли не была с нами откровенна.

— Мы не знаем наверняка, сэр. — ответил Моркоу.

— Разве? — весело сказал Ваймс. — Меня это

даже развеселило. Один из наименее известных промахов вампиров. Никто не знает почему они так поступают. Из той же серии, что и комнаты с большими окнами и легко сдираемыми занавесками. Можно сказать, что-то вроде инстинкта неумирания. Насколько умными бы они не были, они не могут отказаться от идеи, что никто не сможет опознать их имя, если написать его задом наперед. Ладно, идем.

Ваймс поглядел в сторону дома и заметил маленькую аккуратную фигуру, терпеливо стоящую у двери, с таким видом, как будто ожидание доставляло ей удовольствие. Ваймс вздохнул. Я торгуюсь без топора в руках, а?

— Не желаете позавтракать с нами, мистер Скромняк? — спросил он.

— Это довольно приятно. — сказала Сибил через час, когда кареты выехали на окраину города. — Помнишь, наш последний отпуск, Сэм?

— Вообще то, это был не отпуск. — заметил Ваймс. Малыш Сэм раскачивался в люльке над их головами и гулил.

— Ну все равно, мы интересно провели время. — сказала Сибил.

— Да, дорогая. Меня чуть не съели оборотни.

Ваймс откинулся на спинку сидения. Каре-

та была уютно обита изнутри тканью и мягко пружинила на ухабах. Магическое уменьшение веса было почти незаметно в плотном уличном движении. Какой с него вообще прок? И с какой скоростью могли перемещаться эти старые дварфы? Если они едут в большой повозке, то Ваймс нагонит их завтра, когда горы будут еще на горизонте. Тем временем он сможет хотя бы немного отдохнуть.

Он вытащил потрепанный томик под названием "Прогулки по Кумской Долине" Эрика Уилбрейса, человека, который, судя по всему, прогулялся по всем существующим тропинкам в Ближних Овцепиках, даже по овечьим тропам.[25] В книге был приведен экскиз карты долины, единственной карты, что Ваймсу довелось увидеть. Что же, Эрик был неплохим рисовальщиком.

Кумская Долина это... Это, по своей сути, водосточная канава, вот что это такое. Канава из мягкого известняка, длиной около тридцати миль, и окруженная скалами из более твер-

---

[25] Примечания: 25

Но и на этих тропах он гонял горных коз с почти вертикальных склонов и, скользя на сыпящейся из под ног гальке, обвинял их в нарушении его Права на Проход. Эрик верил всей душой, что Земля Принадлежит Народу и также верил, что он сам, больше, чем кто-либо другой, является этим Народом. Он путешествовал с картой на шее, завертнутой в водонепроницаемую материю. С такими людьми лучше не шутить.

дых горных пород. Ее можно было бы назвать ущельем, если бы она не была так широка. Начиналась она в вечных снегах, а заканчивалась почти на равнине.

Говорили, что даже облака стараются не задерживаться над опустением, что называется Кумской Долиной. Может и так, но это ничего не меняет. Воду в долину несут тающие ледники и сотни водопадов, срывающихся с окружающих ее гор. Один из таких водопадов, Слезы Короля, был в полмили высотой.

Река Кум не просто текла по долине. Она прыгала и кружилась по всему пространству. На полпути к равнинам она становилась сплошным лабиринтом из гремящих потоков, то соединяющихся, то разделяющихся снова. Потоки несли и вертели огромные валуны, играли со стволами деревьев, что упали в реку из пропитаных влагой лесов, выросших на каменистых осыпях у подножия гор. Вода с журчанием устремлялась в отверстия в известняковом ложе и фонтанами вырывалась из под земли ниже в нескольких милях. У реки не было русла, которое можно было бы отобразить на карте — сильная гроза в горах могла смыть в долину скалы, размером с дом, или добрую половину леса, и создать плотины.

Некоторые из этих плотин существовали годами, образуя островки в бущующей воде, покрываясь травой и деревьями и заселяясь колониями птиц. Затем, вода подмывала какой-нибудь важный камень в основании плотины и в течении часа островок исчезал. В долине выживали только те существа, что могли летать. Еще до первой битвы дварфы пытались приспособить долину к жизни, но безуспешно.

Знаменитое наводнение во время битвы смыло сотни троллей и дварфов и многие тела так и не были найдены. Кумская Долина приняла их в свои подземные воронки, пустоты и пещеры, и больше не отпустила.

В долине были места, где можно было кинуть раскрашенную пробку в крутящийся водоворот и через двадцать минут она выскивала в фонтане воды в дюжине ярдов в стороне.

Ваймс прочитал, что Эрик сам видел, как гид проделывал это трюк, требуя за показ полдоллара. Да, люди тоже посещали долину — туристы, поэты и художники в поисках вдохновения в этой суровой дикости. Некоторые люди соглашались работать гидами в Кумской Долине за хорошую плату. И за дополнительные деньги они даже рассказывали историю этого места. Они расска-

зывали о том, что в ветре, завывающем в скалах, и ревущих потоках воды можно услышать звуки битвы, продолжающейся и после смерти ее участников. Они рассказывали, что тролли и дварфы, забранные долиной, все еще сражаются друг с другом в темноте подземного лабиринта пещер и гремящих потоков.

Один из них признался Эрику (потому что такие истории, как история Кумской Долины, невозможно закончить, не поведав о неисчислимых сокровищах, таящихся в темноте), что будучи мальчишкой, во время холодного лета, когда воды с ледников было мало, он спустился на веревке в одно такое отверстие и лично расслышал сквозь шум воды звуки битвы и крики дварфов. Нет, сэр, в самом деле, сэр. Просто кровь заледенела, сэр, благодарю вас…

Ваймс выпрямился на своем сидение.

Было ли это правдой? Неужели, если бы тот гид прошел чуть дальше, то нашел бы маленький говорящий кубик, который так неудачно подобрал Методия Плут? Эрик отмахнулся тогда от гида, полагая, что это очередная попытка выклянчить доллар и, возможно, так оно и было, но… — нет, к этому времени куб уже давно был в другом месте. Но даже если это и так. Мысль была очень

интригующей.

Окошко кучера приоткрылось.

— Выехали за город, сэр, впереди пустая дорога. — доложил Виликинс.

— Спасибо. — Ваймс потянулся и поглядел на Сибил, сидящую напротив. — Ну что же, пришла пора все узнать. Возьми Сэма на руки.

— Я уверена, Маструм не стал бы делать ничего опасного, Сэм. — ответила Сибил.

— Ничего не знаю. — сказал Ваймс, открывая дверь. — В чем я уверен, так это в том, что он не стал бы делать этого специально.

Он раскачался и с помощью Детрита перелез на крышу.

Карета шла ровно и быстро. Солнце сияло. По обеим сторонам дороги капустные поля струили свой нежный аромат в воздух.

Ваймс устроился позади дворецкого.

— Так. — сказал он. — Все держатся за что-нибудь? Хорошо. Погоняй!

Виликинс взмахнул хлыстом. Лошади рванули и Ваймс почувствовал, как карета ускорилась.

Похоже, что на этом все. Он ожидал чего-то чутоку более впечатляющего. Карета постепенно разгонялась, это да, но само по себе это не было слишком магическим.

— По моему, мы делаем примерно двенадцать миль в час, сэр. — сказал Виликинс. — Очень неплохо. Они хорошо бегут, без…

Что-то произошло с упряжью. Медные бляшки искрились.

— Гляньте ка на энту капусту! — закричал Детрит.

Кочаны капусты по обеим сторонам от дороги воспламенялись и взлетали в воздух, а лошади все продолжали ускоряться.

— Это связано с энергией! — завопил Ваймс, перекрывая ветер. — Мы двигаемся за счет капусты! И…

Он замолчал. Задние лошади плавно поднялись в воздух. Пока он смотрел на них, ведущая пара тоже оторвалась от земли.

Он рискнул оглянуться. Вторая карета повторила маневр первой; он мог ясно видеть розовое лицо Колона, уставившегося перед собой в немом ужасе.

Когда Ваймс снова поглядел вперед, все четыре лошади летели над землей.

И появилась еще одна, пятая лошадь, выше остальных и прозрачная. Только пыль и случайные блики света на невидимых боках, позволяли ее заметить. Уберите лошадь, оставив только

движение, скорость, и вы получите… дух лошади. Та ее сущность, что живет в свисте ветра. Та часть лошади, что и была Лошадью.

Не было слышно ни звука. Возможно, звуки просто не успевали за ними.

— Сэр? — тихо сказал Виликинс.

— Да? — спросил Ваймс, его глаза слезились.

— Мы покрыли эту милю быстрее, чем за минуту. Я замерил время между вешками, сэр.

— Шестьдесят миль в час? Не пори чушь! Карета не может двигаться так быстро!

— Как скажете, сэр.

Промелькнула очередная вешка. Краем уха Виликинс слышал, как Ваймс отсчитывал время себе под нос, пока они не поравнялись со следующим указателем.

— Волшебники, а? — пробормотал Ваймс, глядя прямо перед собой.

— Это точно, сэр. — ответил Вилкинс. — Могу ли я предложить, чтобы после Щеботана мы бы направились дальше прямиком через равнину?

— Уж больно там дороги плохие. — ответил Ваймс.

— Что верно, то верно, сэр. Только это нам не помешает. — продолжал дворецкий, не отрывая глаз от расстилающейся перед ними дороги.

— Почему это? Если на такой скорости мы попытаемся проехать по этим ухабам…

— Я как бы намекаю, сэр, на тот факт, что мы совсем не касаемся земли.

Ваймс, предусмотрительно ухватившись за поручни, глянул вниз. Колеса кареты неторопливо вращались. Дорога под ними была сплошным размытым пятном. А впереди невозмутимо несся во весь опор дух лошади.

— Вокруг Щеботана полно постоялых дворов. — сказал он. — Мы могли бы, э… остановиться на обед?

— На поздний завтрак, сэр! Впереди почтовая карета, сэр! Держитесь!

Крошечная коробочка, катящаяся по дороге впереди них, очень быстро вырастала в размерах. Виликинс потянул поводья, перед Ваймсом мелькнула летящая четверка лошадей и почтовая карета превратилась в уменьшающуюся точку, которую вскоре скрыл дым, поднимающийся от горящих кочанов.

— Энти столбцы так и мелькают. — поделился наблюдением Детрит. За его спиной на крыше кареты лежал Кирпич, крепко зажмурясь и вцепившись в медные поручни так, что на них оставались отпечатки его пальцев. Он никогда

раньше не видел мир, где небо начиналось прямо от земли.

— Рискнем затормозить? — спросил Ваймс. — Смотри в оба! Телега с сеном!

— Колеса перестали вращаться и ничего больше! — закричал Виликинс, когда они со свистом пронеслись мимо телеги.

— Попробуй натянуть поводья!

— На такой скорости, сэр?

Ваймс приоткрыл окошко позади козел. Сибил держала Сэмми на коленях и надевала ему через голову шерстяной джемпер.

— Все в порядке, дорогая? — спросил он.

Сибил подняла голову и улыбнулась. — Мы так приятно плавно едем, Сэм. Только не слишком ли быстро?

— Не могла бы ты сесть спиной к движению? — сказал Сэм. — И возьми Сэма покрепче. Сейчас может немного… потрясти.

Он подождал пока они не пересядут, затем закрыл окошко и крикнул Виликинсу — Давай!

Сначала как будто ничего не изменилось. Ваймс только отмечал, как просвистывают мимо дорожные указатели.

Затем летящий мир начал замедляться, а в полях по обе стороны дороги сотни горящих ко-

чанов выстреливали в небо, оставляя за собой дымовой хвост. Лошадь сотканная из света и воздуха исчезла и на землю мягко опустились настоящие, плавно превратившись из плывущих в воздухе статуй, в несущихся галопом живых животных.

Он услышал как мимо пронеслалсь вторая карета и свернула в поле цветной капусты, где и остановилась, хлюпнув. И после этого все стихло, если не считать шума от падающей время от времени капусты. Детрит успокаивал Кирпича, который выбрав день, что завязать с наркотиками, чуть не завязал со всей жизнью.

Высоко в глубом небе, вне досягаемости от снарядов капусты, пел жаворонок. Ниже стояла полная тишина, нарушаемая лишь хныканьем Кирпича.

Ваймс рассеянно стащил со своего шлема полусгоревший капустный лист и отбросил его.

— Вот потеха. — отстраненным голосом сказал он. Затем осторожно спустился и открыл дверцу кареты. — Как вы тут? — спросил он.

— Все хорошо. Почему мы остановились? — спросила Сибил.

— У нас закончилось… э… Закончилось. — ответил Ваймс. — Пойду-ка проверю остальных…

Ближайший дорожный указатель говорил, что до Щеботана осталось две мили. Когда Ваймс выудил Крыжовника из кармана, позади него на дорогу шлепнулся расскаленный кочан капусты..

— Доброе утро! — бодро поприветствовал он изумленного бесенка. — Сколько сейчас времени?

— Э… девять минут восьмого, мистер Вставьте Свое Имя. — ответил бес.

— Значит наша скорость получается чуть выше, чем миля в минуту. — задумчиво сказал Ваймс. — Очень хорошо.

Двигаясь как лунатик, он перешел дорогу и пошел по следу раздавленной, дымящейся капусте, пока не добрался до второй кареты. Из нее как раз вылезали пассажиры.

— Все в порядке? — спросил он. — У нас на завтрак сегодня вареная, тушеная, жареная капуста… — Ваймс отскочил в сторону, когда в землю рядом с ним врезался кочан и взорвался. — И Сюрприз из Цветной Капусты. А где Фред?

— Ищет, куда бы вырвать. — оветила Ангуа.

— Молодец. Отдохнем здесь минутку-другую. — с этими словами Сэм Ваймс вернулся к каменной вешке, сел рядом с ней, обхватил ее руками и

крепко держал ее, пока не почувствовал себя лучше.

Можно настичь дварфов на подъезде к Кумской Долине. Черт возьми, на той скорости, до какой мы разогнались, нам надо следить, чтобы не врезаться им в зад!

Эта мысль терзала Ваймса все время, пока они не торопясь выезжали из Щеботана, и когда Виликинс, дав волю невидимой лошадиной силе на пустынной дороге, разогнал карету до сорока миль в час. По видимому, такая скорость их устроит.

В конце концов, никто же не пострадал. Мы сможем добраться до долины к вечеру!

Да, но план был не в этом.

Так, подумал он, а что он вообще запланировал? Могло помочь то, что Сибил знала почти всех, или, вернее, почти всех лиц женского пола, кто учился в Щеботанском Колледже Благородных Девиц одновременно с ней. Оказалось, что их несколько сотен. И всех их звали Зайчик или Пузырек. Они старательно поддерживали связь друг с другом, мужья у них были важными и вляительными персонами, при встречах они всегда обнимались и щебетали о добрых старых временах в З-ем Б и тому подобное. Если бы они

объединились, то могли бы править миром, а может, как иногда приходило в голову Ваймсу, они уже правили.

Они были Дамами, Которые Организуют.

Ваймс всеми способами пытался отследить их действия, но ничего не получалось. Их связывала паутина переписки и он восхищался способностью Сибил интересоваться проблемами ребенка — которого она в глаза не видела — своей подруги, с которой они не встречались лет двадцать пять. Чисто женская способность.

Итак, они остановятся в городе у подножия долины в доме леди, известной ему под именем Пузырек, чей муж был местным магистратом. По словам Сибил, у него была свой собственная полиция. Ваймс про себя перевел это как "у него есть своя банда вонючих, беззубых головорезов, ловящих воров" поскольку это то, что сходит за полицию в маленьком городе. Тем не менее, от них тоже может быть польза.

И помимо этого… плана у него не было. Он собирался найти дварфов, схватить их и доставить столько, сколько сможет, обратно в Анк-Морпорк. Но это было намерение, а не план. Разве что очень решительное намерение. Он притащит их в Анк-морпорк, посадит под замок, вывалит на

них все улики и посмотрит, что из этого выйдет. Вряд ли у них осталось много друзей. Конечно, ему придется считаться с политическим моментом, как всегда, но по крайней мере, все будут знать — он сделал, все что мог и как только мог. И в случае удачи, это послужит предостережением для других.

Теперь еще этот чертов Секрет. Ваймсу пришло в голову, что если он все же найдет его и обнаружится, что это всего лишь свидетельство о том, что дварфы устроили засаду на троллей или тролли устроили засаду на дварфов, или они там засели в одно и то же время, то он просто закинет его обратно. Это совершенно ничего не меняет. И Секрет не может быть горшком с золотом, никто не берет с собой золото на поле битвы, потому что покупать там особо нечего.

В любом случае, они хорошо начали. Им удалось выиграть немного времени, так? Теперь они могут ехать не торопясь и менять лошадей на каждой станции, так? Имеет смысл немного сбавить темп. Опасно передвигаться так быстро.

— Если мы будем ехать с такой же скоростью, то послезавтра будем уже на месте, правильно? — спросил он Виликинса, пока карета тряслась между стеблями молодой кукурузы.

— Если вы так полагаете, то да, сэр. — ответил Виликинс и Ваймс заметил дипломатический намек

— А ты так не думаешь? — сказал он. — Ну давай, говори что у тебя на уме!

— Видите ли, сэр, дварфы стремятся попасть туда как можно быстрее, так? — продолжал Виликинс.

— Думаю, да. Сомневаюсь, что им хочется околачиваться где-нибудь поблизости. И что?

— Поэтому я озадачен вашим мнением, что они воспользуются дорогой, сэр. Ведь они могут полететь на метлах, верно?

— Вполне возможно. — согласился Ваймс. — Но аркканцлер наверняка сказал бы мне, если бы они взяли метлы.

— Приношу свои извинения, сэр, но он-то тут при чем? Стали бы они беспокоить джентельменов из универститета? Все знают, что лучшие метлы делают дварфы из под Медной Головы.

Карета катилась вперед.

Спустя какое-то время Ваймс в глубокой задумчивости произнес. — Однако, им приходится двигаться по ночам. Иначе их заметят.

— Совершенно верно, сэр. — ответил Виликинс, глядя вперед.

Последовала еще одна многозначительная пауза.

— Как ты думаешь, эта штука может перепрыгивать через ограды? — спросил Ваймс.

— Я бы попробовал рискнуть, сэр. — ответил Виликинс. — Думаю, что волшебники тоже об этом подумали.

— И с какой скоростью по твоему мы может ехать, спора ради? — спросил Ваймс.

— Не знаю, сэр. Но у меня есть определенные подозрения, что очень быстро. Возможно, миль сто в час?

— Ты правда так думаешь? Но тогда мы будем на полдороге к долине через пару часов!

— Ну, вы сами сказали, что хотите попасть туда побыстрее, сэр. — сказал Валикинс.

На этот раз пауза перед ответом Ваймса была длиннее. — Хорошо. Остановись где-нибудь. Я хочу чтобы все знали, что сейчас произойдет.

— С радостью, сэр. — сказал Виликинс. — Я наконец то смогу подвязать шляпу.

Больше всего Ваймсу запомнилось в этой поездке — а было много такого, о чем он хотел бы забыть — это тишина. И плавность.

О, он мог чувствовать ветер на своем лице, но это было только дуновением, несмотря на то, что

весь окружающий пейзаж расплылся в одно зеленое пятно. Воздух расступался перед ними. Когда Ваймс ради эксперимента поднял над головой бумажку, ветер вырвал ее из рук.

И кукуруза взрывалась. При приближении кареты, зеленые побеги выскакивали из земли, как будто их дергали, и с треском взрывались.

Кукурзный пояс сменился пастбищами и Виликинс сказал. — Знаете, сэр, эта штука поворачивает сама. Смотрите.

Впереди показалась роща и он отпустил поводья. Вопль застрял в глотке у Ваймса, когда карета обогнула рощу и плавно вернулась на прежний курс.

— Пожалуйста, не делай так больше! — сказал Ваймс.

— Хорошо, сэр, но она сама собой управляет. Сомневаюсь, что смогу заставить ее въехать во что-нибудь.

— Даже не пытайся! — быстро сказал Ваймс. — И клянусь, я видел как позади нас взорвалась корова! Держись подальше от городов и людей, хорошо?

Позади кареты репа и камни выпрыгивали в воздух и отлетали прочь. Ваймсу только оставалось надеяться, что у них не будет неприятностей

из-за этого.[26]

Он еще также заметил, что пейзаж впереди был слегка окрашен в синий цвет, в то время как позади них, имел относительно красноватый оттенок. Но ему не хотелось привлекать к этому внимание, чтобы не прозвучать странным.

Им также пришлось дважды остановиться, уточняя направление, и в полшестого они были на постоялом двору в двадцати милях от Кумской Долины.

Стражники сидели во дворе. Они почти не разговаривали. Кроме жадного до скорости Виликинса, единственными, кого не потрясло путешествие, были вполне счастливые Сибил и Малыш Сэм, и также Детрит, с явным удовольствием разглядывающий пролетающий мимо мир. Кирпич все еще лежал ничком на крыше кареты, крепко вцепившись в поручни.

— Десять часов. — сказал Фред Колон. — И в это время входят остановки, чтобы пообедать и чтобы потошнить. Я не могу поверить в это…

— По моему, людям нельзя перемещаться так быстро, — простонал Шнобби. — По моему, мои мозги все еще находятся дома.

---

[26] Примечания: 26

Но оказалось, что во всем обвинили существ из других миров, так что все было в порядке.

— Раз уж мы собираемся ждать, пока они нас нагонят, Шнобби, я могу купить здесь дом, да? — сказал Фред.

Нервы у всех были на пределе, мозги ковыляли далеко позади… Вот поэтому я и не люблю магию, думал Ваймс. Тем не менее мы на месте и просто изумительно, как пиво помогает прийти в себя.

— Мы даже успеем быстренько поглядеть на Кумскую Долину до наступления сумерек. — рискнул предложить Ваймс, ко всеобщему стону.

— Нет, Сэм! Всем требуется поесть и отдохнуть! — сказала Сибил. — Давайте въедем в город, как приличные люди, не торопясь и спокойно, и к завтрашнему дню все будут бодрыми.

— Леди Сибил права, коммандер. — сказал Скромняк. — Я не советовал бы подниматься в долину на ночь глядя, даже в это время года. Так легко заблудиться.

— В долине? — спросил Ваймс.

— О, да, сэр. — вступила в разговор Шельма. — Сами увидите почему, сэр. И обычно те, кто теряются, умирают.

Когда они не торопясь въезжали в город было уже шесть часов и поэтому Ваймс прочитал книгу "Где Моя Корова" Малышу Сэмми. Чтение производилось совместными усилиями. Шельма

обязалась прокудахтать, так как Ваймс чувствовал, что кудахтанье ему не удается, а Детрит выдал такое "Ааарррргх!", что стекла задрожали. Скальту Скромняку, против всех ожиданий, удалось вполне сносное хрюканье. Малыш Сэмми, с глазами круглыми, как блюдца, смотрел на все это, как на Шоу Года.

Пузырек удивилась их внезапному прибытию, но Организующих Леди трудно смутить неожиданными гостями. Ко всеобщему облегчению оказалось, что на самом деле Пузырек — это Беренис Вейнсбури, урожденная Мышковец. У нее были дети — замужняя дочь, живущая неподалеку от Щеботана и сын, которому, вследствии одного недоразумения, пришлось спешно уехать в Форэкс (XXXX), где он с успехом занялся разведением овец. И она также надеется, что Сибил и, разумеется, Его Светлость, смогут задержаться до субботы, потому что она пригласила ну просто всех. И не правда ли, Малыш Сэмми так очарователен... и так далее, вплоть до... — И мы вычистили конюшню для вашего тролля. — Что было сказано со счастливой улыбкой.

Прежде чем Сибил и Ваймс успели вымолвить слово, Детрит снял шлем и поклонился.

— Былагодарю, миссус, — строго ответил

Детрит. — Знаете, иногда их вообще забывают почистить. Даже мелочи имеют большое значение.

— О, спасибо. — сказала Пузырек. — Как прелестно. Я, эээ никогда не видела тролля в одежде.

— Если хотите, я могу ее снять. — ответил Детрит. В этот момент Сибил нежно взяла Пузырька под руку и сказала. — Позволь представить тебе остальных.

Несмотря на ожидания Ваймса, мистер Вейнсбури, магистрат, вовсе не оказался жадным продажным чиновником. Это был высокий, худощавый, неразговорчивый мужчина, проводящий все свое время дома, за изучением законов и коллекционированием трубок и рыболовных приспособлений. Он снисходительно простил Ваймса, который не проявил интереса к засушенным мухам.

Благосостояние города Окорок-на-Куме было полностью связано с рекой. Когда Кум обрушивался на равнину, он замедлялся, становился шире и рыбы в нем было больше, чем сардинок в банке. Берега по обеим сторонам реки были заболоченными и в них прятались глубокие озера, в которых гнездились неисчислимые стаи птиц.

О… и также черепа.

— Я еще и коронер, — сказал мистер Вейнсбури

Ваймсу, открывая ящик в своем столе. — Каждую весну вода вымывает кости. Конечно, это в основном туристы. К сожалению, они не слушают советов. Однако, временами попадается кое-что, имеющее некоторый исторический интерес. — Он положил череп дварфа на обитый кожей стол.

— Ему почти сто лет. — продолжал Вейнсбури. — С последней крупной битвы, произошедшей сто лет назад. Доспехи тоже попадаются. Мы складываем их в мертвецкой и время от времени дварфы или тролли приходят сюда с тележкой, просматривают их и забирают. Они очень серьезно к этому относятся.

— А сокровища попадались? — спросил Ваймс.

— Ха. Вряд ли мне об этом сказали бы. Но если бы попалось что-то крупное, я бы узнал. — магистрат вздохнул. — Каждый год сюда приходят искатели сокровищ. Некоторым из них везет.

— Находят золото?

— Нет, но они возвращаются живыми. А те, кому не повезло? Когда-нибудь, когда настанет время, вода вымоет их кости из пещер. — Он выбрал трубку с подставки на столе и начал набивать ее. — Чему я удивляюсь, так это тому, что каждый считает необходимым взять с собой

в долину оружие. Она убьет вас, сама того не заметив. Возьмете с собой кого-нибудь из моих парней, коммандер?

— У меня есть проводник. — ответил Ваймс и затем добавил. — Но в любом случае, спасибо.

Мистер Вейнсбури пыхнул трубкой. — Как пожелаете. Я все равно должен наблюдать за рекой.

Ангуа и Салли поместили в одну спальню. Ангуа пыталась относиться к этому проще. Женщина не обязана была знать. И потом, так приятно лежать на чистых простынях, даже если в комнате стоял немного затхлый запах. Больше затхлости — меньше чувствуется вампир, с оптимизмом думала она.

Она открыла один глаз.

Кто-то бесшумно двигался через комнату. Он или они двигались совершенно бесшумно, но приводили в движение воздух и нарушали канву еле слышимых ночных звуков.

Теперь они были у окна. Окно была закрыто на засов и раздавшийся слабый звук был, возможно, звуком вытаскиваемой задвижки.

Легко было понять, когда окно открылось — в комнату полились новые запахи.

Затем раздался скрип, который, возможно,

мог расслышать только оборотень, и затем последовал шорох множества кожистых крыльев. Маленьких кожистых крыльев.

Ангуа снова закрыла глаза. Маленькая врушка! Может быть теперь ей уже все равно? Тем не менее, преследовать ее не было смысла. Ангуа также усомнилась стоит ли запирать дверь и окно на засовы. Ну разве что посмотреть, как она будет завтра выкручиваться, но от этой идеи Ангуа тоже отказалась. Мистеру Ваймсу тоже говорить не стоит. Что она сможет доказать? Все отнесут за счет неприязни между вампирами и обротнями….

И вот Кумская Долина простерлась перед глазами Ваймса и теперь он понял, почему у него нет плана. В Кумской Долине невозможно строить планы. Она лишь посмеется над ними. И отмахнется от них, так же, как и от дорог.

— Мы видим ее в лучшее время года. — сказала Шельма.

— А под лучшим ты подразумеваешь… — подсказал Ваймс.

— Ну, она, собственно, не пытается нас убить, сэр. И птицы кругом. И когда солнце займет правильное положение, можно будет увидеть чудесные радуги.

Птиц было много. В просторных мелких озерах и плотинах, что образовались в долине этой весной, насекомые роились, как сумасшедшие. Большинство водоемов высохнут к концу лета, но сейчас Кумская Долина просто кишела звенящими и жужащими созданиями. Птицы летели с равнин, чтобы полакомиться ими. Ваймс плохо разбирался в птицах, но в основном это были птицы, похожие на ласточек, милионы птиц. На ближайшем утесе, в полумиле отсюда, лепились ласточкины гнезда и Ваймс мог слышать их щебетание. Плотины из камней и поваленных дервьев уже покрылись зеленью.

Чуть ниже узкой тропы, по которой пробирался отряд, вода с ревом вырывалась из дюжин отверстий и обрушивалась в равнину одним бушующим водопадом.

— Здесь так много… жизни. — сказала Ангуа. — Я думала, что здесь будут одни камни.

— Энто на поле битвы одни камни. — ответил Детрит, спецальный спрей блестел на его коже. — Когда мы собрались перебираться в город, мой отец привел меня сюда. Он показал мне энто скалистое место стукнул по голове и сказал — "Запоминай".

— Запоминай что? — спросила Салли.

— Энтого он не сказал. Так что я, знаете ли, просто запомнил.

Этого я не ожидал, думал Ваймс. Тут такой… хаос. Так, ладно, давайте разберемся хотя бы со скалами, образующими стены долины. Все эти огромные валуны должны были попасть сюда откуда-то.

— Я чувствую запах дыма. — заявила Ангуа, когда отряд неуверенно продирался через завалы на тропинке.

— Это костры лагерей в долине. — сказала Шельма. — Те, что прибыли слишком рано.

— Ты хочешь сказать, что надо встать в очередь, чтобы получить место в битве? — спросил Ваймс. — Следи за валуном, он скользкий.

— О да. Битва не начнется пока не настанет День Кумской Долины. Это завтра.

— Черт подери, я потерял тропу. Нам это помешает?

Скромняк вежливо кашлянул. — Не думаю, коммандер. В этом районе слишком опасно, чтобы устраивать здесь сражения.

— Ну да, я понимаю какой ужас будет, если кто-нибудь вдруг поранится. — ответил Ваймс, перелезая через груду гниющих стволов. — У всех будет испорчен день.

Историческая реконструкция, мрачно думал Ваймс, пока они продирались через, под, над или сквозь валуны, кишащие насекомыми развалы валежника и ручьи, бегущие отовсюду. Только люди устраивают ее переодеваясь в костюмы и бегая с тупым оружием, продавая заодно горячие сосиски, а девушки огорчаются, что могут носить лишь костюм служанки, потому что это была единственная работа, доступная женщинам в прошлом.

Но дварфы и тролли… они сражались по настоящему, как будто верили, что проделав это достаточное количество раз, у них наконец то все получится как надо.

Впереди на тропинке был провал, полузаваленный каким-то зимним мусором, но все равно умудрящийся поглотить целый ручей. Поток, пенясь, падал в глубину. Из провала доносился шум воды. Ваймс встал на колени и потрогал воду. Вода была обжигающе холодной.

— Да, надо глядеть в оба, коммандер. — сказал Скромняк. — Это же известняк. Вода очень быстро размывает его. Дальше их будет еще больше. Зачастую, они спрятаны в завалах. Смотрите внимательно, прежде чем сделать шаг.

— А они могут быть перекрыты?

— О, да, сэр. Вы же видели размер валунов, что скатились сюда.

— Выглядит как игра в бильярд для гигантов!

— Что-то в таком духе. — осторожно согласился Скромняк.

Через десять минут, Ваймс сел на бревно, стащил шлем, вытащил большой красный платок и вытер лоб.

— Пригревает. — сказал он. — И это чертово месте везде выглядит одинаково. Ой! — он хлопнул себя по запястью.

— Комары могут быть немного кусачими. — вставила Шельма. — Говорят, что они становятся злыми перед дождем.

Они поглядели на горы. В дальнем конце долины висела желтая дымка, а между пиками виднелись облака.

— Здорово. — сказал он. — Этот прокусил аж до кости.

— Я бы не стала так беспокоиться, коммандер. — сказала Шельма. — Такие сильные бури в Кумской Долине лишь раз в жизни случаются.

— Да, если она нас здесь застанеть, до другой мы точно не доживем. — ответил Ваймс. Проклятое место действует мне на нервы, не могу не признаться.

Отставшие члены отряда наконец нагнали их. Салли и Детрит заметно страдали от жары. Вампир молча села в тени большой скалы. Кирпич лег в ледяной поток и погрузил в него голову.

— Боюсь, что особой пользы от меня не будет, сэр. — сказала Ангуа. — Я могу почувствовать запах дварфов, но и только. Слишком много воды вокруг!

— Может быть твой нос нам и не понадобится. — ответил Ваймс. Он снял с плеча свернутый в рулон набросок Сибил, развернул его и скрепил концы.

— Помоги мне, Шельма, хорошо? Всем остальным можно отдыхать. И не вздумайте смеяться.

Он надел себе на голову кольцо с нарисованными горами. Ангуа раскашлялась, но Ваймс предпочел ничего не заметить.

— Отлично. — сказал Ваймс, поворачивая плотную бумагу, чтобы совместить горы на горизонте со своими карандашными очертаниями. — Вон там Медная Голова и Кори Челести… и они довольно хорошо совмещаются с рисунком. Мы практически уже на месте!

— Не обязательно, коммандер. — отозвался из-за его спины Скромняк. — Обе горы находятся примерно в четырех сотнях милях отсюда. Они

буду смотреться одинаково из любой точки в долине. Нам надо ориентироваться на более близкие вершины.

Ваймс повернулся. — Хорошо. Что это там за крутая гора слева?

— Это Король, сэр. — ответила Шельма. — Он примерно в десяти милях отсюда.

— В самом деле? Кажется, что ближе.

Ваймс нашел гору на рисунке. — И вон та маленькая? С двуглавой вершиной?

— Я не знаю, как она называется, сэр, но я вижу о чем вы говорите.

— Они слишком малы и слишком близки друг к другу… — пробормотал Ваймс.

— Давайте подойдем к ним поближе, сэр. Только смотрите, куда идете. Наступайте лишь на камень. Держитесь подальше от вского мусора. Скальт прав, мусор может прикрывать дыру в породе и вы можете просто провалиться в нее.

— Тааак. Примерно посередине между этими горами находится забавный маленький выход горной породы. Я иду прямо туда. Смотри куда я ступаю.

Стараясь удерживать бумагу перед лицом, спотыкаясь на камнях и расплескивая воду в ледяных ручьях, Ваймс потопал по пустынной

долине…

— Тьфу ты пропасть!

— Сэр?

Ваймс поглядел поверх бумажного кольца. — Я потерял Короля. Его закрывает эта чертова гряда скал. Подожди-ка… Я вижу ту гору, у которой отвалился кусок.

Все казалось таким простым. Так бы оно и было, если бы Кумская Долина была плоской и не была бы захламлена всякими отбросами, как кегельбан для богов. В ряде мест им приходилось сворачивать с пути из-за препятствия в виде перепутанных, вонючих, кишащих комарами древесных стволов. Или перед ними вставала стена из камней, размером в дом. Или широкий, затянутый туманом провал в известняке с бурлящей водой, которое в любом другом месте назвали бы Дьявольским Котлом, но здесь он был безымянным, потому что это была Кумская Долина, и на все провалы не хватало ни дьяволов, ни котлов.

Мошкара жалила, солнце ослепляло и гниющие деревья вкупе с влажным воздухом при недостатке ветра образовывали болотные миазмы, которые, казалось, расслабляли мускулы. Неудивительно, что они решили сражаться на

другом конце долины, думал Ваймс. Там было больше воздуха и дул ветер. Чувствуешь себя по крайней мере поудобнее.

Время от времени они оказывались на прогалине, которая была похожа на место на картине Методии Плута, но ближайшие горы не совпадали с рисунком и они возвращались в дебри. Приходилось их обходить, а затем идти в обход вокруг обхода.

Наконец Ваймс уселся на побелевшее от времени крошащееся бревно и отложил в сторону набросок.

— Не иначе как мы прошли мимо. — сказал он, задыхаясь. — Или Плут что-то напутал с горами. Или за последние сто лет от горы отломился кусок и упал. Такое тоже могло случиться. Мы могли пройти в двадцати футах от нужного места и не заметить его. — Он прихлопнул комара на запястье.

— Прибодритесь, сэр, я думаю, что мы совсем близко. — ответила Шельма.

— Почему? С чего ты это взяла? — спросил Ваймс, промакивая пот с бровей.

— Потому что по моему, вы сидите на картине, сэр. Она очень грязная, но по мне выглядит как свернутый в рулон холст.

Ваймс быстро встал и осмотрел бревно. Он отогнул с одого угла то, что принял за желто-серую кору и увидел рисунок на обратной стороне.

— И эти брусья здесь… — начала Шельма и остановилась, потому что Ваймс прижал палец к губам.

Вокруг и в самом деле валялись длинные тонкие сосновые жерди, очищенные от ветвей. Они могли бы остаться незамеченными, если бы не свернутая картина, лежащая рядом.

Они проделали то же самое, что и я, подумал Ваймс. Им, наверное, было легче, потому что у них хватало дварфов, чтобы держать картину и горы были нарисованы красками, а не просто карандашный набросок, да и на большем полотне изображение более точное. Они могли и не торопиться. Они думали, что намного опережают меня. Все, что их волновало, так это тот проклятый мистический символ.

Он вытащил меч и поманил Шельму за собой.

Забурившиеся вряд ли были одни, думал он, крадучись обходя камни. Сами они не станут торчать здесь на дневном свету. Что же, сейчас мы посмотрим, сколько охранников они выставили…

Как оказалось, нисколько. Он почувствовал

что-то вроде облегчения. За камнями было местечко, которое должно было быть помечено меткой X, если бы кто-то решил ее поставить.

Они и правда были очень уверены в себе, подумал Ваймс. Если посмотреть, так они передвинули тонны камней и поваленных деревьев и оставили ломы, которые доказывали это.

Пришло время Ангуа и всем остальным нагнать нас, решил Ваймс.

Прямо перед ними было отверстие примерно футов в шесть шириной. Поперек него лежал стальной брус, укрепленный в двух свежевырубленных бороздках, и с него свешивалась прочная веревка, теряясь в темноте. Снизу из темноты доносился рокот воды.

— Мистер Плут должно быть был храбрым человек, раз решился встать здесь. — заметил Ваймс.

— Думаю, что несколько сотен лет назад тут была заглушка. — ответила Шельма.

— Вот что, — сказал Ваймс, кидая в отверстие камешек. — Представь, что я городской житель, который не разбирается во всех этих подземных терминах?

— Это значит, что отверстие было завалено мусором. — трепеливо объяснила Шельма. — Мистер Плут мог спуститься на эту затычку.

Это то самое место.

Так… значит это здесь он нашел тот говорящий куб, думал Ваймс. Невзирая на протесты Шельмы, поскольку это он здесь командовал, Ваймс уцепился за веревку и спустился на несколько футов.

Там внизу под карнизом в камень был воткнут ржавый обломок железа. Несколько звеньев таких же проржавленных цепей свисали с него.

Оно поет в цепях…

— В одной из записок говорилось о цепях. — сказал он. — Что же, вот цепи, а это может быть обломком кинжала!

— Дварфийская сталь, сэр! — осуждающе сказала Шельма. — Она не ржавеет.

— Даже за все это время?

— О, да. Подозреваю, что через какое-то время после Плута вода стала фонтанировать из отверстия и смыла заглушку. Такое постоянно происходит в Кумской До… Ээээ, что вы делаете, сэр?

Ваймс уставился в темноту. Там внизу в темноте бурлил невидимый поток. Итак… Посыльный вылез из дыры, думал он. Где спрятать куб? Наверху могли оказаться тролли. Но дварфийский воин наверняка имел кинжал и цепи они любят.

Да… Это было хорошее место. И он все равно собирался вскорости вернуться…

— Эти старики смогли спуститься вниз? — спросил он, пытаясь разглядеть, куда уходит веревка.

— Старые дварфы, сэр. Да. Хоть мы и невысокие, но очень сильные. Вы не собираетесь лезть вниз, сэр, нет?

Там внизу есть боковой туннель…

— Там внизу должен быть туннель. — сказал Ваймс. Далеко в горах прогрохотал гром.

— Скоро подойдут остальные, сэр! Вы не слишком ли торопитесь?

Не жди их.

— Нет. Скажи им, чтобы следовали за мной. Слушай, мы попусту теряем время. Я не могу болтаться тут весь день.

Шельма помедлила и вытащила что-то из сумки на поясе.

— Тогда хотя бы возьмите это, сэр. — сказала она. Он схватил что-то, что на ощупь казалось маленьким пакетом. Он был на удивление тяжелым.

— Покрытые воском спички, сэр, они не промокнут. И обертка будет гореть как факел не меньше четырех минут. И вот еще маленькая буханочка дварфийского хлеба.

— Эм… Спасибо. — ответил Ваймс, обращаясь к круглой озабоченной тени на фоне желтого неба. — Слушай, я только взгляну, есть ли там внизу свет и если его не будет, я тут же вернусь. Все же я не совсем идиот.

Он заскользил по веревке вниз. Через каждые два фута на веревке был завязан узел. Воздух внизу, после жаркой долины, казался холодным как зимой. Снизу летели мелкие брызги.

Действительно, прямо над поверхностью воды находилось отверстие туннеля. Ваймс также убедил себя, что в отдалении виднелся свет. Ну, не такой уж он и дурак.

Прыгай…

Руки разжались. Он не успел даже выругаться, как над ним сомкнулись темные воды.

* * *

Ваймс открыл глаза. Через какое-то время, еле двигая нестерпимо болевшей рукой, он дотронулся до лица и проверил, подняты ли у него веки.

Какая часть тела у него не болела? Ваймс прислушался к себе. Его ребра пели основную мелодию боли, а колени, локти и голова исполняли сопровождение — трели и арпеджио. Каждый раз, когда он менял положение, чтобы ослабить

боль, она просто перемещалась в другое место. Голова раскалывалась, как будто кто-то колотил молотком по глазам.

Он застонал и откашлял воду.

Под ним был песок. Ваймс мог слышать, как где-то рядом бурлила вода, но песок, на котором он лежал, был лишь слегка влажным. Что-то в этом было не так.

Ваймс рискнул перевернуться, что вызвало немало стонов.

Он помнил ледяную воду. О том, чтобы плыть в ней, можно было даже не думать. Все, что он смог, это свернуться калачиком в швыряющем, обдирающем и колотящим потоке, гонящим его по бильярдной доске Кумской Долины. Ваймс точно знал, что его протащило через подземный водопад. Ему удалось задержать дыхание, прежде чем его увлекло вперед. А потом была глубина и давление, и перед его глазами начала прокручиваться вся его жизнь. Он помнил, что его последней мыслью было — пожалуйста, пожалуйста, не могли бы мы пропустить тот кусочек с Мэвисом Траунсером…

А теперь он лежит на невидимом пляже и вокруг него нет воды? Но здесь не бывает приливов и отливов!

Значит кто-то наблюдает за ним из темноты. Вот в чем дело. Они вытащили его из воды и сейчас следят за ним…

Ваймс снова открыл глаза. Боль частично ушла, оставляя вместо себя оцепенелость. У него было ощущение, что он потерял чувство времени. Темнота сдавливала его со всех сторон, плотная и брахатистая.

Застонав, он перекатился на живот и с трудом встал на четвереньки.

— Кто здесь? — пробормотал он и очень, очень осторожно поднялся на ноги.

Вертикальное положение, казалось, привело его мозги в рабочее состояние.

— Здесь есть кто-нибудь? — темнота поглотила звуки. В любом случае, что бы он смог сделать, если бы ему ответили — да?

Ваймс вытащил меч и, держа его перед собой, двинулся вперед. Через дюжину шагов меч звякнул о камень.

— Спички, — забормотал он. — У меня же есть спички!

Он нашел сверток из вощеной бумаги и, еле ворочая застывшими пальцами, вытянул одну спичку. Большим пальцем соскреб воск с головки и чиркнул ею об стену.

Вспышка причинила боль глазам. Быстро оглядись! Текущая вода, ровная поверхность песка, его рука… и отпечатки ног, идущие из воды. Только одна пара ног? Да. Маленькая пещера, сухие стены, темнота, выход наверх…

Ваймс заковылял к овальному проходу так быстро, как мог, а спичка искрила и шипела в его руке.

Проход вел в большую пещеру. Такую большую, что темнота, казалось, втянула в себя свет от спички, которая обожгла ему пальцы и погасла.

Плотная темнота сомкнулась над ним, как занавес, и он наконец понял, о чем говорили дварфы. Эта темнота не напоминала темноту капюшона, подвала или даже их довольно поверхностной шахты. Он был так глубоко под землей, что эта темнота обрушилась на него всем своим весом неглубокой шахты.

Где-то рядом капля воды плюхнулась в невидимую лужу.

Ваймс шел вперед, шатаясь. Он знал, что кровоточил. Он не знал, почему он куда-то идет, но был уверен, что так надо.

Может быть, ему удастся найти дневной свет. Может быть, ему попадется бревно, смытое под землю и он выплывет на нем наружу. Ваймс не со-

бирался умирать здесь в темноте, в такой дали от дома. Все больше воды капало с потолка пещеры. Часть попадала ему за шиворот, но еще больше плюхали в лужи вокруг. Ха, вода, стекающая тебе за шиворот и странные звуки в тенях… Вот тогда то мы и увидим, настоящий ли ты полицейский, верно? Вот только теней здесь не было. Им не хватало света.

Возможно, тот несчастный коротышка дварф тоже шел эти путем. Но он нашел дорогу наружу. Может он знал дорогу, может у него была веревка, может он был молодым и гибким… и он, чуть живой, выбрался наружу, запрятал сокровище и затем спустился в долину, идя к своей могиле. На людей иногда находит такое. Ему вспомнилась миссис Олдсбертон, которая сошла с ума после смерти своей малютки и без устали чистила все в доме, каждую чашку, стены, потолки и ложки, ни на кого не глядя, никого не слушая, не прекращая работу ни днем, ни ночью. Что-то переключается в голове и ты начинаешь искать любое занятие, чтобы отвлечь себя от мыслей.

Прекрати думать, что путь наружу, который нашел тот дварф, был тем отверстием, через которое он провалился сюда. Ваймс не имел никакого понятия, где он сейчас находится.

Может ему просто прыгнуть в воду, на этот раз осознавая свои действия, и может ему удастся выплыть в реку, прежде чем бурный поток исколотит его до смерти. Может быть он…

Какого черта он отпустил веревку? Такое чувство бывает, когда ты стоишь на краю обрыва и тихий голос у тебя в голове шепчет — «Прыгай» или — "Дотронься до огня!". Конечно, никто не слушается этого голоса. Во всяком случае, большинство не слушается. Что же, голос сказал — «Прыгай» и он прыгнул…

Его тело ныло и кровоточило, но он тащился вперед, пока тьма не обернула его своим хвостом.

* * *

— Он скоро вернется, вот увидите. — сказала Сибил. — Даже если останется одна минута.

В холле большие напольные часы только что пробили полшестого.

— Конечно, он вернется. — согласилась Пузырек. Они с Сибил купали Малыша Сэмми.

— Он никогда не опаздывает, — продолжала Сибил. — Он говорит, что если опаздаешь по уважительной причине, то и без причино начнешь опаздывать. И сейчас еще только полшестого.

— Времени полно. — согласилась Пузырек.

— Фред и Шнобби отвели лошадей в долину? — спросила Сибил.

— Да, Сибил. Ты видела как они уехали. — ответила Пузырек. Она поглядела через голову Сибил на своего мужа, мрачно стоявшего в дверном проеме. Тот лишь безнадежно пожал плечами.

— Иногда он взбегает по лестнице в то время, как часы отбивают шесть. — сказала Сибил, спокойно намыливая Малыша Сэма губкой в форме медвежонка. — В самую последнюю секунду. Подожди и увидишь.

* * *

Ваймс хотел спать. Никогда раньше он не испытывал такой усталости. Он упал на колени и боком рухнул на песок.

Когда Ваймс заставил себя открыть глаза, он увидел над собой бледные звезды и в очередной раз испытал ощущение присутсвтвия кого-то рядом.

Ваймс повернул голову, морщась от режущей боли, и увидел стоящее на песке маленькое, ярко освещенное кресло. В нем полулежала фигура в балахоне и читала книгу.

Белая костяная рука перевернула страницу.

— Ты Смерть, значит? — помолчав спросил Ваймс.

АХ, ЭТОТ МИСТЕР ВАЙМС, ОН КАК ВСЕГДА ПРОНИЦАТЕЛЕН. СРАЗУ ДОГАДАЛСЯ. - ответил Смерть, закладывая страницу пальцем, чтобы не потерять ее.

— Я тебя уже видел раньше.

Я ЧАСТЕНЬКО ПРОХОДИЛ МИМО ВАС, МИСТЕР ВАЙМС.

— Значит, на этом все?

ВАМ НИКОГДА НЕ ПРИХОДИЛО В ГОЛОВУ, ЧТО КОНЦЕПЦИЯ ПИСЬМЕННОГО НАРРАТИВИУМА В НЕКОТОРОЙ СТЕПЕНИ СТРАННА? — спросил Смерть.

Ваймс всегда чувствовал, когда собеседник пытался избежать чего-то, о чем он не хотел говорить в данную минуту, как, например, сейчас. — Это правда? — настойчиво повторил он. — Время умирать?

МОЖЕТ БЫТЬ.

— Может быть? Что это за ответ такой? — спросил Ваймс.

ОЧЕНЬ ТОЧНЫЙ. ВИДИТЕ ЛИ, В ДАННУЮ МИНУТУ, ВЫ ИСПЫТЫВАЕТЕ ОКОЛОСМЕРТНЫЙ ПЕРЕЖИВАНИЯ. А ЭТО НЕИЗБЕЖНО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО Я ДОЛЖЕН ИСПЫТАТЬ ОКОЛОВАЙМСОВСКИЕ

ПЕРЕЖИВАНИЯ. НЕ ОБРАЩАЙ НА МЕНЯ ВНИМАНИЯ. ПРОДОЛЖАЙ ЗАНИМАТЬСЯ ТЕМ, ЧЕМ ЗАНИМАЕШЬСЯ. У МЕНЯ ЕСТЬ КНИГА.

Ваймс перекатился на живот, стиснул зубы и снова встал на четвереньки. Ему удалось проползти несколько ярдов, прежде чем он снова свалился.

Он услышал как кресло передвинулось.

— Не должен ли ты находиться где-нибудь еще?

Я НАХОЖУСЬ. - ответил Смерть, снова усаживаясь.

— Но ты здесь!

И ЗДЕСЬ ТОЖЕ. — Смерть перевернул страницу и, для того, кто не дышал, умудрился довольно хорошо вздохнуть. — ПОХОЖЕ, ЧТО ЭТО СДЕЛАЛ ДВОРЕЦКИЙ.

— Что сделал?

ЭТО ВЫМЫШЛЕННАЯ ИСТОРИЯ. ОЧЕНЬ СТРАННАЯ. ВСЕ, ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ, ЭТО ОТКРЫТЬ ПОСЛЕДНЮЮ СТРАНИЦУ И ПРОЧИТАТЬ ОТВЕТ. В ЧЕМ ЖЕ, В ТАКОМ СЛУЧАЕ, СМЫСЛ СОЗНАТЕЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ ЗНАНИЯ?

Для Ваймса все это прозвучало как полная чушь, поэтому он ее проигнорировал. Боль частично пропала, но в голове по прежнему стучало. Он

чувствовал себя опустошенным. Все, что он хотел — это спать.

* * *

— Эти часы точные?

— Боюсь, что да, Сибил.

— Я выйду и подожду его возле дома. У меня и книга наготове. — сказала леди Сибил. — Ничто не сможет остановить его.

— Уверена, что не сможет. — отозвалась Пузырек.

— Однако, в это время года, долина может вести себя непредсказуемо… — начал было ее муж, но тут же прикусил язык под взглядом жены.

Было без шести минут шесть.

* * *

— Двинь-двили двон!

Раздался тихий влажный звук, идущий откуда-то из штанов Ваймса. Через несколько мгновений, времени достаточного чтобы вспомнить о наличии у него пары рук и штанов, Ваймс полез в карман и не без труда вытащил ан свет Крыжовник. Коробочка измялась и когда Ваймс открыл ее, он увидел, что бес был бледен. —

Двинь-Двили-Двон!

Ваймс смотрел на беса. Он держал в руках говорящую коробочку и это должно было что-то означать. — Вон-Вили-Вон!

Ваймс медленно наклонил коробочку, чтобы вылить из нее воду.

— Вы не слушали! Я кричал и вы не слушали! — захныкал бес. — Без пяти шесть! Читать Малышу Сэму! — Ваймс уронил коробочку с протестующим бесом себе на грудь и уставился на бледные звезды.

— Должен читать Малышу Сэму, — пробормотал он и закрыл глаза. И тут же открыл их: — Надо читать Малышу Сэму!

Звезды двигались. Нет, это не звезды! Как это может быть небом!

Это же чертова пещера, верно?

Он перевернулся и встал на ноги одним движением. Звезд вокруг стало больше и они ползли по стенам. Вирви целенаправленно двигались куда-то. Впереди они сливались в сияющий поток. Хотя они еле мерцали, в голове у Ваймса просветлело. Он смотрел на то, что не было больше чернотой, а только полумарком, и этот полумрак казался дневным светом после былой темноты.

— Надо читать Малышу Сэму… — прошептал

он пещере, полной гигантских сталактитов и сталагмитов, блестящих от воды. — … читать Малышу Сэму…

Спотыкаясь и подскальзываясь в неглубоких лужицах, временами выбираясь на участки белого песка, Ваймс следовал за светом.

* * *

Сибил шла через холл, стараясь не глядеть на встревоженные лица хозяина и хозяйки. Минутная стрелка на напольных часах была почти на двенадцати и подрагивала.

Она открыла входную дверь. Сэма за ней не было и никто не несся по дороге.

Часы отбили шесть. Она услышала, как кто-то тихо подошел сзади.

— Не желаете ли вы, чтобы я почитал Сэмми, мадам? — спросил Виликинс. — Может быть мужской голос…

— Нет, я пойду наверх. — тихо ответила Сибил. — А вы подождите здесь моего мужа. Он не задержится.

— Да, мадам.

— Он наверное спешит изо всех сил.

— Я провожу его наверх без промедления, мадам.

— Он придет, вот увидите!

— Да, мадам.

— Он пройдет через стены!

Сибил поднималась по лестнице, когда часы перестали отбивать время. Часы спешили. Конечно же!

Малыш Сэм стоял в своей кроватке. Он улыбался, но его улыбка перешла в недоумение, когда Сибил подтянула кресло и села рядом с ним.

— Папочка попросил мамочку почитать тебе сегодня, Сэм. — весело объявила она. — Вот будет здорово!

Ее сердце не упало. Ему некуда было падать. Оно уже билось так медленно, как только сердце может. Но оно сжалось и затрепетало, увидев, как маленький мальчик поглядел на нее, на дверь, снова на нее и затем заплакал, запрокинув голову.

* * *

Ваймс не столько бегом, сколько хромая, продвигался вперед, пока не споткнулся и не упал в лужу. Он обнаружил, что споткнулся о дварфа. Мертвого дварфа. Очень мертвого. Такого мертвого, что капающая вода превратила его в маленький сталагмит, покрытого известковой

коркой и прицементировала его к валуну, на котором он сидел.

— Должен читать малышу Сэму. — настоятельно сказал он смутно различимому шлему.

Недалеко от дварфа на белом песке лежал его боевой топор. То, что творилось в голове у Ваймса вряд ли можно было назвать связанными рассуждениями, но он слышал доносящиеся издали слабые звуки и инстинкт, древний, как и мысль, решил, что не режущих поверхностей слишком много не бывает.

Он подобрал топор. Топор покрывал тонкий слой ржавчины. На полу пещеры были еще какие-то бугорки и холмики, когда он подошел, чтобы разглядеть их, они вполне могли бы быть…

Нет времени! Надо читать книгу!

Дальше пол пещеры плавно поднимался и капающая вода сделала его очень скользким. Ваймс чуть не упал, но помог себе топором. Решай проблемы по одной. Надо забраться на холм! Прочитать книгу! И затем начался плач. Плач его сына. Плач заполнил его сознание.

Они будут гореть…

Перед его мысленным взором витала лестница, устремляющаяся верх в бесконечную темноту. Плач шел откуда-то оттуда.

Ваймс скользил. Топор врубался в известняк. Жалуясь и ругаясь, подскальзываясь на каждом шагу, Ваймс прорывался на вершину холма.

Внизу перед ним распростерлась другая, огромная пещера. Дварфы в ней так и кишели. Она была похожа на шахту.

В нескольких футах от Ваймса, перед глазами которого покачивались ягнята, стояли четыре дварфа. Они дружно уставились на этот внезапно появившийся окровавленный, еле стоящий на ногах призрак, который как во сне размахивал мечом в одной руке и топором в другой.

У них тоже были топоры. Но призрак взглянул на них и спросил: Где… моя… корова?

Они попятились.

— Это моя корова? — настойчиво спросило создание, неуверенно шагнув вперед. Оно печально покачало головой.

— Она говорит "Бээ!" — всхлипнул призрак. — Это… овечка!

Затем он рухнул на колени, стиснул зубы и возвел очи горе, словно взывая к богам, как человек, которого запытали до потери разума, и издал рев:

— Это! Не!! Моя!!! Корова!!!!!

Крик эхом отразился от стен пещеры и он был

настолько силен, что пробился сквозь камни, расплавил горные породы и пролетел через мили... И в унылой детской комнате малыш Сэм перестал плакать, оглянулся по сторонам, внезапно обрадованный, но озадаченный, и сказал, к удивление своей отчаявшейся матери, — Ко!

Дварфы отступали. Вирви продолжали вливаться в пещеру, очерчивая пришельца на фоне своего бело-зеленого свечения.

— Где моя корова? Это моя корова? — требовал пришелец, преследуя дварфов.

По всей пещере дварфы перестали работать. В воздухе повисла нерешительность. В конце концов, человек был совсем один, и во многих умах появилась мысль: — "Кто-нибудь собирается что-нибудь предпринять?" Эта мысль еще не успела созреть до: — "Я собираюсь что-нибудь предпринять?" Кроме того, где она, эта корова? Есть здесь внизу коровы?

— Она говорит "Иго-го!" Это лошадь! Это не моя корова!

Дварфы переглянулись. Значит здесь уже и лошадь появилась? Кто-нибудь слышал лошадь? Что здесь еще может быть?

Четыре стража удалились в глубину пещеры за советом и указаниями. Там, сбившись в кучку,

стояли Забурившиеся и яростно переговаривались, глядя на приближающегося человека.

Но искаженный взор Ваймса показывал ему пушистых зайчиков и крякающих уточек…

Он снова рухнул на колени и, заплакав, уставился на землю.

Вперед вышли шестеро закутанных в темные одежды дварфов. Один из них выставил перед собой извергающее пламя оружие и осторожно подошел. Огонек на конце трубки был самым ярким пятном в пещере.

Призрак глянул вверх; в его глазах плясали красные отсветы пламени, и он прорычал: — Это моя корова?

Затем он вскинул руку и запустил топор в стража. Топор попал в огненное оружие, которое взорвалось.

— Он говорит "Аррррргх!"

— Гх! — повторил малыш Сэм и мать сжала ребенка в объятиях, уставившись невидящим взглядом на стену.

Горящая нефть била фонтаном во мраке пещеры. Брызги попали на руку Ваймса, но он сразу же прихлопнул пламя. Было больно, очень больно, но он осознавал существование боли, как существование луны в небе. Луна есть, но она на него

никак не влияет.

— Это не моя корова! — сказал он, вставая.

Он пошел вперед сквозь горящую нефть, сквозь красноватый дым, мимо дварфов, отчаянно катающихся по земле, пытающихся сбить пламя. Казалось, что он что-то ищет.

Еще два стража кинулись вслед за ним. На Ваймс, даже не взглянув на них, присел и описал мечом круг. Перед его глазами покачивался маленький ягненок.

Дварф, в больше степени сохранивший присутствие духа, нашел арбалет и только старательно прицелился, как на него с воплями накинулась стая летучих мышей. Он было снова прицелился, но тут звук, похожий на шлепок двух кусков мяса друг о друга, заставил его обернуться и его подхватила обнаженная женщина и швырнула через всю пещеру. Ошарашенный шахтер замахнулся топором на улыбающуюся женщину, которая тут же исчезла в стае летучих мышей.

Вопли продолжались, но Ваймс не обращал на них никакого внимания. Сквозь дым пробегали дварфы. Он отшвыривал их в сторону. Наконец-то он нашел то, что искал.

— Это моя корова? Она говорит "Му!"

Подобрав валяющийся топор, Ваймс побе-

жал. — Да! Это моя корова!

Скальты в отчаянии жались друг к другу, прячась за кольцом из стражей. Глаза Ваймса пылали а со шлема поднимались язычки пламени. Дварф, держащий извергающее огонь оружие, отбросил его и кинулся прочь.

— Ура, ура, что за чудесный день, когда я нашел свою корову!

… и возможно именно это, как говорили впоследствии, и послужило началом конца. Против берсеркеров нет защиты. Они поклялись сражаться до смерти, но не до такой. Самые медлительные четыре стража попали под топор и меч, остальные бросились врассыпную.

И вот Ваймс остановился перед группой перепуганных престарелых дварфов, поднимая оружие над головой…

И застыл, покачиваясь, как статуя.

* * *

Вечная ночь.

Но в этой ночи притаился город, призрачный, но определенным образом, настоящий. В поднимающемся тумане, существо кралось по аллее. Этого не могло произойти!

И все таки, произошло. Улицы были заполне-

ны… другими существами. Животными! Птицам! Меняющими форму, Вопящими и завывающими! И над всем этим, над крышами домов медленно раскачивалась овечка, громыхая по мостовой…

Затем решетки опустились, захлопнулись со стуком, и существо было вышвырнуто прочь.

Но оно было так близко! Оно спасло человека, оно проникло и начало контролировать… и вот теперь…

В темноте, над шорохом неутихающего дождя, оно услышало звуки приближающихся шагов.

В тумане появилась фигура.

Она приблизилась.

Вода струилась по металическому шлему и промасленному кожанному плащу. Фигура остановилась и с полным безразличием раскурила сигару, прикрыв ладонями пламя.

Существо вяло трепыхалось, как огромная рыбмна в глубоком омуте. Оно слишком устало, чтобы бежать.

— Я — Призываемая Тьма. — Звуков не было, но если бы они были, то звучали бы, как шипение. — Кто ты?

— Я Стражник

— Они могли убить его семью! — сделала выпад темнота, но получила отпор. — Подумай о смер-

тях, что произошли по их вине! Кто ты такой, чтобы останавливать меня?

— Он создал меня. Quis custodiet ipsos custodes? Кто сторожит стражника? Я. Я присматриваю за ним. Всегда. Ты не застаишь его убивать ради себя.

— Кто же станет создавать своего собственного полицейского?

— Тот, кто боится тьмы.

— Так и должно быть. — с удовлетворением сказало существо.

— Действительно. Но боюсь, ты не понимаешь. Я здесь не для того, чтобы не пускать темноту внутрь. Я здесь, чтобы не пускать темноту наружу. — призрачный стражник поднял фонарь и метал звякнул, когда он открыл шторку. Оранжевый свет прорезал тьму. — Можешь называть меня… Стерегущая Тьма. Представь, каким сильным я должен быть.

Призываемая Тьма в отчаянии попыталась скрыться в аллее, но свет настигал ее и жег.

— А теперь, — сказал Стражник. — Убирайся из города.

* * *

… и упал, когда оборотень прыгнул ему на спину.

У Ангуа капала слюна. Шерсть вздыбилась, как зубья пилы, пасть искривилась. Ее рык разнесся по всей пещере. Мозги любого обезьяноподобного существа понимали сообщение — только двинься и умрешь. Неподвижность тоже означала смерть, но не мгновенную, сиюминутную смерть, и сообразительная обезьянка это понимала.

Ваймс не двигался. Рычание сковало его мускулы. Им управлял ужас.

— Приветствую тебя. — пронеслась мысль, не принадлежащая ему и он почувствовал внезапное отсутствие чего-то, чье присутствие он не замечал. Черноту за его глазными яблоками прорезал темный плавник и исчез.

Он расслышал хныканье и тяжесть, давившая на него, исчезла. Ваймс перекатился и увидел расплывающееся в воздухе грубое изображение глаза с хвостом. Рисунок медленно растворился и всеобъемлющая темнота отступила и дала место огню и свету вирвей. В пещере пролилась кровь и они ползли вниз по стенам. Он почувствовал…

Прошло какое-то время. Ваймс резко проснул-

ся.

— Я прочитал ему книгу! — сказал он, чтобы, в основном успокоить самого себя.

— Да, прочитали, сэр. — сказал голос Ангуа за его спиной. — Очень отчетливо. Мы находились более чем в двух сотнях ярдах, но слышали вас. Хорошая работа, сэр. Мы подумали, что вам следует отдохнуть.

— Какая работа? — спросил Ваймс, пытаясь сесть. Движение заполнило его мир болью, но он умудрился кинуть быстрый взгляд, прежде чем повалиться обратно.

В пещере было много дыма, но здесь и там горели настоящие факела. И недалеко от них толпились дварфы. Они стояли группами или сидели.

— Почему здесь так много дварфов, сержант? — спросил он, глядя в потолок пещеры. — То есть, почему здесь столько дварфав и они не пытаются убить нас?

— Они от Низкого короля, сэр. Мы их узники… вроде того… э… не совсем узники.

— Риса? Плевать на него! — сказал Ваймс, снова пытаясь встать на ноги. — Я однажды спас его чертову жизнь! — Ему удалось встать, но мир заверетелся вокруг него и он чуть не упал, но

Ангуа подхватила его и помогла сесть на камень. Ну что же, он хотя бы сидит…

— Не совсем узники, — повторила Ангуа. — Нам нельзя уходить. Но поскольку мы не знаем, куда идти, даже если бы мы могли пойти, то это немного излишне. Извините, что я в одной сорочке, сэр, но вы знаете, как это бывает. Дварфы обещали доставить мою одежду. Э… Это касается политики, сэр. Дварф, который тут командует, порядочный, но он чувствует себя не в своей тарелке и потому придерживается того что ему известно, сэр. И, эээ, не так уж и много ему известно. Вы что-нибудь помните? Вы были без сознания целых двадцать минут.

— Да, тут вокруг были… войлочные овечки… — голос Ваймса затих. Каким-то образом, в этих словах прозвучала правда, канувшая в глубокую, глубокую нору. — Это были не войлочные овечки, верно?

— Я ни одной не видела. — тактично ответила Ангуа.. — И, лично, видела несущегося, вопящего маньяка, жаждущего мести. Но в хорошем смысле этого слова. — добавила она.

Его внутреннее Я поглядело на события, которые до сих пор не вспоминало.

— Я… — начал он.

— Все… можно сказать хорошо, сэр. — быстро сказала Ангуа. — Но пойдемте и посмотрим. Скромняк сказал, вам следует все увидеть.

— Скромняк… Он у нас дварф-всезнайка, так? — сказал Ваймс.

— Ага, вы вспомнили, сэр. — сказала Ангуа. — Хорошо. Он немного переживал из-за этого.

Ваймс тверже стоял на ногах, но его правая рука горела огнем и вся та боль, что накопилась за сегодняшний день вернулась и мучала его. Ангуа осторожно вела его через лужи по скользким, как мокрый мрамор, камням, пока они не дошли до сталагмита. Он был восемь футов высотой.

Это был тролль. Это не была скала в форме тролля, а настоящий тролль. Ваймс знал, что когда они умирают, они становятся более камнеподобными, но очертания этого тролля были смягчены молочным камнем, образовавшимся от капель, падающих ему на голову.

— Только поглядите сюда, сэр. — сказала Ангуа. — Они разбивали их.

Рядом в луже на боку лежал еще один сталагмит. Он был сбит со своего постамента. И это был… дварф.

Дварфы рассыпаются в прах после смерти, также как и люди, но доспехи, кольчга, цепи и

тяжелая кожа свидетельствовали, что больших изменений не произошло, во всяком случае, на взляд случайного наблюдателя. Горная порода покрыла их сверкающим панцирем.

Ваймс выпрямился и оглядел пещеру. В сумраке виднелись и другие фигуры, до самой стены, где капающая в течении веков вода, образовала настоящий водопад кремового цвета, но не двигающийся, как будто заледенелый.

— Сколько их там?

— Примерно двадцать, сэр. Половина из них была разбита до вашего… прибытия. Поглядите вот на этот, сэр. Можно разглядеть, они сидят спина к спине, сэр.

Ваймс вгляделся в фигуры под известковым панцирем. Дварф и тролль, вместе, сцементированные в камень.

— Есть что поесть? — спросил он.

Говорить его заставил не священный трепет, а его желудок, и сказал он это с чувством.

— Наши пайки потеряны во всей этой суматохе, сэр. Но дварфы могут поделиться с нами. Они не враждебны к нам, сэр. Они просто предусмотрительны.

— Поделиться? У них есть дварфийский хлеб?

— Боюсь, что да, сэр.

— А я-то полагал, что давать его узникам запрещено. Спасибо, думаю, что могу подождать. А теперь, сержант, расскажите мне об этой суматохе.

Нет, никакой засады не было, дварфы лишь догнали их отряд. Дварфийский капитан получил довольно расплывчатый приказ следовать за Ваймсом, но когда обнаружилось, что в отряде было два тролля, возникла некоторая натянутность. В конце концов, это была Кумская долина. Ваймс почувствовал прилив симпатии к капитану: работал себе без проблем вдруг все стало политическим. Иди туда, сделай это, принеси то, не знаю что.

Их вел скальт Скромняк, который умел обращаться со словами. Ну и поскольку они все шли тем же путем…

Путь был неблизок. Убегающие дварфы обрушили потолок недалеко от входа в туннель и путешествие, которое заняло у Ваймса несколько минут, растянулось для преследователей почти на весь день, несмотря даже на помощь Салли, проверяющей дорогу. Ангуа рассказала об огромных пещерах, еще больших, чем эта, и о величественных водопадах, скрытых тьмой. Ваймс ответил, что он их видел.

Затем над Кумской долиной загремели слова "Где Моя Корова", сотрясая древние скалы и заставляя сталагтиты резонировать в унисон, и им ничего не оставалось, кроме как побежать….

— Я помню, что читал малышу Сэмми, — медленно проговорил Ваймс. — Но я видел перед собой… такие странные видения. — Он замолчал. Вся его злость и раскаленная ярость стремительно улетучились. — Я убил тех чертовых солдат…

— Большинство, сэр. — жизнерадостно ответила Ангуа. — И парочка шахтеров, что попались вам под руку, раны у них нескоро заживут.

Память вернулась к Ваймсу. Он хотел бы все это забыть. Какая-то часть людского мозга всегда будет протестовать против сражения с дварфами. Потому что они были маленькие, как дети. О да, они обладают такой же силой, как и люди и более гибкие, и они используют любое преимущество в бою с вами, если вам повезло и вы преодолели это предубеждение, до того, как вам отрубили ноги по колено, но предубеждение все же есть…

— Я помню тех престарелых дварфов. — сказал он. — Они скорчились, как личинки. Мне хотелось раздавить их.

— Вы сопротивлялись почти четыре секунды, сэр, прежде чем я вывела вас из строя. — отве-

тила Ангуа.

— И это был хороший поступок, да? — сказал Ваймс.

— О, да. Вот почему вы все еще здесь, командер. — сказал Скромняк, появляясь из-за сталагмита. — Я рад видеть, что вы снова в строю. Сегодня исторический день! И ваша душа все еще принадлежит вам! Разве это не прекрасно?

— А теперь, слушайте меня… — начал Ваймс.

— Нет, это вы послушайте меня, коммандер. Да, я знаю, вы отправились в Кумскую долину потому, что Призываемая Тьма вела вас. Ей надо было привести вас сюда. Нет, не перебивайте меня, у нас не так много времени. Руна Призываемой Тьмы вызывает существо, древнее, как сама вселенная. Но у него нет материального тела и почти никакой физической силы, оно может переместиться за мановение ока сквозь миллион измерений, но едва ли сможет пересечь комнату. Оно использует других живых существ, особенно тех, кто окажется… податливым. Оно нашло вас, коммандер, кипящего от ярости, и быстро сообразило, что вы сможете доставить его сюда.

— Я верю ему, сэр. — быстро вставила Ангуа. — Это то самое существо, что призвал умирающий шахтер своим проклятьем. Помните? Тот, кто

нарисовал своею кровью руну на запертой двери. И вы…

— Я поцарапался о ту дверь, когда дотронулся до нее, я помню, — ответил Ваймс. — И вы говорите, что прямо за этой дверью он.. — Ох, нет…

— Он был уже мертв в то время, сэр, это совершенно точно. — быстро сказала Ангуа. — Мы не смогли бы спасти его.

— Умноруль говорил… — начал Ваймс, но должно быть Скромняк заметил, растущую панику в глазах Ваймса, потому что он схватил его за руки и торопливо заговорил: — Нет! Вы его не убивали! Вы даже не дотронулись до него! Вы боялись, что если сделаете это, я скажу, что вы применяли силу, помните?

— Он упал замертво! Сколько силы надо для такого? — закричал Ваймс. Его голос эхом отразился от стен пещеры и головы присутвующих повернулись к нему. — и там был этот знак, ведь так?

— Это верно… существо старается оставлять свою подпись при всех своих проявлениях, но вы должны были дотронуться до него, а вы этого не делали! Вы не поднимали на него руку! Я думаю, что вы уже тогда сопротивлялись! Сопротивлялись и выиграли! Вы меня слышите? Успокойтесь. Успокойтесь же. Он умер от страха

и чувства вины. Вы должны понимать это.

— С чего бы ему испытывать вину?

— Дварф найдет любую причину. Та шахта почти сломала его. — Скальт повернулся к Анугa. — Сержант, не могли бы вы принести воды коммандеру? В этих лужах она чистая, как и везде в мире. Ну, если вы выберете ту, в которой не плавает тело.

— Знаете, вы могли бы обойтись без последнего предложения. — сказал Ваймс. Он сидел на камне и дрожал.

— Значит я подцепил там эту чертовщину? — пробормотал он.

— Да, коммандер. И я полагаю, что оно привела вас сюда. Шельма говорит, что видела, как вы упали в бурный водоворот в полмилях отсюда. Даже чемпион по плаванию не смог бы выплыть из него.

— Я очнулся на песке…

— Оно доставило вас туда. Оно заставило ваше тело плыть.

— Но на мне живого места не было!

— Ох, ну оно вам не друг, коммандер. Ему просто нужно было доставить вас сюда целым. Но не обязательно хорошо выглядящим. И затем… вы разочаровали его, коммандер. Или, возможно,

произвели впечатление. Трудно сказать. Вы не стали бить беззащитных, понимаете. Вы сопротивлялись. Я попросил сержанта сбить вас с ног, потому что я боялся, что внутренняя борьба вытянет из вас все жилы.

— Они всего-навсего перепуганные старики.

— Похоже, что оно оставило вас. — продолжил дварф. — Интересно, почему? Согласно истории, каждый, кем завладела Призываемая Тьма, сходил с ума и погибал.

Ваймс протянул руку и забрал у Ангуа кружку с водой. Вода была ледяная, аж зубы заломило и очень вкусная. Рассудок торопливо работал, подпитываемый аварийными запасами здравого смысла, чтобы, как всегда в таких случаях создать тяжелый якорь для здравомыслия и душевного равновесия, и доказать, что случившееся на самом деле не случалось и если бы и случилось, то не совсем так.

Это была мистика, вот что. О, может это и было правдой, но как докажешь? Надо придерживаться того, что можно увидеть. И надо постоянно напоминать себе об этом.

Да, вот так оно и было. Что же произошло на самом деле? Были какие-то знаки? Да что угодно может привидится, если хорошенько себя

накрутить. И овцу можно принять за корову, верно? Ха!

И что касается всего остального, Скромняк вроде парень порядочный, но совершенно необязательно принимать все его слова на веру То же самое относится к мистеру Сияющему. А то так и рехнуться недолго.

Он так сильно переживал о малыше Сэмми, что увидев этих чертовых стражей, тут же набросился на них. В последнее время он слишком мало спал. И новые проблемы возникали на каждом шагу. Расудок может сыграть с вами коварную шутку. Ему удалось выжить в подводной реке? Запросто. В бессознательном состоянии он сам поддерживал себя на плаву. Тело, не желающее умирать, на много способно. Вот такая… логика и мистика стала… более понятной. Можно наконец прекратить чувствовать себя марионеткой и снова стать целеустремленным человеком.

Ваймс отставил в сторону пустую кружку и встал… целеустремленно.

— Я собираюсь повидать свой отряд. — объявил он.

— Я пойду с вами. — быстро сказал Скромняк.

— Думаю, что смогу обойтись без помощи. — солгал Ваймс самым ледяным тоном, на какой

был способен.

— Не сомневаюсь, что сможете. — ответил дварф. — Но капитан Гуд немного нервничает.

— Он будет нервничать намного сильнее, если мне не понравится то, что я увижу. — сказал Ваймс.

— Да. Именно поэтому я пойду с вами. — ответил Скромняк.

Ваймс

Ваймс направился в дальний конец пещеры немного быстрее, чем ему позволяло его состояние. Скальт едва поспевал за ним вприпрыжку.

— Не думайте, что изучили меня, мистер Скромняк, — пробурчал Ваймс. — Не думайте, что я пожалел этих ублюдков. И не думайте, что я такой жалостливый. Нельзя убивать беззащитных. Просто нельзя.

— У темных стражей проблем с убийством не было. — сказал Скромняк.

— Вот именно! — ответил Ваймс. — Между прочим, мистер Скромняк, что это за дварф такой, что не носит топор?

— Ну, поскольку я скальт, то прежде всего я уповаю на слово. — ответил Скромняк. — Топор без руки — ничто, но и рука без головы — ничто. Я приучил себя думать о топорах.

— На мой взгляд все это мистика. — сказал Ваймс.

— Я полагаю, что так и должно быть. — ответил Скромняк. — Ага, вот мы и пришли…

В этом конце пещеры собрались только что прибывшие дварфы. Одни военные, подумал Ваймс. Стоят в защитном оцеплении. Они не уверены, кто их враг, но и я тоже не уверен.

Билжайший дварф разглядывал его со смешанным вызывающе-неуверенным видом, хорошо знакомым Ваймсу. Капитан Гуд выпрямился.

Ваймс кинул взгляд за плечо дварфа, что было сделать совсем не трудно. Шнобби, Фред Колон, оба тролля и даже Шельма сидели тесной группой.

— Мои люди арестованы, капитан? — спросил Ваймс.

— Я получил приказ арестовать каждого, кого встречу. — ответил капитан. Ваймс восхитился прямотой ответа. Она означала: я не настроен разговаривать с вами.

— Каковы ваши полномочия здесь, каптан? — спросил он.

— У меня троекратные полномочия: Низкий Король, Шахтный Закон и шестьдесят вооруженных дварфов. — ответил Гуд.

Черт возьми, подумал Ваймс. Я забыл о шахтном законе. Это трудный случай. Мне надо снять с себя ответственность. Хороший коммандер знает, как это делать. Так что, переложу-ка я ответсвенность на плечи капитана Гуда.

— Хороший ответ, капитан. — сказал он. — Я приму его во внимание. — И, одним движением оттолкнув капитана в сторону, Ваймс шагнул к отряду. Но тут же застыл на месте, услыхав лязг вынимаемого оружия, поднял руки и сказал. — Скальт Скромняк, не могли бы вы прояснить капитану суть вопроса? Я присоединясь к задержанным, а не наоборот. Не время сейчас и не место для поспешных действий.

Он вошел внутрь, не дожидаясь ответа. Надо признать, что рассчитывать на то, что у кого-то будут проблемы из-за вашей смерти, тоже следствие поспешных действий, но он как-нибудь это переживет. Или нет.

Он присел на корточки перед Шнобби и Колоном.

— Извините, мистер Ваймс. — сказал Фред. — Мы поджидали у тропы с лошадьми и тут они выскочили откуда-то. Мы показали им свои значки, но они просто не хотели ничего знать.

— Понимаю. А что ты, Шельма?

— Я подумала, что лучше держаться всем вместе, сэр. — убежденно сказала Шельма.

— Верно, а ты, Детри…

Ваймс погялдел вниз и почувствовал приступ ярости. И у Детрита, и у Крипича на ногах были кандалы.

— Вы позволили им заковать вас? — спросил он.

— Похоже, что дело пол-итическое, мистер Ваймс. — ответил Детрит. — Но стоит вам слово сказать, мы с Кирпичем от них махом освободимся. Цепи хлипкие. Они даже мою бабулю насмешили бы.

Ваймс чувствовал, что закипает, но сдержал ярость. Детрит проявил больше здравомыслия, чем его начальник.

— Не делай этого, пока я не скажу. — сказал он. — Где эти скальты?

— Они держат их в другой пещере, сэр. — ответила Шельма. — Вместе с шахтерами. Сэр, они говорят, что вот-вот прибудет Низкий Король!

— Повезло нам, что пещера такая большая, тесно не будет. — сказал Ваймс. Он вернулся к капитану и наклонился.

— Вы заковали моего сержанта?

— Он тролль. Здесь Кумская долина. — бес-

страстно ответил капитан.

— Вот только даже мне под силу порвать такие тонкие цепи. — сказал Ваймс. Он глянул вверх. Салли и Ангуа уже облачились в форму и пристально смотрели на Ваймса.

— Вон те два офицера, вампир и оборотень. — сказал он все таким же спокойным голосом. — Я знаю, что вам это известно. Вы очень мудро оставили их в покое. А Скромняк — скальт. Но вы надели хлипкие цепи на моего сержанта, так что если бы он хоть пальцем пошевелил, вы бы убили его и сказали, что он пытался сбежать. Даже не смейте этого отрицать. Грязную работенку я сразу вижу. Знаете, что я сделаю? Я дам вам шанс продемонстрировать братскую любовь и отпустить троллей. И всех остальных. В противном случае, если вы меня не убьете, я все силы приложу на то, чтобы испортить вашу карьеру. А убить меня вы не посмеете.

Капитан попытался таращить глаза, но Ваймс уже давно обучился этой игре. Когда дварф опустил взгляд на руку Ваймс, он взвыл и попятился, закрыв лицо руками.

— Да! Я сделаю это! Да!

— Посмотрим. — ответил Ваймс, несколько смущенный, и поглядел на внутреннюю сторону

запястья.

— Что это еще за чертовщина? — спросил он у Скромняка.

— А, оно оставило свой знак на вашем теле, коммандер. — жизнерадостно откликнулся Скромняк. — Возможно, это его выходное отверстие.

На тонкой коже запястья багровел толстый шрам в виде руны Призываемой Тьмы,

Ваймс так и эдак повертел рукой. — Значит все произошло на самом деле? — спросил он.

— Да. Но оно покинуло вас, я уверен. Вы стали другим.

Ваймс потер знак. Он не болел, просто кожа немного припухла и покраснела. — Оно не вернется, я надеюсь?

— Сомневаюсь, что оно посмеет, сэр. — ответила Ангуа.

Ваймс открыл было рот, чтобы поинтересоваться, что означает весь этот сарказм, но тут в пещеру вбежали еще несколько дварфов.

Ему еще не доводилось видеть таких высоких и широкоплечих дварфов. В отличии от остальных дварфов, они были одеты в простые кольчуги и из оружия у каждого был лишь один топор: хороший, большой и прекрасно сбалансиро-

ванный топор. Дварфы обычно ощетиниваются десятком лезвий. Эти дварфы умудрялись ощетиниться одним единственным. Они разделились и разошлись по пещере, занимая позиции, позволяющие охватить взглядом все пространство. Часть из них проверила тени, четыре дварфа стали позади Детрита и Кирпича.

Когда все стали по своим местам и замерли, из туннеля вышла еще одна группа дварфов. Ваймс узнал Риса, Низкого Короля дварфов. Рис остановился, коротко взглянул на Ваймса и подозвал к себе капитана.

— Нашли, что нужно?

— Ваше Величество? — нервно сказал Гуд.

— Вы понимаете, о чем я, капитан!

— Да, но мы ничего не смогли найти, сэр! Мы искали и даже три раза осмотрели полы!

— Извините? — встрял Ваймс.

— Коммандер Ваймс! — Низкий Король поприветствовал Ваймса, как вновь обретенного блудного сына. — Как я рад вас видеть!

— Вы потеряли чертов куб? — спросил Ваймс. — После всего, что из-за него случилось?

— Что это за куб такой, коммандер? — спросил Король. Ваймс в какой-то мере восхитился его актерским дарованием.

— Да тот, что вы ищите. — ответил он. — Тот, что они откопали в моем городе. Они скальты и поэтому не могли бы взять и выбросить его. Для вас это было бы худшим из преступлений. Значит, они забрали его с собой.

Низкий Король поглядел на капитана Гуда, который сглотнул.

— В этой пещере его нет. — пробормотал он.

— Не могли они его где-нибудь оставить, — продолжал Ваймс. — Только не сейчас! Его могли бы найти!

Незадачливый капитан повернулся к королю в поисках поддержки.

— Когда мы появились, сэр, здесь царила паника! — запротестовал он. — Все бегали и кричали, повсюду был огонь! Полный хаос, Ваше Величество! Единственное, в чем мы можем быть уверенными, что из пещеры никто не выходил. И мы обыскали всех, сэр. Мы обыскали!

Ваймс закрыл глаза. Воспоминания быстро тускнели, как только здравый смысл начал ограждать стеной события, которые просто не могли произойти, но он все еще мог вспомнить перепуганных скальтов, склонившихся над какой-то штукой. Не было ли там мелькания синих и зеленых огоньков?

Попробуем сыграть вслепую.

— Капрал Шноббс, ко мне! — сказал он. — Пропустите его, капитан. Я настаиваю!

Капитан Гуд не протестовал. Его дух был сломлен. Шнобби неохотно подошел.

— Да, мистер Ваймс? — спросил он.

— Капрал Шноббс, вы забрали ту ценную штуковину, что я просил вас найти? — сказал Ваймс.

— Эээ, о чем это вы, сэр? — спросил Шнобби и сердце у Ваймса подпрыгнуло. Он мог читать лицо Шнобби, как открытую книгу, запрещенную, следует заметить, в части стран.

— Шнобби, бывают времена, когда я позволяю тебе придуриваться в волю, но сейчас это не пройдет. — ответил Ваймс. — Ты нашел ту штуковину, что я попросил тебя найти?

Шнобби поглядел Ваймсу в глаза. — Я… О? О. Да, сэр. Я… да… мы торопились, видите ли, видите ли, видите ли, и люди бегали туда-сюда и везде был, типа, дым. — Лицо Шнобби превратилось в маску, а губы беззвучно шевелились в творческой агонии. — И… и… Я храбро сражался, когда увидел, что увидел — ту блестящую штуковину, которую пинали и катали по полу, и я подумал, голову даю на отсечение, это жа та самая блестящая штуковина, которую мистер Ваймс так

настоятельно попросил меня найти… и вот она, целая и невредимая…

Он вынул из кармана маленький, мягко поблескивающий кубик и протянул.

Ваймс оказался быстрее, чем Король. За какую-то долю секунды он успел выхватить куб и зажать его в кулаке.

— Отлично, капрал Шноббс, вы безукоризненно выполняете мои приказания. — сказал он, сдерживая ухмылку, при виде Шнобби, безупречно жутко отдающего честь.

— Я думаю, что это собственность дварфов — спокойно сказал Король.

Ваймс разжал руку ладонью вверх. Маленький кубик, высотой в несколько дюймов, переливался синим и зеленым красками. Металл напоминал бронзу, на которой время вытравило красивый узор из синего, зеленого и коричневого цветов. Куб был похож на ювелирное изделие.

Он король, подумал Ваймс. Король, чей трон раскачивается, как лошадь-качалка. И он не слишком щепетилен. На такой работе слишком щепетильные долго не задерживаются. И он даже заслал шпиона в мою Стражу! Я бы не стал полагаться на королей. Но кому я могу довериться в такой момент?

Себе.

Но в чем я уверен, так это в том, что никакого демону у меня в голове не было, что бы они там ни говорили. Не поддамся на их росказни, даже за всю капусту равнин Сто. В моей голове есть только я! Но будем играть по их правилам…

— Берите. — сказал он и протянул руку. Призываемая Тьма светилась на его запястье.

— Я прошу вас отдать мне куб, коммандер. — сказал Рис.

— Берите. — повторил Ваймс. А про себя подумал: — посмотрим, во что же ты веришь.

Король потянулся к кубу, помедлил и опустил руку.

— Но может быть, — сказал он так, словно эта идея только пришла ему в голову. — Будет лучше, если мы оставим его на вашем почетном попечении.

— Да. Я хочу услышать, что он говорит. — сказал Ваймс и снова сжал кулак. — я хочу знать, что такого опасного в его сообщении.

— Я тоже этого хочу. — ответил король дварфов. — Мы заберем его туда, где…

— Оглянитесь вокруг, сэр! — резко оборвал его Ваймс. — Дварфы и тролли погибли в этой пещере! Они не сражались друг с другом, они стояли

рядом! Оглянитесь же, разве вы не видите, что это место похоже на проклятую игровую доску! Они оставили в кубе свое завещание? Тогда мы должны выслушать его здесь! В этой пещере! Сейчас!

— И, предположим, он сообщит что-то очень плохое?

— Мы все равно выслушаем его!

— Я Король, Ваймс! Здесь у вас нет никаких полномочий! Вы не у себя в городе! Вы бросаете мне вызов, имея за спиной лишь горстку стражников, в то время как ваша жена и ребенок находятся не далее, чем в десяти милях отсюда… — Рис замолчал. Его слова несколько раз эхом отразились от дальних стен пещеры и наступила пронзительная тишина. Краем уха Ваймс слышал, как Салли сказала — "Упс…". Скромняк поспешно вышел вперед и что-то зашептал Королю на ухо. Выражение лица дварфа сменилось на такое старательно доброжелательное, что под силу лишь лицам политиков.

Я не стану ничего делать, сказал себе Ваймс. Я просто буду стоять здесь.

— Буду рад снова встретить леди Сибил. — сказал Рис. — И вашего сына, конечено же…

— Хорошо. Они сейчас в доме, что находится не далее, чем в десяти милях отсюда. — ответил

Ваймс.

— Сержант Малопопка?

— Сэр? — откликнулась Шельма.

— Пожалуйста, возьми младшего констебля Хампединг и отправляйтесь с ней в город. Скажи леди Сибил, что со мной все в порядке. — добавил Ваймс, не отрывая глаз от Короля. — Исполняйте приказание.

Когда они торопливо ушли, Король улыбнулся и обвел глазами пещеру. Затем он вздохнул. — Я не могу позволить себе ссориться с Анк-Морпорком в такой момент. Очень хорошо, коммандер. Вы знаете, как заставить его говорить?

— Нет, а вы?

Так это игра? — думал Ваймс. Король никому не позволил бы подобный тон, особенно тому, чья армия раз в десять уступает в численности его армии. Ссора? Тебе достаточно заявить, что мы попали в бурю в этом вероломном месте, в Кумской Долине, и все согласятся. Мы сожалеем о потере и конечно же, передадим тело, если сумеем обнаружить его... Но ты не станешь этого делать, потому что я нужен тебе. Тебе что-то известно об этой пещере, так? И что бы здесь ни случилось, ты хочешь, чтобы "простой, но честный" малый Сэм Ваймс поведал об этом миру...

— Нет двух одинаковых кубов. — сказал Рис. — Обычно они включаются словом, но это может быть дыхание, звук, температура, какое-то определенное место или даже запах дождя. Все, что угодно. Как я понимаю, многие кубы так и не удалось заставить заговорить.

— Да что вы говорите? — сказал Ваймс. — Но эта штуковина кудахтала, как пить дать. И кто бы не послал ее из этой долины, он хотел, чтобы послание было услышано, поэтому я сомневаюсь, что куб включается слезой девственницы в февральский вторник. И этот куб заговорил у человека, который ни слова по дварфйиский не знает.

— Но записавший послание хотел, чтобы его услышали дварфы, я уверен! — запротестовал Король.

— Этой легенде две тысячи лет! Откуда нам знать, что они хотели? — ответил Ваймс. — Что тебе нужно?

Слова были обращены к Шнобби, который возник позади них и с интересом рассматривал куб.

— Как оно… он прошел мимо моей охраны? — спросил Король.

— Крадучись по шноббски. — ответил Ваймс и когда два сконфуженных стража опустили свои тяжелые ладони на хрупкие плечики Шнобби,

добавил: — Нет. Отпустите его. Давай, Шнобби, скажи что-нибудь, чтобы эта штука начала говорить.

— Э… отвечай или хуже будет? — предложил Шнобби.

— Неплохая попытка. — признал Ваймс. — Ваше Величество, я сомневаюсь, что сотни лет назад жители Анк-Морпорка в достаточной степени знали дварфийский или троллийский языки. Может быть обращение было адресовано к людям? Там внизу на равнине, где полно рыбы и птиц, могли жить люди.

— Может попробуешь другие человеческие слова, Шнобби? — спросил Король.

— Ладно. Откройся, говори, скажи что-нибудь, рассказывай, развяжи язык, сыграй…

— Нет, нет, мистер Ваймс, он неправильно делает! — воскликнул Фред Колон. — Это все произошло в старые времена, верно? Значит надо говорить старинные слова, например… э… изреки!

Ваймс зассмеялся, впечатленный идеей. Интересно, подумал он, а вдруг он прав. Дело не в словах, дело в звуках. Шум…

Скромняк наблюдал за их стараниями с озадаченным выражением лица.

— Как сказать по дварфийски «откройся», мистер Скромняк?

— В смысле "открыть книгу"? «Дхве», коммандер.

— Хмм. Не подойдет. А как будет… "говори"?

— "Чиик" или в подвелительном наклонении «корк», коммандер. Но знаете, я не думаю…

— Прощу прощения! — громко сказал Ваймс. Голоса стихли.

— Чиик! — произнес он.

Поверхность куба перестала сверкать синим и зеленым, но осветилась узором из синих и зеленых квадратиков.

— А я думал, что художник не знал дварфийского. — сказал Король.

— Не знал, но он свободно говорил на курином. — ответил Ваймс. — Я все объясню позже…

— Капитан, приведите скальтов, — приказал король. — И все задержанных тоже, в том числе и троллей. Все должны услышать это!

Ваймс почувствовал какое-то движение на поверхности куба. Часть квадратов слегка приподнялись над поверхностью.

Куб заговорил. В речи звучали щелкающие звуки, характерные для дварфийского языка, но Ваймс не понимал ни единого слова. Затем

говоривший замолк и послышался стук.

— Пупский диалект дварфийского, времен Второй Ассамблеи. — пояснил Скромняк. — По времени как раз подходит. Кто бы это ни был, он только что сказал: — "Работает ли сия вещица?"

Голос заговорил снова. Скромняк начал переводить щелкающее древнее наречие:

"Первое, что сотворил Так, написал он себя.

Второе, что сотворил Так, написал он Законы.

Третье, что сотворил Так, написал он Мир.

Четвертое, что сотворил Так, написал он пещеру.

Пятое, что сотворил Так, написал он жеод, каменное яйцо.

И в сумерках пещеры яйцо проклюнулось и родились Братья.

Первый Брат пошел на свет и стоял под открытым небом…

— Он рассказывает "То, что написал Так", прошептала Шельма Ваймсу. Ваймс лишь пожал плечами, наблюдая за стражами, приведшими Ардента и остальных скальтов.

— Но эта история уже известна? — с разочарованием спросил Ваймс.

— Ее знает каждый дварф, сэр.

— "Это был первый Дварф. Он нашел Законы,

что начертал Так, и стал протемневшим..." — переводил Скромняк. Он даже зажмурился, чтобы сосредоточиться, но вдруг широко раскрыл глаза, как громом пораженный.

— Эээ... "И взглянул Так на камень, что пытался ожить, и улыбнулся и написал: "все сущее стремится к жизни", — говорил дварф, повышая голос, чтобы перекрыть поднимающийся шум. — "И за службу, что сослужил ему камень, Так превратил его в первого Тролля и возрадовался жизни, что пришла незванной. Вот что написал Так!" — Он уже кричал, потому что шум и гам заглушали его слова.

Ваймс чувствовал себя лишним. Все вокруг него ожесточенно спорили, а кое-кто даже взялся за топор.

— "Я, КТО ГОВОРИТ СЕЙЧАС С ВАМИ, Б'ХРАЙАН КРОВАВЫЙ ТОПОР, ИСТИННЫЙ КОРОЛЬ ДВАРФОВ ПО ПРАВУ КАМЕННОЙ ЛЕПЕШКИ! — закричал Скромняк.

В пещере наступила тишина, и только эхо откликнулось из далекой темноты.

— Ливень смыл нас в пещеры. Мы нашли друг друга во мраке по голосу. Мы умираем. Бурлящая вода изломала наши тела о зубья.... из камней. И мы слишком ослабли, чтобы выбраться наружу.

Со всех сторон нас окружает вода. Мы решили доверить наше завещание юному Сильноруку, который все еще способен двигаться, в надежде, что оно увидит дневной свет. Мы делаем это ради того, чтобы все произошедшее в эти дни не было забыто. Никто не ожидал, что так случится. Мы встретились, чтобы подписать соглашение! Оно готовилось в тайне долгие годы кропотливой подготовки!

Говоривший замолк, но из куба продолжали доноситься тихие стоны и шум бегущей воды.

— Ваше Величество, я требую, чтобы вы запретили прослушивание! — закричал Ардент. — Это ложь и ничего кроме лжи! В этом нет ни слова правды! Где доказательство, что это был голос Кровавого Топора?

Капитан Гуд кажется в нерешительности, подумал Ваймс. Телохранители Короля? В основном бесстрастные ребята, хранящие верность и не обращающие внимания на политику. Шахтеры? Раздражены и сбиты с толку криками старых скальтов. Атмосфера быстро накаляется.

— Городская Стража, ко мне! — крикнул он.

Шумы в кубе затихли и послышался другой голос. Детрит быстро поднял голову.

— Энто древнетролльский! — сказал он.

Скромняк на мгновение заколебался. — Эээ… Я, Алмазный Король троллей. — перевел он, безнадежно глядя на Ваймса. — Я подтверждаю, что мы пришли для заключения мира. Но поднялся туман и некоторые тролли и дварфы стали кричать "Засада!". Они полезли в драку и не слушали наши приказы. И тролли нападали на троллей, а дварфы на дварфов, и дураки одурачили нас, пока мы пытались предотвратить побоище, и в конце концов небеса отвратились от нас и смыли всех прочь.

— Но мы говорим: здесь в этой пещере на краю света, дварфы и тролли заключили мир, чтобы рука об руку пройти под дланью Смерти. И мы говорим: враг наш не Тролль и не Дварф, а злоба, клевета, трусость, сосуды омерзения, те, кто творя зло, под личиной добра. Вот с кем мы сражались сегодня, но упрямство глупцов вечно и скажут…

— Это ложь! — закричал Ардент.

— Что это ложь, — продолжал Скромняк, — Поэтому мы заклинаем вас, спуститесь в пещеры под Кумской долиной, где вы найдете нас, делящих мир, что не может быть нарушен.

Громыхающий голос замолк. И снова, как и в прошлый раз, из куба послышались еле слышные голоса и затем наступила тишина.

Маленькие квадратики задвигались, как в головоломке с цифрами, и звук вернулся. Но теперь из куба доносились крики, стоны и бряцание стали…

Ваймс наблюдал за лицом Короля. Тебе уже было кое-что известно, это точно. Не все, но ты речь Кровавого Топора тебя явно не удивила. Слухи? Старые истории? Что-то нашлось в летописях? Этого ты мне никогда не расскажешь.

— Хад'ра, — сказал Скромняк и куб замолк. — Это означает «остановись», коммандер. — добавил скальт.

— Итак, мы под Кумской долиной, — фыркнул Ардент. — И что же мы нашли?

— Мы нашли вас. — ответил Скромняк. — Мы всегда находим вас.

— Мертвые тролли. Мертвые дварфы. И ничего больше, кроме голоса. — сказал Ардент. — И Анк-Морпорк тут как тут, а они коварны. Эти слова могли быть записаны вчера!

Король не сводил глаз с Ардента и Скромняка. И все остальные дварфы тоже. Ваймсу хотелось закричать — Да не стойте же здесь и не спорьте! Наденьте на мерзавцев наручники и мы разберемся со всем этим позже!

Но для дварфов на первом месте слова и за-

коны…

— Вот перед вами почтенные скальты. — сказал Ардент, указывая на закутанных в мантии дварфов. — Они изучали Историю! Они изучали Устройства! Перед вами стоит знание многих тысяч лет. А ты? Что знаешь ты?

— Вы пришли, чтобы уничтожить правду. — ответил Скромняк. — Вы осмелились не поверить ей. Голос это только голос, но эти тела служат доказательством. Вы пришли сюда, чтобы уничтожить их!

Ардент выхватил топор у ближайшего шахтера и замахнулся им, прежде, чем стражи успели понять, что происходит. Как только они осознали опасность, они двинулись к Арденту.

— Нет! — остановил их Скромняк. — Ваше Величество, прошу вас! Это спор между скальтами!

— Почему ты не носишь топор? — прорычал Ардент.

— Мне не нужен топор, чтобы быть дварфом. — ответил Скромняк. — И троллей ненавидеть мне нет нужды. Какое живое существо будет описывать себя ненавидящим?

— Ты подрываешь наши основы! — воскликнул Ардент. — Рубишь наши корни!

— Тогда руби в ответ. — сказал Скромняк, про-

тягивая пустые руки. И не поворачивая головы, добвил: — Коммандер Ваймс, уберите ваш меч. Это касается только дварфов. Ардент? Я стою спокойно. Во что ты веришь? Ха'ак! Га страк джа'ада!

Ардент рванулся вперед с занесенным топором. Скромняк стермительно шагнул ему навстречу. Что-то с глухим стуком вонзилось в плоть и затем они оба застыли в немной сцене, недвижные, как каменные фигуры в этой пещере. Вот Ардент с поднятым над головой топором. Вот Скромняк, стоящий на одном колене, с головой, покоящейся на груди Ардента, как у старого друга, и прижавший ребро ладони к горлу скальта.

Ардент открыл было рот, но только захрипел и по губам потекла струйка крови. Он сделал несколько шагов назад и рухнул на землю.

Топор врезался в белый каменный водопад, покрытый пленкой воды, и разбил тысчелетний каменный нарост. Окаменевшее время разбилось на куски.

Скромняк с ошеломленным видом поднялся на ноги, потирая руку. — Это как будто рубить топором, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Но без топора…

Снова поднялся гам, но тут сквозь толпу про-

бился такой мокрый дварф, что с него капала вода.

— Ваше Величество, в долину поднялся отряд троллей! Они ищут вас! Они говорят, что пришли для переговоров!

Рис перешагнул через тело Ардента и сосредоточенно вгляделся в отверстие в каменном водопаде. Еще один кусок камня отвалился, когда он доторнулся до него.

— Есть что-нибудь необычное в их вожаке? — рассеяно спросил он, все еще вглядываясь в открывшуюся темноту.

— Да, сэр! Он весь… сверкает!

— Ага, хорошо. — ответил Король. — Будут ему его переговоры. Приведите его вниз.

— Это не тот ли тролль, знакомый с некоторыми очень влиятельными дварфами? — спросил Ваймс.

Низкий Король на секунду встретился с ним глазами. — Да, думаю это он. — Затем он повысил голос. — Принести факел! Коммандер Ваймс, не могли бы вы… заглянуть сюда?

В глубине обнаруженной за каменным водопадом пещеры что-то сияло.

В тот день в 1802 году художник Методия Плут кинул сверкающую огнями штуковину в самый

глубокий из известных ему колодцев. Уж там ее никто не услышит. Всю дорогу домой, его преследовал цыпленок.

В сказках все намного проще, думал Ваймс. Вытащат из камня меч или волшебное кольцо бросят в море, и ко всеобщей радости мир изменился.

Но вот она настоящая жизнь. Мир не перевернулся, а вошел в штопор. Настал День Битвы в Кумской долине, а битвы и нет. Но и мира как такового тоже нет. В Кумской долине… Собирались комиссии. Велись переговоры. Вообще-то, насколько он мог судить, сами переговоры еще и не начинались. Пока что велись обсуждения встреч и делегаций. С другой стороны, никто пока не умер, разве что от скуки.

Многие исторические события требовали переосмысления и те, кто не занимался это щекотливой деятельностью, укрощали Кумскую долину. Там в пещере находились тела легендарных героев двух рас и всего одной хорошей бури и пары запруд в неподходящих местах было достаточно, чтобы белопенный поток, несущий огромные валуны, смыл все напрочь. Этого еще не случилось, но рано или поздно динамическая география возьмет свое. Кумскую долину больше

нельзя было предоставлять саму себе, только не в такой момент.

Везде, куда ни глянь отряды троллей и дварфов измеряли, рыли новые русла, запруживали старые и бурили. Они обустраивали долину уже два дня, но им придется постоянно заниматься ею, потому что каждая зима будет менять правила игры. Кумская долина вынудила их к сотрудничеству. Плотины Кумской доилны…

Ваймс подумал, что как-то все слишком удачно складывается, но иногда природа делает такие подарки. И вечерняя заря иногда бывает слишком розовой, демонстрируя полное отсутствие вкуса.

Но с туннелем они справились быстро. Дварфы прорубились сквозь мягкий известняк, как сквозь масло. Теперь в пещеру можно было спокойно войти, не считая того, что сначала вам надо было отстоять очередь вместе с многочисленными дварфами и троллями.

Они стояли в очереди, поглядывая друг на друга, в лучшем случае, с сомнением. Из пещеры же они выходили разгневанными, или со слезами на глазах, или просто шли, уставившись в землю.

Выйдя на поверхность, они собирались в молчаливые группы.

Сэм, держащий маленького Сэмми на руках,

был пропущен без очереди. Новости уже распространились. Он спустился прямо в пещеру, которую назвали Королевской, мимовав троллей и дварфов, кропотливо восстанавливающих разбитые сталагмиты (Ваймс и не подозревал, что такое возможно, но у них получалось так, что даже лет через пятьсот, они будут стоять как новенькие).

Короли были в пещере. Этого никто не мог не оспорить. Король дварфов навалился на доску для игры в Бац, тысячелетняя капель покрыла его слоем глазури и окаменевшая борода стала одним целым с доской. Но алмазный король, чья кожа стала тусклой, сидел выпрямившись, позволяя разглядеть игровую доску. Следующий ход был его и молодой сталктит приличных размеров свешивался с его протянутой руки.

Они разломали маленькие сталагмиты, чтобы сделать фигурки, которых время намертво приклеило к доске. Выцарапанные в камне линии были еле заметны, но любители Баца обеих рас уже занялись изучением партии и схема "Игры Мертвых Королей" уже появилась в Таймсе. Алмазный король играл за дварфов. Хотя мог играть и за троллей.

Говорили, что когда все утихнет, пещера будет

запечатана. Дварфы объяснили, что толпа живых существ некоторым образом убивает пещеру. И когда ее закроют, мертвые короли останутся доигрывать свою партию в темноте и, если повезет, в мире.

Вода капала на камень, капля за каплей изменяя мир, размывая долину….

Что же, это так, сказал себе Ваймс. Но дальше все будет уже не так просто. Для каждого нового поколения вам придется снова открывать пещеру, чтобы все увидели правду.

Но сегодня она была открыта для него и малыша Сэмми, одетого в симпатичную шерстяную шапочку с помпоном.

Кирпич и Салли были в наряде вместе с парой троллей и дварфов. Они внимательно следили за потоком посетителей и друг за другом. Потолок пещеры был покрыт вирвями. Игровая доска и фигурки блестели. Что из всего этого останется в памяти у маленького Сэмми? Возможно, что лишь этот блеск. Но он должен был показать ему пещеру.

Короли были настоящими, с этим согласились обе стороны. Рисунок насечек на алмазном короле был достоверным, а оружие и драгоценности Кровавого Топора соотвествовали записям. Даже

длинный батон дварфийского хлеба способный проломить череп троллю, взятый им в битву, лежал рядом с ним. Дварфийские историки очень осторожно и аккуратно отрезали от нее крохотный кусочек, затупив при этом пятнадцать дисковых пил. Чудесным образом хлеб остался таким же несъедобным, как и в тот день, когда его выпекли.

Минуты для этого исторического момента хватит, решил Ваймс. Малыш Сэмми был в том возрасте, когда дети хватаются за все подряд, и ему никогда не узнать, чем все закончится, если его сын съест исторический памятник.

— Могу я поговорить с вами, младший констебль? — обратился он к Салли перед уходом. — Смена караула будет через минуту.

— Конечно, сэр. — ответила Салли. Ваймс отошел в уголок, где дождался появления маршрирующих во главе смены Шнобби и Колон во главе смены.

— Рады, что присоединились к нам, младший констебль? — спросил он у поспешно подошедшей к нему Салли.

— Очень, сэр!

— Хорошо. Поднимемся наверх?

Они поднялись во влажное теплоту Кумской

долины и Ваймс присел на камень. Малыш Сэмми играл у его ног.

Ваймс спросил. — Вы ничего не хотите мне рассказать?

— Например, о чем, сэр?

— Я, конечно, ничего не могу доказать, — ответил Ваймс. — Но вы шпион Низкого Короля, так? Вы следили за мной.

Он дал ей время обдумать ответ. В небе над ними пикировали целые эскадрильи ласточек.

— Я, эээ, бы по-другому сформулировала, сэр. — наконец ответила она. — Я следила за Мясодробилкой и узнала об их раскопках и затем, когда атмосфера накалилась…

— … Вам показалось хорошей идеей вступить в Стражу, верно? Лига знала?

— Нет! Послушайте, сэр, я не шпионила за вами…

— Вы сообщили ему, что я направился в Кумскую долину. И в ночь нашего прибытия вы отправились немного полетать по окрестностям. Неужели только чтобы размять крылышки?

— Слушайте, это не то, чем я занимаюсь в жизни! — сказала Салли. — Я присоединилась к новой общественной группировке в Бонке. Мы пытаемся хоть что-нибудь изменить здесь! И я все

равно собиралась отправиться в Анк-Морпорк, потому что мы все этого хотим. Чтобы перенять ваш опыт, понятно? Как вам удалось добиться всего? Все о вас так хорошо отзываются! И затем Низкий Король вызвал меня и я подумала, что в этом плохого? Мясодробилка и в Убервальде натворил бед. Э… В сущности, я вам никогда не лгала, сэр.

— Рису уже был известен секрет, верно? — спросил Ваймс.

— Нет, сэр, вовсе нет. Но я думаю, что у него были некоторые основания подозревать, что в пещерах под долиной что-то есть.

— Тогда почему же он не пошел и не проверил?

— Дварфы раскапывающие Кумскую долину? Тролли, эээ, сразу бы взвились, сэр.

— Но все будет тихо, если дварфы просто решат проверить копа из Анк-Морпорка, преследующего забравшихся в пещеры преступников, верно? Особенно, если этим копом окажется старина Сэм Ваймс, который, как всем известно, кристально честен, хотя и не самый острый нож в посудном ящике. Сэма Ваймс нельзя подкупить, но к чему утруждаться, если ему можно просто навешать лапшу на уши?

— Послушайте, сэр, я понимаю, что вы сейчас чувствуете, но… вот ваш маленький сын играет в Кумской долине среди дварфов и троллей, которые не сражаются друг с другом. Так? Я не лгала, я только… передавала сведения. Разве оно того не стоило, сэр? Ха, но как они заволновались, когда вы пошли к волшебникам! Сияющий даже из города не успел выбраться! Рису пришлось ночью перевозить его на метле! Все, что они делали, это следовали за вами. Единственным, кто дурачил вас, была я, и, как оказалось, мне это не больно то удалось. Вы были нужны им, сэр. Поглядите вокруг и сами скажите, разве оно того не стоило.

В нескольких сотнях ярдов от них огромный валун размером с дом, подталкиваемый несколькими троллями, прогромыхал по камням и закупорил отверстие, как пробка бутылочное горлышко, вызвав бурное одобрение.

— Могу я упомянуть кое-что еще, сэр? — спросила Салли. — Я знаю, что Ангуа стоит у меня за спиной.

— Для тебя я сержант Ангуа. — прошептала Ангуа ей на ухо. — Меня ты тоже не одурачила. Я говорила тебе, что мы не любим доносчиков в Страже. Но что есть, то есть — судя по запаху, она не врет.

— Вы все еще поддерживаете связь с Низким королем? — спросил Ваймс.

— Да, и я уверена, что он… — быстро сказала Салли.

— Вот мои требования. Скальты и все их оставшиеся в живых стражники вернутся со мной в Анк-Морпорк. И Ардент тоже, хотя я думаю, что пройдет не одна неделя, прежде чем он сможет говорить. Они предстанут перед Ветинари. Я дал обещание и выполню его, чего бы мне это не стоило. Да, возбудить обвинение будет не так-то просто, но будь я проклят, если не приложу все усилия. Ставлю свой обед, что Ветинари также замешан во всем этом, так что не сомневаюсь, он вернет их Рису. Думаю, у короля найдутся достаточно глубокие камеры, чтобы им там было удобно. Вам все понятно?

— Да, сэр. У вас есть еще требования?

— Те же самые, только сказанные более громким голосом. — ответил Ваймс. — Понятно?

— Абсолютно, сэр. Затем я, конечно же, подам в отставку.

Ваймс прищурился. — Вы уйдете в отставку, когда я вам разрешу, младший констебль! Вы приняли королевский шиллинг, помните? И присягнули. А теперь идите и передавайте сведения!

— Вы собираетесь оставить ее в Страже? — спросила Ангуа, глядя вслед удаляющемуся вампиру.

— Ты сама говорила, что она хороший полицейский. Посмотрим. Ох, ну не надо делать такое лицо, сержант. От этой политики все с ума посходили, вот и шпионят за друзьями. Так мне сказали. И, как она сказала — оглянись вокруг.

— Это не похоже на вас, сэр. — сказала Ангуа, озабоченно глядя на него.

— Да, не похоже, и что? — ответил Ваймс. — Я наконец-то выспался. И день сегодня такой хороший. Никто не пытается убить меня, что просто замечательно. Спасибо, сержант. Хорошего тебе вечера.

Освещенный послеполуденным светом, Ваймс понес маленького Сэмми в город. Даже к лучшему, что девчонка работала на Риса. В противном случае, все могло оказаться намного сложнее. Это очевидно. Так почему бы не оставить ее на службе? Почему бы и нет. Она оказалась очень полезной, это даже Ангуа признала. Кроме того, его практически заставили взять в Стражу шпиона, в почти военное время! Если он сумеет это правильно обыграть, никто никогда не сможет диктовать ему кого брать в Стражу.! Дорин Подмигинс может щелкать своими фальшивыми

челюстями сколько ей будет угодно!

Хмм… И Ветинари постоянно думает таким образом?

Он услышал, как его окликнули. По камням ехала карета и Сибил махала ему из окна. Вот еще одно достижение, теперь даже повозки могли проехать по долине.

— Ты не забыл о сегодняшнем ужине, а? — с подозрением спросила она.

— Нет, дорогая. — Ваймс не забыл, но он надеялся, что проблема рассосется сама собой, если не думать о ней. Ужин собирался быть официальным, будут оба короля и другие важные шахтные короли и вожди кланов. К несчастью, там же будет и Чрезвычайный посланник Анк-Морпорка, которым будет он, Сэм Ваймс, отмытый и переодетый.

По карйней мере, ему не придется надевать обтягивающие штаны и плюмаж. Даже Сибил не была настолько дальновидна. К сожалению, в городе нашелся портной, который с энтузиазмом пустил в дело весь золотой галун, купленный по случаю пару лет назад.

— Виликинс приготовит ванну к нашему приезду. — сказала Сибил, когда карета тронулась.

— Да, дорогая. — ответил Ваймс.

— Ну не будь таким мрачным! Помни, ты должен поддержать честь Анк-Морпорка!

— В самом деле, дорогая? А другой рукой что я буду делать? — спросил Ваймс, устраиваясь поудобнее на сидение.

— Ох, Сэм! Сегодняшний вечер ты проведешь в обществе королей!

Я бы уж лучше провел время сам с собой в три часа утра на Паточношахтной улице, подумал Ваймс. Даже если бы шел дождь и сточные канавы переливались. Но на то она и жена. Она так сильно… гордилась им, а он никак не мог понять, почему.

Ваймс кинул взгляд на запястье. По крайней мере, с этим он разобрался. Выходное отверстие, да что вы говорите! Просто горящая нефть попала на руку. Да, ожог немного похож на чертову руну и дварфам этого оказалось достаточно, чтобы поджилки затряслись, но никакие летучие глаза его не преследовали. Здравый смысл и факты, вот что считается!

Через какое-то время он осознал, что они едут не в город. Они спустились почти до самых озер, но потом опять свернули на круто поднимающуюся в горы дорогу. Ваймс видел раскинувшуюся внизу долину.

Короли загрузили своих подданых работой по самые уши, рассчитывая, что уставшие воины не особо будут гореть желанием пойти в бой. Вереницы строителей карабкались по скалам, как муравьи. Наверное у них был план. Вероятно был. Но каждую зиму горы будут насмехаться над всеми планами. Здесь нужна бригада рабочих, чтобы постоянно следить за склонами и разбивать большие валуны прежде, чем они натворят бед. Нельзя забывать Кумскую долину. Потому что, если вы забудете, ваша историей станет просто… историей.

И возможно, за расскатами грома и ревом подземных потоков вам удастся расслышать, как смеются мертвые короли.

Карета остановилась. Сибил открыла дверь. — Вылезай, Сэм Ваймс. — сказала она. — И никаких споров. Время для портрета.

— Здесь? Но… — начал Ваймс.

— Допрый день, коммандер. — в дверях показался радостный Отто Шрик. — Я поставил скамейку и осфещение как рас нужного оттенка!

Ваймс не мог не признать, что он прав. Горная гряда отливала золотом в грозовом небе. В отдалении сверкала серебряная лента водопада Слезы Короля. Птицы с ярким оперением сновали

в воздухе. И над всей долиной висели радуги.

Кумская долина в день битвы при Кумской долине. Именно здесь ему и надо было быть.

— Мошшет Фаша Сфетлость сядет с малышом на коленях и вы, коммандер, станете сбоку, полошшиф руку ей на плечо…? — суетился Отто, пристраивая свой большой черный иконограф.

— Он снимает долину для Таймс, — шепнула Сибил. — И я подумала, ну что ж, сейчас или никогда. Портрет должен быть сделан.

— Сколько времени это займет? — спросил Ваймс.

— Ох, лишь долю секунды. — ответил Отто.

Ваймс обрадовался. Это ему подходило.

И конечно, долей секунды дело не обошлось. Но день выдался теплым и Ваймс все еще чувствовал себя хорошо. Они сидели рядышком и улыбались теми застывшими улыбками людей, раздумывающих, почему доля секунды тянется уже полчаса, пока Отто пытался привести Вселенную к удовлетворяющему его состоянию.

— Хавелок будет искать способ наградить тебя, ты знаешь. — пробормотала Сибил, пока вампир хлопотал вокруг.

— Пусть ищет. — ответил Ваймс. — У меня есть все, что мне нужно. — и он улыбнулся.

Щелк!

* * *

— Шестьдесят новых полицейских? — спросил лорд Ветинари.

— Такова цена мира, сэр, — с жаром ответил капитан Моркоу. — Я уверен, что коммандер Ваймс не согласится на меньшее. У нас острая нехватка личного состава.

— Шестьдесят человек… — и, безусловно, дварфов, и троллей — да это же больше, чем треть вашего текущего состава. — сказал Патриций, постукивая тростью по мостовой. — Мир пришел с неплохим счетом, капитан.

— Но он принес также некоторую прибыль, сэр. — добавил Моркоу.

Они оба поглядели на круглый символ с чертой посредине, нарисованный над входом в шахту, который был огорожен черно-желтыми лентами от недозволенных посетителей.

— Шахта автоматически отходит к нам? — спросил Ветинари.

— Очевидно да, сэр. Как я понимаю, по праву "принудительного отчуждения собственности".

— Ах, да. Это означает неприкрытое государственное воровство. — пояснил Ветинари.

— Но скальты выкупили землю, сэр. Но сейчас они вряд ли станут оспаривать свою собственность.

— Несомненно. Так дварфы действительно умеют строить водонепроницаемые туннели?

— О, да. Это старое изобретение, как и само горное дело. Может пройдем внутрь? Боюсь только, что лифт в настоящий момент не работает, сэр.

Лорд Ветинари осмотрел рельсы и маленькие вагончики, на которых дварфы вывозили грунт, и ощупал сухие стены. Затем он поднялся по лестнице и нахмурился, когда железная плита весом в тонну пробила стену, просвистев прямо перед его лицом, и, пробив стену, вылетела на улицу.

— Это следовало ожидать? — спросил Ветинари, стряхивая штукатурку со своей мантии.

Кто-то взволнованно прокричал позади него — Вращательный момент! Это невозможно! Изумительно!

Из пролома вылез человек, держащий что-то в руке. Он подскочил к капитану Моркоу, дрожа от возбуждения.

— Оно делает полный оборот за 6,9 секунд, но вращательный момент просто невероятен! Оно сломало зажимы! Что его двигает?

— Похоже, этого никто не знает. — ответил

Моркоу. — В Убервальде…

— Прошу прощения, но что происходит? — спросил лорд Ветинари, властно вытянув руку.

Человек глянул на него и затем повернулся к Моркоу. — Кто это? — спросил он.

— Лорд Ветинари, правитель нашего города. Милорд, разрешите представить вам мистера Пони из Гильдии Изобретателей? — быстро сказал Моркоу. — Мистер Пони, будьте добры, покажите Его Светлости Вал.

— Благодарю. — ответил Ветинари. Он взял в руки устройство, выглядящее как два куба, гранью дюймов в шесть, прикрепленных друг к другу, и походило на пару игральных костей, соединенных между собой по одной стороне. Они вращались относительно друг друга — очень, очень медленно.

— А, — равнодушно сказал Ветинари. — Механизм. Как мило.

— Мило? — переспросил Пони. — Вы не понимаете? Они не останавливаются. — Моркоу и Пони выжидающе поглядели на Патриция, который ответил:

— И это хорошо, так?

Моркоу кашлянул. — Да, сэр. Одна из таких штучек приводит в действие самую большую

шахту в Убервальде. Все насосы, вентиляторы, вагонетки, перевозящие руду, меха кузнечных горнов, лифты… все. Это еще один вид Устройств, как и кубы. Мы не знаем, как они сделаны, они крайне редки, но я слышал, что три таких устройства работали без остановки несколько сотен лет. Они не нуждаются в топливе, они ни в чем не нуждаются. Им несколько миллионов лет. Никто не знает из чего они сделаны. Они просто вращаются.

— Как интересно. — сказал Ветинари. — Двигает вагонетки? Под землей, говорите?

— О, да. — ответил Моркоу. — И даже вместе с шахтерами.

— Над вашими словами необходимо как следует поразмышлять. — сказал Ветинари, старательно избегая протянутой руки мистера Пони. — И как можно применить это устройство на нужды города?

Ветинари и Моркоу вопрошающе повернулись к мистеру Пони, который в ответ лишь пожал плечами. — Да как угодно.

* * *

Кап!

Капля упала на голову давным-давно усопшего

Короля Б'храйана Кровавого Топора.

— И сколько еще мы будем здесь торчать, сержант? — спросил Шнобби, разглядывая длинную ленту постеителей, тянущуюся мимо мертвых королей.

— Мистер Ваймс послал за сменой в Анк-Морпорк. — ответил Фред Колон, переминаясь с ноги на ногу. Когда вы только зашли, казалось, что в пещере тепло, но через какое-то время липкая сырость начинала действовать на нервы. Фред подумал, что на Шнобби она не действовала, потому что того природа одарила естественной липкостью и сыростью.

— Меня от них в дрожь бросает, сержант. — сказал Шнобби, показывая на королей. — Если эта рука вдруг шевельнется, я заору.

— Думай о том, что ты присутствуешь при Событии, Шнобби.

— Я всегда где-нибудь присутствую, сержант.

— Ага, но когда они начнут писать исторические книги, они… — Фред Колон замолк, задумавшись. Он должен был признать, что историки вряд ли упомянут их с Шнобби. — Ну, как бы то ни было, твоя Смуглянка будет гордиться тобой.

— Вряд ли. — печально ответил Шнобби. — Она замечательная девушка, но я подумываю, как бы

потихоньку ее отшить.

— Да не может быть!

— Боюсь, что может, сержант. Как-то раз она приготовила мне ужин. Она пыталась испечь Волнительный пудинг, какой обычно пекла моя мамаша.

Кап!

Фред Колон улыбнулся до глубины желудка. — Ах, да. Никому не удавалось так взволновать пудинг, как твой мамаше, Шнобби.

— Он был ужасен, Фред. — сказал Шнобби, повесив голову. — А ее слампи, эх, я бы не рискнул повторить опыт. Она явно не из тех девушек, что знают с какой стороны подходить к плите.

— Да, ей больше известна дорожка к шесту, Шнобби, это точно.

— Верно. И я подумал, ну вот Молотоголовая, да, никогда не знаешь, куда она смотрит, но как она готовит моллюсков… — он вздохнул.

— Ага, одна мысль о них способна согреть мужчину в промозглую ночь. — согласился Фред.

— И знаешь, она лупит меня сырой рыбой, но уже не так больно, как обычно. — продолжал Шнобби. — Я думаю, что мы начали понимать друг друга.

Кап!

— Она способна разбить омара кулаком. — заметил Колон. — Есть где применить такой талант.

— Поэтому я собираюсь поговорить с Ангуа. — сказал Шнобби. — Она могла бы дать мне пару подсказок, как помягче отшить Смуглянку.

— Вот хорошая идея, Шнобби. — сказал Фред. — Не трогайте, сэр, а то мне придется отрубить вам пальцы. — Обратился он дружелюбным тоном к дварфу, который потянулся было к доске.

— Но мы конечно же останемся друзьями, — сказал Шнобби, когда дварф отпрянул. — Пока я смогу проходить в клуб Розовая Кошчека бесплатно. И я всегда буду на месте, если ей потребуется поплакать мне в шлем.

— Вот очень современнный подход, Шнобби. — сказал Фред и улыбнулся в темноте. Все возвращалось на пути своя.

Кап!

* * *

Вечный тролль скитался по миру…

Кирпич тащился следом за Детритом, волоча свою дубинку.

Ну пришел и на его улицу праздник, энто точно! Говорят, что когда вытаешься соскочить, бывает ломка, но его всегда ломало и на энтот раз было не

так худо. Тока было странно, что он мог додумать предложение до конца, не забыв начала. А еще ему давали еду, которая оказалась вкусной, когда его наконец перестало рвать. Сержант Детрит, который все знает, сказал ему, что если он завяжет и немного поумнеет, то сможет подняться до младшего констебля и загрести кучу денег.

Кирпич не совсем понимал, что произошло. Похоже, что он не был больше в городе и они немного подрались, затем сержант Детрит показал ему каких-то мертвяков и врезал ему по голове со словами — "Помни!". Он старался запомнить, но его так часто били по голове, что этот удар был почти незаметным. Но сержант Детрит сказал, что дварфов больше не надо ненавидеть и это было классно, потому что у Кирпича было слишком мало сил, чтобы тратить их еще и на ненависть. Что они делали внизу в энтой дыре, энто старались сделать мир лучше. Так сказал сержант Детрит.

* * *

Тролли и дварфы воздвигли в Кумской долине огромный мемориал. На его стены пошли гигантские валуны, а на крышу часть поваленного бурей леса. Огромный, тридцатифутовый костер

потрескивал внутри. Вокруг него на длинных скамьях сидели, вместе со своими свитой, слугами и стражей, короли более чем сотни дварфийских шахт и предводители восьмидесяти троллийских кланов, Было шумно, дымно и от костра исходил невыносимый жар.

День удался. Им удалось достигнуть определенных договоренностей. Да, верно, дварфы и тролли держались наособицу, однако они, в то же время, не пытались убить друг друга. Это было многоообщающее улучшение. Перемирие соблюдалось.

Сидящий во главе стола король Рис откинулся на спинку своего импровизированного трона и сказал: — К королям нельзя обращаться с требованиями, к королям обращаются с просьбами, которые они благосклонно удовлетворяют. Неужели он не понимает этого?

— Не думаю, что он позволяет себе тра'ка, сэр, извините за грубость. — ответил скальт Скромняк, почтительно стоящий рядом с троном. — И старшие городские дварфы поддержат его в этом. Не мое это дело, сэр, но я бы посоветовал вам пойти на уступки.

— И это все, что он хочет? Никакого золота, серебра, никаких скидок?

— Это все, что он хочет, Ваше Величество. Но

я подозреваю, что вы в самом скором времени получите известия от лорда Ветинари.

— О, в этом можно не сомневаться! — ответил Король и вздохнул. — Мир меняется, но некоторые вещи остаются неизменными. Ээ… Это… существо, оно оставило его, так?

— Думаю, что да, Ваше Величество.

— Вы в этом не совсем уверены?

Скальт лишь слабо усмехнулся про себя. — Давайте просто скажем, что его обоснованная просьба будет удовлетворена наилучшим образом, Ваше Величество?

— Ваша точка зрения принята во внимание, скальт. Благодарю вас.

Король Рис перегнулся через два пустых сидений к Алмазному Королю и сказал. — Как вы думаете, может с ними что-нибудь случилось? Уже шесть часов!

Сияющий улыбнулся, озарив зал светом. — Я подозреваю, что их задержка вызвана делами крайней важности.

— Более важными, чем это? — сказал король дварфов.

И, поскольку есть более важные дела, в городе у дома магистрата стояла карета. Лошади нетерпеливо переступали копытами. Кучер ждал. И,

поскольку эти дела очень важны, леди Сибил, ожидающая в карете, с легкой улыбкой штопала носок.

А из открытого окна на втором этаже разносился голос Сэма Ваймса: — Он говорит "Аррррг!" — Это гиппопотам! Это не моя корова!

И, как бы то ни было, гиппопотамский рык ему вполне удался.

Конец